

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Оксамитная Д. А.** Императорский двор Екатерины II как инструмент формирования элиты государства 284
- Зайцева Н. В.** Археолого-этнографические увлечения Ф. Н. Глинки в контексте его «деятельной жизни» 291
- Славнитский Н. Р.** Ольга Александровна Шлейснер-Натансон: жизнь и революционная деятельность 298
- Варфоломеев Ю. В.** Александр Угримов – русский герой французского Сопротивления: «Я прошел по канату над пропастью...» 304
- Цыплин В. Г.** Особенности охраны войскового тыла в начальный период Великой Отечественной войны 310
- Мегем М. Е.** Советская историография средневекового литовского прошлого 318
- Конониренко В. А.** Переселенцы на постдепортационные территории Поволжья, Северного Кавказа и Крыма в 1940-е гг.: этнический облик и социальный портрет 326
- Власов А. В.** Образ союзника и практики взаимодействия с представителями союзных администраций в повседневной жизни сотрудников Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 годы 332

Всеобщая история и международные отношения

- Креленко Н. С.** «Исторические сомнения» Х. Уолпола в характеристике Ричарда III 337
- Чернова Л. Н.** Благотворительность в тюдоровском Лондоне: гендерный аспект 344
- Шестакова Н. Ф.** От Хамфри Ллуида до Йоло Моргануга: основные этапы развития антикварной традиции Уэльса в XVI – середине XIX века 353
- Трибунский П. А.** Н. В. Орлов и начало преподавания русского языка в королевском колледже Лондона 359
- Сироткина Е. В.** Образ Австрии в общественном мнении России в XIX – начале XX века 364
- Баранов А. В.** Иран и «арабская мирная инициатива» по Сирии 370
- Александров О. Б.** Взаимодействие европейских регионов и национальных государств в сфере международных отношений: неудачный пример для России? 375
- Макеева С. Б.** Современный этап истории межрегионального российско-китайского сотрудничества в условиях регионализации 382

Региональная история и краеведение

- Батиев Л. В.** Статус и функции городского головы Нахичевани-на-Дону по материалам ревизии сенатором М. Н. Жемчужниковым 388
- Лёвин С. В.** Формирование культурно-образовательной среды в годы гражданской войны в Саратовской губернии (на материалах Балашовского уезда) 394
- Гусева Я. Ю.** Взаимоотношение Советского государства и Русской Православной Церкви в начальный период Великой Отечественной войны (на материалах Саратовского Поволжья) 398
- Рыбин А. А.** Медицинское обслуживание ивановцев, костромичей и ярославцев в районах освоения целинных и залежных земель в 1954–1964 годы 405

Критика и библиография

Представляем книгу

- Степанов Ю. Г.** «Избави нас бог жить в интересные времена...» 411
- Кабытов П. С., Баринова Е. П.** Новое исследование о просветительской деятельности ученых-аграрников 416

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Батищева Татьяна Федоровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 25.09.20.
Подписано в свет 30.09.20.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,04 (17,25).
Тираж 500 экз. Заказ 69-Т.
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2020

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведения, международных отношений, источниковедения и историографии, рецензии и хронику.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями. Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора – доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков через полуторный интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем сообщений и рецензий – 10–20 тыс. знаков и до 2 рисунков и таблиц. Рецензии оформляются так же, как статьи.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова (5–10), текст статьи, благодарности и ссылки на гранты (если есть); примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях (концевых автоматических сносках) нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Oksamitnaya D. A.** The Imperial Court of Catherine the Great as an Instrument of State Elite Formation 284
- Zaytseva N. V.** Archaeological and Ethnographic Hobbies of F. N. Glinka in the Context of His «Active Life» 291
- Slavnitsky N. R.** Olga Aleksandrovna Shleisner-Natanson: Life and Revolutionary Activity 298
- Varfolomeev Yu. V.** Alexander Ugrimov – Russian Hero of the French Resistance: «I Walked on a Tightrope over an Abyss...» 304
- Tsyplin V. G.** Features of the Protection of the Military Rear in the Initial Period of the Great Patriotic War 310
- Megem M. E.** Soviet Historiography of the Medieval Lithuanian Past 318
- Kononirenko V. A.** Migrants to the Post-Deportation Territories of the Volga Region, North Caucasus and Crimea in the 1940s: Ethnic Appearance and Social Portrait 326
- Vlasov A. V.** The Image of the Ally and the Practice of Interaction with Representatives of the Union Administrations in the Daily Life of SMAG Employees in 1945–1949 332

World History and International Relations

- Krelenko N. S.** H. Walpole's "Historic Doubts" in his Characterization of Richard III 337
- Chernova L. N.** Charity in London under the Tudors: Gender Perspective 344
- Shestakova N. F.** From Humphrey Llwyd to Iolo Morganwg: Main Stages of Development of Antiquarian Tradition of Wales in the XVI – Mid XIX Century 353
- Tribunskii P. A.** N. V. Orloff and the Beginning of Teaching of the Russian Language at King's College London 359
- Sirotkina E. V.** The Image of Austria in Russian Public Opinion in the XIX – Early XX Century 364
- Baranov A. V.** Iran and the «Arab Peace Initiative» on Syria 370
- Aleksandrov O. B.** Domestic Regions and Nation-States: Cooperation or Rivalry? 375
- Makeeva S. B.** The Modern Stage of the History of Inter-Regional Russian-Chinese Cooperation in the Conditions of Regionalization 382

Regional History and Local Studies

- Batiev L. V.** Status and Functions of the Mayor of Nakhichevan-on-Don According to the Materials of the Audit by Senator M. N. Zhemchuzhnikov 388
- Lyovin S. V.** The Formation of the Cultural and Educational Environment During the Years of the Civil War in Saratov Gubernia (Based on the Materials of Balashov District) 394
- Guseva Ya. Yu.** The Relationship Between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in the Initial Period of the Great Patriotic War (on the Materials of the Saratov Volga Region) 398
- Rybin A. A.** Medical Care for Residents of Ivanovo, Kostroma and Yaroslavl Regions in Virgin Lands in 1954–1964 Years 405

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Stepanov Yu. G.** «May God Save us from Living in a Fun Time...» 411
- Kabytov P. S., Barinova E. P.** New Research about Educational Activity of Scientists-Agrarians 416

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник

(Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

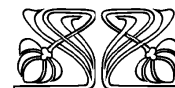
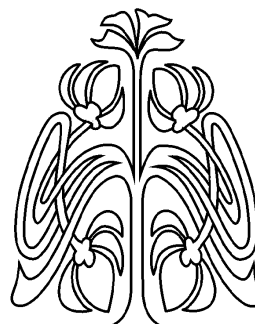
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

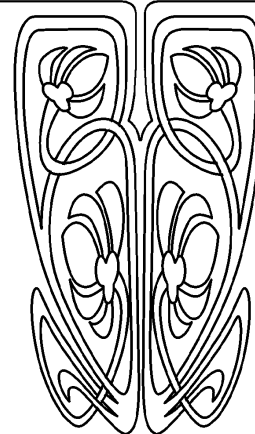
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).066

Императорский двор Екатерины II как инструмент формирования элиты государства

Д. А. Оксамитная

Оксамитная Дарья Александровна, аспирант кафедры истории России средневековья и нового времени, факультет архивного дела, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, aksamitda@gmail.com

В статье рассматривается роль императорского двора в формировании «кадрового резерва» для занятия высших государственных должностей в период правления Екатерины II. Проведен сравнительный анализ развития карьер придворных кавалеров и выпускников Пажеского корпуса с опорой на специально разработанные просопографические базы данных. Полученные результаты позволяют сформулировать вывод о влиянии фактора пожалования придворным чином на развитие карьеры дворянина и возможность участия в государственном управлении.

Ключевые слова: Екатерина II, придворные, императорский двор, XVIII век, аристократия, дворянство, просопография.

Поступила в редакцию: 13.02.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Imperial Court of Catherine the Great as an Instrument of State Elite Formation

D. A. Oksamitnaya

Daria A. Oksamitnaya, <https://orcid.org/0000-0002-9469-0959>, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow 125993, Russia, aksamitda@gmail.com

The article is devoted to the role of the imperial court in the «personnel reserve» formation for high governmental and military posts during the reign period of Catherine the Great. Comparative study of courtier's and Page Corps graduates career development was held for this research by the means of two specially created prosopographical databases. The obtained results give us an opportunity to evaluate the impact of a court rank granting on the nobles career development and on receiving an appointment to the important governmental and military posts.

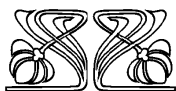
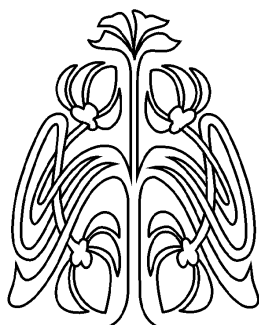
Keywords: Catherine the Great, courtiers, imperial court, XVIII century, aristocracy, nobility, prosopography.

Received: 13.02.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

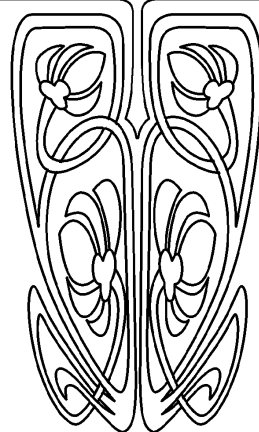
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-284-290>

Элита общества вообще и политическая в частности во многом определяла и продолжает определять лицо той или иной исторической эпохи. Изучение принципов ее формирования в различные периоды истории, механизмов рекрутирования высших государственных чиновников сохраняет свою актуальность, поскольку может дать представление о существующем историческом опыте и исторической традиции. Вопросы формирования правящей элиты на разных этапах становления Российского государства, взаимоотношений элиты и царской власти освещены в работах А. П. Павлова¹. Численность, социальный и национальный состав, тенденции развития элиты рассматриваются в статьях С. В. Черникова². Ее настроения, отношение к службе, образованию и культурному

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

развитию стали предметом исследований Е. Н. Марасиновой³. Восприятие и оценка царской власти в среде российской элиты рассматриваются в работе Т. А. Шебзуховой⁴. Данного предмета так или иначе касаются публикации биографического характера о выдающихся государственных деятелях различных исторических эпох.

В данной статье объектом исследования был выбран императорский двор Екатерины II. Составлявшие его лица не только имели возможность влияния на принятие тех или иных политических решений, но и обозначали тенденции культурной жизни общества, тем самым отвечая критериям двух наиболее распространенных подходов к определению элиты государства⁵. В исследовании предпринята попытка выделения данной группы политической элиты на основе наивысшего достигнутого классного чина и зависимости показателей по этому критерию от пожалования ко двору: всегда ли пожалование ко двору определяло дальнейший карьерный рост и участие в государственном управлении, возможно ли было получить чины высших классов, обрести влияние, не пройдя «придворной школы»? Так же поставлен и другой вопрос: могла ли совокупность придворных представлять для государыни резерв кадров для замещения высших государственных должностей, а сам двор быть местом своеобразной апробации их личных качеств?

Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, на наш взгляд, необходимо провести сравнительный анализ карьерного успеха придворных с какой-либо другой репрезентативной выборкой дворян, строивших карьеру в условиях правления императрицы, и оценить, насколько более высокое положение в среднем занимали пожалованные ко двору в чине камер-юнкера и выше лица относительно дворян, ко двору не пожалованных. Для этого использовались две вновь разработанные просопографические базы данных, содержащие сведения о двух группах приближенных ко двору, базирующиеся как на данных печатных изданий, так и на архивных документах. В частности, впервые карьера представителей обеих групп отслежена по Адрес-календарям Российской империи за 1765–1790 гг.⁶

Если попытаться выявить некоторую закономерность и генерализировать доступные исторические данные, следует выбрать критерий оценки жизненного успеха, статуса и потенциального политического влияния. Универсальным показателем для изучаемого исторического времени является классный чин. Высокий класс чина, хотя и не всегда напрямую определявший влияние и степень участия в управлении (к примеру, он мог быть пожалован при почетной отставке), тем не менее, являлся одним из критериев отнесения к элите в XVIII в. Чинопочитание играло важную роль в общественной жизни, определяло статус, престиж, было необходимым элементом всех официальных и торжественных церемоний⁷.

В качестве объекта для сравнительного анализа в данном исследовании предложена группа выпускников Пажеского корпуса и группа придворных кавалеров. Сравнивались две группы, представляющие приближенный к особе императрицы социальный слой, одна из которых обладает факторным признаком (пожалование придворным чином от камер-юнкера и выше), а другая преимущественно нет (всего 4 чел. из всех выпускников Пажеского корпуса). Предполагалось, что результаты должны быть репрезентативными, отвечающими на поставленный вопрос о влиянии фактора пожалования ко двору на развитие успешной карьеры. Бывшие пажи имели определенные преимущества на старте карьеры вследствие близости ко двору, а потому несколько уравнивались по своим «конкурентным преимуществам» с совокупностью придворных кавалеров. В то же время подавляющее большинство из них строили карьеру, не получив должности при дворе после выпуска. Поскольку из всех выпускников пажеского корпуса за период с 1760 по 1790 г. ко двору в качестве камер-юнкера был пожалован небольшой процент (2,6%), данная группа дворян может быть репрезентативным объектом сравнительного анализа на предмет влияния пожалования придворным званием от камер-юнкера и выше на карьерный успех. Из анализируемой совокупности исключены четверо пажей, пожалованных придворным званием камер-юнкера. Кроме того, следует учитывать и фактор пожалования придворным званием в качестве награды за успешную службу. Для того чтобы исключить сравнение начинающих свой карьерный путь пажей с уже состоявшимися в карьерном отношении кавалерами, из всей совокупности придворных для исследования отобраны только те персоналии, которые начали службу при дворе с чина камер-юнкера.

В исследуемые группы вошли персоналии, активное жизненное время которых пришлось на период правления Екатерины II. Временной критерий введен из следующих соображений. Выпущенные из корпуса в период с 1760 по 1790 г. пажи могли успеть себя проявить за время правления Екатерины, продвинуться по карьерной лестнице. Аналогичное предположение возможно по отношению к пожалованным ко двору. Верхней границей выбран 1790 г., поскольку после данной «отметки» вновь пожалованные придворные чаще были определяемы к «молодым» дворам, карьера их развивалась уже при преемниках Екатерины – так же, как и карьера пажей, выпущенных из корпуса в последние годы царствования императрицы. Учет результатов по высшему достигнутому чину обозначенных групп после указанного рубежа повлиял бы на итог исследования, изменив процентное соотношение чинов различных классов, что не вполне отражало бы динамику развития карьер именно в царствование Екатерины II.

*Группа выпускников пажеского корпуса
как объект для сравнительного анализа:
предпосылки для карьерного роста*

Пажеский корпус был основан 25 октября 1759 г. Именно в этот день обнародована инструкция, данная ее императорским величеством из придворной конторы гофмейстеру пажей Федору Генриху Шуди⁸. Пажи служили при дворе и до учреждения корпуса. Эта должность, появившись с оформлением императорского двора при Петре I, со временем стала необходимой для полноценного существования указанного института и придания ему блеска. Пажи участвовали в различных церемониях, сопутствующих жизни монарха: шествовали на коронациях и похоронах императора, сопровождали иностранных послов, присутствовали на парадных приемах, разослали гостям билеты и карты, ежедневно прислуживали за царским столом, выполняли иные поручения, связанные с разъездами по столице и окрестностям⁹.

В первой половине XVIII в. в пажи жаловались преимущественно дети придворных чинов и офицеров, но возможно было и пожалование лиц недворянского сословия. С указом Екатерины II от 15 ноября 1762 г. в эту категорию придворных служителей стали определять только дворян «достойных по рассмотрению»¹⁰. Если проследить происхождение по пожалованным с 1760 по 1790 г., то можно отметить, что тенденция жаловать в пажи детей офицеров и придворных чинов сохраняется.

Социальный состав воспитанников Пажеского корпуса неоднороден и значительно отличается от группы поступивших ко двору в званиях камерюнкера и камергера в тот же временной промежуток. Среди определенных пажами присутствуют как дети отставных офицеров лейб-гвардии (С. П. Порохов, П. А. Михельсон, Д. С. Кропотов), так и дети родителей более высокого воинского ранга (Г. Г. и М. Г. Спиридовы – дети адмирала Г. А. Спиридова), а также потомки сподвижников Петра I, представителей «новой аристократии» (С. А. Меншиков, М. П. Девиер, А. Р. Козенс). Встречаются и случаи явного протектирования (А. П. Кочубей, племянник А. А. Безбородко). Тем не менее, несмотря на то, что среди придворных в основном представлена родовая аристократия, включающая родственников правящей династии и тех, чьи предки состояли в думных чинах в XVI–XVII вв., факторы попадания ко двору монарха (хоть и в различном качестве) во многом совпадают. В частности, при формировании пажеского состава также проявлялись характерные для того времени патрон-клиентские отношения.

До учреждения корпуса дисциплина и образование придворных пажей оставляли желать лучшего. Кроме того, сам вопрос образования данной категории придворных служителей был поставлен только с началом царствования Елизаветы Петровны. Так продолжалось до пожалования гофмаршалом двора Карла Ефимовича Сиверса, который, решив

изменить существующее положение, пригласил в качестве гофмейстера над пажами француза Федора Генриха Шуди (или Чуди). Барон Шуди составил мемориал из 12 пунктов, отражавший более прогрессивное представление о воспитании молодых людей, базирующееся не на грубости, а на установлении доверия между воспитателем и подопечными. В последующие 20 лет при обучении пажей официально руководствовались программой академика Федора Ивановича Миллера¹¹. По мысли ученого, пажеский корпус должен стать школой подготовки дворян для исполнения высших государственных должностей, как гражданских, так и военных. Воплощению поставленной задачи во многом могла способствовать близость юных учеников ко двору; они были на виду у императрицы и, как можно предположить, должны были составить своего рода кадровый резерв. В некоторой степени данное утверждение подтверждается личным интересом Екатерины к успехам учеников. К примеру, в 1766 г. она отобрала способных пажей в возрасте 15–18 лет: Алексея Кутузова, Петра Челищева, Алексея Рубановского, Александра Римского-Корсакова, Александра Радищева и Сергея Янова для учебы в Лейпциге с целью совершенствования в науках¹². В процессе подготовки школьной реформы Екатерина поручила П. В. Завадовскому переработать и образовательную программу Пажеского корпуса. План обучения был высочайше одобрен 26 февраля и введен 5 апреля 1785 г.¹³ Императрица повелела предоставлять ей списки успевающих в каждой науке.

Обучение молодые пажи совмещали с обязательной службой при дворе Екатерины II. Определенных сроков службы на тот период времени установлено не было. Некоторые служили от пожалования в пажи до производства в офицеры 5 лет (Олсуфьев), другие много больше (например, 17 лет, как П. Г. Будаков)¹⁴. Согласно данным Г. А. Милорадовича средний срок службы в качестве пажа можно определить в 6 лет, а камер-пажа – в 4 года. Более высокого звания камер-пажа достигали не все. Возмозжно, здесь сказывались личные качества воспитанников корпуса или личное отношение монарха. В некоторых случаях пажей для своих поездок выбирала сама императрица. Например, во время поездки Екатерины в Могилев в 1780 г. с ней отправились 11 молодых людей. Личный контакт с императрицей давал возможность получить повышение или право присутствовать на тех или иных важных для двора мероприятиях.

Несмотря на такую тесную связь детства и отрочества воспитанников корпуса с жизнью двора, оставались при императрице в качестве кавалеров лишь единицы. По окончании службы в звании пажей молодые люди производились, как правило, в армейские чины от прапорщика до секунд- и премьер-майора, камер-пажи, как правило, выходили поручиками гвардии, реже – капитанами армии, а пажи – армейскими поручиками¹⁵. В ходе данного исследования группы пажей, закончивших корпус в 1760–1790 гг. выявлено, что в большинстве

случаев выпускники производились в поручики армии (46 %), поручиками гвардии стали около 29 %, капитанами армии выпущены около 10 %. Трое бывших пажей после обучения в Лейпциге назначены в Сенат протоколистами: А. Н. Радищев и О. П. Козодавлев в чине капитана, Л. М. Кутузов – титулярного советника. Случались и исключения из общей практики. Так, Вильгельм Петерсон произведен сразу в премьер-майоры армии, Василий Неелов при вступлении на престол Петра III был пожалован из пажей в полковники, а Николай Крашенинников-Журавлев – в подполковники армии.

Как уже отмечалось, довольно редко (всего 4 чел. из 155 выпущенных из пажеского корпуса с 1760 по 1790 г.)¹⁶ пажи оставались при дворе. Во всех случаях можно проследить покровительство влиятельных родственников или патронов. М. Г. Спиридов – сын адмирала Г. А. Спиридова, А. П. Кочубею покровительствовал влиятельный дядя А. А. Безбородко, он же способствовал, по некоторым данным¹⁷, получению Ф. В. Ростопчиным звания камер-юнкера. Ф. П. Балк-Полев являлся внуком военного и государственного деятеля Ф. Н. Балка и статс-дамы двора Модесты Монс, а также сыном камергера Павла Федоровича Балка-Полева и племянником камергера Петра Федоровича Балка.

Алгоритм исследования и сравнительный анализ полученных результатов

Для данного исследования были разработаны две просопографические базы: по придворным Екатерины II и выпускникам Пажеского корпуса за период 1760–1790 гг. Анализ проводился по показателю карьерного успеха, отраженного наивысшим достигнутым персоной чином. Сведения о придворных были взяты из списка, составленного Н. Е. Волковым¹⁸. Каждый из указанных в списке был проверен по адрес-календарям Российской империи за 1765–1790 гг.¹⁹ Третьим этапом стала проверка полученных данных по архивному списку двора (его первой, второй и третьей «половинам») за 1794 г.²⁰. Эта информация дополнялась сведениями из сохранившихся придворных календарей 1763–1767 гг.,²¹ придворных календарей или месяцесловов 1768–1772 гг.,²² других придворных календарей 1789 и 1790 гг.,²³ списка военным генералам со времени императора

Петра I до императрицы Екатерины II²⁴, списка двора от 1761 г.²⁵, содержащего упоминания и о более поздних назначениях, а также из прочих бумаг по придворному ведомству, в том числе именных указов²⁶.

Полученная база придворных насчитывает 144 чел. При исключении всех пожалованных ко двору с чинами выше камер-юнкера, а также пожалованных камер-юнкерами с 1760 по лето 1762 г., исследуемая совокупность сокращается до 112 чел. При сравнении данных источников возникали спорные моменты относительно последнего в карьере чина. К примеру, В. Г. Орлов был уволен от двора в 1774 г. и в списке придворных чинов указан лишь как камергер. В адрес-календарях он упомянут позднее года увольнения от двора с чином генерал-поручика. Поскольку Придворная контора, составившая список придворных чинов, могла не фиксировать карьерные вехи бывших кавалеров после их увольнения, за конечный результат в этом случае принимаются данные календаря. Так С. С. Зиновьев значится по календарям посланником при испанском дворе (1773–1794 гг.) в чине тайного советника с 1784 г., а в списке придворных за 1794 г. упомянут лишь с чином камергера. Аналогичные данные по другим посланникам отражают практику пожалования полномочных министров при иностранных дворах именно указанным чином. В этих и подобных случаях сведения адрес-календарей приняты за конечный результат.

Данные по всем предполагаемым придворным, упомянутым хотя бы в одном или двух источниках и начавших карьеру с чина камер-юнкера в заданный исследованием временной промежуток, представлены в табл. 1.

Сведения о карьерном росте и высших чинах, полученных выпускниками Пажеского корпуса, были собраны по адрес-календарям Российской империи за 1765–1790 гг.²⁷, данным электронной картотеки Российского государственного военно-исторического архива²⁸ и списку военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II²⁹ с опорой на список, опубликованный О. Р. Фрейманом³⁰. Получить достаточно достоверные сведения по большому числу исследуемых персоналий было сложнее, чем в отношении придворных кавалеров, поскольку

Таблица 1

Высшие чины, достигнутые придворными, чел.

Процентное соотношение по классам	Гражданские чины	Военные чины	Придворные чины
1 класс (0,9 %)		Генерал-фельдмаршал (1)	
2 класс (8 %)	Действительный тайный советник (8)	Генерал-аншеф (1)	
3 класс (40 %)	Тайный советник (39)	Генерал-кригскомиссар (1) Генерал-поручик (5)	
4 класс (36 %)		Генерал-майор (1)	Камергер (39)
5 класс (15,1 %)			Камер-юнкер (17)

ку в базовом списке Фреймана часто представлены только имена и фамилии, по аналогичной причине затруднен поиск в военно-историческом архиве. Личности семи человек, по которым у Фреймана даны только имя и фамилия, установлены по адрес-календарям предположительно. В список также вошли иностранцы, обладавшие редким сочетанием имени и отчества, и их личности с достаточной достоверностью по адрес-календарям установить удалось. Кроме того, еще пятеро бывших пажей не числятся в списке Фреймана, но упомянуты в материалах Г. А. Милорадовича. Высшие достигнутые ими чины установлены с помощью адрес-календарей и картотеки военно-исторического архива. Общее количество пажей с учетом данных Г. А. Милорадовича составило 157 чел. Из исследования исключен паж Дмитрий Кантемир, точного чина которого установить не удалось. Не вошли в базу данных шестеро выбывших из Пажеского корпуса молодых людей, а также четверо пажей, получивших придворные чины. Таким образом, полученный список включает 146 чел. Для тех, кто не был найден ни в календарях, ни в картотеке военно-исторического архива, высший чин оставлен тот, который упомянут у Фреймана (табл. 2).

Данные, полученные как относительно придворных Екатерины II, так и относительно выпускников Пажеского корпуса, отражены в табл. 3.

Результаты позволяют утверждать, что карьера пожалованных придворным званием 5 класса продолжала развиваться, и кавалеры добивались

более высоких чинов 1–4 класса. Выпускники Пажеского корпуса достигали аналогичных чинов 1–4 класса меньше чем в 5 % случаев и не больше чем в 11 % случаев достигали аналогичных по классу первому придворному званию камер-юнкера чинов.

Роль императорского двора в формировании элиты

Результаты исследования развития карьеры двух совокупностей представителей дворянского сословия и сравнительный анализ полученных данных позволяют ответить положительно на поставленный ранее вопрос: являлся ли придворный чин карьерным трамплином? Даже принимая во внимание неполноту информации источников и, как следствие, возможность неточных статистических результатов, можно заключить, что процентное отношение получивших чины 1–4 классов среди придворных значительно превосходит аналогичный показатель среди выпускников Пажеского корпуса. Поскольку единственным четко установленным критерием, объединяющим кавалеров достигших высоких чинов, являлся сам факт пожалования ко двору (отраженный в адрес-календарях Российской империи, не противоречащий списку Н. Е. Волкова и в большинстве случаев подтвержденный архивными источниками), правомерным представляется вывод, согласно которому именно служба при особе императрицы давала возможность более быстрого карьерного роста.

Таблица 2

Высшие чины, достигнутые выпускниками Пажеского корпуса, чел.

Процентное соотношение по классам	Военные чины	Гражданские чины
3 класс (2%)	Генерал-поручик (2)	Тайный советник (1)
4 класс (2,7%)	Генерал-майор (4)	
5 класс (10,3%)	Бригадир (10)	Статский советник (5)
6 класс (10,3 %)	Полковник (12)	Коллежский советник (3)
7 класс (18,5%)	Капитан гвардии (8) Ротмистр гвардии (4) Подполковник армии (12)	Надворный советник (3)
8 класс (17,1%)	Секунд-майор (12) Майор (4) Премьер-майор (5) Капитан-поручик гвардии (2) Секунд-ротмистр гвардии (1)	Коллежский ассессор (1)
9 класс (17,1%)	Капитан (15) Поручик гвардии (7)	Титулярный советник (3)
10 класс (22%)	Поручик (32)	

Таблица 3

Сравнительный анализ процентного распределения по классам высших достигнутых чинов придворными и выпускниками Пажеского корпуса, %

Класс	Придворные кавалеры	Выпускники Пажеского корпуса
1–4 классы	84,9 %	4,7 %
5 класс	15,1 %	10,3%

Но служил ли штат придворных кавалеров при этих результатах своеобразным «кадровым резервом» для занятия высших государственных должностей и получения не только придворных, но и высших статских и военных чинов? Опираясь на данные проведенного исследования, можно предположить, что такое утверждение небезосновательно.

Только придворная служба после пожалования придворным чином от камер-юнкера и выше отмечена примерно в 23,6% случаев, военная и гражданская – в 65,3%. Здесь и далее данные приведены по всей совокупности пожалованных ко двору за три десятилетия правления императрицы (144 чел.). В остальных случаях (11,1%) карьера развития не получила в силу различных причин от опалы до преждевременной смерти дворянина. Следует отметить, что продвижение по статской службе и занятия различных должностей в этой области превалировало по сравнению с военной (около 48,6% против 16,7%). Как отметил А. Б. Каменский, после принятия манифеста о вольности дворянства произошли значительные изменения «в сознании и системе ценностей русских дворян, еще несколько десятилетий назад считавших, что статская служба умаляет их честь и достоинство»³¹. Начинать предпочитали, тем не менее, с военной службы и переходили на статскую в чине не ниже, унтер-офицерского³². Данная тенденция выявлена и в отношении кавалеров. За редким исключением они начинали с военной службы и на различных этапах карьеры переходили на статскую. Высших военных чинов достигли лишь 5,6% всех кавалеров.

Согласно адрес-календарям большинство обладавших придворным чином служили в Сенате, в Коллегии иностранных дел и в лейб-гвардии³³. Некоторые придворные входили в Совет при императрице. Среди других мест службы значатся коллегии, комиссии, относящиеся к управлению войсками, Контора от строений. Как правило, служба в коллегиях совмещена с присутствием в Сенате.

Здесь, разумеется, следует учитывать, что придворное звание могло служить и «стартом» карьеры, и наградой за успешную службу. Под «наградой» в данном случае подразумевается пожалование за успехи на военной или статской службе, после фактической службы в гвардии. Следует отметить, что при подсчете к данной группе отнесены также дворяне, получившие первый придворный чин в возрасте старше 30 лет, если об их службе до этого момента достоверных данных обнаружить не удалось. Такое «поощрение» имело место примерно в 64 % случаев за все время, если учитывать всех пожалованных за участие в возведении Екатерины II на престол. С придворного звания начинали молодые люди преимущественно 16–25 лет, числившиеся с детства лишь на номинальной службе в гвардии. Будущие вельможи данной группы происходили из знатных семейств, их родители уже входили в государственную элиту, большей частью сформированную в начале правления императрицы из

ее сторонников. В первое из исследуемых десятилетий численный перевес на стороне пожалованных придворным званием в качестве награды, во второе десятилетие показатели уравниваются (28 как «старт» и 23 как «награда»). В третьем десятилетии перевес уже на стороне пожалования как старта карьеры (20 против 16). Таким образом, можно говорить об укреплении тенденции попадания ко двору из узкого круга высшего дворянства на протяжении трех десятилетий и, соответственно, о пожаловании придворным званием как стартовым в карьере.

Итак, в сравнении с не пожалованными ко двору выпускниками Пажеского корпуса молодые камер-юнкеры значительно больше преуспели по службе, преимущественно на статской. Бывшие пажи продвигались в основном по военной линии и обеспечивали себе каждый следующий чин, скорее армейскими успехами, чем личной милостью императрицы. Вхождение же в придворный круг по желанию государыни, возможность личного контакта с императрицей, покровительство влиятельных патронов из числа вельмож – все это при умелом лавировании среди придворных группировок позволяло быстрее удостоиться назначения на видные государственные должности с получением соответствующего чина, а значит попасть в элиту государственной власти.

Таким образом, придворные, задающие тенденции развития общества, занимали и высшие государственные должности, входили в совещательный орган при императрице, обладали определенным политическим влиянием, следовательно, соответствовали упомянутым критериям отнесения к элите государства. Кроме того, сравнительный анализ служебного пути кавалеров двора и выпускников Пажеского корпуса показал, что попадание ко двору, несомненно, давало значительный толчок карьере дворян. Пожалование придворным званием формировало определенный круг избранных лиц, близких к особе императрицы, в большинстве случаев занимавших впоследствии высокие государственные посты. Из 144 лиц, получивших придворное звание в исследуемые три десятилетия, 51 дворянин занял впоследствии высшие государственные должности (сенаторы, генерал-губернаторы, президенты коллегий, главы банков, члены Совета, высшие военные чины), что составляет 35,4% от всех пожалованных за исследуемый период. С чина камер-юнкера начинали 37 чел. из них 14 чел. начинали с более высоких придворных чинов в правление Екатерины II.

Примечания

- ¹ См.: Павлов А. П. Самодержавие и аристократия в России в XVI–XVII вв. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): материалы научно-теоретической конференции, 8–10 декабря 2003 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та (СПбГУ), 2004. С. 15–30.
- ² См.: Черников С. В. Российская элита эпохи реформ Петра Великого: состав и социальная структура // Го-

- сударство и общество в России XV – начала XX века : сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб. : Наука, 2007. С. 366–386.
- 3 См.: *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века : по материалам переписки // Новая русская книга. 2000. № 1. С. 81–83.
- 4 См.: *Шебзухова Т. А.* Царская власть глазами российской интеллектуальной элиты начала XX в. // Каспийский регион : политика, экономика, культура : научный журнал. 2018. № 2 (55). С. 162–169.
- 5 См.: *Соколова Е. Е.* К определению понятия «элита» в контексте исторической психологии // Элита России в прошлом и настоящем : социально-психологические и исторические аспекты : сб. науч. статей. М. : Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2010. С. 115–122.
- 6 См.: *Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова [1772–1804].* СПб. : Имп. Академия наук, 1769–1804.
- 7 См.: *Шенелев Л. Е.* Отмененные историей чины, звания, титулы в Российской империи. Л. : Наука, 1977. С. 15.
- 8 См.: *Аурова Н. Н.* Пажеский его императорского величества корпус : от придворного пансиона к элитарному военно-учебному заведению. М. : ИЦ Ин-та российской истории РАН, 2018. С. 55.
- 9 См.: *Хазин О. А.* Пажи, кадеты, юнкера : Исторический очерк (к 200-летию Пажеского Его Императорского Величества корпуса). Пушкино : СП «Мысль», 2002. С. 24.
- 10 См.: *Милорадович Г. А.* Материалы для истории Пажеского е. и. в. Корпуса, 1711–1875. Киев : Б. и., 1876. С. 31.
- 11 См.: *Хазин О. А.* Указ. соч. С. 32.
- 12 См.: *Милорадович Г. А.* Указ. соч. С. 32.
- 13 Там же. С. 26.
- 14 Там же. С. 11.
- 15 Там же. С. 12.
- 16 См.: *Фрейман О. Р.* Пажи за 185 лет : биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. Фридрихсгамн : Тип. Акц. о-ва, 1894–1897.
- 17 См.: *Русский биографический словарь : Романова-Рясовский. Т. 17. Пг. : Тип. Акц. О-ва «Кадима», 1918. С. 240.*
- 18 См.: *Волков Н. Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем : в 4 ч. СПб. : Печатня Р. Голике, 1900.
- 19 См.: *Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова [1772–1804].*
- 20 См.: *Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 469. Оп. 14. Д. 25–26.*
- 21 См.: *Придворный календарь на лето от Рождества Христова 1763.* СПб. : Б.и., 1763 ; *Придворный календарь на лето от Рождества Христова 1766.* СПб. : Б.и., 1766 ; *Придворный календарь на лето от Рождества Христова 1767.* СПб. : Б.и., 1767.
- 22 См.: *Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1768.* СПб. : Б.и., 1768 ; *Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1769.* СПб. : Б.и., 1769 ; *Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1770.* СПб. : Б.и., 1770 ; *Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1772.* СПб. : Б.и.
- 23 *Придворный календарь.* СПб. : Б.и., 1789 ; *Придворный календарь.* СПб. : Б.и., 1790.
- 24 См.: *Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II, выбранный по повелению Военного Министра из Архива Государственной военной коллегии 1809 года.* СПб. : Б.и., 1809.
- 25 См.: РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 7.
- 26 Там же. Оп. 1. Д. 126.
- 27 См.: *Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова [1772–1804].*
- 28 См.: *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7152. Л. 148 об.–149, 283 об.–284, 315 об.–316, 442 об.–443, 871 об.–872, 876 об.–878 ; Д. 7134. Л. 42 об. ; Ф. 490. Оп. 3. Д. 200. Л. 442 об., 657 об. ; Д. 199. Л. 126 об., 248 об. ; Д. 141. Л. 477 об.–478 ; Д. 204. Л. 238 ; Д. 208. Л. 873 об.–874 ; Д. 210. Л. 929 об. ; Д. 211. Л. 88 об. ; Ф. 118. Оп. 1. Д. 156. Л. 38 об. ; Д. 158. Л. 41 об.–42 ; Ф. 11. Оп. 6. Д. 124. Л. 14 об., 99 об., 106 об., 123 об., 154 об. ; Д. 143. Л. 18 об. ; Ф. 11. Оп. 1. Д. 119. Л. 31 ; Ф. 107. Оп. 1. Д. 172. Л. 14 об.–15.*
- 29 См.: *Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II, выбранный по повелению Военного Министра из Архива Государственной военной коллегии 1809 года.*
- 30 См.: *Фрейман О. Р.* Указ. соч.
- 31 Цит. по: *Каменский А. Б.* Российская империя в 18 в. : традиции и модернизация. М., 1999. С. 214.
- 32 См.: *Козлова А. А.* Элита российского дворянства второй половины XVIII в. и ее характеристика // Проблемы социально-политического и культурного развития России : материалы научной конференции молодых ученых «Ключевские чтения» (МПГУ, март 2006 г.) : сб. науч. трудов. М : Изд-во Моск. пед. гос. ун-та (МПГУ), 2006. С. 108–119.
- 33 См.: *Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова [1772–1804].*

Образец для цитирования:

Оксамитная Д. А. Императорский двор Екатерины II как инструмент формирования элиты государства // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 284–290. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-284-290>

Cite this article as:

Oksamitnaya D. A. The Imperial Court of Catherine the Great as an Instrument of State Elite Formation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 284–290 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-284-290>

УДК 929:78

Археолого-этнографические увлечения Ф. Н. Глинки в контексте его «деятельной жизни»

Н. В. Зайцева

Зайцева Наталья Валерьевна, учитель истории, ГБОУ г. Москвы «Школа № 402 имени Алии Молдагуловой», zajtseva2019@mail.ru

Статья посвящена археологическим и этнографическим увлечениям и изысканиям Ф. Н. Глинки, связанным с его интересом к отечественной истории, позицией просветителя и стремлением быть полезным обществу. В центре внимания автора – краеведческое путешествие Глинки 1810–1811 гг., его научно-просветительская деятельность на поприще председателя Вольного общества любителей российской словесности, фольклорно-этнографические занятия в период Петрозаводской ссылки, археологические исследования на территории Тверской Карелии, их поэтическое и научное осмысление. Археологические и этнографические изыскания Глинки рассматриваются сквозь призму его жизненных установок, которым он оставался всегда верен, – находить счастье «в жизни деятельной, на пользу общую посвящённой».

Ключевые слова: краеведческое путешествие, Вольное общество любителей российской словесности, этнографическая поэзия, руны, археология, курганы, Тверская Карелия, Бежецкий уезд

Поступила в редакцию: 09.02.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Archaeological and Ethnographic Hobbies of F. N. Glinka in the Context of His «Active Life»

N. V. Zajtseva

Natalia V. Zajtseva, <https://orcid.org/0000-0003-3386-8271>, Aliya Moldagulova School No 402, 10A Kosinski St., Moscow 111538, Russia, zajtseva2019@mail.ru

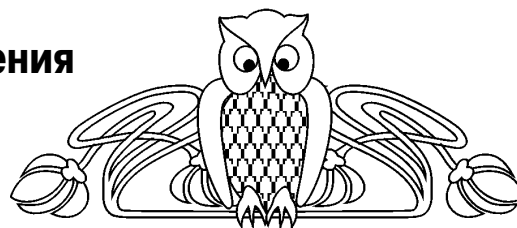
The article is devoted to F. N. Glinka's archaeological and ethnographic interests and research related to his interest in Russian history, his position as an educator, and his desire to be useful to society. The author focuses on Glinka's local history journey of 1810–1811, his scientific and educational activities as Chairman of the Free society of admirers of Russian literature, folklore and ethnographic studies during the Petrozavodsk exile, archaeological research on the territory of Tver Karelia, and their poetic and scientific interpretation. Glinka's archaeological and ethnographic research is considered in the article through the prism of his life attitudes, to which he has always remained faithful – to find happiness «in an active life, for the General benefit».

Keywords: local history trip, Free society of Russian literature admirers, Petrozavodsk, ethnographic poetry, runes, archeology, barrows, Tver Karelia, Bezhetzky uyezd.

Received: 09.02.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-291-297>

Замечательный писатель и поэт, видный общественный деятель, представитель раннего декабризма Ф. Н. Глинка был человеком универсального склада. Среди его многочисленных и разнообразных занятий этнографические и археологические увлечения и изыскания занимали важное место. Этот интерес к этнографии и археологии был у него напрямую связан с интересом к отечественной истории и истории народов, проживающих на территории России. Не получив в Первом кадетском корпусе систематических и основательных гуманитарных знаний, Глинка самостоятельно занялся гуманитарными и научными штудиями, а также практической научной деятельностью. Со временем он стал активным пропагандистом научных знаний и достижений. Его просветительские установки, характерные для декабристов, нашли свое воплощение как в специальных статьях и очерках, так и в собственно художественных произведениях.

Этнографические и археологические занятия Ф. Н. Глинки в тех или иных аспектах были объектом научного интереса исследователей его жизненного пути и творчества. А. К. Жизневский в биографическом очерке, посвященном Глинке, описал его занятия археологией в Тверской губернии¹. В. Г. Базанов в работе «Карельские поэмы Фёдора Глинки» дал не только блестящий филологический анализ этих поэм, но и обратил внимание на переводы ссыльного поэта двух рун «Калеваль» в рамках его общения с профессором Шёнгреном². В своем труде «Учёная республика» Базанов остановился на научно-просветительских штудиях Глинки в период его пребывания на посту председателя Вольного общества любителей российской словесности³. Эти же штудии вместе с кратким описанием тверских археологических изысканий Глинки стали объектом внимания В. М. Пасецкого и Е. К. Пасецкой-Креминской в книге «Декабристы-естествоиспытатели»⁴. В Карпец в большом историко-литературном очерке «Фёдор Глинка» об этнографических и археологических увлечениях поэта говорит лишь вскользь, отмечая, например, что по поэме «Карелия» «можно, словно по учебнику краеведения, изучать природу Олонецкого края, быт, нравы и предания карелов и русских поселенцев»⁵, но не останавливаясь при этом на особенностях «Карелии», как и близкой к ней «Деве карельских веков», которые могли бы подтвердить и проиллюстрировать это утверждение. Такая фрагментарность в освещении деятельности Глинки-археолога и этнографа понятна, так

как в глазах исследователей он, в первую очередь, декабрист и поэт.

Между тем увлеченность Глинки археологией и этнографией вкупе с историей и поэзией, политической и общественной деятельностью складывалась в своего рода жизнестроительную программу, которой он руководствовался на протяжении своего долгого жизненного пути. Цель статьи – рассмотреть этнографо-археологические увлечения Глинки как органическую часть его жизнестроительной программы.

В 1818 г. Глинка на пике своей литературной славы и военной карьеры, обласканный судьбой в лице всемогущего военного губернатора М. А. Милорадовича, написал «Рассуждение о необходимости деятельной жизни, учёных упражнений и чтения книг», где он сравнил человека с «путником, поспешающим сквозь все препятствия к цели». Жизнь человека, «жизнь существа разумного, – писал Глинка, – есть непрерывная деятельность. <...> Человек, как член общества, конечно, нигде не найдет счастья, если не умел найти его в жизни деятельной, на пользу общую посвящённой. – Жизнь и деятельность столь же тесно соединены между собою, как пламя и свет. Что пылает, то, верно, светит, что живёт, то, конечно, действует»⁶. В этих словах сформулирована жизненная позиция Глинки.

Уже в «Письмах русского офицера», сделавших имя начинающего писателя Федора Глинки известным всей читающей России, он не только изобразил «военные происшествия» трех масштабных военных кампаний (1805–1806 гг., Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813–1815 гг.), но и дал описание «нравов и обычаев народов». В этом отношении особенно интересно второе издание «Писем» (1815 г.), куда он включил свои «мысли, замечания и рассуждения», связанные с его обширным краеведческим путешествием 1810–1811 гг. по России. Глинка, находившийся на то время в отставке, осуществил несколько поездок по Смоленской и Тверской губерниям, посетил Москву, Киев и Черниговщину, совершил плавание по Волге. Столь пристальное внимание к жизни россиян у него было связано с впечатлениями 1805 г., когда он, молодой офицер, вместе с русскими войсками прошел через Польшу, Австрию и Германию, жадно и пристально глядя в жизнь народов этих стран, сравнивая ее с жизнью народов России.

«В письме к другу», предваряющему описание поездок Глинки по России, он так сформулировал свою цель: «Во время краткой и обманчивой тишины, которую наслаждались мы с 1807 по 1812 год, предпринимал я, по разным обстоятельствам, поездки в разные места, не оставляя привычки бросать на бумагу мысли и замечания свои. Путешествуя в отечестве нашем, нельзя наполнить листов записной книжки описанием картин, мраморных изваяний и прочих произведений художеств, но можно описывать картины нашей природы... а всего, как мне кажется, важнее узнавать и описывать нравы своего народа. Путешествие есть

единственное к тому средство. Я старался рассматривать людей в их различных состояниях: гостил в палатах и жил в хижинах. Но там и тут главной целью моею было наблюдение нравов, обычаев, коренных добродетелей и наносных пороков»⁷.

Глинку волнуют проблемы национального самосознания, позволяющего одним народам и «в рассеянии» иметь общее «народное бытие» (евреи), а другим – цыганам – не иметь «и тени народного бытия». Он рассуждает о значении фольклора в жизни народов, называя народные песни «словесными летописями», «отголосками древних событий»⁸. Его внимание особенно привлекают «русские самородки», чья жизнь и деяния он стремится подробно описать, черпая свои сведения «из вернейших источников, ... никому доселе неизвестных». Его задача – опровергнуть «клеветы иноземцев» и доказать, что «русские точно ко всему способны»⁹. Волосков, Свешников, Демьянов, Маслов и многие другие – все они, «самородные дарования», представители народных низов, по глубокому убеждению Глинки, должны быть известны России. Так, в главе «Ржев» он подробно рассказывает о Максиме Егоровиче Немилове, «остроумном художнике-самоучке», «мастере золотых дел, слесаре, столяре, живописце и механике», изобретателе. Умея делать практически все – от строительства мельниц, плотин и самоходной тележки до часов и галантерейных мелочей, Немиллов «принадлежит к числу самых недостаточных художников», так как по-русски бескорыстен и делает почти все «безденежно или за самую малую плату». Глинка стремится привлечь к нему внимание какого-нибудь мецената-покровителя, ведь такие люди, как Немиллов, по его глубокому убеждению, «будучи одобрены и поддержаны, конечно, принесли бы немалую славу и пользу Отечеству»¹⁰.

Одна из самых больших глав путешествия «русского офицера в отставке» полностью посвящена другому «отличнейшему мужу Отечества нашего» – тверскому «крестьянину-философу» Ивану Евстафьевичу Свешникову, полиглоту и знатоку математики, увлекавшемуся, помимо прочего, античной историей и французской просветительской философией. Он прибыл в Петербург «в 1764 году, в весеннее время на барках с хлебом». И. И. Шувалов познакомился с ним на книжных развалах у «Щукина двора» и, восхищенный ученостью крестьянина, ввел его в круг знатных особ. Знания Свешникова были столь глубоки и обширны, что Шувалов предложил ему «выгодное место в Московском университете», а княгиня Е. Р. Дашкова – «почетное место» в Академии наук. «Потёмкин, всегда любивший окружать себя умными людьми, предлагал, в свою очередь, чины и почести Свешникову, с условием, чтобы он навсегда при нём остался». От всех этих «лестных предложений» Свешников отказался, сохраняя «всегда в нравах своих совершенную простоту»¹¹.

Накопленные Глинкой впечатления в период его краеведческого путешествия привели его к мысли о необходимости сбора, описания и изуче-

ния материалов, касающихся истории, культуры и быта русского народа. Война 1812 г. и заграничные походы русской армии, в которых вернувшийся на военную службу Глинка принимал участие, окончательно укрепили его в этих намерениях.

В феврале 1816 г. Ф. Н. Глинка перевели в чине штабс-капитана в лейб-гвардии Измайловский полк «с назначением состоять при гвардейском штабе», располагавшемся на тот момент в Петербурге. В этом году он становится членом Союза Спасения, в планы которого входит проведение обширной деятельности на поприще «правосудия», «общественного хозяйства», а также «распространение знаний», касающихся «наук и художеств». В декабре 1816 г. Глинка был избран действительным членом Вольного общества любителей российской словесности, находящегося под непосредственным влиянием «Союза Спасения», а затем «Союза Благоденствия». С 1818 г. он становится фактическим руководителем Вольного общества, а в 1819 г. официально избирается его председателем (на этом посту он пробыл по 1825 г. включительно).

В Вольном обществе Глинка развил кипучую деятельность, привлекая в его состав людей, не только проявивших таланты в сфере наук и «художеств», но и способных к просветительской деятельности. Планы Глинки и его сотоварищей обширны. Уже в марте 1817 г. планируется написание и издание «Российской энциклопедии», «Жизнеописаний многих великих людей отечества» («Словарь великих мужей России»), «Иконологического словаря с изображениями»¹². Глинка мечтает, объединившись с другими писателями, такими же, как и он, «любителями отечественной славы», написать обширное повествование-«путешествие» в глубь российской истории наподобие «Путешествия Анахарсиса по Греции» французского археолога и лингвиста XVIII в. Жан-Жака Бартеlemi. Главными источниками исторического путешествия нового «славяно-русского Анахарсиса» в глубь веков должны стать «древнейшие русские летописи, рассеянные по разным рукам, любопытнейшие грамоты и записи, погребённые в архивах древних городов и монастырей, старинные народные предания, песни и стихотворения русские»¹³. Глинка с энтузиазмом восклицает: «Подвиг трудный, но блистательный!.. Тогда увидим мы в сей любопытнейшей книге, как в очарованном зеркале, гражданские законы, воинское искусство, нравы, обычаи, одежду людей и слог – одежду мыслей их: всё в совершенном приличии месту, случаю и времени. Тогда, конечно, разыграет дух юного россиянина при воззрении на великие доблести и воинскую славу предков»¹⁴.

Всем этим намерениям не суждено было осуществиться. Тем не менее на заседаниях Вольного общества (с 1820 г. его участники стали называть общество Ученой республикой, а председателя переименовали в президента), помимо чтения авторами своих литературных произведений, регулярно заслушивались доклады естественнонаучного характера. Среди них – обширный исто-

рический трактат Я. В. Орлова «Дух российских государей Рюрика дома», краеведческие очерки Е. Ковалевского «Поездка к Уральским горам», И. Боровкова «Путешествие к водопаду Кивач», А. Боровкова «Поездка на Илецкую защиту», графа Д. И. Хвостова «Путешествие к реке Паше». Сам Глинка выступил инициатором создания при Вольном обществе библиотеки и минералогического кабинета. Исследователи отмечают, что только за 1820–1824 гг., «судя по далеко не полностью сохранившимся журналам Ученой республики, на её заседаниях ... было прочитано и обсуждено более 200 естественнонаучных и историко-географических работ». Работы, которые не рассматривались на заседаниях Вольного общества, публиковались в его журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», который открывался рубрикой «Наука», где печатались в первую очередь этнографические, географические и археологические материалы и изыскания¹⁵.

В 1826 г., проходя по делу декабристов, отставленный от военной службы Ф. Н. Глинка был вынужден уехать в Олонецкую губернию. Формально это можно было счесть переводом по гражданской службе в Петрозаводск, но фактически это была безвыездная ссылка под надзор полиции. Петрозаводск по тем временам был маленьким заштатным городком с населением немногим более 5 тыс. чел., подавляющее большинство которых составляли мастерамые Александровского «казённого» пушечного завода, далее шли губернские и заводские чиновники, военные батальонного гарнизона, мещане, купечество и местное духовенство.

Энергичный и деятельный Глинка, до сего времени в течение 10 лет находившийся в самом центре культурной жизни России, очень тяжело переживал свое пребывание в Петрозаводске. Несмотря на видный пост, который он занимал в Олонецком губернском управлении (будучи старшим советником, он был третьим по значению чиновником-управленцем после губернатора и вице-губернатора), вся его служба сводилась к чтению, составлению и подписанию разного рода канцелярских бумаг. От тоски и нравственных страданий его спасала поэзия и увлеченность исследованием карельского края. Причем увлечение Карелией принимало у Глинки художественно-поэтическое осмысление, выливаясь в своеобразные формы «этнографической» поэзии.

Среди таких этнографически-поэтических текстов следует отметить пейзажное стихотворение «Вздох» (1826) и две «описательные» поэмы «Дева Карельских лесов» (1828) и «Карелия» (1828–1830). В них этнографический элемент, который романтики тогда называли «местным колоритом» (от фр. *couleur local*), столь силен, что эти произведения потребовали развёрнутых авторских комментариев («примечаний»). Для читателей того времени данный прием, правда, был не нов. Подобный способ комментирования

текста в виде отсылочных примечаний ввел еще Дж. Байрон в своих экзотических «Восточных поэмах», потом этот прием подхватил и использовал А. С. Пушкин в «Южных поэмах», а вслед за ним его стали применять и другие русские романтики. Однако примечания Ф. Н. Глинки качественно отличаются от комментариев поэтов-романтиков, ставивших перед собой задачи объяснить читателю, в первую очередь, семантическое наполнение экзотизмов, широко используемых в их текстах для придания того самого «местного колорита». У Глинки же почти каждое примечание имеет развернутый вид и потенциально содержит зерно научно-исследовательской статьи. Некоторые из примечаний представляют вполне завершённые этнографические заметки, имеющие минимальное отношение к самому сюжету произведения, но часто представляющие собой личные изыскания и наблюдения автора.

Эти комментарии включают в себя «анекдоты» (анекдот здесь – это рассказ о реальном происшествии, оставшемся в народной памяти иногда в виде байки, например, примечание № 2 к «Деве карельских лесов»), наблюдения над флорой и фауной Карелии (особенности воспроизведения карельских лесов, миграция птиц, виды местных рыб и их добыча), природными явлениями (белые ночи, северное сияние), рельефом и геологическим строением края. Примечания Глинки содержат его антропологические наблюдения, например, в 8-м комментарии к «Деве карельских лесов» он пишет, что «приметная желтоватость есть общий оттенок лица здешних жителей»¹⁶, а в 12-м комментарии к «Карелии» отмечает «особенный, холодный рассудительный ум и сократическое чело (как его видим на бюстах Сократа)», характерные для жителей Олонецкой губернии¹⁷. Комментарии Глинки содержат статистические данные, подробные сведения о поселении колонистов на берегах Онеги, обзор социальной стратификации местного населения, рассказы о полезных ископаемых Карелии, особенностях их добычи и переработки. Комментарии включают фрагменты местных мифов, преданий, верований и исторических очерков об основании городов и монастырей Олонецкой губернии. Здесь же Глинка старается разъяснить читателям смысл и значение местных выражений и слов (урки, наволок, сойма, шелойник, луды, боровые дороги и др.). Примечательно, что свои этнографические поэмы Глинка пишет на фоне сбора материалов для составления им статистического описания Олонецкой губернии. Об этом он сообщает в письме к своему другу, секретарю Вольного общества А. А. Никитину. К этому письму он приложил поэму «Дева Карельских лесов», которая должна познакомить Никитина «отчасти с пиитической стороною сил лесистых пустынь, на пространстве которых починют огромные озера, почти можно сказать – пресные моря...»¹⁸.

Своей «Карелии» Глинка не случайно дал подзаголовок «описательное стихотворение». В

этой небольшой поэме присутствуют несколько сюжетных линий: повествование о Марфе Ивановне Романовой, сосланной по велению Бориса Годунова в Толвуйский погост; история крестьянина Никанора, помогающего матери будущего царя; рассказ о трагической любви монаха-грека к турчанке Лейле, его скитания, духовные речи и видения. Между тем фольклорно-этнографические подробности, состоящие из развернутых описаний Карелии, уклада, быта и мифологии местных крестьян, в поэме Глинки оказались не только самостоятельным, но и главным элементом всего повествования. Фактически именно эти фольклорно-этнографические фрагменты «Карелии» в конечном счете стали для читателя новостью и вызвали большой интерес. Это очень тонко выразил А. С. Пушкин в своей статье-рецензии о «Карелии», написанной для «Литературной газеты». Назвав Глинку среди русских поэтов «самым оригинальным», Пушкин вместо развернутого критического разбора поэмы, предпочёл выписать из неё несколько наиболее ярких строф, чтобы заинтересовать ими читателей. И что характерно – все эти многочисленные строфы, приведенные Пушкиным для «подкрепления сего мнения», носят сугубо описательный характер и касаются исключительно фольклорно-этнографических и географических характеристик «Карелии»¹⁹.

Другая увлеченность Глинки – фольклориста и этнографа – касается карело-финского эпоса и старинного финского письма – рун. Важную роль в этом увлечении сыграла встреча Глинки с профессором А. М. Шёгреном, академиком Российской академии наук, лингвистом, историком и этнографом, знатоком языков финно-угорской группы. В 1824–1829 гг. он предпринял длительное путешествие «для исследования обитающих в России народов финского племени». С 29 ноября по 23 декабря 1826 г. Шёгрэн находился в Петрозаводске, где познакомился с Глинкой²⁰. Под влиянием и при содействии профессора Шёгрена Глинка занялся переводом на русский язык отдельных рун «Калевалы». Так появляются стихотворения «Вейнамена и Юковайна» и «Рождение арфы», соответствующие, по наблюдениям Базанова, 3-й и 41-й рунам «Калевалы». По поводу происхождения первого стихотворения Глинка в примечании к нему сообщает: «Сей образчик финской поэзии с соблюдением аллитерации, т. е. повторения одной и той же буквы в каждом стихе, из книги «Ueber die Finnische Sprache und ihre Literatur». Экземпляр сей книги получил я от самого сочинителя г-на Шёгрена, который был здесь (в городе Петрозаводске) в исходе прошлого года»²¹.

«Рождение арфы» начинается с уведомления автора о том, что это «древнее финское стихотворение, написанное размером подлинника с изустного перевода проф. Шёгрена»²² (в переводе Глинки народный финский щипковый струнный инструмент кантеле заменен более понятной русскому читателю арфой), а в примечании к стихотворе-

нию Глинка пишет: «Известный проф. Шёгрэн два раза проходил скалистую Финляндию и олонечкие леса с целью исследования языка финских племён. По зимам заходил он отогреваться в Петрозаводск и словесно переводил мне некоторые из древних финских стихотворений, имеющих свой особенный размер, без рифм, но звучный и приятный»²³. По наблюдениям Базанова, Глинка стал первым переводчиком рун «Калевалы» на русский язык.

В январе 1830 г. после многочисленных личных ходатайств и хлопот друзей и знакомых, среди которых были В. А. Жуковский, А. Ф. Воейков, Н. И. Гнедич и даже сам А. Х. Бенкендорф, Ф. Н. Глинка был переведён по службе в Тверь. Спустя год он женился на А. П. Голенищевой-Кутузовой, а в 1834 г. вышел в отставку. К этому времени его здоровье, и без того достаточно слабое, расстроилось окончательно. По совету врача летом 1835 г. Глинка уехал в родовое имение жены – село Кузнецово Бежецкого уезда Тверской губернии, чтобы там как можно больше ходить пешком и дышать целебными испарениями сосен и можжевельных кустарников.

Первое, на что обратил внимание пытливый Глинка во время своих длительных прогулок, – это были следы древнего моря с окаменелыми останками его обитателей. Ближе к осени, когда прошла жатва, взору Глинки на полях предстали «какие-то пятна», заставленные камнями. Эти «пятна» оказались основаниями («поддоньями») древних курганов. По поручению Русского географического общества им были раскопаны несколько курганов близ села Михайловское-Прудово. Однако, как сообщает биограф Глинки А. К. Жизневский, «раскопки Фёдором Николаевичем курганов дали отрицательные результаты. Кроме угольев ничего не найдено. Во время таких разысканий им обнаружен загадочный памятник – большая каменная глыба с высеченным на нём изображением прямоугольников и слова “Степан”». Обнаружил Глинка и другие камни, заинтересовавшие его странными формами или испещрённые какими-то непонятными значками. «Всё это, – пишет Жизневский, – при поэтическом, преобладающем всегда в Фёдоре Николаевиче настроении послужило основанием к составлению им предположений, что в означенной местности... существовал какой-то древний “гард” скандинавов или великий град Славян, или поселения Бог весть какого народа»²⁴.

Обо всех своих бежецких открытиях Глинка поспешил сообщить историку и этнографу П. И. Кёппену, которому в конце 1835 г. послал несколько писем, сопроводив археологические описания своих находок рисунками курганов, найденных камней, а также значков и надписей, обнаруженных им на камнях. Увлеченный археологическими изысканиями, Кёппен пришел в восторг и опубликовал работу «О древностях в Тверской Карелии». В ее основу были положены «извлечения из писем Ф. Н. Глинки», его рисунки. К ним он присовокупил собственные

примечания²⁵. Статья была замечена научным сообществом и перепечатана в других изданиях.

В 1837 г. в «Русском историческом сборнике», издаваемом «Императорским Обществом истории и древностей российских», Глинка опубликовал большую статью «Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии в Бежецком уезде»²⁶. Инициатором издания «Сборника» был М. П. Погодин, новый секретарь Общества. Он же определял тематику выпусков и отбирал материалы для публикаций, в которые входили «рассуждения, прочитанные в собраниях (Общества – Н. З.), и документы, известия, доставляемые членами»²⁷.

В этой статье Глинка подробно описал месторасположение изученных им курганов, а также результаты своих раскопок. Особое внимание он уделил найденным им камням, каждый из которых им был тщательно охарактеризован. Глинка также обратился с тремя предложениями к «Обществу Истории и древностей российских», где призвал: 1) установить «свои сношения» с представителями официальной власти на местах, а также с «любителями наук и древностей» на предмет доставления Обществу всякого рода описаний «со включением в них и народных преданий, рисунков, снимков, чертежей... старинных земляных насыпей, курганов» и т.д., то есть всего, «что может обличать быты стародавние»; 2) «развить и передать от себя кому следует мысль о заведении местных музеев или хранилищ древностей»; 3) «поручить своим членам-корреспондентам и просить г.г. губернаторов о поручении губернским и уездным землемерам доставлять в Общество названия пустошей, урочищ оврагов и ручьёв»²⁸.

Статья Глинки вызвала большой интерес у Погодина. Поставив ее первой в очередном выпуске Сборника (тем самым подчеркнув значимость публикации), он решил лично увидеть описанные Глинкой камни и курганы, за которыми ему, как пишет его биограф Н. Барсуков, «беспрестанно чудились то поселения наших беспокойных норманов, то геродотовские гробницы скифских царей, то становище асов, алан на пути их от Чёрного моря до знаменитого Асгарда, к полуострову – Скандинавскому»²⁹. Летом того же года Погодин поехал в село Кузнецово, где осмотрел курганы, камни и пришел к выводу о том, что Глинка дал их верное описание. Погодин отметил большое количество курганов «в этой глуши» и подчеркнул необходимость их картографирования и каталогизации. «Чтоб сделать какую-либо догадку об этих иероглифах Истории, подать о них какое-либо мнение, – отметил Погодин, – непременно должно осмотреть всю Россию в этом отношении, и перенести эти рассыпанные повсеместно насыпи на карту. <...> Вся здешняя страна очень важна для естественной истории и геологии»³⁰.

Из числа многочисленных камней, описанных и зарисованных Глинкой, особое внимание ученых привлекли два камня. Это камень с вы-

сеченным на нем кириллическими и греческими буквами именем «Степан» и изображениями вставленных один в другой трех прямоугольных четырехугольников. Ф. И. Круг, Финн Магнусен, А. М. Шёгрэн и П. И. Кёппен обратили внимание на сходство этих изображений с аналогичными квадратными насечками, нанесенными на камень, найденный в Изборске, который ученые сочли надгробьем легендарного Трувора. Из чего был сделан вывод, что камень с именем «Степан» был положен на могиле некоего Степана, убитого на поединке (три заключенных друг в друга четырехугольника являются, по мнению ученых, пиктограммой поединка).

Финн Магнусен, исландский историк и археолог, на другом камне, описанном и зарисованном Глинкой, обнаружил «двойные руны» (*doppelte Runnen*) и расшифровал их как «Иварови (или Ингварови, или Игореви) взят, т. е. поставлен, воздвигнут Игорю». Ученый предположил, что этот камень связан со знаменитым шведским полководцем, которому посвящена «особая сага». Этот воин неоднократно в своих походах заходил в самую глубь Руси, за что получил прозвище «Ингварь – далеко странствующий». В одном из таких походов он умер «от лютой болезни» и был похоронен вдали от родины³¹.

Несмотря на то, что ученые рассуждения о загадочных рисунках на камнях, найденных Глинкой, остались в области предположений и гипотез, они нашли свое отражение в научных трудах. Это «Древняя русская история до монгольского ига» М. П. Погодина (1872, т. 3), работа Шёгрена «О сочинении Финна Магнусена о руническом письме» (на нем. яз., 1842), «История русской словесности» С. П. Шевырёва (1846, лекция 3).

Археологические находки в Тверской Карелии побудили Глинку к их поэтическому осмыслению, тем более что поэзия расковывала его воображение, давая возможность выдвигать самые смелые предположения о тех «древнейших народах», что оставили материальные следы своего пребывания на Тверской земле. В 1850 г. Глинка публикует в журнале Погодина «Московитянин» пространное стихотворение-послание «К древним курганам и насыпям в Тверской Карелии». Для него он выбирает форму безрифменного гекзаметра, русской имитации античного стиха, на котором осуществлялись переводы «Илиады» и «Одиссеи» Н. И. Гнедичем и В. А. Жуковским. «Гекзаметра священные напевы», таким образом, включали стихотворение Глинки в поэтически интерпретированную историческую традицию, связанную с описанием и воссозданием древней архаики. «Античное эхо» стихотворного размера «К древним курганам...» также пробуждало в сознании тех, кто был вместе с Глинкой причастен к работе Вольного общества любителей российской словесности, воспоминания о планах написания путешествия в глубь веков «славяно-русского Анахарсиса». Стихотворение Глинки отчасти

выполняло эту функцию. Оно предоставляло возможность кинуть взгляд в далекое прошлое России и в вольной поэтической манере в виде вопросов выдвинуть исторические гипотезы:

Когда же?

Кто письма те писал? Кто разумел их значенья? –
Сын ли Одена свои нам оставил заветные руны?
Индии ль племя, идя из отчизны лотоса на север,
Вдох, иль молитву, иль мысль начертало на камнях
пустынных? <...>

Помните ль, помните ль вы, безыменные холмы
ту бурю?..

Прежде ль насыпаны вы или после разгрома –
кто знает!..

Брама ль, Юмайла, Перун миром тогда управляли?
В них ли вера была шедших с Востока на Север
В дробных, долблёных ладьях, древности

давней народов,
Некой таинственной силой к цели безвестной
влекомых!..

Тех ли кумиры богов, по полям сим в отломках
мы видим?

и т. п.³²

Дабы подчеркнуть документально-исторические основания своего стихотворения, Глинка сопровождает его развернутым «Примечанием», в котором сообщает точное местоположение курганов и «следов быта», ссылаясь на брошюру Кёппена, где приведены фрагменты его писем, на свою статью в «Русском историческом сборнике» и на расшифровку учеными надписей на найденных им камнях. В «Примечание» Глинка добавил свои размышления по поводу огромных «подземных дубов», которые находят на глубине более четырех метров («шесть аршин») по берегам р. Медведицы. «У меня есть пластинки этих подземных дубов, употребляемых местными жителями на разные поделки, – пишет Глинка, – Тверская губерния почти сплошь покрыта теперь одним только красным лесом (сосновым лесом – Н. З.): когда же росли в ней дубы, и такие ещё огромные?! – В тех же берегах находят и зубы мамонта, может быть, современника былых дубовых рощей»³³.

Деятельность Ф. Н. Глинки на поприще археологических изысканий была по достоинству оценена Московским археологическим обществом – в 1869 г. он был избран его действительным членом. В том же году Глинка принял участие в Первом археологическом съезде, состоявшемся по инициативе председателя Московского археологического общества графа А. С. Уварова.

Итак, Ф. Н. Глинка на протяжении всей своей жизни, проходя через многочисленные взлеты и падения, жестокие испытания судьбы, всегда оставался верен своему жизненному кредо – находить счастье «в жизни деятельной, на пользу общую посвящённой». Любительский интерес к этнографии и археологии органично сплелся у него с литературным творчеством и занятиями историей, проявился в его общественной инициативности. Поэтическая увлеченность Глинки курганами Тверской Карелии способствовала появлению профессионального

интереса к этой проблеме и региону со стороны ученых. С. А. Уваров на одном из заседаний Археологического общества, в преддверии Второго Археологического съезда, выразил пожелание об исследовании курганов Тверской Карелии, «описанных лишь в известной статье Ф. Н. Глинки»³⁴. Этот призыв был услышан. В 1879 г. профессор Московского университета А. П. Богданов по результатам своих раскопок опубликовал большую статью «Доисторические тверитяне по курганным раскопкам»³⁵. В 1884 г. вышла в свет статья «О Курганах и городищах в Тверской губернии» тверского археолога, краеведа В. А. Плетнёва³⁶, а в 1903 г. он издал обширный труд «Об остатках древности и старины в Тверской губернии»³⁷.

Ф. Н. Глинка не только выступал с идеей организации на местах краеведческих и археологических музеев, но и сам был одним из инициаторов создания Тверского музея (целенаправленный сбор экспонатов для будущего музея был начат в 1864 г., торжественное его открытие состоялось 9 августа 1866 г.). Особенно горячее участие Глинка принял в организации археологического и естественного отделений. Он передал в Тверской музей два камня – с именем «Степан» и знаками, принятыми за двойные руны, постоянно вносил денежные пожертвования на текущие расходы. В знак уважения и благодарности в 1872 г. в Тверском музее появились портреты Ф. Н. Глинки и князя П. Р. Багратиона, тверского губернатора, «положившего основание» этому музею.

Примечания

- 1 См.: *Жизневский А. К.* Федор Николаевич Глинка. Тверь : Твер. губ. правление, 1890. С. 19–31.
- 2 См.: *Базанов В.* Карельские поэмы Фёдора Глинки. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1945. С. 101–107.
- 3 См.: *Базанов В. Г.* Ученая республика. М. ; Л. : Наука, 1964.
- 4 См.: *Пасецкий В. М., Пасецкая-Кремнинская Е. К.* Декабристы-естествоиспытатели. М. : Наука, 1989 URL: <https://www.litmir.me/br/?b=222595&p=1> (дата обращения: 5.02.2020).
- 5 См.: *Карпец В.* Фёдор Глинка. М. : Молодая гвардия, 1983. С. 71.
- 6 *Глинка Ф. Н.* Письма к другу / сост., вступ. ст. и коммент. В. П. Зверева. М. : Современник, 1990. С. 353.
- 7 Там же. С. 22–23.
- 8 Там же. С. 35.
- 9 Там же. С. 28.
- 10 Там же. С. 60–61.
- 11 Там же. С. 122–128.
- 12 *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 90.
- 13 *Глинка Ф. Н.* Письма к другу. С. 226.
- 14 Там же. С. 229.
- 15 См.: *Пасецкий В. М., Пасецкая-Кремнинская Е. К.* Указ. соч.
- 16 *Глинка Ф. Н.* Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1957. С. 341.
- 17 Там же. С. 399.
- 18 Там же. С. 296.
- 19 *Пушкин А. С.* Собрание сочинений : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1962. Т. 6. С. 53.
- 20 См.: *Паиков А. М.* Карело-финский эпос и Ф. Глинка (Новые материалы) // Север. 1987. № 7. С. 98.
- 21 *Глинка Ф. Н.* Избранные произведения. С. 264.
- 22 Там же. С. 470.
- 23 Там же. С. 262.
- 24 *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 20.
- 25 См.: О древностях в Тверской Карелии. Извлечение из писем Ф. Н. Глинки к П. И. Кёппену (из 3-й книжки Журнала Министерства Внутренних Дел 1836 года). СПб. : Типография Медицинского департамента МВД, 1936.
- 26 *Глинка Ф. Н.* Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии в Бежецком уезде // Русский исторический сборник. М., 1837. Т. 1, кн. 2. С. 3–29.
- 27 *Барсуков Н.* Жизнь и труды Погодина : в 22 кн. СПб. : Типография Стасюлевича, 1892. Кн. 5. С. 62–63.
- 28 Цит. по: *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 24–25.
- 29 *Барсуков Н.* Указ. соч. С. 81.
- 30 Там же. С. 82–83.
- 31 Цит. по: *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 22–23.
- 32 *Глинка Ф. Н.* К древним курганам и насыпям в Тверской Карелии // Москвитянин. 1850. № 8. Ч. 2, кн. 2. С. 291–292.
- 33 Там же. С. 294.
- 34 См.: *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 26.
- 35 *Богданов А. П.* Доисторические тверитяне по курганным раскопкам : из протоколов Антропологической выставки 1879 г. М. : Типография М. Н. Лаврова и К., 1879.
- 36 *Плетнёв В.* О курганах и городищах в Тверской губернии // Тверские губернские ведомости. 1884. 21 апр.
- 37 *Плетнёв В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии (с приложением археологической карты). Тверь : Типография губернского правления, 1903.

Образец для цитирования:

Зайцева Н. В. Археолого-этнографические увлечения Ф. Н. Глинки в контексте его «деятельной жизни» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 291–297. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-291-297>

Cite this article as:

Zaytseva N. V. Archaeological and Ethnographic Hobbies of F. N. Glinka in the Context of His «Active Life». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 291–297 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-291-297>

УДК 97(470.11).082(091)

Ольга Александровна Шлейснер-Натансон: жизнь и революционная деятельность

Н. Р. Славнитский

Славнитский Николай Равильевич, кандидат исторических наук, архивариус, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, slavnitski@bk.ru

Работа посвящена жизни и деятельности Ольги Александровны Шлейснер – дочери отставного офицера, помещика Орловской губернии, которая стала участницей одного из народнических кружков, а затем женой М. А. Натансона. Она сыграла весьма важную роль при формировании первых организаций народников, при этом большую часть жизни провела под надзором полиции и в заключении. Для написания ее биографии использованы документальные материалы министерства внутренних дел и министерства юстиции. Рассматриваются перипетии жизни О. А. Шлейснер в ссылке с мужем, а также их совместная деятельность по формированию партии «Земля и Воля», их арестов и пребывания в заключении. Отдельное внимание уделено также членам семьи Ольги Александровны – ее отцу, братьям и сестре, которые всю ее короткую жизнь находились рядом с ней.

Ключевые слова: революционное народничество 1870-х гг., «кружок чайковцев», «Земля и Воля», Петропавловская крепость, М. А. Натансон, О. А. Натансон.

Поступила в редакцию: 14.12.2019 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

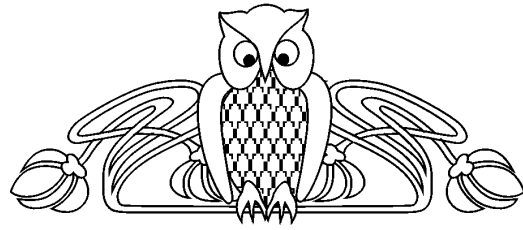
Olga Aleksandrovna Shleisner-Natanson: Life and Revolutionary Activity

N. R. Slavnitsky

Nikolay R. Slavnitsky, <https://orcid.org/0000-0002-1590-9423>, State Museum of the History of St. Petersburg, 1 Pionerskaya St., St. Petersburg 197198, Russia, slavnitski@bk.ru

The work is dedicated to the life and work of Olga Aleksandrovna Shleisner – the daughter of a retired officer, landowner of the Oryol province, who became a member of one of the populist circles, and then the wife of M. A. Nathanson. She played a very important role in the formation of the first populist organizations, while she spent most of her life under police supervision and in custody. To compile her biography, documentary materials of the Ministry of the Interior and the Ministry of Justice were used. The article discusses the vicissitudes of her life in exile with her husband, as well as their joint activities to form the “Land and Freedom” party, their arrests and imprisonment. Some attention was also paid to the family members of Olga Alexandrovna – her father, brothers and sister, who were with her throughout her short life.

Keywords: revolutionary populism of the 1870s, «Tchaikovsky circle», «Earth and Volia», Peter and Paul Fortress, M. A. Natanson, O. A. Nathanson.

Received: 14.12.2019 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-298-303>

О деятельности Ольги Александровны Шлейснер-Натансон в народнических организациях конца 1860-х и первой половине 1870-х годов неоднократно упоминали исследователи, занимавшиеся историей революционного движения. Среди них необходимо отметить Н. А. Троицкого¹, а также П. С. Ткаченко, изучавших историю организации «Земля и Воля»². Однако биографии Ольги Александровны в отечественной историографии пока не имеется. Между тем она играла видную роль в процессе формирования «кружка чайковцев», а затем и «Земли и Воли». Земледелец, а затем народоволец А. Д. Михайлов считал ее выдающимся деятелем и человеком и призывал своих товарищей увековечить память о ней³.

В настоящей статье предпринята попытка составить биографию О. Н. Натансон на основании сохранившихся воспоминаний народников, а также документальных материалов министерства внутренних дел и министерства юстиции. Сложилось так, что большую часть своей сознательной жизни Ольга Александровна провела либо под надзором полиции, либо в заключении. Поэтому переписка между чинами, производившими дознание, министром внутренних дел, III отделением собственной его императорского величества канцелярией и министром юстиции (а также ходатайства О. А. Натансон и ее отца) позволяет установить основные вехи ее жизни и деятельности.

О. А. Шлейснер-Натансон – дочь помещика, владевшего несколькими имениями в разных областях России, – родилась в Курской губернии, а образование получила в Санкт-Петербурге. В 1869 г. она вошла в состав кружка, состоявшего из слушательниц Аларчинских женских курсов в столице. Вместе с ней в этой организации состояли С. Л. Перовская, А. Я. Ободовская, сестры Корниловы, С. А. Лешерн фон Герцфельд. Вскоре она познакомилась с М. А. Натансоном, и именно благодаря знакомству Ольги Александровны с Марком Андреевичем женщины зимой 1870–1871 гг. начали тесно сотрудничать с теми, кого позже стали называть «чайковцами»⁴. Со временем она вместе с будущим мужем вошла в

санкт-петербургскую группу «чайковцев», ставшую ядром «Большого общества пропаганды». К этому же обществу примкнул и ее брат Виктор Александрович, занимавшийся пропагандой среди рабочих⁵.

Однако Марку Андреевичу уже в 1872 г. пришлось отправиться в ссылку. Основным поводом к этому послужило издание чайковцами книги В. В. Берви-Флеровского «Азбука социальных наук», которую они первоначально распространяли легально, чрез книжные магазины, но в то же время подготовили и возможность нелегального распространения в случае запрета. Для этого значительная часть тиража была куплена на имя Н. В. Чайковского и спрятана по разным адресам. Книгу действительно признали крамольной, но не запретили, поэтому дознание о ее распространении не привело к судебному преследованию, и власти решили ограничиться высылкой М. А. Натансона из столицы⁶. После прибытия в Архангельск он по распоряжению местного губернатора был помещен в уездный город Шенкурск, а вскоре к нему приехала его невеста – Ольга Александровна Шлейснер. В Шенкурске Марк Андреевич принял православие, после чего они поженились.

В августе 1872 г. Ольга Александровна подала прошение о разрешении ей выехать из Архангельской губернии «для свидания с родителями и затем для слушания в Петербурге акушерских курсов, имеющих открыться в будущем августе месяце с высочайшего разрешения при императорской Медико-хирургической академии»⁷. Это ей было разрешено, так как она не являлась ссыльной⁸, хоть и вынуждена была жить под надзором полиции. Среди документов канцелярии министерства внутренних дел сохранилось также донесение начальника Архангельской губернии на имя министра от 19 августа, в котором тот сообщал, что «состоящий под надзором полиции бывший слушатель Земледельческого института Марк Натансон, равно и жена его Ольга образа жизни и поведения самого безукоризненного»⁹.

В марте 1873 г. М. А. Натансон обратился с просьбой «о перемещении его в одну из южных губерний» по состоянию здоровья, к которому было также приложено медицинское заключение о необходимости переезда в более теплый климат¹⁰. В то же время его тесть А. Ф. Шлейснер обратился к министру с ходатайством, в котором указал, что «дочь моя Ольга по увлечению молодости вышла замуж за студента Медико-хирургической академии Натансона, который административным распоряжением правительства сослан на жительство в Архангельскую губернию, в город Шенкурск», упомянув о расстроенном здоровье Марка Андреевича, отсутствии необходимой медицинской помощи в уездном городе и, кроме того, невозможности найти средства к существованию в глуши. На этом основании «скорбящий отец, обремененный семейством, и поэтому лишенный возможности помогать своей дочери Ольге

Натансон», «всепокорнейшее просил» перевести ссыльного в Полтаву или в Херсон, «где он, при благоприятном климате, мог бы сыскать себе занятие в губернском городе и тем пропитать себя и жену»¹¹.

Отставной офицер, как видим, мог быть более откровенным, нежели ссыльный, и указать на основные сложности проживания в уездном городе одной из северных областей – не только суровый климат, но и отсутствие возможности получить медицинскую помощь, а также найти работу.

Его обращение, безусловно, способствовало облегчению участи Марка Андреевича и его супруги. 25 марта 1873 г. управляющий III Отделением сообщил министру, что он не имеет возражений против переезда М. А. Натансона «в одну из южных губерний, но только в такую местность, которая лишала бы его возможности общаться с молодежью и вредно влиять на нее своим образом мыслей»¹². Через месяц министр сообщил Архангельскому губернатору о переводе поднадзорного в Воронежскую губернию с сохранением за ним надзора полиции¹³.

25 мая М. А. Натансон с женой и дочерью прибыл в Воронеж и оттуда был направлен в город Бобров, однако и там найти работу ему не удалось. Поэтому в июне он обратился с ходатайством о назначении ему пособия от казны¹⁴, но оно было отклонено, как и просьба Марка Андреевича разрешить поселиться в Воронеже¹⁵.

Тогда тесть снова принялся за хлопоты и теперь стал добиваться того, чтобы М. А. Натансону разрешили переселиться к нему. Отметим, что родственники Марка Андреевича (а они были состоятельными людьми) не оказывали ему никакой помощи. С чем это было связано, никаких сведений нет. Остается только высказывать предположения, а их может быть два. Либо они отвернулись от него, когда М. А. Натансон оказался под надзором полиции, либо причиной такого отношения послужил его переход в православие.

Старания А. Ф. Шлейснера увенчались успехом, и в октябре 1874 г. М. А. Натансону с семьей было разрешено поселиться в Куопио, на территории Финляндии, где жил сам А. Ф. Шлейснер. При этом, разумеется, сохранялся надзор полиции.

Однако неожиданно против его пребывания там выступил генерал-губернатор Финляндии, который 19 ноября написал в отношении министра внутренних дел: «До сведения моего дошло, что Натансон подвержен был полицейскому надзору за обнаружение революционных идей. При таких обстоятельствах и принимая во внимание, что князь Лобанов-Ростовский разрешил Натансону переселиться во вверенный моему управлению край, не имея на то моего согласия, покорнейше прошу ваше высокопревосходительство известить меня, не усмотрите ли вы, милостивый государь, возможным приказать выселить Натансона из Финляндии, а также на будущее время, ввиду того, что я не нахожу удобным предоставлять в Великом

Княжестве Финляндском местопребывание лицам беспокойного и опасного направления, испрашивать моего мнения в случаях, когда предполагается дозволить какому-либо состоящему под надзором полиции лицу переселиться в Финляндию»¹⁶. Вы скажем предположение, что генерал-губернатор, в первую очередь, был недоволен тем, что перевод не согласовали с ним, но необходимо учитывать и то, что у финских властей и местной полиции не было опыта исполнения надзора.

Правительство в результате оказалось в щекотливом положении. С одной стороны, отправлять М. А. Натансона в другую область не решились, с другой стороны, Финляндия находилась в составе империи на условиях автономии и приказать генерал-губернатору было невозможно. Поэтому по предложению руководства III отделением выбрали самый простой вариант – 4 декабря 1874 г. Марк Андреевич был освобожден от надзора полиции «под поручительство тестя» и таким образом мог остаться на территории Финляндии¹⁷. Так неожиданно–негаданно завершилась его первая ссылка.

В 1876 г. Марк Андреевич и Ольга Александровна перебрались в Санкт-Петербург и снова включились в революционную работу. По свидетельству А. Михайлова, у них было уже две дочери, которые остались жить у родителей Ольги Александровны¹⁸. Однако дети скончались в конце 1878 или в начале 1879 г.¹⁹

В столице супруги попытались создать организацию из тех, кто избежал ареста в 1874 г. или находился уже на свободе, а также приехал из-за границы (к примеру, В. Н. Фигнер). К тому же именно они вместе с Г. В. Плехановым и другими соратниками стали организаторами знаменитой демонстрации у Казанского собора в Санкт-Петербурге 6 декабря 1876 г., когда впервые был поднят красный флаг. Данная группа первоначально получила наименование «Общество друзей». Однако она была довольно быстро обнаружена полицией. В докладе министра юстиции это было сформулировано следующим образом: «11 февраля 1877 г. явился в то же отделение (т. е. в III отделение. – Н. С.) и крестьянин Николай Шарашкин, 21 года, который, представив три брошюры запрещенного содержания и заявив, что состоит членом образовавшегося в Санкт-Петербурге тайного сообщества, называющего себя «Общество друзей» и имеющего целью подготовку революции в России, объяснил, что раскаивается в противоправительственной своей деятельности и что будет сообщать впредь все делаемое пропагандистами»²⁰. То есть группа была выдана властям одним из ее участников. Марк Андреевич был арестован в конце июня 1877 г. и со 2 августа 1877 г. до 19 декабря 1878 г. находился в заключении в тюрьме Трубецкого бастиона Петропавловской крепости²¹. Отметим, что его тесть А. Ф. Шлейснер в июне 1878 г. обратился с просьбой о свидании с Марком Андреевичем,

но она была «оставлена без последствий», как и ходатайство его дочери, сестры О. А. Натансон, Марии в начале августа²².

Ольга Александровна в момент разгрома группы находилась в Саратове²³, где занималась устройством «центра» для народного поселения²⁴, и избежала ареста. После того, как она получила известие о задержании мужа, сразу вернулась в Санкт-Петербург. Товарищи, которые в то время находились рядом с ней и оставили воспоминания, отмечали ее организаторские способности²⁵. О. В. Аптекман писал: «Зиму 1877–1878 гг. я по не зависящим от меня причинам пробыл полтора – два месяца в Петербурге, и я изо дня в день видел, какую большую работу делала Ольга Александровна со своими товарищами по «центру». Тихо и бесшумно делала она наше общее дело...»²⁶. Так Ольга Александровна стала одним из лидеров организации, взявшей название «Земля и Воля». Костяк ее сформировался еще до ареста Марка Андреевича, а Ольга Александровна стала продолжательницей дела²⁷. Задержали ее после убийства шефа жандармов Н. В. Мезенцева, хотя персонально ее розыском не занимались. Полиция получила анонимный донос, в котором были перечислены три квартиры, и сообщалось, что убийца бывает в одной из них. Во всех трех, естественно, были произведены обыски и оставлены засады. Ольга Александровна была арестована 13 октября 1878 г. в квартире, где жил Сабуров (А. В. Оболешев)²⁸. При ней имелись «поддельная печать Зенковского уездного полицейского управления, записочка, представляющая счет – по покупке или продаже книг, в ней говорится, очевидно, о романе «Пролог», о брошюрах «К русским отцам и матерям», о речи Мышкина, запись графа Палена и т. п., рекомендательное письмо для каких-то Аптекмана и Никольского, на предмет получения ими мест фельдшером и записная книжка с разными непонятными заключениями и счетами»²⁹. Никаких сведений о себе она сначала не сообщила, но чуть позже полиция выяснила ее настоящее имя. В квартире А. В. Оболешева перед этим были найдены поддельные печати (18 штук) различных учреждений, и очевидно, Ольга Александровна пришла туда для того, чтобы занести еще одну. Дать какие-либо показания она отказалась.

Прокурор Санкт-Петербургской палаты доложил министру юстиции, что «агентурные сведения сыскной полиции указали на необходимость сделать обыск в ночь с 11 на 12 октября в трех квартирах Санкт-Петербурга»³⁰. Одной из них была упомянутая квартира А. В. Оболешева, в другой жили М. А. Коленкина и А. Н. Малиновская, а в третьей – М. Ф. Ковалик под именем вдовы губернского секретаря Ольги Витаньевой.

По результатам обысков в тех квартирах полицейские чины пришли к выводу, что «лица, проживающие в них, солидарны между собой и принадлежат к крайней революционной партии». При этом прокурор признавал, что «обыски прямо

не открыли, кто соучастники обыскиваемых, тем не менее при получении указаний на других лиц, которые солидарны с ними...», и среди них указал на О. А. Натансон, которая была задержана в одной из квартир³¹. Проще говоря, в трех упомянутых квартирах ничего обнаружить не удалось, но всех, кто попадал в оставленные засады, записали в число сообщников, задержанных в ночь с 11 на 12 октября.

В конце октября полиция арестовала одного из своих служащих – мещанина А. И. Жданова, который предоставлял революционерам секретные сведения. Он не только выдал человека, приходившего к нему за сведениями (В. П. Трошанского), но и сообщил, что тот рассказал А. И. Жданову о том, что кучер, увозивший убийцу Н. В. Мезенцева, был задержан в ходе тех арестов³². Это уже была ниточка, за которую полиция зацепилась, и нашла А. Ф. Михайлова. Хотя позже О. А. Буланова-Трубникова писала, что никаких сведений В. П. Трошанский А. И. Жданову не выболтал, а бывший служащий полиции все сочинил сам³³. Добавим, что ему это могли подсказать в III отделении, дабы не упоминать, что все дело было запущено на основании анонимного доноса. Как бы то ни было, О. А. Натансон оказалась привлечена к делу об убийстве.

С 14 октября 1878 г. до 4 мая 1880 г. Ольга Александровна находилась в той же тюрьме, что и ее муж³⁴. При этом им была разрешена переписка друг с другом – естественно, через комендантское управление крепости и III отделение (в архиве комендантского управления сохранились донесения коменданта об их письмах)³⁵. Отметим, что эта переписка, судя по количеству писем, пересылавшихся комендантом, была интенсивной. А вот свиданий друг с другом им, по всей видимости, не давали, по крайней мере, никаких упоминаний об этом в документах комендантского управления нет. Ольге Александровне разрешались свидания с отцом, братом (Виктором Шлейснером) и сестрой (Марией Александровной Лаур)³⁶.

Судьбу Марка Андреевича решили в административном порядке – министр юстиции пришел к выводу о том, «что означенное преступное сообщество не успело еще вполне организоваться, вследствие чего и причиненный им вред не представляется столь значительным, чтобы оным вызывалась необходимость к дальнейшему направлению дела в судебном порядке»³⁷. М. А. Натансона как одного из руководителей сообщества он предложил выслать в Восточную Сибирь³⁸. В декабре 1878 г. это было утверждено императором, и 20 декабря санкт-петербургский градоначальник доложил, что М. А. Натансон и другие, предназначенные к высылке в Восточную Сибирь, отправлены в распоряжение Тверского губернатора (в Вышневолоцкую пересыльную тюрьму)³⁹.

В апреле 1879 г. А. Ф. Шлейснер обратился с прошением в министерство юстиции, в котором

просил выслать Ольгу Александровну вместе с мужем в юго-западную Сибирь (ее здоровье уже ухудшалось)⁴⁰. Однако это не было разрешено, судьба же О. А. Натансон оказалась трагичной.

Хотя в участии в покушении на шефа жандармов в результате обвинили только А. Ф. Михайлова⁴¹, всех, кто был задержан полицией в те дни, передали военно-окружному суду, так как «лица эти в деле революционной организации имели первостепенное значение и должны быть отнесены к категории наиболее опасных агитаторов»⁴². Этому способствовало и то, что 5 апреля 1879 г. (уже после задержания О. А. Натансон) было учреждено временное санкт-петербургское генерал-губернаторство (и еще пять аналогичных в стране) и назначенный на эту должность И. В. Гурко получил очень широкие полномочия. В отечественной историографии данный период нередко называют временем «военно-карательного психоза»⁴³ и тут под руку попала Ольга Александровна и ее товарищи. Именно на императорское распоряжение от 5 апреля 1879 г. ссылались министр юстиции и управляющий III отделением, когда решили направить это дело на рассмотрение генерал-губернатора⁴⁴.

А. К. Буланова отмечала, что «дело вызвало такой большой интерес в обществе, что на заседаниях суда присутствовало много высокопоставленных лиц, члены царской фамилии и даже иностранные послы»⁴⁵.

14 мая 1880 г. военно-окружной суд признал А. Ф. Михайлова, А. В. Оболенева (он проходил под фамилией Сабуров), М. А. Коленкину, В. Ф. Трошанского, Л. Ф. Бердникова и О. Э. Веймара виновными в принадлежности «к противозаконному сообществу, называющему себя русской социально-революционной партией, имеющему целью ниспровержение существующего в России государственного, общественного и экономического порядка путем насильственных действий, выразившееся в целом ряде самых тяжких преступлений»⁴⁶. О. А. Натансон, Л. П. Буланов, Л. Г. Левенталь, О. В. Витаньева и А. Н. Малиновская были признаны виновными в принадлежности «к противозаконному сообществу, хотя не обнаружившему умысла действовать насильственно, но стремящемуся к достижению в более или менее отдаленном будущем ниспровержению существующего в России государственного, общественного и экономического порядка»⁴⁷.

То есть из приговора суда получается, что подсудимые входили в состав двух разных сообществ (одно из них можно назвать «сообществом террористов», другое – сообществом «пропагандистов»), и приговор тем, кто являлся членом второго из них, был более мягким. О. А. Натансон была приговорена к каторжным работам сроком на 6 лет⁴⁸. Правда, по ходатайству суда каторга была заменена ссылкой в Иркутскую губернию⁴⁹ и она должна была отправиться к Марку Андреевичу.

Однако пребывание в Трубецком бастионе тяжело отразилось на здоровье О. А. Натансон – женщина заболела туберкулезом. По этой причине она оставалась в Санкт-Петербурге до выздоровления. О. В. Аптекман писал, что в то время О. А. Натансон находилась в Доме предварительного заключения, в одной камере с А. А. Малиновской, которая в то время уже помешалась и дважды покушалась на самоубийство. 1 сентября 1880 г. Ольгу Александровну по настоянию врачей перевели в больницу Литовского замка. Все это время ее отец и сестра регулярно писали прошения о том, чтобы выпустить О. А. Натансон на их попечительство, но так как М. А. Лаур считалась неблагонадежной, в этом отказывали. Лишь 25 февраля Ольгу Александровну разрешили выпустить «на поруки», родные смогли довести ее до своего имения в Орловской губернии, и там она скончалась 16 марта 1881 г.⁵⁰

Судьба ее родственников тоже сложилась не просто. Виктор Александрович Шлейснер весной 1876 г. арендовал небольшое имение в Торопецком уезде Псковской губернии «для земледельческого труда и для ознакомления с жизнью народа». Там же вместе с ним поселился его брат Николай Александрович и еще несколько народников, которые готовились таким образом заниматься пропагандой среди крестьян⁵¹. По мнению О. К. Булановой, организатором поселения являлся Николай Александрович⁵² и это зафиксировано в полицейских документах⁵³. Однако этот момент не принципиален. Такие поселения задумывались народниками по всей стране и именно их созданием и занималась Ольга Александровна.

Осенью того же года оба брата уехали добровольцами в Сербию, а вскоре их привлекли к дознанию по делу о пропаганде в Торопецком уезде. Дознание было «открыто» еще в 1877 г., но братьев задержали лишь в начале 1880 г. (Виктор Александрович еще в 1878 г. свободно приходил на свидания к сестре). Позже оно было объединено с другими дознаниями об аналогичных поселениях, обнаруженных полицией в Саратовской и Самарской губерниях, и возникло дело «о 58 лицах», которых планировали судить (по примеру «процесса 193-х»). В их числе оказались и братья Шлейснеры⁵⁴.

Однако следственные органы пришли к выводу о том, что «существование социалистических поселений в Псковской, Самарской и Саратовской губерниях не сопровождалось какими либо резкими проявлениями революционной агитации»⁵⁵ и что «наиболее энергичные из организаторов частично скрылись, частью не могут быть переданы суду»⁵⁶. Поэтому передавать дело в суд было признано нецелесообразным и в августе 1881 г. его решили в административном порядке. Николай и Виктор Шлейснеры обвинялись лишь в том, что были организаторами поселений, затем полностью отошли от революционной деятельности, поэтому их подчинили гласному надзору полиции

«в избранном месте жительства» сроком на три года⁵⁷. Поселились оба в одном из имений отца – в Орловской губернии и в том же году и Виктора, и Николая признали «душевно-больными», после чего они были направлены в Орловскую земскую больницу. В последующие годы они оставались в том же имении⁵⁸.

Их сестра Мария Александровна Лаур в 1879 г. тоже была арестована и привлечена к дознанию из-за того, что была знакома с Василием Тулисовым. Никаких доказательств о ее причастности к революционной деятельности полиция обнаружить не смогла, поэтому вскоре ее освободили и она отправилась в Орловскую губернию, где ее муж работал нотариусом. В 1882 г. их подзревали в подстрекательстве крестьян одного из сел к «беспорядкам», но подтверждений снова не нашли. Тем не менее Мария Александровна в последующие десятилетия считалась неблагонадежной. В начале XX в. она переехала в Черниговскую губернию, где работала фельдшерницей в одной из земских больниц⁵⁹.

В заключение отметим, что основные моменты антиправительственной деятельности Ольги Александровны и ее роль при создании революционных организаций остались неизвестными для органов жандармского дознания. Тем не менее воспоминания ее товарищей позволяют сделать вывод о том, что короткая жизнь О. А. Шлейснер-Натансон была весьма насыщенной и ее можно признать одной из выдающихся революционерок первой половины 1870-х гг.

Примечания

- 1 См.: *Троицкий Н. А.* Первые из блестящей плеяды : «Большое общество пропаганды» 1871–1874 гг. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991.
- 2 См.: *Ткаченко П. С.* Революционная народническая организация «Земля и Воля» (1876–1879 гг.). М. : Высшая школа, 1961.
- 3 См.: *Михайлов А.* Письмо товарищам // *Прибылева-Корба А. В., Фигнер В. Н.* Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. Л. ; М. : Госиздат, 1925. С. 199.
- 4 См.: *Троицкий Н. А.* Указ. соч. С. 54, 56.
- 5 Там же. С. 62, 184.
- 6 Там же. С. 118–120.
- 7 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 310 (Дело о высылке из Петербурга М. А. Натансона). Л. 26.
- 8 Там же. Л. 45.
- 9 Там же. Л. 32.
- 10 Там же. Л. 84.
- 11 Там же. Л. 87.
- 12 Там же. Л. 91.
- 13 Там же. Л. 95.
- 14 Там же. Л. 108.
- 15 Там же. Л. 116, 118.
- 16 Там же. Л. 155.

- 17 Там же. Л. 160.
- 18 См.: Михайлов А. Указ. соч. С. 199.
- 19 См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 76. Д. 7344 (Дело об убийстве генерал-адъютанта Мезенцева). Л. 83.
- 20 Там же. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 398 (Всепопданнейшие доклады министра юстиции по делам политическим). Л. 86 и об.
- 21 Там же. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 454 (Дело о секретных заключенных Санкт-Петербургской крепости). Л. 27–39.
- 22 Там же. Ф. 1405. Оп. 75. Д. 7302. Л. 157, 190–191.
- 23 Там же. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 398. Л. 109.
- 24 См.: Аптекман О. В. Общество «Земля и Воля» 70-х. По личным воспоминаниям. Пг. : Колос, 1924. С. 211.
- 25 Прибылева-Корба А. В., Фигнер В. Н. Народолюбец Александр Дмитриевич Михайлов. С. 45.
- 26 Аптекман О. В. Указ. соч. С. 212.
- 27 Подр. см.: Ткаченко П. С. Указ. соч. С. 74–78.
- 28 См.: Буланова-Трубникова О. К. Три поколения. М. : Гос. изд-во, 1928. С. 148.
- 29 См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 76. Д. 7344. Л. 54.
- 30 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 438. Л. 22.
- 31 РГИА. Ф. 1405. Оп. 76. Д. 7344. Л. 24–25.
- 32 См.: Записка из дела об убийстве шефа жандармов генерал-адъютанта Мезенцева 25 марта 1879 г. // РГИА. Ф. 1405. Оп. 76. Д. 7344. Л. 6–9.
- 33 См.: Буланова-Трубникова О. К. Три поколения. С. 148.
- 34 См.: РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 474 (Дело о заключении в крепость политических арестантов с зачислением за III Отделением). Л. 14, 21–22 ; Д. 487. Л. 3 об., 12 ; Д. 488. Л. 32.
- 35 Там же. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 474. Л. 20, 39, 54, 66, 73, 80, 95, 115, 154, 156, 161, 173, 183, 189, 197, 201, 268.
- 36 Там же. Л. 148, 183, 195.
- 37 Там же. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 398. Л. 112, 112 об.
- 38 Там же. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 398. Л. 113 ; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 438. Л. 1–3.
- 39 Там же. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 438 (Дело о привлечении к ответственности членов «Общества друзей»). Л. 23.
- 40 Там же. Ф. 1405. Оп. 76. Д. 7344. Л. 83.
- 41 Там же. Л. 86–88.
- 42 Там же. Л. 115 об. 116.
- 43 Гвоздев М. Г. «Красный террор» против Санкт-Петербургского временного военного генерал-губернатора И. В. Гурко // Вестн. Саратов. гос. соц.-эконом. ун-та. 2009. № 1. С. 124–125.
- 44 РГИА. Ф. 1405. Оп. 76. Д. 7344. Л. 116 и об.
- 45 Буланова-Трубникова О. К. Леонид Петрович Буланов // Каторга и ссылка. 1929. № 5. С. 167.
- 46 РГИА. Ф. 1405. Оп. 76. Д. 7344. Л. 193.
- 47 Там же. Л. 193 об.-194.
- 48 Там же. Л. 193 об.-194.
- 49 Там же. Л. 195.
- 50 См.: Аптекман О. В. Указ. соч. С. 214.
- 51 См.: Карпов Е. Страничка из воспоминаний // Каторга и ссылка. 1924. № 6. С. 33.
- 52 См.: Буланова-Трубникова О. К. Леонид Петрович Буланов // Каторга и ссылка. 1959. № 5. С. 159.
- 53 См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 7779 (Дело о 58 лицах, обвиняемых в принадлежности к преступному сообществу). Л. 54 об.
- 54 Там же. Л. 3–4.
- 55 Там же. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 7781. Л. 89 об.
- 56 Там же. Л. 90.
- 57 Там же. Л. 95.
- 58 См.: Деятели революционного движения : в 5 т. Т. II, вып. IV. М. : Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. Стб. 2039–2041.
- 59 Там же. Стб. 2041.

Образец для цитирования:

Славнитский Н. Р. Ольга Александровна Шлейснер-Натансон: жизнь и революционная деятельность // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 298–303. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-298-303>

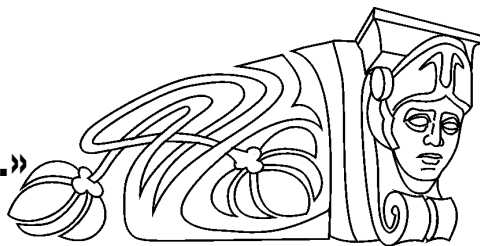
Cite this article as:

Slavnitsky N. R. Olga Aleksandrovna Shleisner-Natanson: Life and Revolutionary Activity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 298–303 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-298-303>

УДК 94(47).083+929 Угримов

Александр Угримов – русский герой Французского Сопротивления: «Я прошел по канату над пропастью...»

Ю. В. Варфоломеев

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ybartho@mail.ru

В статье рассматривается деятельность отрядов французского Сопротивления на оккупированной территории Франции в годы Второй мировой войны. Автор исследует малоизвестные страницы деятельности дурданской группы Сопротивления через призму восприятия событий тех лет и на примере судьбы одного из активных участников и руководителей антифашистского движения – русского эмигранта первой волны Александра Александровича Угримова.

Ключевые слова: А. А. Угримов, Французское Сопротивление, Дурдан, Вторая мировая война.

Поступила в редакцию: 22.03.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Alexander Ugrimov – Russian Hero of the French Resistance: «I Walked on a Tightrope over an Abyss...»

Yu. V. Varfolomeev

Yuriy V. Varfolomeev, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ybartho@mail.ru

The article examines the activities of French Resistance units in the occupied territory of France during the world war II. The author explores the little-known pages of the durdan Resistance group's activities through the prism of perception of the events of those years and by the example of the fate of one of the active participants and leaders of the anti – fascist movement – a Russian emigrant of the first wave, Alexander Alexandrovich Ugrimov.

Keywords: A. A. Ugrimov, French Resistance, Durdan, world war II.

Received: 22.03.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-304-309>

В трагический хронотоп Второй мировой войны вписаны яркие и героические страницы, связанные с движением Сопротивления европейских народов против гитлеровской агрессии. «Резистанс (Сопротивление) – это также культурный, моральный и политический факторы, роль которых в дальнейшем развитии Франции нельзя недооценивать»¹, – особо подчеркивал один из его участ-

ников А. А. Угримов. Среди героев французского «Resistance» (Сопротивления) широко известны имена русских эмигрантов² – бывшего члена ЦК партии эсеров, комиссара Временного правительства на Черноморском флоте, публициста и издателя И. И. Бунакова-Фондаминского³, православной монахини Марии Скобцовой (в миру – Елизавета Юрьевна Скобцова – поэтесса, публицист и общественный деятель), княжон З. А. Шаховской, В. А. Оболенской, научных сотрудников «Музея Человека» в Париже – этнографа Бориса Вильде и антрополога Анатолия Левицкого⁴, которые первыми провозгласили в оккупированной и униженной Франции ставшее символом борьбы с оккупантами кодовое для антифашистов слово «Резистанс». Между тем в славной плеяде борцов французского Сопротивления незаслуженно забытым оказалось имя русского француза Александра Угримова, который всегда ощущал и гордился духовным родством с мужественными соотечественниками: «Это люди, во многом близкие мне по судьбе, люди моего поколения – я чувствую с ними сродство, это мне дорого»⁵.

Александр Александрович Угримов родился в 1906 г. в Швейцарии в местечке Лез Аван в дворянской семье, которая после большевистского переворота потеряла все свое имущество и вынуждена была покинуть родину. Скаут, увлекшийся идеями борьбы за справедливость. Пассажир знаменитого «философского» парохода. Берлинский студент, ставший, как и его отец, дипломированным агрономом, наладившим высокотехнологичное мельничное производство во Франции. Младоросс, увлеченный идеями социального и политического переустройства России, и, наконец, герой Французского Сопротивления, получивший награду от генерала Эйзенхауэра. В 1963 г., уже будучи в СССР, Угримов запечатлел героические страницы своего участия в антифашистской борьбе, правда, на французском языке – «Записку об участии русских в Дурданском Сопротивлении» («Memoire sur la participation des Russes a la Resistance de Dourdan»).

В своих воспоминаниях он отмечал, как тяжело переживали эмигранты из России сокрушительное и позорное поражение Франции от фашистской Германии в 1940 г. Особенно болезненно этот разгром воспринимался теми русскими французами, кто уже пустил, по словам А. А. Угримова, «корни во французскую землю, во французскую культуру»⁶. Роковой для его родины день – 22 июня 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, застал

молодого инженера-мукомола в городе Дурдане, в 45 км от Парижа, где он работал начальником производства на кооперативной мельнице. Эта страшная весть отозвалась в сердцах Угримова и его ближайших друзей мучительной болью от осознания того, что они оторваны от русского народа, от своей родины в этот грозный и тяжелый момент истории. Уже тогда у многих из них сложилось понимание того, что предстоит тяжелая борьба с общим для Франции и России врагом. В то время среди добровольцев и солдат французской армии было много друзей Александра Угримова, да и он сам понимал, что принять участие в борьбе с общим врагом – дело долга и чести.

В этот день в разговоре с рабочими, высказывавшими ему сострадание и сопереживание, он открыл для себя удивительную вещь. Видя в их глазах надежду на то, что именно Россия вернет Франции свободу, он ощутил фатальную неизбежность краха агрессора, как это уже не раз бывало в русской истории. Он почти интуитивно снял с полки любимую, читанную и перечитанную им еще в юности книгу «Война и мир» Толстого и начал читать с того места, где Пьер Безухов увидел на Арбатской площади комету 1812 г. «И вот перед моим, так сказать, двойным взором стали продвигаться в глубь России две армии: пешая Наполеона и моторизованная Гитлера, – рисовал фантазмагоричную картину в своем воображении Угримов. – И очень скоро я убедился, что первая шла скорее, увереннее, чем катилась вторая. И опять Смоленск, но здесь вдруг “блицкриг” и дал первую трещину. Вот тут-то окрепла моя вера в победу и не оставляла меня уже больше никогда, тем более после разгрома гитлеровцев под Москвой»⁷.

Вот так в удивительной реминисценции толстовской героической эпопеи родилась у Александра Угримова и с годами окрепла не просто уверенность, а вера в победу русского народа в этой тяжелейшей схватке с неисчислимой армадой захватчиков. Но эта его вера была подкреплена еще и огромным желанием помочь далекой, но по-прежнему дорогой и любимой родине. В конце 1941 г. вокруг дурданского инженера-мукомола стала постепенно складываться группа одинаково чувствующих и сопереживавших единомышленников. Окончательно она оформилась на следующий год. На квартире Угримова в Дурдане прошло несколько встреч организационного центра этой антифашистской группы, деятельным ядром которой стали: сам Александр Александрович, его жена – Ирина Николаевна (урожденная Муравьева)⁸, его друзья – Василий Федорович Шашелев, Всеволод Антонович Попандопуло. Несколько позднее к этому ядру примкнули Георгий Константинович Отфиновский, Борис Иванович Волинцев (дважды совершивший побег – сначала из немецкого лагеря военнопленных, а затем из вишистского концлагеря) и близкий друг Угримова по Мукомольному институту в Париже – профессор, крупнейший специалист и автор многочисленных научных работ по хлебопекарному делу француз Раймон Кальвель. Вокруг трех товарищей – Кривошеина, Шашелева

и Волинцева, входивших в руководящее ядро организации, впоследствии образовались три ячейки подпольщиков из русских эмигрантов, проживавших в Париже.

При этом Угримов очень высоко ценил участие в этой группе своих самых близких людей – жены и дочери. Ирина была для него незаменимым советником и помощником во всех делах Сопротивления и даже его маленькая дочь «тоже посильно помогала и тщательно хранила все тайны нашего дома, которые от нее невозможно было скрыть»⁹, – с теплотой вспоминал он много лет спустя.

На первоначальном этапе главная и неотложная задача для Угримова и его сподвижников заключалась в том, чтобы выйти на связь с центром французского Сопротивления и уже под его руководством создать подпольную группу, способную выполнять те или иные задания. Решение этой первоочередной задачи оказалось делом не из легких, особенно для иностранцев и эмигрантов, составивших ядро Дурданской группы. Первые попытки установить связь с руководством Сопротивления ни к чему не привели.

Но Угримов не терял надежды и с особой осторожностью, соблюдая конспирацию, продолжал упорно нащупывать возможные контакты. Так, осенью 1942 г., Угримов, переплыв пограничную реку Шер, отделявшую оккупированную зону, где он жил, от так называемой «свободной зоны», отправился на родину своего друга и шефа по Мукомольному институту профессора Нюре в местечко Шабри. Там он планировал встретиться со своим старым знакомым Буавеном, который по имеющейся у него информации активно действовал в Сопротивлении. Однако Угримова ждало разочарование – к этому моменту Буавен был арестован гитлеровцами и впоследствии погиб в концлагере. Правда, в Шабри он повидал родителей, а также друзей, бежавших туда еще в 1940 г., через которых он рассчитывал выйти на местных коммунистов и уже с их помощью связаться с сопротивленческим подпольем, но и этот план ему осуществить не удалось.

Тем не менее, несмотря на неудачные попытки влиться в ряды Сопротивления, Угримов и его соратники очень успешно проводили тактику малых дел – помощь тем, кто вынужден был перейти на нелегальное положение. Они оказывали содействие людям, бежавшим из плена, скрывающимся от трудовой повинности, а также их семьям – получали для них поддельные документы, снабжали продуктами питания и продовольственными карточками. Особенный размах эта работа получила с того момента, когда служба трудовой повинности СТО (СТО – service de travail obligatoire) стала отсылать французскую молодежь на работы в Германию, и, таким образом, число людей, обратившихся к ним за помощью, многократно возросло. Так, например, все рабочие с мельницы, предназначенные для отправки в Германию, в итоге остались на родине – их по фальшивым документам переправили в разные районы Франции. Угримову удалось достать в дурданской мэрии целую пачку бланков «гесерисс»

(временный вид на жительство) и, имея с десяток печатей, он наладил изготовление фальшивых документов на высочайшем уровне. О безупречном качестве угримовских «паспортов» свидетельствует тот факт, что не было ни одного провала, связанного с этими документами. «Когда начался второй этап в развитии массового сопротивления, – отмечал А. А. Угримов, – пассивное действие переходило в активное»¹⁰.

Особое значение в этой деятельности имело то обстоятельство, что Угримов был связан с мельничным производством. Для снабжения хлебными карточками тех, кто официально получить их не мог, он организовал через местных фермеров и булочников своеобразный круговорот «зерно–мука–зерно» с дополнительным приобретением в ходе этой операции большого количества хлебных купонов. Такая помощь оказывалась всем, кто в ней нуждался, например, несколько раз в гостях у Угримова побывала монахиня Мария Скобцова, которая создала и руководила в Париже благотворительной организацией «Православное дело», помогавшей нуждающимся русским эмигрантам и преследуемым евреям.

Между тем Угримову удалось решить главную на тот момент задачу – установить связь с местной организацией Сопротивления, которую возглавлял механик Блюто (подпольная кличка «Жуен»), работавший в гараже Клода Ламбердиера. Это стало возможным благодаря посредничеству рабочих мельницы – Малепару, Кондамине, Труве и Кайо, которые уже вошли в эту организацию, а также вследствие взаимного доверия, установившегося между Угримовым и Блюто, которые и до этого знали друг друга. В практике подпольной работы сформировались главные критерии при подборе людей в организацию Сопротивления – это личные качества и, конечно, доверие друг к другу. В знак доверия и серьезности намерений Угримов показал Блюто оружие, оставшееся у него от бежавших французских солдат в 1940 г. и спрятанное им на мельнице, а тот, в свою очередь, показал ему гранаты и револьверы, хранившиеся в его мастерской.

Вместе с тем по предложению Угримова к Дурданскому Сопротивлению под руководством Блюто присоединилась и вся «русская» группа антифашистов, включая ее «парижскую» часть. В обоснование такого решения, наряду с прочими факторами, было принято во внимание и то, что Дурдан и мельница находились недалеко от Парижа. При этом имелись постоянные и разнообразные средства коммуникации: телефонная связь, железная дорога и грузовой транспорт, доставлявший муку в столицу.

Неоценимое значение в деятельности Дурданского Сопротивления имела, несомненно, мельница, фактическим хозяином которой являлся Александр Угримов. Это было относительно крупное (три производственных корпуса, служебные и жилые постройки), современное и высокотехнологичное по тем временам производство, производительностью 30 т в сутки. Наличие мельницы открывало для подпольщиков большие возможности в нескольких

направлениях. Во-первых, это снабжение продовольствием; во-вторых, убежище для скрывавшихся от гитлеровцев людей, в-третьих, склад оружия и провианта и, наконец, в-четвертых, мельница имела очень удобное расположение – на окраине города, и была окружена большими частными парками, откуда открывались пути в центр города и в близлежащие лесные массивы.

При посредничестве известного православного богослова и религиозный философа В. Н. Лосского Александр Угримов установил контакты с активной участницей Французского Сопротивления монахиней Мари-Мадлен Дави, возглавлявшей католическую группу антифашистов. Начиная с 1942 г., именно она снабжала Угримова документами для скрывавшихся на мельнице рабочих, а он, в свою очередь, обеспечивал провиантом и хлебными карточками тех людей, которых она укрывала от немцев. Впоследствии они наладили совместную деятельность по отправке на мельницу спасенных летчиков со сбитых над Францией самолетов союзных военно-воздушных сил. Так, например, в 1943 г. она переправила на мельницу к Угримову раненного в воздушном бою американского летчика Р. Монгенаста, который не только прожил у него в доме 2 месяца, но и был вылечен старым другом семьи Угримовых-Муравьевых доктором Э. Н. Бакуниной. Однако это был далеко не единственный случай, когда Эмилия Николаевна – высококлассный врач-хирург – оказывала им неоценимые услуги.

В начале 1943 г. группа Угримова официально присоединилась к французскому движению Сопротивления, дурданским подпольным центром которого являлось гаражное предприятие Ламбердиера. Вместе с тем Угримов совершенно определенно обозначил позицию своей группы в совместной деятельности с Французским Сопротивлением: «Как русские, мы вступаем в ФФК (FFC – Forces francaises combattantes) для совместной активной борьбы под французским командованием с гитлеровской Германией Франции и СССР до полной победы над общим врагом, вплоть до момента, когда мы сможем установить непосредственную связь с командованием советскими вооруженными силами»¹¹. Это уточнение, по мнению Угримова, являлось весьма важным, так как исключало вероятность того, что их группа могла быть вовлечена в действия, не соответствующие политике Советского Союза. Следует подчеркнуть, что французские антифашисты с пониманием отнеслись к этой позиции и даже согласились включить в своеобразную присягу – индивидуальные документы добровольного вступления в Боевые французские части – соответствующие положения в духе вышеупомянутых соображений.

Процедура приема в организацию заключалась в том, что каждый новоиспеченный участник Сопротивления выбирал себе подпольную кличку, состоящую из вымышленного французского имени и фамилии, и подписывал ими соответствующую форму, отпечатанную на ротаторе с индивидуальным порядковым номером. Так, например, Угримов

назвался «Андре Жиру», и получил регистрационный № 2500¹². Заполненный таким образом лист разрезался на две части, одна из которых хранилась у Блюто (среди русских приобретшего подпольную кличку «Иван Иванович»), а другая – у самого члена организации.

Между тем самая активная фаза в деятельности дурданского Сопротивления началась только весной 1944 г. – в последний период борьбы за освобождение Франции, когда по всей стране различные группы антифашистов стали готовиться к вооруженному восстанию. Именно тогда Блюто предупредил Угримова, что всей группе надо быть наготове и по приказу выступить в любое время. Сигналом к выступлению должна была стать условная фраза, которую в течение длительного времени отслеживал в радиозфире Андре Жиру. И вот однажды, почти потеряв надежду, он, наконец, услышал долгожданные слова, передававшиеся на волне лондонского радио и днем, и вечером: «Есть карамель твердая, и есть карамель мягкая»¹³. Это был условный сигнал. По этой команде собрался весь местный боевой актив. Им предстояло принять для Дурдана первую партию оружия, боеприпасов и аппаратуры, которую должны были сбросить на парашютах в условленном месте в 24.00. Так как опыта подобных действий ни у кого из членов группы не было, то с большими трудностями они выполнили эту задачу только к утру, а затем перевезли и спрятали все контейнеры – часть в гараже, часть – на мельнице, а большую часть – в укромном месте на огороде у Блюто. Всего группа Угримова приняла несколько таких «посылок», действуя совместно с другими бригадами.

Однако эта работа, конечно, была связана с большим риском, так как все происходило в спешке, без предварительной подготовки, без правильной организации операций и без слаженности действий, а исключительно за счет предприимчивости, находчивости и, главное, большого воодушевления сопротивленцев. «Обстоятельства сложились так, что часто уже не было ни времени, ни сил принимать элементарные меры предосторожности»¹⁴, – отмечал А. А. Угримов. В то же время постоянные передвижения подпольщиков после комендантского часа, проверки патрулями перевозимых ими грузов на дорогах – все это грозило смертельной опасностью. Тем не менее вся эта деятельность проходила в целом успешно, пока гестапо не вышло на Дурданский центр Сопротивления. Блюто и его товарищам чудом удалось избежать ареста. Какое-то время они прятались в лесу, а затем Угримов нашел для Блюто и его семьи прибежище в Париже у своего друга Кальвея, а других укрыл в квартире своей сестры, сам же вернулся на мельницу.

20 августа 1944 г. утром в Дурдан вошли американские передовые части в сопровождении местных борцов Сопротивления. Угримов встретил их у входа в город, сообщил обстановку и получил, как он, заметил, «приятную возможность въехать в Дурдан на американском легком танке. Мы выполняли роль сопровождающей пехоты, – вспоминал он. – Десяток

немцев был взят в плен, двое было убито. С нашей стороны один был убит и несколько ранено»¹⁵. Вскоре авангард наступавшей армии покинул город и он остался на попечении участников Сопротивления до подхода основных сил союзных войск. Но и после этого дурданская группа совместно с американскими военнослужащими занималась очисткой района от мин и «зачисткой» местности от бродивших по округе немцев, отставших от своих частей.

Долгожданное освобождение от немецкой оккупации Угримов и его соратники отпраздновали в своем подпольном центре – в гараже, по его словам, «бурно и весело. Всюду были расставлены столы, все сопротивленцы присутствовали с семьями. Много было выпито вина, пели песни...»¹⁶. Но громче и проникновеннее всего на этом дурданском празднике победы на всю провинциальную округу звучал советский гимн защитников Отечества «Священная война», конечно, на русском языке. Этим торжественным аккордом завершилась подпольная деятельность дурданского Сопротивления. «Мы проделали тот же путь, что и многие тысячи патриотов тогда по всей Франции»¹⁷, – подытожил этот этап Александр Угримов.

После освобождения воспрями, как бы вырвались наружу все политические и общественные силы, скованные и притаившиеся в период гитлеровской оккупации. Русская дурданская группа влилась в тот момент в Патриотическую милицию, однако вскоре эта организация была распущена, и бывшие сопротивленцы вернулись к своим мирным делам. Между тем в дурданской группе Сопротивления зародилась мысль о том, что надо создать объединение русских участников борьбы против гитлеровской Германии за рубежом, главным образом, с целью собрать ценный материал по этому вопросу, включая и партизанскую борьбу советских военнопленных во Франции. Еще в октябре 1944 г. было проведено организационное собрание инициативной группы, из ядра которой впоследствии и родилось Содружество русских добровольцев, партизан и участников сопротивления во Франции (РДП и УС), которое в 1945 г. возглавил И. А. Кривошеин, вернувшийся из гитлеровских концлагерей, а товарищем председателя был избран А. А. Угримов. В структуру этой организации входили Контрольная, Редакционная и Архивная комиссии. Последнюю, кстати, также возглавил Александр Угримов. В течение зимы 1944–1945 гг. было проведено несколько собраний, где заслушивались доклады и сообщения, в основном посвященные «резистанской» работе. Среди докладчиков значатся имена героев Сопротивления – А. А. Угримова, В. Б. Сосинского, И. А. Кривошеина. За короткое время были выпущены несколько номеров бюллетеней и Вестника РДП и УС. «Но начавший было издаваться во Франции и ставший теперь библиографической редкостью, Вестник РДП и УС прекратил свое существование в связи с высылкой из Франции в 1947–1948 годах его основоположников и организаторов. А жаль для

истории – хорошее было начинание»¹⁸, – с сожалением констатировал Угримов.

В феврале 1946 г. Угримов был удостоен высокой чести – награжден французским Военным крестом, но перед ним, так же как и, очевидно, перед большинством русских французов, с особой остротой встал вопрос о возвращении на Родину. Многие из них наивно полагали закончить войну в рядах Советской Армии, если уж не на Восточном фронте, то хотя бы на Западном в составе особого советского корпуса, составленного из тысяч соотечественников, оказавшихся тогда во Франции. Но этим мечтам не только не суждено было сбыться. Сталинский режим, как впоследствии оказалось, уготовил соотечественникам, оказавшимся в Западной Европе, совсем другую участь и вместо наград и почестей на родине их ждали жуткие объятия ГУЛАГа.

Между тем Александра Угримова и его семью настиг тяжелый и неожиданный удар со стороны властей «благодарной» Франции, за свободу которой он боролся в рядах Сопротивления. 25 ноября 1947 г. он был арестован и принудительно выслан из страны в составе группы руководящих членов Союза советских граждан «как представлявших опасность для существования Четвертой Республики». После трехмесячных мытарств в советской оккупационной зоне в Германии («Бранденбургское сидение») в марте 1948 г. он, наконец, прибыл в родную Москву.

Однако пребывание в столице активного участника антифашистского движения было недолгим. В его судьбе между Москвой, Парижем и снова Москвой на два с половиной месяца вклинился провинциальный Саратов. По прибытии Угримова в Москву сразу же последовало распоряжение о назначении его в Саратов заместителем главного инженера мельничного комбината № 2. Перед отъездом он зашел к своей давнишней знакомой еще с гимназических времен Наташе Нестеровой, которая рекомендовала его своей тетке в Саратов и напутствовала словами классика: «В деревню, к тетке. В глушь в Саратов»¹⁹, предусмотрительно подарив ему галоши, и, как оказалось, очень кстати. «Выхожу в Саратове на вокзальную площадь – солнце светит, – вспоминал Угримов. – Тепло. Распутица. Всюду лужи. Народ одет совсем бедно, больше всего телогреек»²⁰.

Угримова разместили на квартире рядом с заводом, но так как он хотел привезти в Саратов жену и дочь, ему предложили так называемое «ведомственное жилье». Это был мрачный кирпичный дом казенно-казарменного типа с общими уборными и умывалками и, как он уточнил, «соответствующей чистоты и комфорта – почти вокзальные»²¹. Представив Ирину и дочь в этих жутких условиях, он пришел в полное замешательство, но все-таки решил, несмотря ни на что, как-то из этого советского «рая» «смастерить небольшую квартиру с уборной, кухонькой и... даже с камином»²². Но до этого дело не дошло. 15 июня

1948 г. он был арестован. Одновременно с ним в этот же день в Москве были арестованы жена, теща – Е. И. Муравьева и свояченица – Т. Н. Волкова. Тринадцатилетнюю дочь Таню спасла, взяв в свою семью М. Б. Угримова, двоюродная сестра Александра Александровича.

После шестимесячного следствия по приговору Особого Сопровождающего по ст. 58–4 УК РСФСР герою Французского Сопротивления Угримову было назначено наказание – 10 лет с отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях и конфискация всего имущества. Только 27 июля 1954 г. одновременно с женой он был освобожден из застенков ГУЛАГа и смог вернуться в Москву.

В начале 1966 г. в жизни А. А. Угримова произошло важное и знаменательное событие. Н. И. Столярова (Ева) познакомилась с А. И. Солженицыным. «Сразу же понравился мне этот человек, – отзывался об Угримове писатель, – так и дышало от него несомненной надежностью и – юмором. Даже мне показалось – постоянно смешливым настроением, что уж вовсе бесценно в конспиративном горении, но это качество я переоценил, наверно – счастливый был период в его тяжелой, в общем, жизни. Зато еще многие его качества мне предстояло испытать в будущем, например, – тонкий аналитический ум, пронизательную осторожность»²³.

С этого момента Угримов стал одним из «невидимок» солженицынской «армии теней» или, точнее, Ответственным Хранителем, как называл его Солженицын. Он был один из тех, кто тайно хранил архив писателя, помогал Александру Исаевичу переправлять «Архипелаг Гулаг» на Запад, а также подбирал надежных «кротов», которые соглашались держать у себя рукописный и самиздатовский «динамит» Солженицына. На новом поприще Угримова очень кстати пришелся его легковой автомобиль – редкая по тем временам роскошь. «Далеко не у всякого есть, а тут – доверенный, свой, секретный...»²⁴, – оценил преимущества конспиративного транспорта Солженицын. На этой машине перебрасывали рукописи, организовывали встречи, доставляли к писателю нужных людей и т. п. Сам же Угримов предложил зашифрованно звать его «Данила-кучер». Так французский сопротивленец «Андре Жиру» стал «Данилой» в солженицынской «армии теней».

Через Ответственного Хранителя великий писатель поддерживал связь с Вадимом Андреевым, который был другом Угримова по эмиграции. Кроме того, Ева и Данила участвовали в подготовке и устройении встреч писателя с супругами В. Л. и О. В. Андреевыми, а также их дочерью О. В. Карляйль. В августе 1971 г. Данила сопровождал Солженицына в его драматической поездке на юг. «Летом 1971 понадобилось мне ехать на юг – одному нельзя и на моей машине считалось опасно, – взялся везти меня Данила на своей»²⁵, – вспоминал об этом писатель. К счастью, эта по-

ездка не обернулась для Солженицына трагедией, окончившись только «солнечным ожогом».

Пожалуй, больше всего Угримову в новом деле пригодился опыт конспиративной работы, полученный им в годы войны в дурданской группе Французского Сопротивления. Бывший подпольщик-антифашист предложил Солженицыну то, что «после провала моего архива было ценней всего: хранение!»²⁶, – подчеркнул Александр Исаевич. Суть предложения Угримова сводилась к тому, что хранение рукописей писателя строилось «по железной схеме» (выражение Солженицына). Материалы хранились разными объемами в нескольких местах и не у самого Ответственного Хранителя, а у так называемых «кротов», которых писатель не должен был знать вовсе. Кроме того, Угримов придумал и внедрил особую систему учета потаенного материала, которую он вел по двум пересекаящимся реестрам. В целом схема хранения солженицынского «динамита» была разработана и воплощена Угримовым настолько четко и безукоризненно, что на протяжении 8 лет не было ни одного провала, а Александр Исаевич до конца жизни так и не узнал почти никого из этих Невидимок-кротов. Даже после того как значительно увеличились объемы хранения, эта схема не давала сбоев – «так устроил все хорошо и просторно А. А.»²⁷, – с благодарностью вспоминал Солженицын.

Таким образом, жизнь Угримова, по его собственному признанию, «...протекала в эпоху самых больших потрясений, крушений, становлений, крутых перемен и катастроф, когда-либо наблюдавшихся в истории за столь короткий отрезок времени <...> петляла тончайшей нитью среди этих титанических нагромождений, обвалов и глыб. Не так-то легко теперь эту нить мысленно как-то вытянуть “из-под глыб” и намотать на катушку воспоминаний. <...> моя жизнь – это малюсенькая клетка среди миллиардов других, образующих организм человечества в целом, во времени и пространстве. <...> Она способна по-своему явиться “свидетелем Истории”»²⁸. Высланный из Франции выдающийся инженер мельничного производства, герой Сопротивления и патриот России, оказавшийся в Лефортовской тюрьме, а затем – зэк, проработавший 6 лет на Воркутинской шахте, и, наконец, ближайший сподвижник А. И. Солженицына. Все эти почти невероятные хитросплетения судьбы, по соб-

ственному признанию А. А. Угримова, как нельзя лучше иллюстрируют «жизненный путь русского человека XX века»²⁹.

Примечания

- ¹ Угримов А. А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М. : Изд-во «РА», 2004. С. 554.
- ² Подробнее см.: Ковалев М. В. Русская эмиграция во Франции в годы войны // Новый журнал (Нью-Йорк). 2006. Кн. 245. С. 209–230.
- ³ Подробнее см.: Зензинов В. М. Памяти И. И. Фондаминского-Бунакова // Новый журнал. 1948. № 18. С. 299–317.
- ⁴ См.: Памяти Бориса Вильде и Анатолия Левицкого // Вестник Русских Добровольцев, Партизан и Участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947. № 2. С. 95.
- ⁵ Угримов А. А. Указ. соч. С. 554.
- ⁶ Там же. С. 555.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Подробнее см.: Варфоломеев Ю. В. Николай Константинович Муравьев : адвокат, политик, человек / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов : Наука, 2007.
- ⁹ Угримов А. А. Указ. соч. С. 555.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 560.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 563.
- ¹⁴ Там же. С. 564.
- ¹⁵ Там же. С. 574.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 575.
- ¹⁹ Там же. С. 87–88.
- ²⁰ Там же. С. 88.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 88–89.
- ²³ Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом : Очерки литературной жизни. М. : Согласие, 1996. С. 495.
- ²⁴ Там же. С. 497.
- ²⁵ Подробнее см.: Угримов А. А. Указ. соч. С. 579–596.
- ²⁶ Солженицын А. И. Указ. соч. С. 497.
- ²⁷ Там же. С. 496.
- ²⁸ Угримов А. А. Указ. соч. С. 373–374.
- ²⁹ Там же. С. 373.

Образец для цитирования:

Варфоломеев Ю. В. Александр Угримов – русский герой французского Сопротивления: «Я прошел по канату над пропастью...» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 304–309. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-304-309>

Cite this article as:

Varfolomeev Yu. V. Alexander Ugrimov – Russian Hero of the French Resistance: «I Walked on a Tightrope over an Abyss...». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 304–309 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-304-309>

УДК 94(47)1941:356/359(47)

Особенности охраны войскового тыла в начальный период Великой Отечественной войны

В. Г. Цыплин

Цыплин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, v.tsyplin@yandex.ru

В статье на основе анализа исторической литературы и архивных источников исследуется служебно-боевая деятельность войск НКВД СССР по охране тыла в 1941 г. Рассматриваются особенности системы охраны тыла в период реформирования государственных структур, перестройки их деятельности в условиях военного времени. Проводится обобщенный анализ недоразумений и противоречий по вопросам штатного состава, подчинения и использования подразделений охраны тыла в боевой обстановке. Даются некоторые оценки действиям военного руководства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, охрана войскового тыла, тактика действий войск НКВД.

Поступила в редакцию: 12.03.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Features of the Protection of the Military Rear in the Initial Period of the Great Patriotic War

V. G. Tsyplin

Vitaly G. Tsyplin, <https://orcid.org/0000-0003-1216-7900>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, v.tsyplin@yandex.ru

Based on the analysis of historical literature and archival sources, the article examines the service and combat activities of the troops of the NKVD of the USSR for the protection of the rear in 1941. The features of the rear protection system during the period of reforming state structures and the restructuring of their activities in wartime are considered. A generalized analysis of misunderstandings and contradictions on the staffing, subordination and use of rear guard units in a combat situation is carried out. Some characteristics of the actions of the military leadership are given.

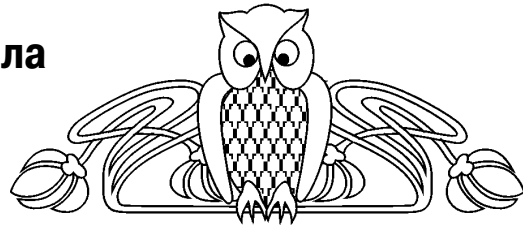
Keywords: Great Patriotic War, protection of the military rear, tactics of actions of the NKVD troops.

Received: 12.03.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-310-317>

Накануне Великой Отечественной войны на заседании Политбюро рассматривался вопрос об

усилении основных фронтов, которые в случае начала боевых действий должны были принять удар противника. На повестке дня также стоял вопрос о формировании отдельного командования, которое должно было руководить соединениями второй линии. Это решение было реализовано Ставкой ВГК (приказ № 0097 от 25 июня 1941 г.), создавшей своим решением Группу резервных армий. Руководителем новой структуры назначили генерал-лейтенанта войск НКВД И. А. Богданова, обязанности комиссара стал выполнять комиссар государственной безопасности 3-го ранга С. Н. Круглов¹.

Чрезвычайная обстановка на фронте в начале войны, введение в СССР военного положения, объявление мобилизации, использование немецко-фашистской армией большого количества диверсионных формирований требовали многих изменений в законодательной базе. Функции войск и органов НКВД неизмеримо расширились. Одной из важных задач явилась охрана тыла Действующей армии, для выполнения которой необходимо было постоянно формировать все новые и новые силы. Директива Ставки обязывала структуры НКВД поддерживать каждый действующий фронт специально подобранными для этой цели силами дивизий, полков, батальонов, пограничных отрядов, подразделениями оперативных, железнодорожных и конвойных войск. Этими структурами стали руководить генералы НКВД: четырем поручили руководство войсками охраны тыла по числу фронтов, один возглавил армии второй линии, еще один генерал стал командовать Московским военным округом².

Центрального органа руководства войсками охраны тыла Действующей армии в начале войны создано не было. Эти функции выполняло Главное управление пограничных войск. Однако, как показала практика, это оказалось нецелесообразным, так как условия войны требовали сосредоточения огромных усилий по охране оставшейся государственной границы. Руководство же охраной тыла Действующей армии отвлекало Главное управление пограничных войск от выполнения основной задачи.

Вопросы управления боевыми действиями войск НКВД по охране тыла в августе 1941 г. решались еще труднее, чем в период приграничных боев и сражений. Если в первые дни войны пограничными частями командовали начальники пограничных войск, округов и командиры Красной

Армии, то теперь они получали приказы четырех начальников: командующего армией, командира соединения, начальника охраны тыла армии и начальника охраны тыла фронта, которые, как и в период приграничных боев и сражений, часто давали противоречивые приказы. Характерные в этом отношении факты содержатся в докладной записке начальника 2-го пограничного отряда полковника Сергиенко от 12 августа 1941 г. Он писал, что весьма тяжело отражается на деятельности пограничного отряда несогласованность управлений. В течение 9–10 августа отряд получил несколько самых противоречивых приказов. Приказ № 153 Начальника охраны тыла 9-й армии требовал передислоцирование отряда в район реки Днепр. Когда согласно этому приказу подразделения направились к новому месту дислокации, был получен приказ командующего армии № 1/00305, который требовал оборонять район Поштанка. Только часть подразделений отряда успела занять оборону, остальная часть подразделений находилась в пути по первому приказу. В этот момент поступил приказ № 156 от начальника охраны тыла армии, который требовал выступить в район Владимировки 40 км юго-восточнее Поштанка. В это время было получено еще два приказа от командира 17-го стрелкового корпуса и от командира 9-ой кавалерийской дивизии. Каждый из них ставил боевую задачу в интересах своего соединения. Вскоре было получено боевое распоряжение № 162 от начальника охраны тыла фронта полковника Борисова: «Дайте объяснение, почему отряд отошел от Владимировки». А через час поступил его же приказ на занятие обороны в районе Владимировки. Все это сбивало командиров с толку, выматывало личный состав, выводило из строя транспорт. Отрицательно влияли на боеспособность разбросанность подразделений на большом пространстве местности, отсутствие средств радиосвязи, изменение направления движения, общий количественный недостаток и распределение автотранспорта по воинским частям³.

Общая численность войск НКВД к началу войны составляла 334 тыс. чел., из них: 173 тыс. – внутренние войска, 161 тыс. – пограничные войска⁴. В отчетном документе НКВД от 28 июня 1941 г., представленном в СНК СССР, были приведены данные о составе войск, направленных для выполнения задач по охране тыла: 58 тыс. пограничников, 105 тыс. военнослужащих внутренних войск. В сумме численность составляла 163 тыс. чел.⁵ На охрану тыла пограничные войска направили 48 отрядов, 10 отдельных комендатур, 4 резервных пограничных полка, 2 отдельных резервных батальона, 23 отдельных части специального назначения⁶. Для охраны тыла передавались пограничные суда с экипажами и инженерным персоналом⁷. В начале войны именно этим подразделениям поручали наиболее сложные задачи. Для приведения в соответствие со структурой Красной Армии пограничные от-

ряды, находящиеся в составе войск охраны тыла, были реорганизованы в пограничные полки. Дополнительно было сформировано 6 новых пограничных полков⁸. Однако на этом этапе руководство НКВД допустило крупную ошибку. Согласно новым штатам был оставлен лишь один разведчик в полку. Разведчики стали назначаться на другие должности или откомандировываться в распоряжение Политического управления. Часто военнослужащие пограничных войск использовались для формирования других частей⁹. Дальновидное решение принял начальник войск охраны тыла Юго-Западного фронта генерал-майор В. Т. Рогатин, по указанию которого Военный Совет фронта своим приказом восполнил сократившийся штат разведчиков. Тем самым на Юго-Западном фронте были сохранены весьма ценные военные кадры офицеров-разведчиков¹⁰.

Анализ документальных данных свидетельствует о том, что в тот период пограничники по уровню своей подготовки лучше, чем другие войска НКВД, были готовы к выполнению задач по охране тыла. Для подразделений, задействованных в охране тыла, необходимо было решить вопросы правового статуса, подчиненности, регламентации служебно-боевой деятельности в условиях, отличных от советско-финской кампании 1939–40 гг., в которой войска приобрели уже некоторый практический опыт решения подобных задач. Порядок развертывания агентурно-оперативной работы подробно изложен в Директиве НКГБ СССР от 1 июля 1941 г. № 168/6939. Для противодействия угрозам спецслужб противника особые отделы армий и фронтов в полном объеме реализовывали требования директивы, активизировали свою работу по выявлению агентуры противника. Они также проводили мероприятия по очистке тыла действующей армии от вражеских шпионов, диверсантов и их пособников¹¹.

В начале войны Советское правительство предприняло попытки силами НКВД навести порядок в тылах Красной Армии. Приказ НКО от 23 июня 1941 г. № 1756–762 сс, Постановление СНК СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» задачи по охране тыла возлагали на пограничные и внутренние войска¹². Забрасываемые фашистами агенты-пропагандисты применяли различные методы информационно-психологического воздействия на военнослужащих Красной Армии и рядовых советских граждан. Они стремились склонить их к дезертирству, переходу на сторону немецко-фашистских войск, саботажу, неповиновению властям, лояльному отношению к гитлеровскому режиму¹³. Беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла, паникерами, распространителями слухов должен был вести не только НКВД, но и все партийные и советские организации прифронтовых областей. 6 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР из-

дал указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»¹⁴. Однако хаос, образовавшийся в начале войны в результате вероломного нападения вермахта на СССР, сводил на нет все эти усилия. В приказе НКВД СССР от 25 июня 1941 г. № 00804 фигурировало решение о необходимости создания в НКВД штаба истребительных батальонов, а в управлениях НКВД прифронтовых союзных республик, краев и областей – оперативные группы. Согласно этому документу в течение 24 ч при городских, районных, уездных отделах НКВД предстояло сформировать истребительные батальоны по 100–200 чел., в состав которых требовалось обязательно включать идейных активистов, хорошо владеющих стрелковым оружием и гранатами. Истребительные батальоны представляли собой иррегулярные формирования местного ополчения, состоявшие из мужчин непризывного возраста младше 18 и старше 50 лет. Каждый батальон имел на вооружении два ручных пулемета, винтовки, револьверы и гранаты¹⁵. Им предписывалось выполнение боевых задач без отрыва от места постоянной работы. По этому принципу к концу июля 1941 г. было сформировано 1755 истребительных батальонов, общая численность которых составляла 328 тыс. чел. Параллельно шло создание групп содействия истребительным батальонам, в которых числилось свыше 300 тыс. чел. Это были мобильные отряды, действовавшие в районе появления вражеского десанта или диверсионной группы. Руководящие должности были укомплектованы военнослужащими пограничных и внутренних войск, а также сотрудниками милиции. Центральный аппарат НКВД откомандировал в истребительные батальоны 10 своих сотрудников¹⁶.

В ходе боевых действий стало понятно, что механизм руководства охраной тыла получился громоздким, требовавшим значительное количество управленческих кадров. Управления по охране тылов армий дублировали и подменяли Управления войск по охране фронтов, а количество армий, принимавших участие в боевых действиях, исчислялось десятками. В начале 1942 г. Управления по охране тыла армий стали расформировывать¹⁷. Начальники охраны тыла фронтов получили двойное подчинение: НКВД СССР в оперативном отношении – Военному Совету фронта¹⁸. Вопрос об использовании войск НКВД, оказавшихся в зоне боевых действий, долго не был решен из-за отсутствия единого управления. Войска охраны тыла Действующей армии нуждались в собственном органе управления. И оно было сформировано только в апреле 1942 г. в виде Главного управления войск по охране тыла Действующей армии¹⁹. В силу сложившейся обстановки большинство частей, включённых в охрану тыла, оказались втянутыми в боевые действия с фашистскими захватчиками (74838 чел.)²⁰. Выполняя задачи фронтового и

армейского командования, они вели арьергардные бои, проявляя при этом мужество и величайшую стойкость, но, будучи слабо вооружёнными, не имея приданных средств, несли большие потери. Об этом 10 августа 1941 г. начальник войск НКВД генерал-майор А. Н. Аполлонов докладывал в Генеральный штаб Красной Армии.

Следует отметить, что включение в охрану тылов действующих армий оперативных войск было оправдано, так как эта деятельность для них была наиболее характерна. Передача же других войск, находившихся в прифронтовой полосе, была менее обоснована из-за того, что они продолжали выполнять свои непосредственные служебные обязанности. Переключиться на иные задачи без ущерба для основной деятельности они не могли. В ходе войны по мере освобождения территории от врага многие части пришлося выводить из оперативного подчинения начальников охраны войскового тыла, после чего эти части приступали к выполнению своих непосредственных задач.

С первых дней войны в боевые действия в приграничных районах были втянуты и внутренние войска²¹. Как свидетельствуют документы, войска НКВД в первых приграничных сражениях действовали небольшими подразделениями, обороняя объекты, выполняя задачи прикрытия тылов частей Красной Армии, позволяя в некоторых случаях выиграть время для подхода и развертывания резервных частей. Гарнизоны, не успевшие примкнуть к своим частям, вливались в соседние части Красной Армии. Некоторые оперативные полки внутренних войск в силу сложившихся обстоятельств фактически утратили связь со штабами своих соединений, но не потеряли боеспособность и продолжали действовать самостоятельно, выполняя задачи полевых войск.

В зависимости от складывающейся обстановки на фронтах задачи начальникам охраны войскового тыла фронтов постоянно уточнялись и конкретизировались в приказах НКВД, решениях командования и Военных Советов фронтов, в оперативном подчинении которых они находились. Например, Начальником охраны войскового тыла Западного фронта был назначен Начальник погранвойск НКВД СССР генерал-лейтенант Г. Г. Соколов. Его подразделения организовывали службу по обеспечению порядка в войсковом тылу, освобождали тыловые дороги от беженцев, занимались задержанием дезертиров, не допускали посторонних к путям сообщения, регулировали процессы подвоза и эвакуации различных грузов, обеспечивали бесперебойную работу средств связи, уничтожали вражеских диверсантов²². На базе Управления пограничных войск НКВД СССР приказом Начальника охраны тыла фронта от 10 июля 1941 г. № 1/011 было создано Управление войск охраны тыла Западного направления действующей Красной Армии²³. Каждое такое управление в зависимости от протяженности линии фронта имело 3–5 полков²⁴.

На основании Постановления СНК СССР № 1756-762 в оперативное подчинение начальника охраны тыла Западного фронта были переданы два пограничных отряда (1577 чел.), резервный пограничный полк (2153 чел.)²⁵, а также части внутренних войск²⁶. Эвакуация беженцев с участка Западного фронта действующей армии в тыловые районы возлагалась на полковника пограничных войск А. В. Иванова. В соответствии с директивой Генерального штаба Красной Армии от 27 июля 1941 г. № 0433 о разделении Западного фронта на два – Западный и Центральный, были установлены новые разграничительные линии фронтов. Дислокацию армий, дорожную службу и регулирование на коммуникациях предписывалось организовать распоряжением штабов фронтов и армий²⁷. Граница фронтового тыла была установлена по линии Калинин–Сухиничи–Орел. Назначались две фронтовые военно-автомобильные дороги (ВАД). Управление ВАД № 1 располагалось в г. Вязьме, управление ВАД № 2 – в г. Юхнов²⁸. Ведавшие дорожно-эксплуатационной комендантской службой дорожные войска НКО СССР не справлялись в полном объеме с поставленными задачами. В донесении отдела тыла 4-й Армии Западного фронта отмечалось, что население на повозках, пешком, на автомашинах занимает основные пути. Движение по этим путям большого количества войскового транспорта, вооружения и техники создавало пробки, для ликвидации которых требовалось 4–6 ч, длина колонны достигала 40 км²⁹.

В свою очередь, начальник войск НКВД генерал-майор А. Н. Аполлонов отмечал, что отходившие танки движутся с большой скоростью, на подаваемые заградотрядом сигналы внимания не обращают. В тылу 22-й армии автомашины совершают движение на дорогах с опасными скоростями, по этой причине имеются человеческие жертвы. Наблюдается сплошной поток военнослужащих в тыл не только по шоссе, но и по лесным массивам. На шоссе создаются непреодолимые пробки из автотранспорта по 100–150 машин³⁰. Армейский и ведомственный транспорт часто использовался не по назначению. В целях наведения надлежащего порядка на автомобильных дорогах, пресечения фактов незаконного использования транспорта в соответствии с приказом по войскам Западного фронта от 9 июля 1941 г. № 010 на начальника охраны тыла генерал-лейтенанта Г. Г. Соколова возлагалась задача: выставить заградительные отряды на станциях фронта Ржев, Вязьма, Запозная, Фаянсовая, Брянск, Шостка для задержания всех незаконно следовавших машин³¹. Заградзаставы численностью 30 чел. каждая были выставлены на железнодорожных станциях Брянск, Сухиничи, Тихая Пустошь, Бологое, Волоколамск и Можайск³².

Поддержание порядка на фронтовых коммуникациях требовало от начальствующего состава огромных усилий и организаторских способно-

стей. Решение этой задачи осложнялось тем, что с началом войны войска НКВД не имели опыта ее выполнения и документов, регламентирующих их деятельность. И, как известно, советская военная стратегия носила наступательный характер. Поэтому служебно-боевая деятельность войск НКВД по охране тыла Западного фронта опиралась на опыт, полученный уже в ходе ведения боевых действий³³. Начальникам войск НКВД по охране тыла фронтов приходилось принимать самостоятельные решения.

Целесообразное решение принял Начальник войск по охране тыла Южного фронта, который проявил инициативу и привлек к охране тыла милицеские подразделения, отходившие на Запад. Военный Совет фронта одобрил это решение. В соответствии с ним была сформирована бригада милиции в составе 2-х полков, перенаименованная позднее в милицескую дивизию. Организационно она уже входила в состав войск по охране тыла Южного фронта и выполняла свойственные этим войскам задачи³⁴.

После стабилизации линии фронта, когда охрана тыла превратилась в стройную, глубокоэшелонированную оборону, появилась возможность навести порядок на фронтовых дорогах. Если в июле – августе войсками охраны тыла Южного фронта не было задержано и разоблачено ни одного шпиона, то в сентябре были задержаны – 70 чел., а в октябре–ноябре 1941 г. – 326 чел. В сентябре по итогам оперативной проверки были задержаны 975 дезертиров, к 1 декабря 1941 г. – 5703 чел. Всего войсками НКВД по охране тыла к 1 декабря 1941 г. были ликвидированы 32 разведывательные и бандитские группы, задержаны 51458 чел., из них: 30125 военнослужащих, 17817 дезертиров с оборонительных работ, 138 немецких пособников³⁵.

Организация охраны тыла Северо-Западного фронта была стабильной. Здесь командование фронта, несмотря на тяжелые условия, приняло ряд решений по быстрейшему созданию строгой системы охраны тыла. В июле месяце Военным Советом фронта в приказе были определены общие задачи войск по охране тыла фронта. В июле – августе был издан ряд приказов, направленных на поддержание твердого порядка в тылах армий фронта. В октябре издано постановление № 410 «О режиме в прифронтовой полосе». В ноябре в приказе № 00306 Командующего Северо-Западного фронта объявлялась инструкция по охране тыла, разработанная Управлением по охране тыла. Командующий фронтом генерал-лейтенант П. А. Курочкин требовал обеспечить полное взаимодействие всех частей НКВД в интересах охраны тыла фронта³⁶. В ноябре командование Северо-Западного фронта издало инструкцию начальникам гарнизонов Красной Армии «О наведении порядка в населенных пунктах армейского и войскового тыла».

На Западном фронте для организации и выполнения служебных задач по поддержанию

установленного порядка на отдельных направлениях, по решению Военного Совета фронта, приказом начальника охраны войскового тыла от 23 июля 1941 г. № 033 были созданы аппараты охраны направлений и назначены их начальники: Великие Луки – Москва – майор Греков; Смоленск – Москва – майор Ашахманов; Рославль – Москва – подполковник Иванов³⁷. На начальников охраны направлений возлагалась ответственность за поддержание порядка на этих дорогах, контроль и оказание помощи в работе дорожно-эксплуатационных постов (ДЭП). В вопросах организации и несения службы им подчинялись все комендатуры и посты, выставленные на дорогах. Службу заграждения на направлениях осуществляли 3 контрольно-пропускных пункта (КПП), сформированные из командного состава, численностью по 10 чел. каждый. Местами их дислокации стали города Волоколамск, Можайск, Медынь.

В задачи КПП входило: задержание одиночек и групп военнослужащих и транспорта, без разрешения соответствующих начальников движущихся за пределы тыла фронта; регистрация всех воинских частей и транспорта, направлявшихся в сторону фронта; фильтрация беженцев, передвигающихся за пределы фронта. Начальникам КПП вменялось в обязанность всех задержанных военнослужащих и транспорт немедленно передавать на фронтовые пункты формирования, а дезертиров – в распоряжение особых отделов армий фронта, находящихся в пунктах дислокации КПП³⁸.

5 июля 1941 г. согласно приказу НКВД № 08 по войскам охраны войскового тыла Управление войск охраны тыла Западного направления было переименовано в Управление войск НКВД по охране войскового тыла Главного командования Западного направления³⁹. По мере того, как менялась обстановка на фронте, совершенствовались структура, тактика и виды служебно-боевой деятельности войск НКВД. Приказом № 028 по войскам охраны войскового тыла Западного фронта от 18 июля 1941 г. при отделе штаба охраны был сформирован эвакуационный пункт в количестве 11 чел., задачами которого являлись обеспечение приема военнопленных от частей Красной Армии и конвоирование их в глубь страны в специально назначенные для этого зоны. В городе Вязьма согласно приказу № 029 для приемки прибывающих одиночек и команд военнослужащих войск НКВД был сформирован сборный пункт, в штат которого входили 6 чел. Начальнику сборного пункта предписывалось начать работу с 14 ч 18 июля 1941 г., а направление личного состава по частям производить в распоряжение 7-го отделения штаба охраны войскового тыла Западного фронта⁴⁰.

Важную роль в организации службы на линии армейских и фронтовых тылов сыграла инструкция от 25 июля 1941 г. «О работе контрольно-пропускных пунктов». В соответствии с ее требованиями все задержанные военнослужащие Красной Армии, отставшие и разыскивающие свою часть,

направлялись в ближайшие военкоматы, комендантские управления или сборные пункты, дезертиры – в Особые отделы ближайшего войскового соединения Красной Армии или органы НКВД для привлечения к суду военного трибунала. Задержанные без документов гражданские лица, не являющиеся местными жителями, направлялись в ближайшие органы НКВД⁴¹.

Следует отметить, что на Ленинградском фронте охрана тыла была создана значительно раньше, чем на других фронтах (к августу 1941 г.). Особенности создания системы охраны тыла под Ленинградом заключались в следующем: охрана была сдвоенной, так как были совмещены оперативный и войсковой тылы; проводилась в условиях недостатка сил; осуществлялась под руководством Военного Совета фронта, являясь при этом составной частью всего комплекса мер по защите Ленинграда⁴². Военный Совет Ленинградского фронта принял постановление № 002774 «Об усилении борьбы с дезертирством и проникновением вражеских элементов на территорию Ленинграда», согласно которому в южной части города, где наносила удар главная вражеская группировка, создавались 3 заградительные линии. Организация охраны первой линии, непосредственно проходившей по боевым порядкам 42-й армии, строилась согласно приказу по принципу пограничной службы и возлагалась на начальника охраны войскового тыла генерал-лейтенанта Степанова. Организация охраны второй линии, проходившей по пригородным улицам Ленинграда, возлагалась на начальника УНКВД Ленинградской области комиссара государственной безопасности 3 ранга Кубаткина. Третья заградительная линия проходила по обводному каналу. За этот участок отвечал начальник тыла Ленинградского фронта генерал-лейтенант Мордвинов. После стабилизации фронта первая заградительная линия была превращена в основной рубеж охраны тыла Ленинградского фронта. В октябре 1941 г. была создана новая зона заграждения на северных подступах к Ленинграду⁴³.

В сопроводительном письме к проекту постановления Военного Совета фронта от 9 октября 1941 г. начальник войск по охране тыла генерал-лейтенант Степанов писал, что по имеющимся данным немецко-финская агентура старается просочиться в Ленинград и тылы фронта через Карельский перешеек, побережье Финского залива и Ладожского озера. Исходя из опыта войны с финнами, несомненно, с образованием снежного покрова и льда немецкие разведывательные органы будут усиленно забрасывать в наш тыл лыжные диверсионно-разведывательные отряды⁴⁴. Для охраны установленной зоны заграждения на северных подступах к Ленинграду были выставлены три пограничных полка и один пограничный отряд. В блокированном городе борьбу с вражеской агентурой, обеспечение твердого фронтового режима осуществляли три полка внутренних войск⁴⁵.

В первые месяцы войны в отношении отдельных народов Северного Кавказа и этнических немцев войска НКВД провели принудительную миграцию. В соответствии с постановлением ГКО от 21 сентября 1941 г. № 698 сс из национальных республик и областей в течение месяца было выселено 139613 чел. Для проведения этой карательной акции по приказу Л. Берии в регион были дополнительно направлены 395 сотрудников НКВД, 1550 работников милиции и 4700 воинов внутренних войск⁴⁶.

Сложная обстановка сложилась в тылу Юго-Западного фронта, где сосредоточилось большое количество агентов немецкой разведки, дезертиров и мародеров. Разоблаченный шпион по кличке «Волк» имел задание проникнуть в части Красной Армии, установить наличие в них расчетов реактивной артиллерии. Другой задержанный шпион имел задание по поддельным документам внедриться в части Красной Армии, направляющиеся на фронт, разведать укрепленные районы, при подходе к ним немецких войск предупреждать их соответствующими сигналами. Агент немецкой разведки по кличке «Белая кобыла» пробирался в Ворошиловград с целью устроиться там на работу на завод им. Октябрьской Революции, создать там диверсионную группу и взорвать завод⁴⁷. Военный Совет фронта своим приказом от 27 июля 1941 г. вывел из боев на переднем крае 5 пограничных отрядов. Благодаря этому за короткое время была создана система службы на двух рубежах: на правом берегу Днепра по линии Рудня – Большие Липняки и на линии Чернигов – Нерль⁴⁸.

В целом организация службы по охране войскового тыла фронтов к началу августа 1941 г. представляла довольно стройную систему, включавшую в себя заградительные отряды, заставы, комендатуры, контрольно-пропускные и фильтрационные пункты⁴⁹. Заградительная служба производила на основных фронтовых кавалькадах, производя двустороннюю проверку документов у военнослужащих и гражданских лиц. 98 % всех задержаний было произведено разведывательно-поисковыми группами и на КПП. Службными войсковыми нарядами, истребительными батальонами и милицией контролировались практически все полевые дороги, тропы и другие вероятные пути движения агентуры противника. Для повышения качества выполнения задачи также выставлялись засады, секреты. По особому графику осуществлялось патрулирование и высылались дозоры⁵⁰.

В июле 1941 г. в войска НКВД по охране тыла поступила инструкция «О службе заставы по охране войскового тыла Западного фронта действующей Красной Армии», которая требовала обеспечить надлежащий порядок в населенных пунктах и на основных коммуникациях; уничтожать банды, парашютные и воздушные десанты и отдельных диверсантов, забрасываемых в наш тыл; надежно охранять мосты и средства проводной связи; поддерживать дороги прифронтовой

полосы в состоянии, обеспечивающем нормальное движение по ним частей Красной Армии⁵¹. На заставах каждый военнослужащий проходил универсальную одиночную подготовку, необходимую для борьбы с агентурой противника⁵².

Оперативно-боевая деятельность войск НКВД в первые месяцы войны не носила системного характера. Из-за отсутствия надежной информации она мало учитывалась в решениях командного состава о проведении операций и войсковых действий⁵³. Для выполнения оперативных задач в тылу широко применялись заградительные группы, выставляемые на определенных направлениях или у особо важных объектов, и истребительные группы, которые были хорошо вооружены, мобильны. Их основная задача состояла в выявлении и уничтожении диверсантов⁵⁴. «Временной инструкцией о службе заграждения войск НКВД» предписывалось применять оружие в строгом соответствии с требованиями воинских уставов, приказов НКВД и сложившейся обстановкой⁵⁵. Следует отметить, что именно на Западном фронте были разработаны первые инструкции по порядку действия войск в процессе охраны тыла, но распространения по другим фронтам они, к сожалению, не получили.

Как видим, задачи, возложенные на войска НКВД по охране тыла фронтов, документы, регламентирующие их деятельность, не предусматривали «расстрельных мер» в отношении бойцов и командиров Красной Армии. Не предусматривал таких мер для войск охраны тыла и более поздний приказ Народного Комиссара Обороны от 28 июля 1942 г. № 227, согласно которому заградительные отряды комплектовались за счет личного состава НКО СССР и в соответствии с приказом Народного Комиссара Обороны от 29 октября 1944 г. № 0349 были расформированы. Охрана тыла действующей Красной Армии войсками НКВД осуществлялась на протяжении всей Великой Отечественной войны⁵⁶.

Часто получалось так, что заградотряды оказывались на расстоянии броска гранаты с фашистскими танками, вступали в рукопашную с немецкими автоматчиками⁵⁷. Например, несший службу заграждения 83-й пограничный полк 2 сентября 1941 г. около 14 ч вел бой с противником, обеспечивая отход частей 214-й стрелковой дивизии, в результате которого удалось выполнить поставленную задачу и не допустить прорыва группировки врага в город. В бою было подбито несколько танков, уничтожен миномет противника⁵⁸. Современными историками и исследователями доказано, что за штрафными батальонами и ротами заградительные отряды не выставлялись⁵⁹.

Для борьбы с трусами и паникерами в целях поддержания любой ценой железной воинской дисциплины по войскам НКО СССР был издан ряд приказов и распоряжений, предусматривающих карательные меры к виновным. В их числе

приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии от 16 августа 1941 г. № 270, секретные приказы войскам Западного фронта от 8 ноября 1941 г. № 64, от 21 ноября 1941 г. № 057, приказание командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова Военному Совету 5-й армии о принятии мер к отходящим войскам, требующее безжалостно расстреливать виновных, не останавливаясь перед полным уничтожением всех, бросивших фронт⁶⁰. Приказ № 61 предписывал Особым отделам, Прокуратуре, Военному трибуналу дела о попытках перехода к противнику разбирать в срочном порядке, применяя высшую меру наказания, приводя ее исполнение перед строем⁶¹. Как видим, ни в одном из этих документов исполнение указанных задач не возлагалось на войска НКВД. Вместе с тем службой заграждения Западного фронта только в период с 11 июля по 1 сентября 1941 г. было задержано 102461 чел., из которых 15409 чел. оказались дезертирами, а 8663 уклонившимися от мобилизации⁶². В ходе ведения оборонительных боев на ближних подступах к Москве заградительным отрядом войск НКВД в составе неполного взвода в районе Наро-Фоминска за период с 15 по 16 октября 1941 г. было задержано около 4000 военнослужащих 24-й и 33-й армий, из которых сформировали два стрелковых полка, принявших участие в боях в районе Митяево⁶³. Всего же на 10 ноября 1941 г. войсками НКВД по охране тыла Западного фронта были задержаны 161430 чел., в числе которых оказались 5 агентов немецкой разведки, 4 бандита, 15510 дезертиров, 30600 военнослужащих, потерявших свои части, 14535 чел., вышедших из окружения, и 194 чел., бежавших из немецкого плена⁶⁴.

Заградительные отряды армейской подчиненности, состоявшие из застав, располагались на удалении 1,5–2 км от передовой линии. Они проверяли и задерживали всех, чье пребывание вне воинской части не было вызвано необходимостью. Встречались отдельные критические случаи стрельбы по отступающим подразделениям в напряженных боях. Но нет никаких документов, подтверждающих таковую повседневную практику. Перед строем в индивидуальном порядке высшую меру применяли в отношении инициаторов бегства с боевых позиций, трусов, паникеров. На месте уничтожалась только вражеская агентура⁶⁵.

Подводя итоги деятельности войск НКВД по охране тыла в 1941 г., можно сказать, что создание эффективной системы борьбы с диверсионными силами фашистской Германии, являющейся основной задачей частей, назначенных для охраны тыла, протекало с большими осложнениями. План прикрытия государственной границы, где основной упор делался на усиление пограничных войск частями Красной Армии в случае массированного применения противником диверсионных групп, остался с начала боевых действий так и не реализованным. Основная часть пограничных и внутрен-

них войск принимала участие в боевых действиях. Привлечь их к выполнению задач по охране тыла получилось только к ноябрю – декабрю 1941 г. Значительная роль в борьбе с диверсионными группами противника отводилась разведывательным органам войск охраны тыла, выполнявшим еще и контрразведывательные функции. Они вели зафронтную работу, привлекались к оперативным и фильтрационным действиям в тылу советских войск. С началом формирования войск охраны тыла разведывательные органы были необоснованно сокращены, а затем в тяжелых условиях пришлось их восстанавливать.

Примечания

- 1 См.: Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 111. Л. 5.
- 2 Там же. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 15. Л. 66.
- 3 Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 32880. Оп. 5. Д. 408. Л. 17, 18.
- 4 См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 23. Л. 128.
- 5 См.: РГВА. Ф. 38652. Оп. 2. Д. 7. Л. 376.
- 6 См.: *Терещенко В. В.* Деятельность Советских государственных и военных органов по созданию и совершенствованию окружной системы пограничных войск (1918–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. С. 101.
- 7 См.: *Тихонов Д. Н.* Морские части пограничных войск НКВД СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 95.
- 8 См.: Центральный архив пограничных войск (далее – ЦАПВ). Ф. 14. Оп. 2. Д. 205. Л. 90.
- 9 См.: РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 18. Л. 31.
- 10 Там же. Л. 33.
- 11 См.: *Мунчаев Ш. М., Тюрин В. И.* Нормативно-директивные акты, регулирующие деятельность чекистов в прифронтовой полосе и тыловых районах в период Московской битвы (1941–1942 гг.) // *Право и образование.* 2012. № 8. С. 168.
- 12 См.: ЦАПВ. Ф. 14. Оп. 4. Д. 3. Л. 81а.
- 13 См.: *Тюрин В. И.* О некоторых нормативно-правовых актах, регулирующих деятельность чекистов в прифронтовой полосе и тыловых районах в период Московской битвы (30 сентября 1941 г. 20 апреля 1942 г.) // *Учен. зап. Электр. науч. журнал Курского гос. ун-та.* 2011. № 4. С. 77–84.
- 14 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1772. Л. 146.
- 15 См.: НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сб. документов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. С. 58.
- 16 См.: *Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы.* М.: Юрид. лит., 1975. С. 542.
- 17 См.: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 192. Т. 1. Л. 120.

- ¹⁸ См.: Ковыришин Е. В. Войска НКВД СССР : эволюция структуры и практики использования : 1934–1947 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011. С. 139.
- ¹⁹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : в 12 т. Т. 11 : Политика и стратегия Победы : стратегическое руководство страной и Вооруженными Силами СССР в годы войны. М. : Кучково поле, 2015. С. 422.
- ²⁰ См.: РГВА. Ф. 38650. Оп. 3. Д. 8. Л. 234.
- ²¹ См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. С. 35.
- ²² См.: РГВА. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- ²³ Там же. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 228. Л. 3.
- ²⁴ См.: Некрасов В. Ф. На страже интересов Советского государства. М. : Воениздат, 1983. С. 188.
- ²⁵ См.: РГВА. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 8. Л. 378.
- ²⁶ См.: См.: Охраняя тыл Действующей армии. Документы и материалы. М. : ГУВВ МВД СССР, 1985. С. 188.
- ²⁷ См.: РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 228. Л. 148.
- ²⁸ Там же. Д. 85. Л. 31.
- ²⁹ См.: ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2563. Д. 25. Л. 4.
- ³⁰ См.: РГВА. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 2. Л. 312 ; Д. 3. Л. 248, 379.
- ³¹ См.: ЦАМО РФ. Ф. 117. Оп. 121915. Д. 459. Л. 165.
- ³² См.: РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 228. Л. 3.
- ³³ См.: Холоден В. В боях за столицу // На боевом посту. 1971. № 12. С. 31.
- ³⁴ См.: РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 408. Л. 78–79.
- ³⁵ Там же. Л. 208–209.
- ³⁶ Там же. Л. 65.
- ³⁷ Там же. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 226. Л. 1–3.
- ³⁸ Там же. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 2. Л. 224, 236, 314.
- ³⁹ Там же. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 306. Л. 2.
- ⁴⁰ Там же. Д. 227. Л. 33.
- ⁴¹ Там же. Д. 89. Л. 1–3.
- ⁴² См.: Цыплин В. Г. Деятельность войск НКВД по охране тыла действующей армии в годы Великой Отечественной войны. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000. С. 42.
- ⁴³ См.: ЦАПВ. Ф. 255. Оп. 12. Д. 210. Л. 201.
- ⁴⁴ Там же. Л. 210.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ См.: Цыплин В. Г. Принудительные миграции населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Современные евразийские исследования : Научный журнал / под ред. Ю. Г. Голуба. Саратов, 2014. № 2. С. 51.
- ⁴⁷ См.: РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 408. Л. 191.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 2. Д. 292. Л. 53, 55.
- ⁴⁹ См.: Бунин С. В., Марценюк Ю. А. Краткая история внутренних войск : учеб. пособие. М. : На боевом посту, 2015. С. 167.
- ⁵⁰ См.: Биленко С. Заслон шпионажу и диверсиям // На боевом посту. 1986. № 63. С. 8.
- ⁵¹ См.: РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 89. Л. 6.
- ⁵² См.: Бунин С. В., Марценюк Ю. А., Беркутов А. С., Климов А. А., Ченцов А. С. Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Военно-исторический труд : в 3 т. Т. II : Войска НКВД в первый и второй периоды Великой Отечественной войны (1941–1943). М. : На боевом посту, 2015. С. 190.
- ⁵³ См.: Стариков Н. Войска НКВД на фронте и в тылу. М. : Алгоритм, 2014. С. 219.
- ⁵⁴ См.: РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 89. Л. 7–8.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 441. Л. 49–53.
- ⁵⁶ См.: Ищенко С. Д. Я из заградотряда // Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 57.
- ⁵⁷ См.: Лащенко П. Н. Продиктован суровой необходимостью // Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 77.
- ⁵⁸ См.: РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 227. Л. 210.
- ⁵⁹ См.: Мороз А. В. Штрафные части Красной Армии в 1942–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. С. 21.
- ⁶⁰ См.: ЦАМО РФ. Ф. 326. Оп. 5045. Д. 5. Л. 5 ; Ф. 353. Оп. 5864. Д. 1. Л. 41.
- ⁶¹ См.: РГВА. Ф. 32880. Оп. 2. Д. 38. Л. 122–123 ; Д. 415. Л. 253.
- ⁶² Там же. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 2. Л. 224, 236, 314, 428.
- ⁶³ Там же. Ф. 32880. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–4.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 38261. Оп. 1. Д. 60. Л. 65.
- ⁶⁵ См.: Рубцов Ю. В. Заградительные отряды в РККА в годы Великой Отечественной войны // Клио. 2008. № 3. С. 89.

Образец для цитирования:

Цыплин В. Г. Особенности охраны войскового тыла в начальный период Великой Отечественной войны // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 310–317. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-310-317>

Cite this article as:

Tsyplin V. G. Features of the Protection of the Military Rear in the Initial Period of the Great Patriotic War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 310–317 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-310-317>

УДК 930.2(474.5)

Советская историография средневекового литовского прошлого

М. Е. Мегем

Мегем Максим Евгеньевич, кандидат исторических наук, директор Центра исследований исторической памяти, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, megem@yandex.ru

В статье рассматривается процесс становления и развития изучения истории Великого княжества Литовского в Советском Союзе. Рассказывается о судьбе дореволюционных историков, специалистов в области истории Литвы, которые были вынуждены либо эмигрировать, либо сменить поле исследования. Представлен обзор первых произведений советских ученых, касающихся литовского Средневековья. Анализируется вклад В. И. Пичеты и В. Т. Пашуто в формирование советской литуанистики.

Ключевые слова: советская историография, Великое княжество Литовское, В. И. Пичета, В. Т. Пашуто.

Поступила в редакцию: 24.02.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Soviet Historiography of the Medieval Lithuanian Past

М. Е. Мегем

Maxim E. Megem, <https://orcid.org/0000-0001-6412-9119>, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia, megem@yandex.ru

The article deals with the process of organization and development of the study of the history of the Grand Duchy of Lithuania in the Soviet Union. The author considers the fate of pre-revolutionary historians, experts in Lithuanian history, who were forced to either emigrate or change the field of research. The article presents the analysis of the first works of Soviet scholars concerning the Lithuanian Middle Ages. It also examines the contribution of Vladimir I. Picheta and Vladimir T. Pashuto to the organization of Soviet Lithuanistics.

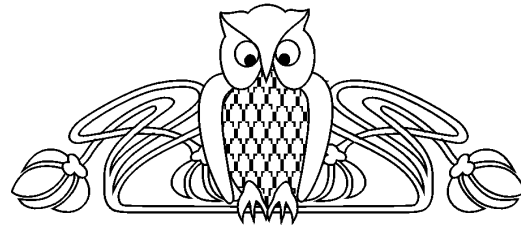
Keywords: Soviet historiography, Grand Duchy of Lithuania, Vladimir I. Picheta, Vladimir T. Pashuto.

Received: 24.02.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-318-325>

История Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) уже на протяжении более двух веков привлекает внимание отечественных специалистов. За это время было опубликовано множество произведений, посвященных литовскому прошлому. Особенно активно историю средне-

вековой Литвы изучали в дореволюционной России. В советское время история Литвы, как и история других народов СССР, также являлась важным объектом исследования. Несмотря на этот факт, можно констатировать, что в объективе современной российской историографии, прежде всего, находится дореволюционная медиэвистика, в то время как советская литуанистика часто остается вне границ научных изысканий. Современные российские авторы к наследию советских ученых, исследовавших литовское прошлое, как правило, обращаются редко и фрагментарно. Исключением является ряд работ. В первую очередь, здесь необходимо отметить исследования М. Е. Мегема¹ и А. И. Филюшкина², в которых анализируются ключевые сюжеты средневековой литовской истории, характерные для советской исторической науки, а также статью И. В. Сидорчука, посвященную советской политике памяти в отношении ВКЛ в позднесталинский период³. Цель данной статьи – реконструировать на основе историографического анализа процесс становления и развития изучения средневекового литовского прошлого в советский период, т. е. описать, каким образом, произошло формирование каркаса советской литуанистики. При этом основное внимание будет уделено наследию советских ученых, трактовки литовской истории которых определяли направление и тематический ландшафт исследований советских литовских авторов⁴.

До революции средневековая литовская история – актуальный предмет исследования, после (в 20–30-е гг. XX в.) – проблематика, уступившая позиции более конъюнктурным, с точки зрения «новой» марксистской науки, темам. Давление со стороны представителей советской власти и не востребованность темы вынудили многих видных специалистов в области истории ВКЛ покинуть советскую Россию. По этому поводу высказался А. Ю. Дворниченко: «...Последние страницы исторических сочинений, выполненных в традициях дореволюционной исторической науки, зачастую дописывались далеко от Родины, в эмиграции, на базе научных центров Праги и Варшавы, Белграда и Берлина»⁵.

Так, представитель киевской школы историков М. Н. Ясинский перебрался в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Преподавая в Люблинском университете, он завершил свои научные изыскания в сфере права ВКЛ⁶.

Последние годы жизни Е. Ф. Шмурло прошли в Чехословацкой Республике⁷. Несмотря на все сложности, из-под пера первого председателя Русского исторического общества в Праге в 1920–1930-е гг. вышли произведения «История России»⁸, «Введение в русскую историю»⁹, многотомный «Курс русской истории»¹⁰. В них автор подробно представил историю Литвы, но, осев на полках отдела специального хранения, эти исследования стали недоступными для широкой советской публики. С трудами Е. Ф. Шмурло в Советском Союзе можно было познакомиться только на основании разоблачительных рецензий. В частности, на страницах журнала «Историк-марксист» рецензент С. Пионтковский критиковал Е. Ф. Шмурло, отмечая, что его работы – это поверхностная компиляция из Карамзина, Ключевского, Платонова и др.¹¹.

И. И. Лаппо в начале 1920-х гг. эмигрировал в Прагу, где в 1924 г. опубликовал работу «Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом»¹². Он с большим воодушевлением воспринял восстановление независимости Литвы и считал, что польские притязания на Вильно необоснованны¹³. В 1920-е гг. руководство вновь созданного Литовского университета попыталось пригласить для преподавания на кафедре истории Литвы М. К. Любавского, который в 1928 г. отказался от такого предложения и посоветовал обратить внимание на И. И. Лаппо: «...Очень хорошо было бы привлечь вам к преподаванию И. И. Лаппо. Он, конечно, не блестящий лектор, но превосходный руководитель практических занятий...»¹⁴. С 1933 по 1940 г. И. И. Лаппо читал лекции по литовской истории в Литве в университете Витаутаса Великого. Его исследовательский фокус был сосредоточен на изучении социально-политического строя Литвы после Люблинской унии¹⁵.

М. С. Грушевский в 1919 г. переехал в Вену, где так и не смог продолжить полноценную научно-исследовательскую работу. По этой причине в 1924 г. историк вернулся на Украину и приступил к преподавательской деятельности в Киевском государственном университете. При советской власти М. С. Грушевский прекратил исследования по западнорусской истории, а в конце 1920-х гг. подвергся репрессиям¹⁶.

Оставшиеся в советской России исследователи по разным причинам не могли заниматься литовской историей. Один из виднейших представителей дореволюционной исторической науки М. К. Любавский сконцентрировал свои усилия на научно-организационной работе, включившись в борьбу за сохранение национального архивного достояния. На научном поприще он разрабатывал тему, связанную с исторической географией¹⁷.

А. Е. Пресняков, так же как и М. К. Любавский, с первых лет советской власти начал сотрудничать с ней¹⁸. Неудивительно, что его научные интересы сместились в сторону изучения новой истории. Им были опубликованы монографии

и статьи по истории российского самодержавия XIX в., движения декабристов, международных отношений России в XVIII–XIX вв. Кроме того, он пересмотрел свои позиции относительно истории средневековой Руси, обратившись к теоретическим вопросам феодализма¹⁹.

В. И. Пичета, с 1921 г. находясь на посту ректора Белорусского государственного университета, посвятил свое творчество становлению белорусской советской исторической науки. В 1921 г. издана написанная им еще до революции книга «История Литовского государства до Люблинской унии»²⁰, но опубликована она была не в советской России, а в Вильно, являвшемся в то время столицей Срединной Литвы. В это время В. И. Пичета написал только две работы, связанные с историографией Литвы: в 1922 г. он опубликовал монографию «Введение в русскую историю», в которой поместил сообщения о белорусско-литовском летописании и белорусской историографии²¹, а в 1926–1927 гг. в журнале «Польмя» напечатал статью «Разработка истории литовско-белорусского права в XV–XVI вв. в историографии»²². Эти исследования были переработаны в курс лекций по источниковедению, который он читал в Белорусском государственном университете и Белорусском народном университете в Москве. Только после репрессий 1930-х гг. он возвращается к исследованиям в области истории Литвы²³.

Пострадал от «гонений» историк права ВКЛ И. А. Малиновский, который после разгрома Всеукраинской академии наук в конце 1920-х гг. оказался в опале²⁴.

Из плеяды «старых специалистов» в 1920-е гг., помимо В. И. Пичеты, лишь М. В. Довнар-Запольский написал работу под названием «История Белоруссии», в которой большую главу посвятил истории образования Литовско-Русского государства. В связи с тем, что основные выводы исследования противоречили марксистской трактовке истории, на этот труд в 1926 г. была составлена разгромная рецензия сотрудника Общества историков-марксистов Белоруссии В. А. Сербента. Основоположника белорусской историографии обвинили в «национал-демократизме» и он был вынужден покинуть Белорусскую ССР. Впоследствии на М. В. Довнар-Запольского со стороны властей оказывалось большое давление, а его имя было вычеркнуто из советской историографии²⁵. Проблемный труд историка увидел свет только в начале 2000 гг.²⁶

После разгрома белорусской исторической науки в конце 1920-х гг. история ВКЛ фактически оказалась под негласным запретом. Например, в 1928 г. был опубликован лишь один том из четырехтомной коллекции документов Литовской метрики, подготовленной к изданию еще до революции. Следующий том вышел только в 1980-е гг., а изучением белорусско-литовского летописания занялись лишь в конце 1960-х гг.²⁷

Отсутствие литовской и западнорусской проблематики в литературе 1920 – первой половины 1930-х гг. связано с теми процессами, которые в это время происходили в исторической науке. После революции наследие «буржуазной историографии» подверглось коренному пересмотру, и преемственность традиций изучения литовской истории была нарушена. К тому же стоит учитывать, что на «старых специалистов» оказывалось постоянное давление со стороны власти. В конце 1920-х гг. были ликвидированы различные исторические и археологические общества, реорганизована Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. На всю страну прогремело так называемое «Академическое дело», сфабрикованное против многих видных историков, подвергшихся в итоге заключениям и ссылкам. Среди репрессированных – М. К. Любавский, В. И. Пичета и С. Ф. Платонов. Из этого списка блестящих ученых только В. И. Пичета в 1935 г. смог вернуться к научной и образовательной деятельности.

Советские историки могли нормально работать только в рамках определенного набора тем, который строго регламентировался со стороны власти. Литовской тематике в советской науке не нашлось место. Большевики обращались к истории с позиции «полезности», т. е. «красная профессура» и «старые специалисты» проводили свои научные изыскания преимущественно с установкой на современность или уходили в краеведение²⁸.

В результате глобальных трансформаций 1920-х гг. в СССР такой исследовательский предмет, как история Литвы, оказался на периферии советской историографии. Знакомство с работами советских авторов означенного периода позволяет сделать вывод о наличии в советском нарративе отрывочных и несистематизированных данных по литовскому прошлому. Так, например, в одной из первых марксистских работ по истории «Русская история с древнейших времен», написанной «пионером» советской исторической науки М. Н. Покровским, о Литве упоминалось лишь вскользь: во втором томе своего курса автор обращается к прошлому Литвы в главе, где освещается борьба Московского государства за Украину. Историк делает вывод о существовании литовско-русского феодализма. По отношению к Киевской земле Литва, по мнению исследователя, являлась сильным сюзереном, который, как и всякий феодальный сюзерен, не вмешивался во внутренние дела аннексированных территорий²⁹.

В первой половине 1930-х гг. советское руководство осознало ценность прошлого для становления настоящего. Историческая наука позволяла творцам нового курса сформировать «правильное» отношение многонационального советского общества к власти и объяснить посредством истории недавно произошедшие и происходящие в данный момент события. По этим

причинам исторические знания стали активно использоваться партийно-государственным руководством для формирования нового мировоззрения и становления коллективных представлений о прошлом. Рассматривались только те явления, которые были важны для советской действительности³⁰.

В этой связи неслучайно, что в конце 1930-х гг. после присоединения к Советскому Союзу Западной Белоруссии и Западной Украины были опубликованы работы, посвященные прошлому этих территорий. Среди прочих тем в этих исследованиях раскрывались отдельные эпизоды литовской истории, связанные с овладением Литвой западнорусских земель. Так, согласно И. Ф. Лочмелю население русских, белорусских и украинских территорий из-за страшного монголо-татарского нашествия было вынуждено подчиниться литовским князьям³¹. В. В. Мавродин конкретизирует, что Литва в отличие от татар «не рушила старину» и «не вводила новизну»³². К. Гуслистый добавляет, что власть литовцев была менее тяжелой, чем иго Золотой орды и польское господство³³.

В свою очередь, активизация советско-литовских отношений в 1939 г. обусловила появление полноценного исследования по истории средневековой Литвы – посмертной книги А. Е. Преснякова «Лекции по русской истории: Западная Русь и Литовско-Русское государство»³⁴, подготовленной к изданию его учеником Б. А. Романовым. Основу исследования составляли лекции ученого, прочитанные им в стенах Санкт-Петербургского университета в 1908–1910 гг. Советский историк Н. Л. Рубинштейн, автор предисловия к данной книге, видел заслугу А. Е. Преснякова в том, что тот выделил особняком вопрос о русских землях в составе Литовско-Русского государства и показал разобщенность отдельных территорий, которая мешала превращению ВКЛ в единое централизованное государство³⁵. Благожелательное отношение советской власти к А. Е. Преснякову и потребность в подобного рода произведениях, несомненно, повлияли на решение об издании этой дореволюционной работы, которое было вполне обоснованным. А. Е. Пресняков после Октябрьской революции остался в числе историков, к которым власть после сделанной «прививки марксизма» относилась с долей уважения. Б. С. Каганович констатирует, что А. Е. Пресняков считался одним из немногих «старых специалистов», «близко подошедших к марксизму», поэтому он печатался в таких журналах, как «Красный архив», «Красная летопись», «Борьба классов», «Историк-марксист»³⁶.

С аннексией Литвы в 1940 г. «совпала» публикация политико-экономического очерка К. И. Рубинштейна с одноименным названием «Литва». Прежде чем рассуждать о политико-экономической ситуации в досоветской Литве, автор решил сделать краткий исторический экскурс. Он

был уверен в необходимости предварительного знакомства с историей средневековой Литвы, поскольку именно в эту эпоху «возникло господство польских помещиков над литовскими крестьянами», что наложило «отпечаток на развитие Литвы до самого последнего времени». Примечательно, что К. И. Рубинштейн пишет не о захвате литовцами русских княжеств, а об их «присоединении». Вероятно, такая трактовка была продиктована желанием представить неконфликтную, сглаженную концепцию взаимоотношений Литвы и русских земель. Исследователь идет дальше своих коллег-марксистов и заявляет о позитивном для русского народа значении Литвы: литовцы, сумевшие в отличие от других балтских племен отстоять независимость, сыграли роль плотины, предотвратив проникновение немецких рыцарей на Восток³⁷.

Во второй половине 1930-х гг. произошла реабилитация ряда «старых» специалистов, среди которых был В. И. Пичета – авторитетнейший исследователь в области истории Литвы XV–XVIII вв. В 1930–1940-е гг. по сути он был единственным советским экспертом по литовскому Средневековию.

В 1940 г., в год включения Литвы в состав Советского Союза, В. И. Пичета в своей критической заметке на работу А. Е. Преснякова обращает внимание на отсутствие в Советском Союзе исследований, посвященных историческому наследию Литвы: «Остается пожелать, чтобы скорее была написана марксистская история Великого княжества Литовского, необходимость в которой давно ощущается»³⁸. Историк попытался самостоятельно ликвидировать данный пробел. В 1944–1945 гг. он закончил свой обобщающий труд «История Литвы с древнейших времен до наших дней», который был опубликован только в 1961 г.³⁹ Во второй половине 1940-х гг. историк стал автором глав, посвященных литовскому прошлому, университетских учебников многотомной «Истории СССР»⁴⁰. В 1947 г. Бюро отделения исторических наук АН СССР отметило, что в области истории Литвы В. И. Пичета являлся высшим авторитетом в советской науке⁴¹.

В конце 1940-х гг. дело В. И. Пичеты продолжил В. Т. Пашуто, который явился ключевой фигурой в советской литуанистике. Уже будучи состоявшимся ученым, В. Т. Пашуто напишет, что В. И. Пичета высказал немало ценных мыслей по ранней истории Литвы, но так и не оставил специальных исследований по данной теме. В итоге В. Т. Пашуто взял бремя написания «специального исследования» по истории Литвы на себя⁴².

В 1945 г. В. Т. Пашуто поступил в аспирантуру Института истории АН СССР. Через 4 года, являясь сотрудником Академии наук, он защитил кандидатскую диссертацию по истории Галицко-Волынской Руси, в которой среди прочих проблем рассматривал события, происходившие в Литве. По рекомендациям своего научного руководителя академика Б. Д. Грекова ученый занялся истори-

ей Литвы, параллельно изучая литовский язык. В течение 1950-х гг. он выпустил блок статей и монографий, в контексте которых затрагивал внешнеполитические, внутривнутриполитические, социально-экономические аспекты прошлого литовского народа. Важное место автор отводил критике зарубежной «буржуазной» историографии истории балтийских народов⁴³.

Итогом его работы стал фундаментальный труд «Образование Литовского государства», который В. Т. Пашуто защитил в качестве докторской диссертации в 1959 г. Эта работа стала основополагающим исследованием для советских ученых, которые занимались историей Литвы. Она была переведена на литовский язык и опубликована в 1971 г. в Вильнюсе⁴⁴. В предисловии к книге он обратил внимание на актуальность исследования: «Образование Литовского государства – тема в нашей историографии сравнительно новая. Ее изучение имеет существенное значение для создания обобщающих трудов по истории Литовской ССР; кроме того, оно необходимо для правильной оценки политических условий развития национальных государств России, Польши и народов Прибалтики». Автор признавал, что до появления на свет его сочинения в Советском Союзе не было работ, посвященных проблеме образования Литовского государства, а в сводных трудах имелись лишь «краткие общие соображения»⁴⁵.

Для того чтобы правильно оценить те политические условия, в которых произошло зарождение литовской государственности, В. Т. Пашуто структурировал свою работу следующим образом: в первой части рассматриваются источники – русские и литовские (по Пашуто: литовско-русские) летописи, немецкие хроники, актовый материал; во второй части подробно разбирается дореволюционная отечественная, советская, польская, немецкая и литовская историографии; в последнем разделе характеризуется социально-экономическая, внутривнутриполитическая и внешнеполитическая ситуация в Литве с момента образования государства и до XIV в.⁴⁶ Являясь, разумеется, сторонником формационного подхода к историческому развитию, В. Т. Пашуто анализировал проблему становления литовской государственности в тесной связи с развитием феодальных отношений в стане литовских племен. Исследование, по словам А. Ю. Дворниченко, выполнено согласно «классическим» марксистским канонам: сначала идет изучение экономических, потом политических отношений⁴⁷.

В 1969 г. В. Т. Пашуто стал заведующим только что созданного сектора истории древнейших государств на территории СССР в Институте истории СССР. Задача институции, прежде всего, заключалась в сравнительно-типологическом исследовании проблем классового общества и государства у народов СССР⁴⁸. Параллельно историк начинает активно разрабатывать про-

блематику генезиса феодализма на его ранней стадии у балтийских народов. Совместно с Л. В. Черепниным и А. П. Новосельцевым проводится сравнительно-историческое исследование особенностей развития феодализма в четырех регионах: закавказском, прибалтийском, древнерусском и среднеазиатском. В 1972 г. выходит их работа «Пути развития феодализма»⁴⁹, в которой В. Т. Пашуто с помощью синхростадиального анализа и на основании структурно-типологического подхода делает вывод о существовании в прибалтийском регионе двух форм синтеза феодализма: немецко-балтийской и балтийско-славянской. Немецко-балтийская форма, по его мнению, была результатом прямого военного завоевания развитыми феодальными государствами народов, не создавших свои государственные образования. Вторая форма, наиболее выраженная в Литве, возникла вследствие соглашения раннефеодального Литовского государства с феодально-развитыми княжествами Полоцко-Минской Руси⁵⁰. Одновременно с исследованием особенностей литовского феодализма В. Т. Пашуто вместе с Р. К. Батурой занялся изучением культуры ВКЛ⁵¹. Тогда же по инициативе В. Т. Пашуто начинается совместная с московскими, литовскими и польскими учеными подготовка к выпуску «Литовской метрики»⁵².

Всего же за время своей работы В. Т. Пашуто посвятил собственно литовской истории около 20 монографий и статей. В 1950–1970-е гг. он писал параграфы по истории Литвы практически для всех обобщающих изданий и учебной литературы (за вычетом трудов и учебников по истории союзных республик: Литовской ССР, Украинской ССР и Белорусской ССР).

Многие зарубежные и отечественные авторы неоднозначно относятся к творческому наследию В. Т. Пашуто. Например, немецкий автор Х. Х. Нольте называет советского медиевиста «политически осведомленным» ученым, занимающимся исследованием в русле партийных установок⁵³. С немецким исследователем соглашается А. Ю. Дворниченко, который отмечает, что сочинение В. Т. Пашуто «Образование Литовского государства» носит характер «государственного заказа», содержащего в себе заранее заданную схему, и поэтому является устаревшим во многом даже больше, чем труды дореволюционных историков второй половины XIX в.⁵⁴

Е. А. Мельникова дает следующую оценку деятельности В. Т. Пашуто: «Борец и полемист по натуре, Пашуто не мог не оказаться и втянутым в гуцу общественной жизни Института – идеологического оплота и создателя официальной истории советского общества. Жизненный путь, равно как и труды Пашуто несут на себе отпечаток противоречивой, сложной эпохи: скрупулезный и тонкий исследователь сочетался в нем с блестящим полемистом, глубокий знаток древнерусских и зарубежных источников – с ярким критиком реваншизма, глубокая убежденность в право-

те коммунистических идей – со стремлением к объективности и источниковедческой точности своих работ»⁵⁵.

Несмотря на обилие критических стрел в адрес медиевиста, следует признать, что в советский период В. Т. Пашуто – ведущий специалист в области литовской истории. Его труды, являясь отправной точкой в деле изучения литовской истории, заложили фундамент историографии средневековой Литвы в СССР. Благодаря научным изысканиям В. Т. Пашуто проблема истории Литвы в советской исторической науке стала самостоятельным исследовательским направлением. Кроме всего прочего, он был основателем советской историко-филологической школы, внесшей важный вклад в изучение прошлого советских народов. Последующие советские авторы в большинстве своем только лишь развивали выводы В. Т. Пашуто, а литовская история освещалась в 1980-х гг. преимущественно в общих изданиях или учебной литературе.

После кончины В. Т. Пашуто в 1983 г. за написание разделов в обобщающих изданиях отвечала А. Л. Хорошкевич. Исследовательница придерживалась позиции, согласно которой ВКЛ в форме полиэтничного государственного образования не имело шансов на продолжение развития, и к концу XV в., в эпоху формирования национальных централизованных государств, оказалось анахронизмом⁵⁶. В это же время появляется новая плеяда исследователей, среди которых стоит выделить Ф. М. Шабульдо, который специализировался на изучении процесса перехода юго-западных русских территорий из состава Золотой Орды в состав Литвы⁵⁷, а также И. П. Старостину, изучавшую правовые аспекты прошлого ВКЛ⁵⁸.

Современный российский исследователь В. В. Тихонов проанализировал документы Отдела науки и культуры ЦК КПСС 1950-х гг., которые показывают, как происходил контроль над «национальными историями» в период оформления советской концепции прошлого. Автор заключает, что «формирование концепций национальных историй не было односторонним процессом», так как участие в нем принимали в том числе и национальные кадры, которые получали поддержку от местной партийной верхушки, заинтересованной в выгодном для нее отображении прошлого⁵⁹. В этой связи возникает вопрос: а какова роль литовских историков в создании советских нарративов литовского Средневековья? Мы приходим к выводу, что их вклад в формирование советской версии истории средневековой Литвы был невелик.

Вот на чем основываются наши утверждения. В 1953 г. на свет появились первые две части книги «Очерки истории СССР. Период феодализма, IX–XV вв.» Именно в этом издании были отчетливо обрисованы основные контуры литовской истории, которые впоследствии, как правило, обязательно встречались в каждом исследовании, связанном с прошлым Литвы. Автор глав

по истории Литвы в этом труде – В. Т. Пашуто, который, учитывая основные задачи советского нацистроительства, нарисовал советскую картину Средневековья Литвы. Позднее свои взгляды он развил в докторской диссертации «Образование Литовского государства». Так сложилось советское понимание литовской национальной истории, в котором прошлое Литвы рассматривалось сквозь призму концепции «Дружба народов»: русский народ – это старший брат, который регулярно приходит на помощь литовскому народу, развивает его культуру и защищает его от «иноземных супостатов».

Трактовки литовского Средневековья в обобщающих литовских изданиях в большинстве случаев соответствовали тому курсу, который выработывал В. Т. Пашуто. Адаптацией этих стандартов к литовским реалиям занимался «всемогуший» директор Института истории Академии наук Литовской ССР Ю. Жюгжда. Под его непосредственным чутким руководством был подготовлен ряд обобщающих сочинений на литовском языке. Так, в 1957–1975 гг. была опубликована многотомная «История Литовской ССР», первый том которой был посвящен периоду феодализма⁶⁰, а в 1958 г. – ее сокращенный вариант «История Литовской ССР: с древнейших времен до 1957 г.»⁶¹ Центральное место в этих работах отводилось таким темам, как развитие феодальных отношений в Литве, русско-литовские связи и совместная борьба русского и литовского народов с агрессией крестоносцев⁶². Таким образом, содержание данных произведений базировалось на тех же сюжетах, которые были сформулированы советскими авторами.

В 1978 г. было выпущено единственное издание «Истории Литовской ССР» на русском языке. Авторство глав по истории средневековой Литвы принадлежит сотруднику Академии наук Литовской ССР Ю. Юргинису, а в состав редколлегии входил В. Т. Пашуто⁶³.

Литовский исследователь А. Шведас считал, что в литовской науке были предприняты попытки создания альтернативных дискурсов средневековой истории⁶⁴, но эти интерпретации не вышли на всесоюзный уровень, ограничившись масштабом локальных научных баталий внутри Литовской ССР. По мнению одного из самых авторитетных литовских медиевистов Э. Гудавичюса, литовские советские историки не смогли совершить качественный прорыв после В. Т. Пашуто, хотя условия для этого были⁶⁵.

Вместе с тем альтернативные подходы к прошлому Литвы время от времени возникали в советской науке. Например, советский этнолог Л. Н. Гумилев в контексте пассионарной теории этногенеза рассматривал балтов как захватчиков русских земель. Он указывал на то, что литовские пассионарии Ольгерд и Гедимин нанесли «русичам» больше вреда, чем походы Батыея, так как литовцы не просто нападали, но еще и «окупили русские земли». Востоковед удивлялся тому,

что никто не сравнивал количество татарских и литовских походов на Русь. В условиях «пассионарного толчка», резюмирует Л. Н. Гумилев, литовские князья воспользовались «природной воинственностью» балтов для расширения своего государства. При этом русские князья предпочли «капитуляцию», в отличие от Ордена и Польши, которые сопротивлялись литовским язычникам. То есть древние русские земли выбрали путь подчинения⁶⁶.

Кроме того, в 1960-е гг. была предпринята попытка вернуть в научный оборот дореволюционную концепцию, согласно которой Литва рассматривалась как «Другая Русь». За рамки советских классических сюжетов литовского Средневековья попробовал выйти сотрудник Института славяноведения АН СССР И. Б. Греков, который полагал, что объединение русских земель в конце XIII – XIV в. было связано с тремя центрами: Московским, Литовским и Галицко-Волынским княжествами. Историк вслед за дореволюционными авторами писал о том, что ВКЛ – это русское государство, которое не «формально», а на практике старалось осуществить программу восстановления целостности Руси. Тем не менее, его взгляды не разделял В. Т. Пашуто, который утверждал, что источники не подтверждают выводы И. Б. Грекова⁶⁷; поэтому не удивительно, что подобного рода идеи появляются вновь только в период распада Советского Союза, когда историк С. В. Думин, реабилитируя восприятие ВКЛ как «Другой Руси», вернулся к дореволюционным оценкам роли Литвы в процессе собирания русских земель⁶⁸.

В заключение отметим, что в Советском Союзе изучению истории средневековой Литвы отводилось важное место. В 20 – первой половине 30-х гг. XX в. литовская проблематика находилась на периферии советской историографии, но после присоединения Литвы к СССР литовская история стала актуальным предметом исследования. Для интеграции литовского прошлого в общую концепцию истории СССР необходимо было отобрать те моменты истории ВКЛ, которые соответствовали парадигме советского партийно-государственного дискурса и отвечали потребностям политических практик. Эту важную миссию взял на себя В. Т. Пашуто, версия литовской истории которого, оформленная в 1950-е гг., занимала центральное положение в советской исторической науке до конца существования СССР. В 1960–1980-е гг. эта версия была дополнена частностями, но ее основные утверждения не только не претерпели существенных изменений, но и, за редким исключением, не подвергались сомнению.

Примечания

¹ См.: Мегем М. Е. Сюжеты средневековой литовской истории и политика конструирования прошлого в советской историографии // Вестн. Моск. гос. обл. ун-

- та. Сер. : История и политические науки. 2013. № 3. С. 7–15.
- 2 Филлюшкин А. И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала : российский дискурс Великого княжества Литовского // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 561–60.
  - 3 Сидорчук И. В. Историческая память для страны-лимитрофа : политика в отношении средневековой Литвы в позднесталинский период // *Genesis* : исторические исследования. 2019. № 10. С. 92–97.
  - 4 Мегем М. Е. Средневековая история Литвы (до 1385 г.) в дореволюционной российской и советской историографии : дис. ... канд. ист. наук, Калининград, 2018. С. 6–7.
  - 5 Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.) : Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб. : Изд-во С. Петерб. гос. ун-та, 1993. С. 24.
  - 6 См.: Михальченко С. И. Ф. В. Тарановский. К вопросу о школе «Западно-Русского» права в эмиграции. URL: <http://russcience.chat.ru/papers/mikh99gz.htm> (дата обращения: 12.02.2020).
  - 7 См.: Папуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М. : Наука, 1991. С. 187.
  - 8 См.: Шмурло Е. Ф. История России. Мюнхен : Град Китеж, 1922.
  - 9 См.: Шмурло Е. Ф. Введение в русскую историю. Прага : Пламя, 1924.
  - 10 См.: Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. 1–3. Прага, 1931–1935.
  - 11 См.: Пионтковский С. Рец. на кн. : Шмурло Е. Курс русской истории. Т. II. Вып. 1-й. Москва и Литва (1462–1613). Прага : б.и., 1933. С. 142.
  - 12 См.: Лаппо И. И. Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом. Прага : Пламя, 1924.
  - 13 Ковалев М. В. «Пока что еще здесь жить можно сравнительно сносно...» : Письма профессора И. И. Лаппо С. Г. Пушкиреву (1920–1940-х гг.) // *Россия и Балтия*. М. : Наука, 2014. Вып. 7. С. 138–164.
  - 14 Цит. по Ласинкас П. И. И. Лаппо в Литве // *Новый исторический вестник*. 2005. № 1. URL: http://www.nivestnik.ru/2005_1/13.shtml (дата обращения 14.02.2020).
  - 15 См.: Пичета В. Рец. на кн. : Авижонис К. Шляхта в государственной жизни Литвы во времена дома Вазы // *Историк-марксист*. 1941. № 6. С. 121.
  - 16 См.: Историки России. Биографии / [редкол. : А. А. Чернобаев (отв. ред.) и др.]. М. : Росспэн, 2001. С. 416.
  - 17 Там же. С. 372.
  - 18 См.: Алаторцева А. И. Советская историческая периодика 1917 – середина 1930-х годов. М. : Наука, 1989. С. 83.
  - 19 См.: Историки России. Биографии. С. 489–490.
  - 20 См.: Пичета В. И. История Литовского государства до Люблинской унии. Вильно : Типогр. Жайбас, 1921.
  - 21 См.: Пичета В. И. Введение в русскую историю : (источники и историография). М. : Гос. изд-во, 1922. С. 76–87, 178–192.
  - 22 См.: Пичета В. И. Разработка истории литовско-белорусского права XV–XVI вв. в историографии // Белоруссия и Литва XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М. : АН СССР, 1961. С. 413–455.
  - 23 См.: Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М. : Наука, 1985. С. 24.
  - 24 См.: Михальченко С. И. Письма М. Ф. Владимирского-Буданова, Ф. И. Леонтовича и их учеников в архивах России // *Харківський історіографічний збірник : сборник*. Харків : [б. и.], 2006. Вип. 8. С. 183.
  - 25 См.: Михальченко С. И. Неопубликованная «История Белоруссии» М. В. Довнар-Запольского // *Археографический ежегодник за 1992 год*. М. : Наука, 1994. С. 256.
  - 26 Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. Минск : Беларусь, 2003.
  - 27 См.: Улащик Н. Н. Указ. соч. С. 24–27.
  - 28 Подробнее об этом см.: Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. М. : ИРИ РАН, 2014.
  - 29 См.: Покровский М. Н. Избр. произв. : в 4 кн. Кн. 1 : Русская история с древнейших времен. М. : Мысль, 1966. С. 455–457.
  - 30 См.: Барсенков А. С., Вдовин А. И., Корецкий В. А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. М. : Московский рабочий, 1993. С. 109.
  - 31 См.: Лочмель И. Ф. Борьба белорусского народа против литовского и польского ига // *Исторический журнал*. 1938. № 7. С. 24.
  - 32 См.: Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). СПб. : Наука, 2002. С. 381.
  - 33 См.: Гуслистый К. Нариси з історії України. Випуск II. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст. по 1569 р.). Київ : Видавництво Академії наук УРСР, 1939. С. 4.
  - 34 См.: Пресняков А. Е. Лекции по русской истории : в 2 т. Т. II, вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М. : Соцэргиз, 1939.
  - 35 См.: Рубинштейн Н. Л. Предисловие // Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. II, вып. 1 : Западная Русь и Литовско-Русское государство. М. : Соцэргиз, 1939. С. 3.
  - 36 См.: Каганович Б. С. А. Е. Пресняков, петербургская школа и марксизм. URL: <https://journals.openedition.org/monderusse/8434> (дата обращения: 14.02.2020).
  - 37 Рубинштейн К. И. Литва. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. С. 3–4.
  - 38 Пичета В. И. Рец. на кн. : Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. II // *Историк-марксист*. 1940. № 3. С. 138–140.
  - 39 См.: Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. М. : Академия наук СССР, 1961.
  - 40 История СССР. С древнейших времен до конца XVIII века : в 2 т. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1947.
  - 41 См.: Портреты историков. Время и судьбы : в 2 т. Т. 1. М. : Унив. кн. ; Иерусалим : Gesharim, 2000. С. 183–184.
  - 42 См.: Папуто В. Т. Образование Литовского государства. С. 244.
  - 43 Папуто В. Т. Против некоторых буржуазных концепций образования Литовского государства // *Вопр. истории*. 1958. № 8. С. 40–62.

- ⁴⁴ *Rašuta V.* Lietuvos valstybės susidarymas. Vilnius : Mintis, 1971.
- ⁴⁵ *Пауто В. Т.* Образование Литовского государства. С. 241.
- ⁴⁶ Там же. С. 3–5, 241.
- ⁴⁷ См.: *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского. С. 25.
- ⁴⁸ *Мельникова Е. А., Юрасовский А. В.* Сектор истории древнейших государств на территории СССР Института истории СССР АН СССР в 1969–1978 гг. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1979 год. М. : Наука, 1980. С. 219.
- ⁴⁹ См.: *Новосельцев А. П., Пауто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М. : Наука, 1972.
- ⁵⁰ См.: *Пауто В. Т.* Русь. Прибалтика. Папство (Древнейшие государства Восточной Европы, 2008 г.). М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. С. 359.
- ⁵¹ *Батура Р. К., Пауто В. Т.* Культура Великого княжества Литовского // Вопр. истории. 1977. № 4. С. 110–120.
- ⁵² См.: *Портреты историков. Время и судьбы.* Т.1. С. 393, 395.
- ⁵³ *Nolte H.-H.* Drang nach Osten. Sowjetische Geschichtsschreibung der deutschen Ostexpansion. Köln : Europäische Verlags-Anstalt, 1976. S. 214.
- ⁵⁴ См.: *Дворниченко А. Ю.* Указ. соч. С. 26.
- ⁵⁵ *Мельникова Е. А.* Владимир Терентьевич Папуто (1918–1983) // Историки России : Послевоенное поколение. М. : АИРО-XX, 2000. С. 180.
- ⁵⁶ См.: *Хорошкевич А. Л.* Великое княжество Литовское // История Европы. Средневековая Европа : в 5 т. Т. 2. М. : Наука, 1992. С. 432–437.
- ⁵⁷ См.: *Шабильдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев : Наукова думка, 1987.
- ⁵⁸ См.: *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1988–1989 гг. М. : Наука, 1991. С. 170–344.
- ⁵⁹ См.: *Тихонов В. В.* Российский государственный архив новейшей истории : документы Отдела науки и культуры ЦК КПСС (март 1953 г. – сентябрь 1955 г.) о контроле над «национальными историями» народов СССР // Вестн. архивиста. 2017. № 4. С. 143.
- ⁶⁰ Lietuvos TSR istorija. T. 1 : 4 t. Vilnius : Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1957.
- ⁶¹ Lietuvos TSR istorija nuo seniausių laikų iki 1957 metų : Vilnius : Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1958.
- ⁶² Lietuvos TSR istorija. T. 1. P. 38–78, 88–144.
- ⁶³ История Литовской ССР : с древнейших времен до наших дней / под ред. А. З. Таутавичюс, Ю. Юргинис, М. Ючас. Вильнюс : Мокслас, 1978.
- ⁶⁴ Подробнее см.: *Švedas A.* Matricos nelaisvėje. Sovietmečio lietuvių istoriografija (1944–1985). Vilnius : Aidai, 2009.
- ⁶⁵ *Gudavičius E.* Ar pasistumeta sovietineje istoriografijoje po Henriko Lowmiańskio «Studijų apie Lietuvos valstybes ir visuomenes genezę» // Lietuvos sovietinė istoriografija : teoriniai ir ideologiniai kontekstai. Vilnius : Aidai, 1999. P. 132–134.
- ⁶⁶ См.: *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. СПб. : Кристалл, 2001. С. 496, 504–505, 509, 511, 560–561, 567.
- ⁶⁷ См.: *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М. : Изд-во восточной литературы, 1963. С. 18, 38–41.
- ⁶⁸ См.: *Думин С. В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества : люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М. : Политиздат, 1991.

Образец для цитирования:

Мегем М. Е. Советская историография средневекового литовского прошлого // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 318–325. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-318-325>

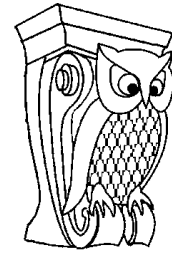
Cite this article as:

Megem M. E. Soviet Historiography of the Medieval Lithuanian Past. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 318–325 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-318-325>

УДК 94(470.62+477.75)|1944/1953|

Переселенцы на постдепортационные территории Поволжья, Северного Кавказа и Крыма в 1940-е гг.: этнический облик и социальный портрет

В. А. Конониренко

Конониренко Виктория Анатольевна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Саратов, vsrwshka_89@mail.ru

В статье анализируется этнический облик и социальный портрет переселенцев на постдепортационные территории Поволжья, Северного Кавказа и Крыма в 1940-е гг. Констатируется, что в основном в опустевшие после депортации населенные пункты переселялись русские и украинцы. Делается вывод об успешной адаптации большинства переселенцев к новым условиям жизни.

Ключевые слова: депортация, переселенцы, этнический облик, социальный портрет, национальный состав, колхозник.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Migrants to the Post-Deportation Territories of the Volga Region, North Caucasus and Crimea in the 1940s: Ethnic Appearance and Social Portrait

V. A. Kononirenko

Viktoriya A. Kononirenko, <https://orcid.org/0000-0003-0830-7683>, 7 Forest Republic St., flat 5, Saratov, 410065, Russia, vsrwshka_89@mail.ru

The article analyzes the ethnic appearance and social portrait of immigrants to the post-deportation territories of the Volga region, the North Caucasus and the Crimea in the 1940s. It is proved that mostly Russians and Ukrainians moved to the settlements that were deserted after deportation. The conclusion is made about the successful adaptation of the majority of immigrants to new living conditions.

Keywords: deportation, immigrants, ethnic appearance, social portrait, national composition, collective farmer.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-326-331>

Научный интерес к проблеме планового переселения на освободившиеся после депортации ряда народов постдепортационные территории Поволжья, Северного Кавказа и Крыма возник после того, как во второй половине 1980–1990-е годы всестороннему исследованию была подвергнута сама история насильственных перемещений населения. К настоящему времени можно говорить о появлении целого научного направления в рамках изучения истории миграционных про-

цессов в СССР. В опубликованных материалах Н. А. Маловой¹ о заселении постдепортационных территорий бывшей АССР Немцев Поволжья, работах Э. И. Сеитовой² о переселении в Крым, монографии В. Г. Шнайдера³ о миграции на земли, которые в Дагестане занимали ранее чеченцы, обобщающей статье С. А. Пискунова⁴ содержатся интересные данные и количественные параметры по миграционным потокам в этих регионах в военные и первые послевоенные годы, позволяющие определить основные направления заселения и хозяйственного освоения территорий Крыма, Дагестанской АССР, Грозненской и Саратовской областей, опустевших после выселения с них ряда народов. Малоисследованными продолжают оставаться такие аспекты, как общие закономерности и региональная специфика в миграционных процессах на этих территориях после выселения с них проживавшего там населения, условия и особенности адаптации переселенцев к новым условиям жизни, причины и масштабы массового обратного выезда переселенцев из районов Поволжья, Северного Кавказа, Крыма в 1942–1953 гг. На наш взгляд, требует детального анализа социальный портрет и этнический облик переселенца военных и послевоенных лет.

На опустевшие после депортации ряда народов земли Поволжья, Северного Кавказа и Крыма в основном были переселены русские и украинцы. Так, вслед выселенным поволжским немцам бывшие кантоны АССР НП стали заселять русские и украинские колхозники. По данным уполномоченного Саратовского обкома ВКП (б) и облисполкома по вселению колхозников Г. Р. Бранта, на 2 октября 1941 г. большинство из прибывших в Саратовскую область 3219 хозяйств ранее размещались в украинских областях (преимущественно – в Ворошиловградской – 3023, остальные в Харьковской, Полтавской, Запорожской), 196 хозяйств – в российских Курской и Воронежской областях⁵. К 6 октября, по данным Переселенческого отдела облисполкома, из Украины, Курской, Орловской областей прибыло уже 5764 хозяйств колхозников, причем хозяйств из Ворошиловоградской области насчитывалось уже 4772⁶. А вот во вторую волну планового переселения (постановление СНК РСФСР от 3 марта 1942 г.⁷), из соседних Тамбовской, Пензенской и Воронежской областей удалось переселить около 6 тыс. колхозных хозяйств⁸. Летом 1942 г. в бывшие немецкие районы прибыли 5 тыс. эваку-

ированных из Смоленской области⁹. После войны постдепортационную территорию в Саратовской области заселяли переселенцы из Мордовской, Татарской, Чувашской автономных республик РСФСР, а также колхозники из Курской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской областей.

На Северном Кавказе территорию, где до депортации проживали балкарцы, предполагалось «заселить колхозниками из малоземельных колхозов Кабардинской АССР»¹⁰, однако, как свидетельствуют многочисленные письма в высшие органы власти спецпоселенцев-балкарцев, их «прежние села и районы ... почти свободны», «пастищные, посевные и другие земли на бывшей территории Балкарии никем почти не используются»¹¹. Не было масштабных переселений и на земли карачаевцев. В 1956 г. в этих районах побывали инспекторы из центра, которые установили, что «многие населенные пункты бывшей Карачаевской области полностью разрушены (Хасаут, Даут, Джазлык и др.) или находятся в крайне запущенном состоянии и мало заселены»¹².

«Планомерное заселение» Ингушетии осуществлялось преимущественно в 1944–1945 гг. В ту часть бывшей ЧИАССР, которая была присоединена к Северной Осетии, переселялись жители как из самой Северной Осетии, так и осетины из Грузии и Южной Осетии. 27 июля 1944 г. руководство Северной Осетии доложило В. М. Молотову о том, что «на 1 июля 1944 г. из старых районов и прилегающих областей переселена 7331 семья»¹³.

В документах центральных переселенческих органов отсутствуют точные данные об областях-донорах, направлявших переселенцев в Грозненскую область. Однако, по имеющимся сведениям, можно сделать вывод о том, что на «земли чеченцев» в 1944–1945 гг. преимущественно отправляли из центральных областей России. Если переселенцы 1944 г. в основном прибывали из Ставропольского края, то в 1945 г. в Грозненскую область из Брянской области прибыло 754 семьи, из Вологодской – 206, из Воронежской – 423 семьи¹⁴. В Государственном архиве РФ удалось обнаружить документы, в которых дана характеристика переселенцам, прибывшим в 1945 г. из Брянской области. 27 февраля в Новосельский район Грозненской области был отправлен эшелон со 173 семьями (793 чел.), а 10 марта – еще 187 семей (904 чел.) из Брянской области. Все переселенцы были русскими. Преобладали женщины – 1128, мужчин (от 16 лет) было вдвое меньше – 569. Трудоспособных из 1697 чел. было 811. В двух эшелонах прибыли 4 председателя колхоза и 8 бригадиров, 1 агроном, 1 зоотехник, 8 трактористов и комбайнеров, 1 шофер. Ни одного учителя, садовода, пчеловода либо медработника не было. Не было ни одного полевода¹⁵. После войны в Грозненскую область в основном переселялись колхозники из Воронежской области, в 1950–1951 гг. к ним присоединились переселенцы из Орловской и Рязанской

областей, а в 1952–1953 гг. были переселены еще и 1950 хозяйств с Украины¹⁶.

Радикально изменилась национальная структура районов Дагестана, откуда были выселены чеченцы. В 1944 г. в бывший Ауховский район, получивший название Новолакский, переселились из Кулинского и Лакского районов 7 тыс. лакцев. В два населенных пункта, переданных из Ауховского района в Казбековский, переселили 3 тыс. аварцев из этого же района. В три чеченских селения в Хасавюртовском районе вселили 3 тыс. кумыков из высокогорных аулов Тарки, Альбуригент и Кяхулой¹⁷.

В 1944 г. после выселения крымских татар план переселения в Крым выполнили все регионы-доноры: Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская, Воронежская, Тамбовская, Курская, Орловская, Брянская области России, а также Украинская ССР¹⁸. В 1950 г. к этим регионам присоединятся Владимирская, Горьковская, Московская, Пензенская области, Чувашская АССР, а в 1952–1953 гг. – еще и Рязанская область.

За послевоенный период с 1946 по 1953 годы больше всего переселенческими процессами были охвачены Крымская и Грозненская области. В Крым в результате межобластного переселения въехали 11983 семьи. В Грозненскую область переселилось примерно столько же семей – 11895, в Саратовскую область меньше – 4592 семьи¹⁹.

В результате переселения на постдепортационные территории национальный состав в Крыму, Поволжье и на Северном Кавказе изменился существенным образом. Если в Крымской и Саратовской областях в послевоенный период увеличилась национальная однородность в пользу русских и украинцев, вынужденных заселить опустевшие населенные пункты, и была устранена «представленность» в структуре населения немцев и крымских татар, то на Северном Кавказе сложилось иное положение. По подсчетам С. А. Пискунова, «если в Дагестане коренные народности составляли в 1939 г. 88,0 %, то в 1959 г. – 83,5 %, при этом повысилась доля русских соответственно с 4,3 % до 10,3 %» и, напротив, «снизился процент чеченцев с 3,2 % до 1,3 %»²⁰. В восстановленной Чечено-Ингушской АССР в 1959 г. возросла доля русских до 29 % (с 11,8% в 1939 г.), а доля чеченцев и ингушей снизилась до 53 % и 11 % соответственно (с 68,5 % чеченцев и 16,5 % ингушей в 1939 г.)²¹.

В силу этого представляются надуманными и исторически необоснованными суждения о русских переселенцах, якобы «не способных» возродить экономику постдепортационных регионов. Таким, на наш взгляд, крайне субъективным и необоснованным выглядит мнение крымского исследователя Э. И. Сеитовой о том, что причиной передачи Крыма из РСФСР Украине послужил «ужас первого (провального) этапа организованного переселения на полуостров людей из преимущественно различных регионов РСФСР»²².

Сеитова полагает, что Н. С. Хрущев решился на передачу Крыма из-за стремления «облегчить» жизнь жителям полуострова и возможности «возрождения» Крыма «более трудолюбивыми украинцами». Неумело создаваемый молодым исследователем миф о «трудолюбивых украинцах» и «неспособных» переселенцах из России, по всей видимости, является вольной интерпретацией сообщения А. И. Аджубея о том, что Н. С. Хрущев в ходе своего визита в Крым осенью 1953 г. остался крайне недоволен состоянием дел в сельском хозяйстве региона и положением переселенцев, которые сообщили руководителю государства, что их «обманули»²³. «Обмануть» переселенцев из России – это значит не предоставить обещанные дома, льготы, работу, о стремлении российских колхозников лодырничать и бездельничать речи не было. К тому же в послевоенный период в Крым переселяли и украинцев, на что постоянно обращали внимание лидеры крымско-татарского национального движения в 1950-е гг., характеризуя Крым как «арену разгула великодержавного шовинизма и украинского национализма»²⁴. Всего из Украины в Крым за период с 1944 по 1953 г. было переселено 7586 хозяйств колхозников, в то время как из русских областей было переселено – 21294 хозяйства, да еще из Чувашской АССР – 106²⁵. Основной поток же переселенцев-украинцев распределялся внутри Украинской ССР. Так, в 1949–1952 гг. в южные области республики было переселено 82067 семей переселенцев²⁶.

Следует согласиться с калининградским исследователем Ю. В. Костяшовым, полагающим, что национальная или республиканская идентичность отнюдь не являлась приоритетным фактором при характеристике социальных черт переселенцев. Утверждая, что, несмотря на принадлежность «большой части переселенцев» к «этническому русским»²⁷, историк делает вывод о том, что «этнокультурные различия переселенцев были сведены к минимуму», и что, «лишенные этнического своеобразия», переселенцы послевоенного периода уже представляли «советский народ» в «наиболее законченных формах», среди них были честные труженики и авантюристы, но в целом они действовали, повинувшись единой логике социального и экономического поведения»²⁸.

На наш взгляд, наиболее типичным представителем «переселенческого движения» стал образ воронежской переселенки Марии Прокопьевны Степаненко, двоюродной бабушки начальника отдела архива новейшей истории Белгорода Т. Цыбенко, опубликовавшей интереснейшие архивные материалы о переселенцах «первой волны» в Крымскую область. Историк-архивист рассказывает о своей бабушке: «Фашисты расстреляли её мужа-коммуниста. Беспросветная нищета заставила ее покинуть родные места в поисках лучшей жизни. Она уехала с дочкой и сыном из родного села Батлуки Алексеевского района в далекий крымский поселок Прохладный. В Крыму она

работала на табачных плантациях. Бабушка до конца своих дней трудилась, худощавая, черная от жаркого крымского солнца. Она имела крепкое хозяйство: корова, индюки, гуси и куры<...> Многочисленная родня любила приезжать к ней летом на отдых, на море. Одна из ее племянниц, приехав к ней после войны на отдых, тоже осталась в Крыму и до сих пор живет в Севастополе. Умерла бабушка в 96 лет»²⁹.

Вдова фронтовика с детьми, в поиске лучшей доли с помощью государства переезжающая в рамках планового переселения на постдепортационные территории, одна из наиболее типичных фигур первой волны переселения. Не всегда удавалось сразу устроиться и получить обещанное государством. Так, вдова Е. И. Терехова, имея троих детей, переселившись в 1950 г. из Воронежской в Грозненскую область, «проживала в сторожке при конном дворе, площадью 10 квадратных метров, и все ее просьбы правлению колхоза о предоставлении отдельного дома остались невыполненными»³⁰. Аналогична история переселенки К. М. Поздняковой из колхоза «Борец за социализм» Зуйского района Крымской области, «потерявшей в период Отечественной войны мужа и трех сыновей и в настоящее время не трудоспособной», вселенной в неотресторированный дом³¹.

Т. Цыбенко приводит цитату из письма одной из колхозниц Воронежской области Екатерины Ключковой: «Мы ехали в Крым с горячим желанием быстрее возродить этот чудесный уголок Советской Родины» и выдержку из воспоминаний белгородки Анны Куниной: «Всё детство прошло под крышей табачного сарая. Выходили ранним утром на поля, обрывали цветы на табаке. Нам платили за труд. Это были копейки, но мы гордились заработанным трудом деньгами. Нас, ребят, колхоз вывозил на отдых в Севастополь, в Ялту. Радости было!»³².

Безусловно, основным стимулом к перемене своего местожительства для советского человека военной и послевоенной поры являлся поиск лучшей доли, обеспеченной жизни, бегство от нужды из регионов, которые пострадали от войны в не меньшей степени, чем области-реципиенты. Перечень имущества, перевозимого переселенцами в места вселения, хорошо иллюстрирует бедность колхозников, решившихся на переезд. Так, инспектор Главного Переселенческого управления СССР М. А. Костин сообщал, что в эшелоне, состоящем «из 29 вагонов» и перевозящем «62 семьи, 245 человек» из Винницкой области в Ленинский район Крымской области, «коэффициент загрузки вагонов весьма низкий»: «имущества переселенцы везут с собой очень в небольшом количестве, состоящего из старых сундуков, ящиков, хозяйственной посуды и мешков с картофелем и хозяйственными предметами. Мебели при переселенцах почти нет»³³.

Именно на «чувства и устремления зажить получше» была нацелена советская пропаганда и агитация в местах выхода. Так, в листовках начала 1950-х гг., распространяемых переселенческими отделами в областях-донорах, содержался призыв к «трудолюбивым и добросовестным колхозникам, имеющим в составе не менее 2-х трудоспособных», переселяться «на добровольных началах» в «богатую и плодородную Крымскую область» и перечислялись многочисленные «льготы и преимущества»³⁴.

Профессор О. В. Волобуев привел яркие доказательства того, что труд «добросовестных и трудолюбивых» переселенцев стал одним из факторов, обеспечивших в Крыму в послевоенный период и восстановление, и подъем уровня жизни «нового» населения. Так, в «колхозе в горах», в деревне Лесная Судакского района (прежнее название села Суук-су), после депортации крымских татар осталось 4 старожила. После приезда переселенцев из Краснодарского края в 1946 г. собирали 4 т табака, в 1950 г. – 10 т, в 1945 г. было 50 овец, в 1950 г. – порядка 300³⁵. Село Виноградное (прежнее название Чокул) на Керченском полуострове населяли потомки немецких колонистов, выселенных еще в 1941 г. Переселенцы из Орловской области высевали озимую пшеницу и «подобралось к 40 центнерам с га». «Как? – восклицает историк, – Трудом и крестьянским потом. Старанием, не уступающим немецкому старанию»³⁶.

В селе Ароматном (бывшая немецкая колония Розенталь) Зуйского района после войны не уцелело ни одного дома. Переселенцы создали многопрофильный колхоз: садоводство, виноградарство, полеводство, в том числе выращивание эфирносов. Доход колхоза с 250 тыс. руб. в 1948 г. увеличился до 600 тыс. в 1950 г. На примере одного из переселенцев с Кубани, «бывшего фронтовика, штурмовавшего крымский берег с косы Тузла», продемонстрировано личное благосостояние «добросовестного и трудолюбивого» переселенца: «никелированные кровати, настенные ковры, шифоньер, швейная ножная машинка, большое зеркало. Личное хозяйство: корова с телёнком, свиньи, овцы, куры»³⁷. Новое село в Альминской долине Бахчисарайского района было основано в 1946 г. переселенцами из Пензенской области, не испугавшимися «разговоров» о том, что в Крыму «одни яблоки да груши, которыми-де сыт не будешь»³⁸. Однако новое село развивается: «жить-то можно, если трудиться и накапливать опыт»³⁹.

Примеров самоотверженного труда переселенцев на других переселенческих территориях множество. Это, в частности, председатель переселенческого колхоза «Социалистический путь» Каясулинского района Грозненской области Белик, который сумел организовать труд своих колхозников так, что колхоз «с перекрестных посевов» сумел получить урожай озимой

пшеницы по 28 ц с гектара, и чабан этого же колхоза И. Л. Михайлов, который получал шерсти по 6,4 кг с одной овцы, и чабан колхоза им. Сталина того же района Кельдигазиев, который добился «настрига» с 768 овец «в среднем по 7,1 кг»⁴⁰.

Представляется, что к концу 1940-х гг. в местах выхода сложилась ситуация, когда центральная и областная власти были заинтересованы в переселении в Крым, Северный Кавказ, Поволжье «добросовестных и трудолюбивых колхозников» группами и по отдельности, а местные власти всеми силами пытались удержать «добросовестных и трудолюбивых» в своих колхозах и районах, ориентируясь, прежде всего, на переселение «ненужных» и «отстающих» как колхозников, так и колхозы. Только подобным стремлением выселить местный «ненадежный элемент» можно объяснить факт отбора переселенческим отделом при Совете Министров Мордовской АССР для отправки в колхозы Саратовской области семьи С. Г. Давыдкина, который «вместе с женой в конце 1948 года народным судом Мордовской АССР были осуждены за нарушение Устава сельхозартели»⁴¹.

Жесткий контроль со стороны центральных ведомств, ведающих переселением, привел к тому, что в начале 1950 г. уменьшилось количество переселяемых семей, в которых отсутствовали трудоспособные главы семей, а иногда вообще не имелось трудоспособных. Так, из 533 семей переселенцев, прибывших в 1950 г. в Грозненскую область из Воронежской, Орловской и Рязанской областей, «только 13 семей не отвечали принципам отбора», из них в «7 семьях не имелось по 2 трудоспособных члена и в 6 семьях главы семей являлись нетрудоспособными»⁴². Среди переселенцев из Орловской области находились больной эпилепсией Н. И. Шалимов, прибывший в июне 1950 г. и выехавший обратно в сентябре, а также инвалид Отечественной войны (отсутствовала рука) Н. А. Решетов, который находился в Грозненской области несколько дней⁴³.

Среди переселенцев, конечно же, было немало, как их называет Ю. В. Костяшов, и «профессиональных переселенцев»⁴⁴, которые ради получения льгот и преимуществ заключали договоры на переселение не единожды. По всей видимости, подобные переселенцы колхозниками не являлись. Например, в колхоз им. Хрущева Куйбышевского района Крымской области в 1950 г. были поселены милиционер Н. Илюхин, рабочие Н. Суханкин, И. Федоров, Ф. Шагнев, которые, «несмотря на получение ими хороших жилых домов, приусадебных участков с садовыми и виноградными насаждениями, собрав урожай, выехали обратно в Горьковскую область»⁴⁵. В числе прибывших, к примеру, в Крымскую область в 1950 г. переселенцев 127 семей «ранее не работали в колхозах»⁴⁶.

Однако в большинстве своем переселенцы умели приспособляться к любым трудностям и сложностям. Предприимчивость, упорство, трудолюбие помогали им выжить и строить жизнь в новых местах. Так, переселенец В. М. Серенко, прибывший в колхоз имени Мясникяна Лазаревского района, был вселен в «обыкновенный сарай с «негодными полами» и «дырявыми потолком и стенами» своими руками «одну комнату обмазал», в других комнатах поместил «зерно в мешках», лес для изгороди «таскал на своих плечах» до «ломоты в плечах»⁴⁷. В Марксовском районе Саратовской области в 1952 г. для вселения переселенцев «не подготовили ни одного дома», 13 семей переселенцев в колхозе им. Кирова сами «произвели ремонт предоставленных им домов». То же повторилось и в Красноярском, Приволжском и других районах области⁴⁸. Переселенцы колхоза имени Молотова в Ленинском районе Крымской области вынуждены были ежедневно «воду для питья доставлять на лошадях из колодца, который находился на расстоянии 5 км от колхоза»⁴⁹.

Преодоление, созидание и трудолюбие стали главными качествами переселенца-колхозника, жаждущего достойной жизни на новом месте. Представляется, что российские и украинские переселенцы первой послевоенной поры вполне соответствовали образу иммигранта XIX в., стремящегося преодолеть в поисках удачи и попытке круто изменить свою жизненную стезю длительный и опасный путь из Европы в Северную Америку.

Примечания

- 1 См.: Малова Н. А. Особенности переселенческой политики в конце 1940-х – начале 1950-х гг. на территории бывшей АССР НП // *Общественные науки в современном мире : сб. науч. трудов по итогам конф. / ред. кол. : И. А. Арефьева, Н. А. Арчебасова и др. Уфа : ИЦРОН ; ООО «Ареал», 2015. С. 8–10.*
- 2 См.: Сеитова Э. И. Организация трудового переселения в Крым (1944–1976 гг.) // *Учен. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 3, ч. 1. С. 173–183.*
- 3 См.: Шнайдер В. Г. Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940–1950-е гг. Армавир : Ред.-изд. центр АГПУ, 2009.
- 4 См.: Пискунов С. А. Плановое аграрное переселение на территории Северного Кавказа, Крыма и Поволжья РСФСР, 1944–1953 гг. // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 61–67.*
- 5 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2359. Л. 34.
- 6 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2331. Л. 26.
- 7 Там же. Д. 2679. Л. 24.

- 8 Там же. Л. 68.
- 9 Там же. Д. 2680. Л. 307.
- 10 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 75. Д. 365. Л. 8.
- 11 Там же. Л. 12, 14.
- 12 Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 110.
- 13 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 292. Л. 96, 97.
- 14 См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 543. Л. 189, 194, 195.
- 15 См.: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 1. Л. 185, 187.
- 16 См.: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 543. Л. 79, 80, 81, 94, 97, 98, 99, 115, 121.
- 17 См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 108. Л. 28, 29.
- 18 См.: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 427. Л. 97, 98, 99.
- 19 Там же. Д. 543. Л. 79, 80, 81, 94, 115, 121, 123.
- 20 Пискунов С. А. Указ. соч. С. 65.
- 21 Там же.
- 22 Сеитова Э. И. Послевоенный Крым : административно-территориальное устройство и демография // *Пространство и время. 2014. № 2. С. 181.*
- 23 См.: Аджубей А. Как Хрущев Крым Украине отдал. Воспоминания на заданную тему // *Новое время. 1992. № 6. С. 21.*
- 24 ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 83. Д. 491. Л. 34.
- 25 См.: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 678. Л. 97, 98, 99.
- 26 Там же. Л. 98, 102.
- 27 Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград : ТЕРРА БАЛТИКА, 2009. С. 70, 135, 167.
- 28 Там же. С. 145.
- 29 Цыбенко Т. Добросовестных и трудолюбивых ... В конце Великой Отечественной войны белгородцев переселяли в обезлюдевший Крым. URL: <https://www.belpressa.ru/news/news/dobrosovestnyh-i-trudolyubivyh09383/> (дата обращения: 08.10.2016).
- 30 РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 552. Л. 6.
- 31 Там же. Д. 479. Л. 8.
- 32 Цыбенко Т. Указ. соч.
- 33 РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 479. Л. 188.
- 34 Переселенческая листовка. URL: <https://forum.auto.ru/housing/11342465/> (дата обращения: 14.11.2016).
- 35 См.: Волобуев О. В. Сельское хозяйство Крыма в послевоенные (1944–1953) годы : динамика и тенденции развития // *Вестн. МГОУ. Сер. : История и политические науки. 2016. № 4. С. 97.*
- 36 Там же.
- 37 Там же. С. 98.
- 38 Лесин А. На новых местах. Симферополь : Изд-во и тип. Крымиздата, 1950. С. 60.
- 39 Волобуев О. В. Указ. соч. С. 98.
- 40 РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 634. Л. 17.
- 41 Там же. Д. 401. Л. 7.
- 42 Там же. Д. 552. Л. 2.
- 43 Там же. Л. 3.

⁴⁴ Костяшов Ю. В. Указ. соч. С. 128.

⁴⁷ Там же. Л. 110.

⁴⁵ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 479. Л. 3.

⁴⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 2438. Л. 3.

⁴⁶ Там же. Л. 44.

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 479. Л. 188.

Образец для цитирования:

Конониренко В. А. Переселенцы на постдепортационные территории Поволжья, Северного Кавказа и Крыма в 1940-е гг.: этнический облик и социальный портрет // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 326–331. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-326-331>

Cite this article as:

Kononirenko V. A. Migrants to the Post-Deportation Territories of the Volga Region, North Caucasus and Crimea in the 1940s: Ethnic Appearance and Social Portrait. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 326–331 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-326-331>

УДК 94(47).084.8

Образ союзника и практики взаимодействия с представителями союзных администраций в повседневной жизни сотрудников Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 годы

А. В. Власов

Власов Алексей Владимирович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, aleksvlasov3007@gmail.com

В статье освещается взаимодействие советских сотрудников военной администрации и бывших союзников по антигитлеровской коалиции в период оккупации Германии после Второй мировой войны. На основе воспоминаний сотрудников были раскрыты образы союзников. Автор приходит к выводу о том, что практики взаимодействия советских сотрудников и представителей союзных администраций зависели от логики развития холодной войны.

Ключевые слова: Советская военная администрация в Германии, история повседневности, советская оккупационная зона, восточная Германия, Берлин, Союзный Контрольный совет.

Поступила в редакцию: 08.03.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Image of the Ally and the Practice of Interaction with Representatives of the Union Administrations in the Daily Life of SMAG Employees in 1945–1949

A. V. Vlasov

Alexey V. Vlasov, <https://orcid.org/0000-0002-2453-0255>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, aleksvlasov3007@gmail.com

The article examines how during the occupation of Germany after World War II, employees of the Soviet military administration interacted with former allies in the anti-Hitler coalition. Based on memories of the employees, various images of allies were identified. The author comes to the inference that the practices of interaction between Soviet employees and representatives of the allied administrations depended on the logic of the Cold War development.

Keywords: Soviet military administration in Germany, history of everyday life, Soviet occupation zone, East Germany, Berlin, Allied Control Council.

Received: 08.03.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-332-336>

6 июня 1945 г. постановлением СНК СССР № 1326-301сс «для осуществления контроля

за выполнением условий капитуляции»¹ была создана военная администрация по управлению советской оккупационной зоной Германии. Параллельными верховными оккупационными органами управления были Office of Military Government of the United States in Germany (OMGUS) во Франкфурте-на-Майне и Control Commission for Germany / British Element (CCG/BE) в Бад Эйнтауэне. Формально им соответствовал Conseil de Controle de la France pour l'Allemagne (CCFA) в Баден-Бадене, хотя административные полномочия в значительной степени сохранялись за Administrates General Adjoint pour le Gouvernement Militaire, а позднее за Secretariat General du Commandant en Chef Francais en Allemagne.

Фактически Советская военная администрация в Германии (далее – СВАГ) на протяжении четырех лет выполняла роль правительства. Высшей законодательной властью в Германии после ее поражения обладал Контрольный совет, учрежденный союзными державами в соответствии с решениями Потсдамской конференции. Он был образован 30 августа 1945 г. из четырех главнокомандующих оккупационными войсками в Германии, каждому члену помогали советники. Его решения должны были иметь силу закона во всех зонах, а приказы главнокомандующих – в пределах зоны².

После образования СВАГ постепенно стал формироваться штат сотрудников, которые вместе с членами своих семей, демонтажными группами, различными комиссиями советских министерств и ведомств образовали в центре послевоенной Европы советскую «колонию». Советские граждане стали на служебном и бытовом уровне взаимодействовать с немецким населением и представителями союзнических администраций. Происходила постепенная интеграция в этот специфический послевоенный социум на территории побежденной страны.

История повседневной жизни сотрудников СВАГ оказалась в поле зрения исследователей лишь недавно. Завершившаяся «архивная революция» 1990-х и 2000-х гг. сделала доступными многие темы, связанные с историей Советской военной администрации в Германии и советской ее оккупацией³. Обеспечение новым эмпирическим материалом⁴ в первую очередь коснулось «отраслевых» и институциональных объектов исследования⁵. Так, в период «больших проектов» было опубликовано свыше 10 документальных сборников⁶ и значительное количество наимено-

ваний монографий и статей на русском, английском⁷ и немецком языках⁸. Только в 2010-е гг. акцент изучения сместился к микроисторическим и антропологическим вопросам. В публикациях Н. П. Тимофеевой впервые нашли отражение проблемы восприятия немецкого населения и индивидуального самоопределения сотрудников⁹, а в трудах Р. Ю. Болдырева¹⁰ и В. А. Козлова¹¹ важное место отводилось различным вопросам проживания сотрудников в Восточной Германии.

Образ союзников и практики взаимодействия с представителями союзнических администраций не получили должного освещения в историографии, хотя данные сюжеты играли значительную роль в функционировании СВАГ и жизни советских сотрудников в Восточной Германии. Именно они и послужили объектом настоящего исследования. Целевой группой стали сотрудники Центрального аппарата СВАГ, который располагался в Берлине и провинции Бранденбург. Данная целевая группа выглядит наиболее гомогенной: у нее было общее место проживания в самом центре работы Союзного Контрольного совета, тесное служебное и бытовое соприкосновение с союзниками, более разностороннее, чем на границах оккупационных зон. Кроме того, она отличалась от прочих групп (например, в других провинциях) большей однородностью по личному и профессиональному опыту.

Репрезентативными источниками, позволяющими провести исследование с ракурса взгляда нового жителя Восточной Германии, являются воспоминания самих сотрудников Центрального аппарата СВАГ.

Годы, проведенные в послевоенной Германии, наполнялись содержанием встреч не только с немцами, но и с союзниками по антигитлеровской коалиции и с бывшими соотечественниками, эмигрировавшими из Российской империи и СССР. В первые месяцы союзной оккупации в администрациях Франции и США была распространена практика найма таких сотрудников.

Референт по церковной политике Управления пропаганды (информации) В. А. Ермолаев вспоминал: «Отношения с союзниками оказались очень милыми. Как-то Картерон устроил у себя *soirée* (*soirée* (фр.) – вечер, вечеринка. – А. В.) с легким вином и танцами. Здесь я познакомился с Николаем Николаевичем Юматовым – эмигрантом и теперь переводчиком у французов, человеком с интересной биографией, который сразу же понравился мне своей воспитанностью и интеллигентностью»¹². Но общение со своими бывшими соотечественниками не всегда могли быть приятными и желательными. Здесь сказывался и курс советской политики, направленный на дискредитацию эмигрантов и репатриантов и взаимное отдаление двух групп, каждая из которых имела уже свою историю и историческую память.

Часто бытовые различия, диссонанс в культуре, попытки эмигрантов угодить сотрудникам

вызывали у них негативное отношение и отторжение. В эти же ситуации вмешивались проявления «фронтовых пережитков». Тоску по Родине и русскому обществу у эмигрантов они воспринимали как их двуличность и фальшь: «Мы, разумеется, усадили за стол и хозяев, которые, как оказалось, совсем не страдали отсутствием аппетита. После второй рюмки водки хозяйка раскраснелась, потом расплакалась – и стала причитать мне на ухо: Господи, вот это по-нашему, по-русскому. За столько лет хоть душу отвела, поела досыта... У немцев так не покушаешь! Немцы за свой стол не усадят... А пригласят в гости, так за вечер больше одной чашки кофе не предложат. <...> Поздно, по-моему, она вспомнила о Родине»¹³.

В массовом сознании советских людей образ союзника по антигитлеровской коалиции представлялся в самых различных ипостасях. Наряду с позитивными представлениями, чувством благодарности за помощь часто встречались и проявления двойственного отношения и даже недоверия к ним (особенно в отношении Великобритании). Причины этого были заложены в истории взаимоотношений России и СССР с этими странами, в наследии идеологической пропаганды предвоенных лет, но в немалой степени и в реальной политике союзных государств, преследовавших в первую очередь собственные интересы, в частности затягивавших открытие второго фронта в Европе¹⁴.

Образ абстрактного союзника в 1945–1949 гг. у советских военнослужащих проходил стадию персонификации. Контакты с союзниками происходила как в ходе деятельности Контрольного совета, так и совместной жизни в Берлине или на зональных границах. Показательным является тот факт, что прозрачность межзональных и межсекторальных границ в Берлине в первые месяцы оккупации позволяли сотрудникам посещать Западную Германию в командировочных целях.

На первой стадии своего существования Союзный Контрольный совет действовал весьма эффективно и конструктивно. Однако внешняя помпезность его заседаний и всеобщая эйфория сотрудничества стран-победителей скрывали многие противоречия послевоенного мира и сложности в отношениях союзников. Присутствовавшие на таких заседаниях сотрудники отмечали, что «высокие представители СССР, США, Великобритании и Франции не столько обсуждали реальные проблемы, сколько озвучивали декларации, отражавшие позицию правительств своих стран, а они были весьма различными и договориться было все труднее и труднее»¹⁵.

Для рядовых и высокопоставленных сотрудников различных комитетов и директоратах Контрольного совета совместная работа с союзниками сопровождалась также различными «увеселительными» мероприятиями, которые, как правило, проводились при смене председателя каждый месяц. Один из сотрудников, Е. Г. Плимак вспоминал об этом: «На Политическом директо-

рате, как и на других, впрочем, каждый месяц сменялась председательствующая сторона, и это событие отмечалось торжественно – очередным а-ля фуршетом, попойкой, говоря по-русски, а у нас иногда – даже с выездом на лоно природы, на какие-то озера, что были невдалеке»¹⁶.

Не одним Контрольным советом исчерпывалась общение советских военнослужащих с союзниками. Складывались знакомства, завязывались дружественные отношения¹⁷, союзники устраивали различные вечера и официальные приемы, к которым постепенно приобщались и советские граждане, универсальным языком для всех становился немецкий, хотя в той или иной мере формировали собственные знания языков своих союзников. Б. Г. Тартаковский во время поездки на Нюрнбергский процесс посетил один из таких вечеров: «Прием происходил на шикарной вилле, принадлежавшей ранее какому-то крупному промышленнику, а может быть и видному нацисту. Был, как полагается, превосходный шведский стол, множество разнообразных крепких напитков непривычная для нас обстановка американской party (party (англ.) – вечер, вечеринка. – А. В.). Был прекрасный теплый летний вечер, на расположенной в саду, среди цветов обширной площадке респектабельные седовласые американские судьи танцевали со своими разукрашенными и тоже отнюдь не молодыми женами, ни обращая на нас почти никакого внимания»¹⁸.

«My dear» от союзника часто могло являться «меткой» шпиона и предателя (My dear (англ.) – мой дорогой. – А. В.). Избыточное внимание союзников, особенно нетрезвых и говорливых, было бедствием (а в особых случаях и находкой) для советских военнослужащих.

Зачастую на таких мероприятиях сотрудники попадали в ситуации, вызывавшие неловкость и желание быть не хуже своих коллег. В. В. Чубинский писал: «Не секрет, что насчет манер мы все были слабоваты. И поэтому на разных официальных иностранных едальницах иногда возникали пустяковые, но неприятные проблемы: какой нож или вилку положено взять, что куда поставить, что пить, как быть с салфеткой. По моим наблюдениям, у многих американцев тоже относительно манер не все бывало ладно. Но они поступят как хотели, не смущаясь. Мы же смущались без нужды. <...> Но вот процесс еды, казавшейся мне экзотической... Первое время у меня все почти валилось из рук, сидел я красный, к тому же помнил, что англичане – люди традиций и устоявшихся форм поведения. Они видели мои мучения, но как люди воспитанные вежливо молчали»¹⁹.

Одним из самых ярких впечатлений и характерным элементом послевоенной действительности в Германии стали различные ярмарки в центре населенных пунктов, где за некоторые суммы или за бартер можно было приобрести все, что угодно. Данное явление не уникально для

подобных условий и представляло собой одну из стратегий выживания для немецкого населения: за различные предметы быта, драгоценности и антиквариат можно было купить продукты или другие вещи жизненной необходимости. Для военнослужащих оккупационных армий это была возможность приобрести драгоценные предметы, трофеи и «сувениры». В мемуаристике советского периода все это стигматизировалось риторикой коммерциализации европейского сознания (особенно в этом обвиняли американцев), ее «продажности» и т. д.²⁰. В остальных воспоминаниях это представлялось как возможность немцев для вполне сносного существования²¹ в период политической турбулентности и краха прошлой жизни с присущими ей социальными практиками²².

Устойчивым образом в восприятии и памяти военнослужащих советской администрации стал американец «торгашеского вида», преимущественно афроамериканец на «Уиллисе». Неоднократно этот образ воспроизводился в мемуарах и как пример американской оккупации, и как ловкая предприимчивость американцев: «Неподалеку от нас останавливается американский джип. Сидящие в нем солдаты – негры, не вылезая из машины, открывают бойкую торговлю. Шоколад, сигареты, мыло. Опорожнив свои мешки, негры улыбаются во весь рот и оглядываются по сторонам. Увидев нас, один из них бормочет что-то своему партнеру. Затем, красочно жестикулируя, он обращается ко мне, судя по всему предлагая что-то купить»²³. «Капиталистические» замашки ловко подмечались советскими сотрудниками у всех американцев: «На запыленном зеленом «виллисе»; в полной парадной форме сидит седой американский офицер с круглым красным лицом мясника. Он закатал рукав и выставил напоказ волосатую левую руку, сплошь унизанную новенькими мужскими и женскими ручными часами. На пальце сверкают толстый золотой перстень и обручальные кольца. Время от времени полковник, зазывая покупателей, выкликает на русском, немецком и французском языках»²⁴.

Рефлексивные оценки сотрудников советской администрации о взаимоотношениях с союзниками присутствуют во многих воспоминаниях, наиболее аналитическое описание было составлено В. В. Чубинским, переводчиком Управления внешней торговли и журналистом «Tägliche Rundschau»: «Общее отношение сейчас такое: антипатия – к англичанам, равнодушие к американцам и небольшая симпатия – к французам. Последнее происходит от выборов во Францию, от политики французов по отношению к немцам, которая во многих вопросах близка к нашей, и, наконец, от лояльного отношения к нам, проявляемого как французскими властями, так и рядовыми работниками. Если едешь в зону к американцам, то всегда можно опасаться какого-либо подвоха. У англичан почти то же самое. Во французском же секторе тихо, спокойно, для союзников созда-

ны все условия, солдаты приветливо улыбаются или козыряют»²⁵. Ему вторил и Г. А. Литвин: «Американские офицеры вели себя запросто, панибратски, английские и французские – чуть подержанней. Наш переводчик с английского завел увлекшую обоих с головой беседу с одним из американских офицеров, а для остальных незнание языка с разных сторон вполне компенсировалось улыбками, похлопыванием по плечу, подливанием виски и восторженными возгласами по каждому поводу. Часто переходили на немецкий язык, который все в разной степени понимали»²⁶.

С осени 1946 г. в советской и союзной администрациях стали происходить кадровые перестановки. Эйфория первых дружественных встреч сменилась на политическую конфронтацию. Ротации и сокращение кадров в СВАГ можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, общим сокращением аппарата управления и передачей все большего числа функций в руки немецких органов самоуправления. Во-вторых, усталостью многих людей от службы в Германии. В-третьих, продолжали приходить сообщения о падении морали среди советских служащих и военнослужащих – грабежах и убийствах, алкоголизме, вступлении в половую связь, а то и просто сожительстве с немками. В-четвертых, это было связано с внутривнутриполитическими процессами в СССР (борьба с космополитизмом, Ленинградское дело, антисемитская компания). В-пятых, военнослужащие не всегда могли выполнять задачи, которые стояли перед администрацией²⁷.

Ротация кадров союзных администраций в своей активной фазе 1947–1948 гг. была вызвана обострением международных отношений и началом Холодной войны. В первые годы оккупации в союзных администрациях работали военнослужащие самых разных политических ориентаций и среди них было немало сотрудников, придерживавшихся левых взглядов: антифашистов, ненавидевших нацизм и симпатизировавших Советскому Союзу. На смену им назначали, как и в советскую военную администрацию, «консервативных провинциалов», негативно воспринимающих «чужих», иностранных коллег. Для которых слова «советский» и «красный» действовали как красная тряпка на быка²⁸.

После этого отношения бывших союзников стали настороженными и подозрительными, если не враждебными. Распространенной практикой становились также «временные задержания» сотрудников администраций, усиленное патрулирование межзональных и межсекторальных границ. Что касается служебной сферы жизни, то ее наполнение изменялось по той же логике, что и повседневное взаимодействие военнослужащих разных государств. Более подробное исследование служебного взаимодействия требует отдельного изучения. За такими простыми выдержками о собственном прожитом опыте сотрудников

скрывается неповторимое столкновение разных культур со своими ценностными установками в поверженной стране. Эти знакомства позволяли не только адаптироваться в новой инокультурной среде, но и оказали существенное влияние в повседневной жизни как во время оккупации, так и после возвращения на Родину.

Примечания

- 1 Советская военная администрация в Германии. 1945–1949 : справочник / отв. ред. Я. Фойтцик, А. В. Доронин, Е. Царевская-Дякина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 969–974.
- 2 См.: Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны : в 3 т. Т. 3 : Документы и материалы. 1 января – 3 сентября 1945 г. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. С. 282–283.
- 3 См.: *Филитов А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990. М. : Наука, 2009.
- 4 См.: *Семиряга М. И.* Как мы управляли Германией. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995.
- 5 См.: *Болдырев Р. Ю.* Советская оккупационная политика в Германии, 1945–1949 : экономический аспект. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011.
- 6 См.: *Захаров В. В.* Серийное издание о деятельности Советской военной администрации в Германии // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 44–51.
- 7 *Naimark N.* Die Russen in Deutschland : Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. Berlin : Ullstein, 1997.
- 8 *Foitzik J.* Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949 : Struktur und Funktion. Berlin : De Gruyter Akademie Forschung, 1999.
- 9 См.: *Тимофеева Н. П.* Немцы «свои» и «чужие» – в политике СВАГ 1945–1949 гг. // Германия и Россия в судьбе историка : сб. статей, посвященный 90-летию Я. С. Драбкина. М. : Собрание, 2008. С. 344–351.
- 10 *Болдырев Р. Ю.* Повседневная жизнь советских военнослужащих по материалам полуправления СВАГ // Люди между народами. Действующие лица российско-германской истории XX в. : материалы конференции российских и немецких историков (25–29 апреля 2009 г., Тутцинг, ФРГ). М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 141–154.
- 11 См.: *Козлов В. А., Козлова М. Е.* Жилище как трофей : квартирный вопрос в бюрократических практиках и личных стратегиях сотрудников Советской военной администрации в Германии (1945–1949) // Русский сборник. Исследования по истории России. Вып. XVI. М. : Издатель Модест Колеров, 2014. С. 376–377.
- 12 *Ермолаев В. А.* «Без гнева и пристрастия» : Записки историка. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2009. С. 248.
- 13 *Вайс Г. Л.* Утром, после войны. М. : Советский писатель, 1977. С. 114.
- 14 См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 10 : Государство, общество и война. М. : Кучково поле, 2014. С. 659.
- 15 Из истории деятельности СВАГ : интервью с ее бывшим сотрудником доктором исторических наук А. А. Гал-

- киным / беседовал С. Н. Мудров // Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 175.
- ¹⁶ Плимак Е. Г. На войне и после войны (Записки ветерана). М. : Весь мир, 2005. С. 58.
- ¹⁷ См.: Чубинский В. В. Моя оккупация Германии. Русский офицер в Берлине и окрест. 1946–1950 гг. СПб. : Образование-Культура, 2004. С. 185.
- ¹⁸ Тартаковский Б. Г. ВСЁ ЭТО БЫЛО... Воспоминания об исчезающем поколении. М. : АИРО-XXI, 2005. С. 268.
- ¹⁹ Чубинский В. В. Указ. соч. С. 276.
- ²⁰ См.: Верников С. М. Записки военного переводчика. Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1977. С. 101–102.
- ²¹ См.: Кацева Е. А. Мой личный военный трофей : Повесть о жизни. СПб. : Изд-во Сергея Ходова, 2005. С. 46.
- ²² Бродский Е. А. Это известно немногим. М. : Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. С. 297–298.
- ²³ Климов Г. Песнь победителя. Краснодар : Пересвет, 2002. С. 267.
- ²⁴ Вайс Г. Л. Указ. соч. С. 44–45.
- ²⁵ Чубинский В. В. Указ. соч. С. 178.
- ²⁶ Литвин Г. А. На развалинах третьего рейха, или маятник войны. М. : Вперед, 1998. С. 115.
- ²⁷ См.: Козлов В. А., Козлова М. Е. Операционные коды советской кадровой политики эпохи позднего сталинизма (по материалам Советской военной администрации в Германии, 1945–1949) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXI. М. : Модест Колеров, 2017. С. 368–430.
- ²⁸ См.: Из истории деятельности СВАГ : интервью с ее бывшим сотрудником доктором исторических наук А. А. Галкиным. С. 172.

Образец для цитирования:

Власов А. В. Образ союзника и практики взаимодействия с представителями союзных администраций в повседневной жизни сотрудников СВАГ в 1945–1949 годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 332–336. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-332-336>

Cite this article as:

Vlasov A. V. The Image of the Ally and the Practice of Interaction with Representatives of the Union Administrations in the Daily Life of SMAG Employees in 1945–1949. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 332–336 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-332-336>

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 303.446.4(410)+929

«Исторические сомнения» Х. Уолпола в характеристике Ричарда III

Н. С. Креленко

Креленко Наталья Станиславовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, krelenkon@mail.ru

Статья посвящена анализу сочинения Х. Уолпола «Исторические сомнения относительно жизни и правления короля Ричарда Третьего». Предпринята попытка пересмотра и реабилитации английского короля Ричарда III. Историк-любитель, знаток политических тонкостей Х. Уолпол постарался установить связь между формированием образа Ричарда III и политической обстановкой, сложившейся в стране после его смерти. Работа Х. Уолпола содержит интересный анализ взглядов авторов, сочинения которых легли в основу исторического портрета последнего короля из династии Йорков, а также несколько замечаний о роли и значении истории в жизни общества.

Ключевые слова: Англия, Просвещение, предромантизм, Х. Уолпол, война Роз, Ричард III, Томас Мор.

Поступила в редакцию: 08.01.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

H. Walpole's "Historic Doubts" in his Characterization of Richard III

N. S. Krelenko

Natalia S. Krelenko, <https://orcid.org/0000-0002-7691-6811>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, krelenkon@mail.ru

The article deals with the analysis of H. Walpole's "Historic Doubts on the Life and Reign of King Richard the Third". The focus of the article is on the attempt of reconsideration and rehabilitation of English king Richard III. An amateur historian and expert on the subtleties of politics, H. Walpole tried to establish a link between the development of the image of Richard III and political atmosphere prevailing in England after his death. Walpole's work contains an interesting analysis of the views of the authors whose writings formed the basis of historical portrait of the last king of the House of York. It also contains a few remarks on the role and importance of history in society.

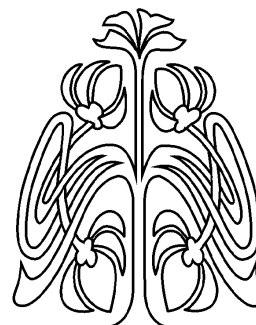
Keywords: England, Enlightenment, Pre-Romanticism, Horace Walpole, the War of the Roses, Richard III, Thomas More.

Received: 08.01.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-337-343>

Давая оценку исторической роли и личностной характеристики английского короля Ричарда Йорка, в середине 70-х гг. прошлого века советский историк М. А. Барг написал следующее: «...Наука знает о Ричарде III гораздо меньше, чем знает каждый»¹. Эта звучащая парадоксально фраза очень точно передает сложившуюся пять столетий назад ситуацию. Ведь речь идет о периоде, от которого остались довольно многочисленные письменные свидетельства. Действиям этого челове-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ка была дана оценка, неоднократно озвученная, снабженная выразительными формулировками и комментариями.

Вместе с тем периодически предпринимались попытки переосмысления личности Ричарда III Йорка учеными и просто любознательными потомками. Думается, что допустимо начать знакомство с одной из таких попыток с обращения к литературе. В 1951 г. был опубликован детектив Джозефины Тэй (один из псевдонимов британской писательницы Э. Макинтош) «Дочь времени» (*The Daughter of Time*). Название указывает на известное утверждение, что тайное со временем всегда становится явным, что истина может быть названа дочерью времени.

Сюжет повествования состоит в том, что после неудачной погони за преступником, завершившейся в канализационном люке, инспектор полиции А. Грант с ногой на вытяжке не знает, чем занять себя в госпитале. Добросердечная приятельница принесла ему стопку открыток с портретами людей разных времен. Среди этих изображений внимание Гранта привлекло одно лицо, которое он рассматривал, пытаясь понять характер персонажа: «Этот человек привык к грузу ответственности, и если был обличен властью, то относился к ней серьезно... Склонен к сомнениям. Стремился к совершенству...»². Перевернув открытку, он обнаружил, что дал такую характеристику Ричарду III, которого привык считать «чудовищем злодейства» согласно выразительному определению У. Шекспира.

Заинтригованный несходством визуального образа и сложившегося, стереотипа восприятия личности, детектив начинает расследование. В его распоряжении почти никаких материалов. Он просит медсестер и знакомых принести ему все, что можно найти об этом человеке, обращаясь к доступной рядовому читателю литературе. Все, к кому он обращался, при одном упоминании Ричарда III давали ему негативную характеристику как человеку и правителю, ссылаясь на авторитет школьных учебников, Шекспира и сэра Томаса Мора.

Взявшись за собственное осмысление заинтересовавшего его исторического персонажа, Грант постарался учитывать не только то, что о нем было написано, но и кем, при каких обстоятельствах это писалось. В частности, он принял во внимание, что Томас Мор в течение ряда лет состоял в должности канцлера короля Генриха VIII, а значит, должен был обеспечивать официальное реноме правящей династии. Отец Генриха VIII был узурпатором, и важно было доказать, что его предшественник, тоже узурпатор, был плохим человеком. Мор успешно справился с данной задачей, хронисты времен Тюдоров распространили эту версию, а У. Шекспир превратил последнего Йорка в олицетворение агрессивного злого начала. Воссоздав по крупницам иную картину событий, Грант узнал, что несчастного Ричарда уже пытались оправдать, причем неоднократно.

Одна из таких попыток была предпринята в середине XVIII в. Х. Уолполом. Хорас Уолпол (1717–1797) по рождению принадлежал к верхам британского истеблишмента, был хорошо образован, много повидал, интересовался всем на свете, знал понемногу о многом, т. е. был типичным дилетантом в том значении, которое это слово имело при его жизни. «...Дилетант может вообще не обладать профессиональными навыками ни в одной из областей искусства, но, тем не менее, он является своеобразным генератором идей и активным образом участвует в художественной жизни страны»³.

В годы обучения сначала в Итоне, а потом в Кембридже Уолпол увлекался древнеримской поэзией, сам писал стихи, подражая Вергилию. Увлечение античностью, а значит классицизмом, было закреплено поездкой в Италию, которую он совершил после окончания университета в 1739–1740 гг. вместе со школьным другом Томасом Греем. В ту пору именно античная культура, античная литература определяли интересы английских путешественников.

После возвращения домой молодой аристократ оказался вовлеченным в политическую жизнь, стал членом парламента, писал политические памфлеты в защиту своего отца Роберта Уолпола, два десятка лет бывшего успешным премьер-министром, но отстраненного соперниками от власти. В то же время в силу сложившихся обстоятельств, а также из-за особенностей характера Х. Уолпол, будучи членом парламента, не проявлял себя в ходе парламентских дебатов, не произносил речей в палате, сохранял позицию внимательного, заинтересованного наблюдателя. Его участие в политической борьбе проявлялось в том, что он выступал в качестве консультанта своего кузена, парламентария Ф. Конвея. При этом Х. Уолпол на всю жизнь сохранил интерес и умение разбираться в сложностях политики. Его письма, которые он писал на протяжении всей жизни, содержат описание и анализ различных внутренних и внешних политических перипетий. Фиксация этой стороны деятельности нашего героя важна, поскольку она показывает, что привлекало его внимание в настоящем и прошлом.

Трудно сказать, когда именно интерес Х. Уолпола в художественной сфере смещается от преклонения перед античной древностью в сторону национального прошлого. После смерти отца, т. е. во второй половине 40-х гг., он занялся устройством собственного дома. Будучи младшим сыном, ему не стоило рассчитывать, что резиденция отца Хоутон Холл станет его собственностью.

В 1747 г. Х. Уолпол арендовал, а затем купил неподалеку от Лондона дом с участком, называвшийся Струберри Хилл, который и стал его Домом, имевший облик «маленького готического замка». То внимание, с которым Уолпол обратился к обустройству своего загородного жилища, свидетельствует, что он «сознательно и решительно

избирает для себя удел частного человека и наблюдателя жизни»⁴. Дом в Лондоне, оставленный ему отцом, он периодически посещал, но внимания его облику, обстановке не уделял. Тут невольно вспоминается замеченное Н. М. Карамзиным сравнение между городским и загородным жилищем англичан: «Здесь живут в городе, как в деревне, а в деревне, как в городе; в городе – простота, а в деревне – старомодная пышность»⁵.

Увлечение прошлым, отечественным прошлым получило с середины XVIII в. широкое распространение среди британских интеллектуалов. Эмоциональную атмосферу переходных десятилетий (а британское общество переживало вступление в новый этап развития – промышленный переворот, начало процесса индустриализации) составляли два диаметрально различных настроения: пафос торжествующего прогресса и грусть по безвозвратно уходящему традиционному устройству бытия. В Англии из-за своеобразия ее положения («опережающее» развитие) чувство утраты истоков проявилось раньше, острее, чем у ее соседей на континенте, и выражалось в таких тенденциях культурной жизни, которые получили «задним числом», название «предромантизм».

Сам этот термин впервые использовал в начале XX в. французский ученый Д. Морне. В настоящее время он употребляется в двух значениях: как кризисные явления в просветительской традиции и как отдельные черты, предвосхищающие романтизм. Причем эти черты проявлялись в разных сферах культурной жизни: в литературе, в архитектуре, в интересе к историческому прошлому.

Обращение к героизации и поэтизации прошлого чаще всего выражалось в использовании сюжетов из легендарных кельтских времен. Т. Грей создал несколько поэтических произведений, посвященных кельтской мифологии («Нисхождение Одина», «Роковые сестры»), Т. Макферсон издал «Песни Оссиана», представив их читающей публике как найденные и обработанные им древние сказания. Х. Уолпола интересовала более поздняя история, память о которой отразилась в письменных и архитектурных памятниках.

В его глазах готические постройки представляют собой визуальные образы национального прошлого. В письмах, написанных во время летних путешествий 1752 и 1753 гг. по графствам южной и западной Англии, интерес к историческим памятникам, восхищение готическими постройками проявляется неоднократно. В 1752 г. он объездил Кент и Сассекс, а в 1753 г. посетил Вустершир, Глостершир и Оксфордшир. Для человека, очень ценившего комфорт и удобства домашнего быта, странствие по немощным дорогам под мелким (или частым) дождичком с ночевками в деревенских трактирах, было испытанием. Об этом он не забывает упоминать.

Однако главное в письмах – это восхищение стариной «этой святой земли аббатств и готиче-

ских замков»⁶, писал Х. Уолпол в августе 1752 г. Ричарду Бентли, одному из тех, с кем проектировал и строил свой «маленький готический замок», свой Струберри Хилл. Годом позже, обращаясь к Томасу Чьюту, другому коллеге по «клубничному комитету» (так шутливо именовали себя создатели Струберри Хилл), он признавался: «В еретическом уголке моего сердца я обожаю готику»⁷.

В сентябрьском письме Ричарду Бентли Уолпол описал свою прогулку по ночному Оксфорду: «Луна встала, когда я бродил среди колледжей, и передо мной предстала чарующая готическая сцена». Любопытно, что в том же письме описание средневековых красот дополнено соображением совсем иного плана: «Моя любовь к аббатствам не заставит меня ненавидеть Реформацию»⁸. В этой связи Уолпол отметил, что некоторых современников увлеченность готической стариной превратила в якобитов, приверженцев изгнанной династии Стюартов. Сам он четко разделял свои исторические и эстетические пристрастия и свою политическую позицию «истинного вигга».

Строительство Струберри Хилл, длившееся четверть века, стало своего рода попыткой материализовать, приспособив для «домашнего потребления» готику. Словесным портретом «духа времени», ментальности готической эпохи следует признать создание «готического романа», известного под названием «Замок Отранто», опубликованного в 1764 г. сначала анонимно в собственной типографии Уолпола. За этим сочинением закрепилась характеристика одного из первых «романов ужасов», но из предисловия, написанного автором, явствует, что он хотел передать «дух времени», то мировосприятие, которое отличало людей Средневековья. Автор особо подчеркнул: «Вера во всякого рода необычности была настолько устойчивой в те мрачные века, что любой сочинитель, который бы избегал упоминания о них, уклонился бы от правды в изображении нравов эпохи»⁹.

Спустя несколько десятилетий, В. Скотт, анализируя готическую повесть Уолпола, отметил замысел автора, для которого важно воспроизвести особенности *другого* исторического периода. «Его намерением было нарисовать такую картину домашнего уклада и обычаев феодальных времен, которая была бы достаточно правдоподобна и при этом полна движения благодаря участию в действии сверхъестественных сил, в существование которых истово верило непросвещенное общество той эпохи»¹⁰.

Сочинять письма, повести, сказки, поэмы, путеводители, памфлеты было для Уолпола такой же естественной потребностью, как посещение салонов, балов, маскарадов, театральных представлений. Причем собственное творчество он оценивал достаточно критично. В письме к Т. Грею Уолпол написал: «...Я всегда хотел скорее видеть твои сочинения, чем показывать тебе свои, которые, как ты знаешь, представляют собой

пустячки, и которые занимают меня, пока я над ними работаю, и которые я забываю сразу после того, как они опубликованы...»¹¹.

Его интересы сосредоточились преимущественно на окружающем его мире, на людях, которых он знал, на событиях, происходивших на его глазах. Часть своих впечатлений он в последние годы жизни скомпоновал в несколько тематически и хронологически объединенных сочинений. Очевидно, что данное Уолполом видение задач историка опирается на этот опыт: «Никогда не имел намерения писать серьезную историю, но только воссоздать отдельные анекдоты и характеристики, которые могут пролить свет на время, в которое я жил...»¹². Это утверждение противоречит одному эпизоду в разносторонней деятельности Х. Уолпола.

Обращение к английскому средневековью, рассмотрению которого посвящена небольшая книга «Исторические сомнения относительно жизни и правления короля Ричарда Третьего» («Historic Doubts on the life and Reign of King Richard the Third»), потребовало Уолпола другого отношения, других приемов, другого взгляда на предмет. В 1768 г. он опубликовал ее в своем домашнем издательстве, а чуть позже в том же году вышло второе издание в Лондоне¹³.

В определенном смысле появление данной книги можно рассматривать как продолжение разработки «готической» темы, но на конкретном историческом материале. История короля Ричарда III заинтересовала Уолпола после знакомства с документом, связанным с его коронацией. Этот документ ему показал его старый школьный друг Чарльз Литтлтон, бывший в то время председателем общества антиквариев.

В Предисловии к «Историческим сомнениям» Уолпол обозначил, какие задачи он пытался решить при написании этой работы. Начинает он с того, что он воспринял шекспировскую трагедию, посвященную королю Ричарду III, как гениальный спектакль, а не как достоверный исторический эпизод¹⁴.

Свой подход к заинтересовавшему его историческому эпизоду Уолпол начинает издали, с рассмотрения вопроса о том, зачем вообще писалась история. Он связывает этот интерес с желанием людей, каждой нации найти свои истоки, причем эти истоки должны иметь божественное происхождение. В этом, по мнению Уолпола, нет различий между греческим Гераклом и перуанским Сыном Солнца.

Очень кратко, но категорично охарактеризовав то, как подавалась история в Древности и в Средние века, автор сосредоточился на истории Англии, отметив, что единственным достоинством английских исторических сочинений до времени Генриха VIII может считаться простодушие авторов. Со временем содержание исторических сочинений, пишет он, наполняется подлинными фактами, но подборки фактов преподносятся

всегда так, чтобы прославить или разоблачить кого-то. Уолпол отметил, что в иные времена симпатии вызывает торжествующий тиран, в другие поверженный страдалец.

Развернутое оправдание личности и деятельности Ричарда III составляют содержание «Исторических сомнений». По мнению Уолпола, в пользу его версии говорит тот факт, что попытки восстановления исторической справедливости в отношении Ричарда Йорка предпринимались с начала XVII в., с того времени, когда английский трон перешел к другой династии, и тюдоровская пропагандистская модель утратила свою злободневность. В 1619 г. антикварий Д. Бак попытался написать работу, оправдывающую Ричарда III, но, по мнению Уолпола, доказательства, предложенные этим автором, были неубедительны.

Уолпол признает, что располагает малым числом достоверных свидетельств, относящихся к интересующему его периоду, но отмечает явную тенденциозность имеющихся сведений. Приступая к обоснованию своего подхода к предмету исследования, он исходил из того, что определенный образ короля Ричарда, коварство его характера, уродливость его внешнего облика, изощренность его злодейств был придуман для того, чтобы на этом фоне выигрышнее выглядел Генрих Тюдор, ставший королем после его гибели.

Протюдоровски настроенные авторы старались тем самым оправдать поступки короля-победителя, даже проявление им жестокости, хотя сам факт казней, совершенных Генрихом VII, не отрицают. То, что даже это «попугавшее жюри» признает жестокости, совершенные первым Тюдором, подтверждает достоверность этих фактов. А в отношении злодейских деяний его предшественников нет подтверждений, исходящих от незаинтересованных свидетелей. Обвинения в адрес Ричарда представляются Уолполу сомнительными. Свою задачу он видел в том, чтобы, основываясь на известных данных, сопоставляя их между собой, соотнося описываемые события жизни конкретного человека с хронологией общеизвестных исторических фактов, постараться выявить правдивую картину происходившего.

Х. Уолпол последовательно рассмотрел несколько самых одиозных эпизодов, в которых традиция обвинила Ричарда III. Главные злодеяния, приписываемые Ричарду: убийство Эдварда принца Уэльского, сына Генриха VI, убийство короля Генриха VI, убийство собственного брата герцога Кларенса, казнь Риверса, Грея, Вогана, Гастингса, убийство малолетних племянников и, наконец, убийство собственной супруги, королевы Анны. Он рассмотрел каждое из обвинений, сравнивая свидетельства разных авторов и оценивая их с точки зрения просветительского «здорового смысла».

Большинство обвинений кажутся неубедительными. В частности, три первых «дела»: смерть короля Генриха VI, его сына Эдварда и

герцога Кларенса кажутся Уолполу искусственно связанными с именем Ричарда Глостера. Что касается королевы Анны, то современникам было известно о слабости ее здоровья и смерть ее никого не удивила.

Особое внимание уделяется «принцам в Таузере», истории загадочного исчезновения сыновей Эдуарда IV. Опираясь на сведения, имеющиеся в документе, с которым познакомил его Литтлтон, Уолпол пришел к выводу, согласно которому Ричард не убивал своих племянников. Ему это было не выгодно после того, как принцы были признаны бастардами. Сопоставляя разные данные, он предположил, в частности, что младший из принцев позднее был казнен как самозванец, известный под именем Паркера Уорбека при Генрихе VII.

Что касается пешеходных казней аристократов Риверса, Вогана, Грея и Гастингса, поддержавших вдовствующую королеву Елизавету, претендовавшую на то, чтобы стать протектором при своем сыне, то расправа над ними, по мнению Уолпола, «соответствовали нравам и жестокости того времени и, возможно, могут быть оправданы суровым кодексом необходимости»¹⁵.

Кроме того, Уолпол попытался проследить, как именно и почему отдельные черты Ричарда III сложились в цельный, убедительный и пугающий образ. Он дает характеристику тем авторам, сочинения которых повлияли на восприятие личности и деятельности Ричарда III и обращается чаще всего к свидетельствам Д. Фабиана, Т. Мора, П. Вергилия, Ф. де Коммина, Д. Роуза. Свидетельства Д. Фабиана Уолпол признает ненадежными, потому что автор этой хроники больше интересовался делами своего монастыря, а не той жизнью, которая протекала за его пределами. Полидор Вергилий характеризуется как иностранец, получивший заказ от короля Генриха VII написать «краткую историю» Английского королевства в удобном королю духе. Филипп де Коммин рассматривается как автор, оценивавший английские дела «с другого берега», с точки зрения французских интересов.

Что касается Д. Роуза, то, оценивая его как приверженца Тюдоров, посвятившего свое сочинение Генриху VII, Уолпол указывает на противоречия в этой хронике при описании внешности Ричарда III. Так, рассказывая о коронации Ричарда, он ничего не говорит о каких-то особенностях его внешности. Данная сцена явно была написана непосредственно после этого события и оставлена автором в своем изначальном виде. В другом месте, где дается оценка личности и правлению этого короля, присутствует множество деталей, которые должны были показать злобный характер персонажа. В духе старинных легенд о злодеях Роуз написал, что мать носила Ричарда во чреве два года, родился он уже имея зубы и волосы, и отличался уродством и злобностью. Этот пассаж написан позднее, когда власть перешла к Генриху Ричмонду, которому хронист и посвятил свое сочинение.

Ключевой фигурой для понимания того, каким Ричард III остался в истории, Уолпол считает Томаса Мора. Его незавершенной работе «История Ричарда III» уделено особое внимание. Прежде всего отмечается, что Т. Мор писал о нем в период, когда находился на посту младшего шерифа Лондона и был в немилости у короля Генриха VII. Принимая во внимание характер Мора, ту бескомпромиссность, которую он проявлял всегда, даже когда речь шла о сохранении собственной жизни, Уолпол не допускает мысли о том, что он старался очернить Ричарда Йорка, чтобы угодить Генриху Тюдору. Но взгляды молодого Томаса Мора сформировались, когда он был пажом в доме архиепископа Д. Мортонна, который в свое время предал Ричарда III, а значит, не был заинтересован давать положительный образ этого человека¹⁶.

Проводя параллель между «Историей Ричарда III» и написанной примерно в тот же период «Утопией», Уолпол называет оба сочинения фантазиями. Если попытаться расшифровать это сравнение, то, скорее всего, имеется в виду, что в «Истории Ричарда III» дается в противоположность «Утопии» картина неправильного, дурного правления, своего рода антиутопия. Для создания выразительность художественного образа Т. Мор наделяет своего антигероя запоминающимися чертами внешнего облика и характера, используя те сведения, которые мог получить от Д. Мортонна. Созданный Мором выразительный художественный образ был использован другими авторами уже как достоверное историческое свидетельство.

Что касается хронистов, работавших в последующие десятилетия, то они просто повторяли написанное авторами непосредственно после захвата власти Генрихом Ричмондом. Два самых авторитетных историка Ф. Бэкон и Д. Юм продолжили эту традицию. Причем Ф. Бэкон, сочинение которого служит панегириком правления Генриха VII, упоминает о достоинствах его противника: «... Это был государь испытанной воинской доблести, ревновал чести Англии, и к тому же хороший законодатель, облегчивший участь простого народа...»¹⁷. Впрочем, продолжая мысль, Бэкон добавляет: «... Его жестокости и убийства родственников перевешивали в общем мнении его добродетели и заслуги...»¹⁸. И, наконец, ставит под сомнение отмеченные достоинства: «... Во мнении мудрых людей и сами эти добродетели были скорее проявлениями притворства и лицемерия, служившими его честолюбию...»¹⁹. Так, в одной фразе фиксируются и опровергаются сведения, не соответствовавшие протюдоровской версии истории, а обоснованием этого подхода служит ссылка на неких «мудрых людей». Уолполу эта позиция представлялась не только не правильной, но и не обоснованной.

Уолпол выразил удивление в связи с тем, что Д. Юм, отказавшись от традиционных характе-

ристик нескольких королей, полностью сохранил негативную оценку личности Ричарда III.

Пытаясь реабилитировать последнего Йорка, Уолпол поставил под сомнение и сложившийся внешний образ злополучного короля, ведь существует традиция делать злодеев внешне непривлекательными. В данном случае над созданием образа поработал У. Шекспир, а в XVIII в. – режиссер и актер Д. Гаррик. К середине XVIII столетия в культурной жизни заметно усилился интерес к творчеству Шекспира, а главным популяризатором этой темы стал блистательный актер и режиссер Дэвид Гаррик (1717–1779). На протяжении многих лет он изображал Ричарда III, в этой роли был представлен на одном из портретов кисти У. Хогарта. Образ короля-злодея строился на том, что он, будучи умным, смелым, но физически уродливым, мстит людям за свою ущербность, ломая судьбы окружающих ради получения могущества и власти.

Таким образом, обозначена важность связи между внешним обликом персонажа (и стоящей за ним исторической личности) и его поведением, приписываемыми ему злодеяниями. Учитывая это, важно отметить, что реальный Ричард не был уродлив, а значит, не имел оснований для гипертрофированной злобности, какой наделила его традиция. Вывод Уолпола заключался в том, что образ Ричарда был сфабрикован тюдоровской пропагандой. «...Когда король является главным судьей, историки становятся доброжелательным жюри»²⁰.

С самых первых строк своих «Исторических сомнений» Уолпол отметил, что люди неохотно принимают переоценки устоявшихся мнений, и предположил, что его попытка реабилитации короля Ричарда III вызовет такую же реакцию²¹. Это для него особенно очевидно, если принять во внимание то обстоятельство, что опровергать он взялся Шекспира. «Бессмертные сцены Шекспира будут существовать, когда мои скромные аргументы будут забыты. Ричарда будут обвинять на сцене, когда его защита остается на полке в библиотеке»²².

Уолпол оказался прав. Сразу после выхода в свет книга привлекла внимание читателей. Но это внимание было таким, какое предвидел автор, приступая к написанию своих «Сомнений». Ведь текст начинается с утверждения того, что люди не любят, когда под сомнение ставятся устоявшиеся мнения и оценки. Так получилось и в данном случае. Близкие приятели Уолпола, такие как Д. Селвин и Т. Грей, высказались достаточно неопределенно. В журналах «Критическое обозрение» и «Лондонская хроника» появились весьма настороженные рецензии на книгу. Позднее Уолполу переслали отзыв Э. Гиббона, суть которого сводилась к тому, что доказательства автора ослепляют читателя, но не убеждают его. Позиция Э. Гиббона, так же как и позиция Д. Юма, который тоже не соглашался с той подачей мате-

риала, которую представил Уолпол, была вполне корректна.

Иначе повели себя коллеги Уолпола по Обществу антиквариетов. С 1770 г. общество начало публиковать свой сборник, и первые два выпуска были посвящены опровержению «Исторических сомнений». Одна работа была написана доктором Д. Миллесом, ставшим после смерти Литтлтона председателем общества, а другая – одним кембриджским священником. То, в каком тоне были написаны обе работы, показалось Х. Уолполу оскорбительным, и он заявил о том, что порывает с Обществом антиквариетов.

На протяжении XIX в. в английской исторической науке появлялись работы, авторы которых придерживались, условно говоря, прошекспировской трактовки образа Ричарда III (Ш. Тернер и Д. Гэрднер). Были такие, кто предлагали реабилитировать личность этого короля (К. Хелстед, К. Маркхем). Причем научные споры сэра Маркхема и сэра Гэрднера вылились в личную ссору.

В XX в. споры между ричардианцами и его недоброжелателями продолжились, продолжают они и по сию пору. Чаще всего представители того и другого подхода стараются придерживаться осмотрительной осторожности в своих оценках (П. М. Кендалл, Д. Поттер), но и иногда авторы четко следуют шекспировской выразительности. Примером такого подхода может служить книга Д. Норвича «История Англии и шекспировские короли. Какими они были на самом деле?». Автор опирается на авторитет «нашего лучшего свидетеля сэра Томаса Мора»²³, который называется современником событий, имевшим возможность получить сведения от сведущих людей. То, что Т. Мору в год смерти короля Ричарда было 7 лет, а рос он в окружении людей, находившихся при власти, а значит заинтересованные дискредитировать того, кого они предали, не принимается во внимание. Д. Норич не замечает предложенного давным-давно Х. Уолполом подхода: Т. Мор писал не историческое сочинение, а публицистический памфлет, своего рода антиутопию о дурном правителе, а текст был использован в качестве авторитетного исторического источника. Так что у себя на родине оценка Ричарда III не может считаться устоявшейся.

В отечественной исторической науке переоценка личности последнего Йорка впервые прозвучала в середине XIX в. в лекциях Т. Н. Грановского. Много позднее, в 70-х гг. прошлого века М. А. Барг в книге «Шекспир и история» предложил развернутое обоснование реабилитации Ричарда. Предметом гордости советского историка стало то, что тбилисский театр в те годы поставил «Трагедию о короле Ричарде III» в его трактовке. В нашем веке защитницей короля Ричарда выступила Е. Д. Браун²⁴.

Возвращаясь к рассмотрению и оценке книги Х. Уолпола «Исторические сомнения относительно жизни и правления короля Ричарда

Третьего», хочется обратить внимание на следующее обстоятельство: содержание этой работы представляет собой двоякий интерес, в ней не только предпринята весьма аргументированная попытка реабилитации исторического персонажа, но и содержится интересный историографический анализ рассматриваемой проблемы. Знакомство с текстом Х. Уолпола, посвященного оценке исторической личности короля Ричарда III, позволяет увидеть на конкретном примере, как проявилось восприятие истории через призму предромантизма, в котором наметилось отношение к прошлому как к «другому времени», отличающемуся от современности иными нравами.

Примечания

- 1 Барг М. А. Шекспир и история. М. : Наука, 1979. С. 191.
- 2 Тэй Д. Дочь времени. Дело о похищении Бэтти Кейн. М. : АСТ, 2010. С. 23.
- 3 Соколова М. Феномен дилетанта в английской художественной жизни XVIII в. // Любительство : XVIII–XXI века. От просвещенных дилетантов до рок-музыкантов. М. : Государственный институт искусствознания, 2010. С. 51.
- 4 Там же. С. 55.
- 5 Карамзин Н. М. Записки русского путешественника. М. : Советская Россия, 1983. С. 469.
- 6 Walpole H. Selected letters of Horace Walpole. L. : G. Bell and sons, 1914. P. 48.
- 7 Ibid. P. 62.
- 8 Ibid. P. 65.
- 9 Уолпол Х. Замок Отранто. Предисловие к первому изданию // Комната с гобеленами. Английская готическая проза. М. : Правда, 1991. С. 25.
- 10 Скотт В. О «Замке Отранто» Уолпола. URL: https://royallib.com/read/skott_valter/o_zamke_otranto_uolpola.html#0 (дата обращения: 24.07.2019).
- 11 Walpole H. Selected letters. P. 253.
- 12 Walpole H. Memoirs and portraits / ed. by M. Hodgart. N. Y. : Macmillan, 1963. P. 47.
- 13 Walpole H. Historic Doubts on the life and Reign of King Richard the Third. L. : Printed for J. Dodsley in Pell-Mall, 1768. P. 135.
- 14 Ibid. P. XIII.
- 15 Walpole H. Historic Doubts on the life and Reign of King Richard the Third. P. 49.
- 16 Ibid. P. 17–18, 46.
- 17 Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. М. : Наука, 1990. С. 5.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 Walpole H. Historic Doubts on the life and Reign of King Richard the Third. P. XV.
- 21 Ibid. P. 1.
- 22 Ibid. P. 114.
- 23 Норвич Д. История Англии и шекспировские короли. Какими они были на самом деле? М. : Астрель, 2012. С. 386.
- 24 См.: Браун Е. Д. Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз. М. : Вече, 2016. 432 с.

Образец для цитирования:

Креленко Н. С. «Исторические сомнения» Х. Уолпола в характеристике Ричарда III // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 337–343. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-337-343>

Cite this article as:

Krelenko N. S. H. Walpole's "Historic Doubts" in his Characterization of Richard III. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 337–343 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-337-343>

УДК 94(410)«1485/1603»

Благотворительность в тюдоровском Лондоне: гендерный аспект

Л. Н. Чернова

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, larisachernova@mail.ru

В статье на материале завещаний, оставленных купцами и ремесленными мастерами и их вдовами, рассматривается благотворительность в Лондоне конца XV–XVI вв. В гендерном ракурсе выявляются направления благотворительности горожан: церковная, социальная, культурно-образовательная, характеризуются конкретные формы их проявления. Констатируется, что глубокие социальные изменения и реформационные процессы в тюдоровской Англии вызвали серьезные трансформации духовно-религиозных и нравственных ценностей, что нашло отражение в благотворительной деятельности лондонцев.

Ключевые слова: тюдоровский Лондон, завещания, купцы, ремесленные мастера, горожанки, благотворительность, церковь, городская беднота, университеты, грамматические школы, забота о городе.

Поступила в редакцию: 22.03.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Charity in London under the Tudors: Gender Perspective

L. N. Chernova

Larisa N. Chernova, <https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, larisachernova@mail.ru

The article examines a charity in London at the end of the 15th–16th Centuries based on the material of the wills of merchants and artisans and their widows. The directions of the citizens's charity are identified: Church, social, cultural and educational, and specific forms of their manifestation are characterized from a gender perspective. The author shows that deep social changes and Reformation processes in Tudor England also caused serious transformations of spiritual, religious and moral values of people of that time, which was reflected in the charitable activities of Londoners.

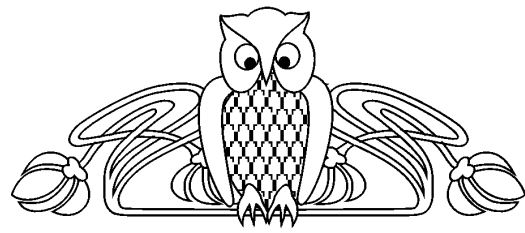
Keywords: London under the Tudors, wills, merchants, artisans, urban women, charity, Church, urban poor, Universities, Grammar schools, care for the city.

Received: 22.03.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-344-352>

XVI столетие внесло существенные коррективы в развитие европейской, в том числе ан-

глийской, благотворительности, ускорив процесс ее обмирщения и подчинения государственному регулированию и контролю. Реформационные процессы в Англии, развивавшиеся в условиях глубоких деформаций в экономике и обществе, во властных структурах и политике, в культуре и науке, не только подорвали традиционные, ориентированные на церковь, основы филантропии¹. Они вызвали также серьезные изменения духовно-религиозных и нравственных ценностей людей того времени, что нашло отражение в их благотворительной деятельности.

В связи с этим обратимся к вопросу о благотворительности горожан тюдоровского Лондона – самого крупного и богатого города Англии, центра общенационального и международного значения, наиболее концентрированно выражавшего ведущие тенденции развития страны. На материале завещаний попытаемся выявить основные направления и формы благотворительности лондонцев, заострив внимание на гендерной специфике.

Из 242 завещаний, официально зарегистрированных в судебной ассамблее Court of Husting при Тюдорах, 14, или 5,8 %, принадлежат женщинам: по 5 завещаний приходится на правление Генриха VII (1485–1509) и Генриха VIII (1509–1547) и 4 завещания – на время пребывания на троне Елизаветы I (1558–1603). Все остальные завещания составлены мужчинами: 33 – при Генрихе VII, 70 – при Генрихе VIII, 6 – при Эдуарде VI (1547–1553), 15 – при Марии I (1553–1558) и 104 – при Елизавете I².

Среди завещательниц – вдовы купцов, ремесленных мастеров, как правило, полноправные горожанки, есть также вдова врача и цирюльника, вдова и во втором браке супруга джентльмена и горожанина Лондона, а еще женщина-пивовар³. Подавляющее большинство «мужских» завещаний оставлено лондонцами, занятыми в сфере производства и обращения товаров⁴.

Как правило, «мужские» и «женские» завещания составлены по единой формуле и принципиально по своей структуре не различаются. Завещания горожан-мужчин начинаются с имени и указания профессиональной и (или) социальной принадлежности, а также (при наличии) должности, занимаемой в лондонском муниципалитете (мэр, олдермен). Завещания горожанок тоже начинаются с имени завещательницы и указания ее правового статуса (вдова, жена) и лишь иногда – профессии. Затем во всех завещательных актах следуют распоряжения о похоронах, на проведе-

ние которых выделяются некоторые средства. Ярчайший пример – торговец роскошными тканями Николас Элвин, который в завещании, составленном в 1505 г., в мельчайших деталях прописал процедуру собственных похорон⁵. Вслед за этим идет перечисление благотворительных пожертвований, после чего то или иное имущество отписывается членам семьи и близким, обычно выступающим в качестве основных наследников. При этом у «женских» завещаний есть содержательная специфика, на которую обратила внимание М. Уиснер: женщины чаще, чем мужчины, одаривали других женщин и включали в свои завещания более широкий круг родственников и друзей⁶.

Благотворительные распоряжения, связанные со стремлением завещателей продемонстрировать свое благочестие и добропорядочность и во многом обусловленные давним обычаем Лондона, по которому любой завещатель, независимо от гендерной принадлежности, должен был отписать на благотворительность треть имущества⁷, традиционно составляли важнейшую часть и «мужских», и «женских» завещаний.

Значительное место в документах, фиксирующих последнюю волю лондонцев, занимали распоряжения в отношении церкви и церковнослужителей. При этом речь идет о приходских церквях (к началу XVI в. их насчитывалось около 130⁸), поскольку именно в приходе проходила повседневная жизнь горожан вне связи с их гендерной ролью, на уровне прихода решались важнейшие социальные вопросы. Многие купцы и ремесленные мастера Лондона и все без исключения горожанки завещали недвижимость, доходы от аренды земель и помещений, ренты и деньги приходским церквям и отдельным священнослужителям. Мотивов для такого рода дарений было несколько. Прежде всего, мужчины и гораздо чаще женщины оставляли средства церквям и церковникам за молитвы и службы во спасение их души и душ умерших мужей (жен), детей, родителей, прочих родственников и друзей. Это была распространенная среди горожан практика⁹, которая порождалась не только обычаем, но и искренней верой завещателей в возможность таким способом спасти души и освободить их от грехов. Приведем лишь один типичный фрагмент завещания, оставленного мужчиной. Ювелир Кристофер Тирри 12 марта 1519 г. завещал строения в приходе св. Леонарда священнику и старостам церкви св. Веста, поручив им содержание часовни этой церкви, чтобы «проводили поминальные службы по душам Джефффри Грейтса, Уильяма Палмера и других»¹⁰.

«Женские» завещания более содержательны и разнообразны в этом отношении, что подтверждает тезис М. Уиснер о том, что женщины чаще и больше жертвовали на нужды церкви¹¹. Вот только некоторые конкретные завещательные распоряжения. Марион Стонтон 20 июля 1495 г. завещала свои земли и строения в приходе св. Мартина на

Уинтри настоятелю и старостам церкви св. Иакова с тем, чтобы они служили мессы за упокой ее души, души Томаса Стонтонна, ее покойного мужа, и других¹². А Изабелла Хоудан в завещании от 17 июля 1515 г. пожелала, чтобы при проведении заупокойных месс в церкви св. Марии использовались тонкие восковые свечи, а сами службы сопровождались колокольным звоном¹³.

Кроме поминальных служб, завещателей волновали и другие вопросы, связанные с жизнью церкви. Так, меховщик Джон Дрейпер в завещании от 1491 г. распорядился изготовить 5 серебряных чаш общим весом в 60 унций и передать их «беднейшим церквям графства Эссекс»¹⁴, откуда он был родом. Интересен сам факт упоминания беднейших церквей, вносящий дополнительный штрих в характеристику того состояния, в котором находилась церковь в Англии перед Реформацией. В этом контексте понятно стремление Хью Брайса, олдермена и ювелира, обеспечить содержание капеллана церкви св. Марии в Лондоне, «чтобы он мог выполнять религиозные обязанности»: на эти цели по завещанию от 17 сентября 1492 г. он оставил таверну настоятелю и старостам указанной церкви и их преемникам¹⁵. И портной Джон Лонг 6 января 1503 г. завещал усадьбы и ренты в Лондоне старостам церкви св. Петра, чтобы они ежегодно выплачивали 7 ф. двум священникам этой церкви¹⁶. О церкви св. Николая и священнике, который проводил в ней службы, позаботился торговец скобяными изделиями Томас Льюен в завещании от 20 апреля 1555 г.; его мотивация такова: «Чтобы можно было молиться и проповедовать в ней (в церкви св. Петра. – Л. Ч.), а также совершать другие богослужения...»¹⁷. Для этого он оставил мастеру и смотрителям компании торговцев скобяными изделиями усадьбу в приходе св. Николая. Кроме того, завещатель намеревался возвести на церковном дворе 5 новых домов, «в лучшем из которых» должен был поселиться упомянутый священник. Отметим, что с 1530-х гг., когда в Англии развернулась Реформация, завещатели предпочитали оставлять средства именно своим компаниям или гильдиям, обязывая их заботиться о приходских церквях и церковнослужителях.

Женщины проявляли большую активность, их волновали самые разнообразные проблемы: строительство и содержание часовен, ремонт церквей и принадлежавших им коммуникаций, пополнение запасов свечей, обновление церковных облачений и утвари, организация церковных празднеств и служб. В частности, Джоан Карр распорядилась, чтобы часть средств от продажи ее земель, строений и рент была использована на ремонт церкви св. Лаврентия в лондонском районе Палтни, на возведение часовни в этой церкви и ее полное содержание в течение года, а также на ремонт моста, принадлежавшего приходской церкви в Ист Барминге, графство Кент (отсюда был родом ее первый, покойный, муж,

здесь же проживали некоторые его родственники), на ремонтные работы в приходской церкви Уонерш в графстве Суррей и на приобретение свечей «для освещения иконы Богоматери в приходской церкви Гралдефорд в том же графстве»¹⁸. А Элизабет Барелл 29 июня 1498 г. передала настоятелю и старостам церкви св. Стефана 40 ш. на приобретение хлеба, вина и восковых свечей для массовых празднеств, для поддержания в нужном количестве пасхальных свечей, восстановления облачений, ризы, стихарей¹⁹.

Но не об одном только хлебе насущном для церкви заботились горожане. Элис Хонгрефорт в 1491 г. оставила некоторую сумму денег на покупку книг для приходской церкви Блэкмор в графстве Эссекс²⁰. Джон Персиваль, олдермен и мэр, торговец готовым платьем, в завещании от 21 февраля 1502 г. прописал, что мастер и смотрители компании торговцев готовым платьем, которым он оставил некоторое имущество, должны ежегодно выплачивать старостам церкви св. Марии 6 ш. не только на восстановление церковного убранства, но и на пополнение коллекции книг²¹. А Изабелла Хоудан 17 июня 1515 г. завещала ежегодные выплаты в 7 ф. 3 ш. 4 п. тому, кто может «хорошо исполнять церковные песнопения и церковную музыку»²².

Отдельные завещания содержат интересную информацию о церковно-религиозных противоречиях, будораживших английское общество при Тюдорах. Завещание Элизабет Барелл от 29 июня 1498 г. содержит любопытный пассаж, позволяющий говорить о конфессиональной принадлежности горожанки в условиях начинавшегося религиозного брожения. Оставляя средства церкви св. Стефана, Элизабет подчеркнула, что «... должны быть сохранены все прежние службы и проходить в сопровождении колокольного звона и других традиционных (курсив наш. – Л. Ч.) правил»²³. Более конкретно высказался торговец скобяными изделиями Томас Льюен в завещании от 20 апреля 1555 г. Напомним, что в это время на английском троне находилась католичка Мария I, с именем которой связана Контрреформация в королевстве. Томас, совершенно очевидно – сторонник католической церкви, оставил «усадыбу в приходе св. Николая мастеру и смотрителям компании торговцев скобяными изделиями города Лондона и их преемникам, чтобы держали ее и использовали поступающие с нее доходы до тех пор, пока не будет возведен новый монастырь в Соутре, графство Хантингдон, того же монашеского ордена, что и старый монастырь до его упразднения...»²⁴. Сразу же после восстановления монастыря мастер и смотрители должны выплатить аббату деньги, ранее выделенные церкви св. Николая, «... чтобы он ежедневно проводил мессу и ежегодно читал четыре проповеди в упомянутом монастыре на помин души завещателя»²⁵. О сохранении приверженцев католичества в реформационной Англии свидетельствует также завещание торговца тка-

нями Оуэна Клана от 22 августа 1563 г., т. е. при Елизавете I: он оставил часть своих средств для двух ученых Оксфорда, «которые являются католиками»²⁶.

Помимо церковной благотворительности, в завещаниях широко представлена социальная филантропия, в центре которой находилась беднота. Это вполне объяснимо и в полной мере соответствовало ситуации, сложившейся в конце XV столетия в английском обществе вообще и в лондонском социуме в частности. Крупнейший город в Англии и Европе, Лондон притягивал массы обнищавших сельских жителей, толпы бродяг, калек и нищих, мечтавших найти здесь средства к существованию и представлявших серьезную опасность не только для добропорядочных горожан, но и для власти – муниципальной и государственной. По подсчетам британских историков, в период 1517–1594 гг. количество бедных в Лондоне возросло в 12 раз²⁷. В такой ситуации возникла потребность в создании новой системы призрения, регулируемой государством, но активная роль в которой отводилась имущим горожанам и местным приходам.

В центре внимания завещателей и завещательниц находились разные категории нуждающихся из церковных приходов Лондона, на которые возлагалась основная часть заботы о бедняках: именно здесь бедняки и нищие получали помощь. В каждом городе создавались фонды для помощи нуждающимся. В 1547 г. такой фонд был организован в Лондоне. Он формировался за счет специального налога (его размер определяли местные власти), который должны были уплачивать все имущие жители церковных приходов²⁸.

Важную роль в формировании приходских фондов поддержки бедных играли пожертвования горожан. Получает распространение возникшая в XV в. практика организации церковными приходами «столов для бедных»²⁹. Они финансировались за счет пожертвований, на средства от которых покупались и распределялись между местными бедняками продовольствие, одежда, обувь³⁰. Все это мы наглядно видим в завещаниях лондонских горожан и горожанок.

Объектом заботы лондонцев, во-первых, становились бедные домовладельцы из разных приходов Лондона (the poor householders of the parish), остро нуждавшиеся в помощи. Например, в 1548 г. только в приходе св. Сепульхры 7 % домовладельцев зависели от регулярных пожертвований, еще 18 % периодически требовалась материальная поддержка прихожан³¹. Горожане завещали им денежные средства, дрова, уголь, одежду. Вот только отдельные факты. Торговец тканями и олдермен Уильям Уайт в 1513 г. оставил 12 ф. на ежегодное, в течение 20 лет, приобретение древесного угля для бедных домовладельцев прихода св. Суитана³². Согласно завещанию Уильяма Прада мастер и смотрители его компании торговцев тканями должны 4 раза в год на протяжении 18 лет (начиная

с 1533 г.) раздавать 40 ш. бедным домовладельцам района Канделвик-стрит³³. Аналогичная картина наблюдается и в «женских» завещаниях. В частности, согласно завещанию Элизабет Барелл от 29 июня 1498 г. сумму в 40 ш. следовало ежегодно распределять среди бедных домохозяев приходов св. Стефана и св. Бенедикта³⁴.

Еще одной категорией получателей пожертвований была городская беднота (*the poor, the poor people, the poor men and women, the poor of the parish*) Лондона и некоторых других городов. Благотворительные дарения для них включали непосредственно деньги или денежные средства на приобретение угля, дров и хлеба, а также уголь, хлеб, сыр, вино и даже специи, одежду и, кроме того, обеспечение жильем. При этом можно говорить об определенной гендерной специфике. Женщины проявляли заботу о бедных, жертвуя для них деньги, продукты питания, а чаще всего уголь. Приведем лишь наиболее яркие примеры. Марион Стонтон 20 июля 1495 г. распорядилась, чтобы настоятель и старосты церкви св. Мартина, которым она завещала свои земли и строения, раздавали бедным дары в виде денег, хлеба, сыра, специй и вина³⁵. А Эмма Момфорд в завещании от 21 марта 1544 г. предписала ежегодно распределять среди бедняков четыре воза угля³⁶.

Виды пожертвований, оставленных мужчинами, более разнообразны и включают не только уголь, хлеб и деньги, но также одежду и предоставление места для проживания. Приведем несколько типичных формулировок, содержащихся в завещаниях. Портной Джон Лонг по завещанию от 6 января 1503 г. обязал ректора одной из приходских церквей Лондона и его преемников ежегодно использовать 40 ш. на приобретение хлеба и угля для бедных прихожан³⁷. Джеймс Стэйвли 7 ноября 1551 г. завещал 20 ф. мастеру и смотрителям компании виноторговцев Лондона, чтобы они передали некий дом в пользование 13-ти беднякам, а 12-ти бедным мужчинам из приходов св. Марии и св. Михаила оставил черные платья³⁸. Стефен Скидмор, тоже виноторговец, по завещанию от 20 марта 1580 г. предусмотрел ежегодную выплату 20 ш. для бедных каждого из 18 приходов Лондона³⁹.

Представляет интерес завещание ювелира Уильяма Саутвуда, датированное 23 октября 1557 г., который выделил средства для помощи не только бедным, но и живущим подаванием людям (*the almsmen*) в Лондоне⁴⁰, забота о которых также возлагалась на местные приходы, где им разрешалось просить милостыню⁴¹.

В завещании вино торговца Джона Пэррота от 31 октября 1572 г. упоминается такая категория получателей пожертвований, как беднейшие люди (*the poorest people*). Священник и старосты церкви св. Иакова, унаследовавшие от Пэррота усадьбу, должны были ежегодно распределять полученные от нее доходы между беднейшими людьми из приходов св. Иакова и Всех Святых, а доходы от

использования некоего имущества в маноре Бинси близ Оксфорда – между беднейшими людьми прихода св. Мартина в Оксфорде⁴².

Довольно часто завещатели специально оговаривали, чтобы оставленные ими посмертные дарения были приурочены к Рождеству. Приведем только два показательных примера. Согласно последней воле пекаря Томаса Клейтона от 30 марта 1555 г. мастер и смотрители гильдии пекарей, получившие от него пекарню, должны раздавать на Рождество определенное количество угля беднякам прихода св. Марии⁴³. А торговец готовым платьем Роберт Донкин 1 декабря 1570 г. предписал мастеру и смотрителям своей компании «ежегодно на Рождество приобретать платья из уэльского сукна, рубашки и обувь и раздавать их 12-ти бедным мужчинам, проживающим в городе, а мантии, халаты и обувь такому же количеству женщин»⁴⁴. Средства на эти цели мастер и смотрители должны брать от использования некоего строения, оставленного им завещателем.

Завещания горожан, относящиеся к 70–90 гг. XVI вв., отражают еще одну распространенную благотворительную практику: в рамках «столов для бедных» в церковных приходах по воскресным дням за счет пожертвований проводились совместные трапезы прихожан⁴⁵. Распоряжения на это счет оставили уже упоминавшиеся Роберт Донкин (1570 г.) и Стефен Скидмор (1580 г.). Первый обязал священника и старост церкви св. Михаила и их преемников каждое воскресенье раздавать бедным домовладельцам прихода св. Михаила по дюжине кусков пенсового хлеба⁴⁶. Второй предусмотрел, чтобы 20 ш. каждое воскресенье использовались на покупку хлеба и его распределение среди 12-ти беднейших людей одного из приходов Лондона⁴⁷. И торговец рыбой Томас Вар 27 сентября 1591 г. завещал, чтобы 12 п. еженедельно по воскресеньям расходовались на приобретение хлеба и его раздачу бедным в приходе св. Михаила⁴⁸.

Объектами благотворительных пожертвований со стороны лондонских горожан и горожанок были также бедные девушки. Как получательницы неких брачных подарков они упомянуты в ряде завещаний. Более конкретную информацию содержит завещание галантерейщика Ричарда Краймса, в 1568 г. оставившего внушительную сумму в 100 ф. на приданое для 200 бедных девушек⁴⁹.

Закономерно, что завещатели не обошли своим вниманием обитателей различных госпиталей, которые в 50-е гг. XVI в. перешли под контроль муниципалитета Лондона. Это были крупные благотворительные учреждения столицы – госпитали св. Варфоломея (на 150 чел.), св. Томаса (на 300 чел.) и Христа (на 500 чел.). Число постояльцев в этих госпиталях, как правило, значительно превышало изначально определенные возможности. В отдельные годы в госпитале св. Варфоломея содержалось свыше 450 чел., а расходы на него с учетом платы его служащим составляли 700 ф. в

год. В госпитале св. Томаса количество получавших содержание доходило до 400, а ежегодные расходы на него – до 900 ф. Госпиталь Христа иногда вынужден был принять свыше 1000 чел., почти половина из которых – дети; на содержание этого учреждения уходило до 4300 ф. в год⁵⁰.

Как правило, в завещаниях, в том числе «женских», упоминаются некие посмертные дарения в пользу госпиталей. Но отдельные завещательные акты позволяют выявить, что именно жертвовали горожане. Так, торговец тканями Джаспер Эллейн 4 ноября 1548 г. завещал деньги, одежду и уголь госпиталю св. Варфоломея⁵¹. Галантерейщик Ричард Краймс в 1568 г. оставил 40 ф. настоятелям госпиталей Христа и св. Томаса⁵². Торговец рыбой Томас Вар в завещании от 27 сентября 1591 г. распорядился, чтобы 12 п. в неделю расходовались на помощь бедным в госпитале Христа⁵³. Горожане, жертвуя самое необходимое, стремились помочь этим благотворительным учреждениям, содержание которых тяжким бременем легло на плечи муниципальных властей и всей городской общины Лондона.

В завещании виноторговца Джона Потера, датированном 1 сентября 1493 г., упоминаются бедняки, жившие подаванием в госпитале Элсингспиттел, или Спиттл, которым он оставил ежегодную ренту в 30 ш.⁵⁴ В этот госпиталь помещали калек и прокаженных, где они получали ежемесячное содержание⁵⁵.

Очевидно, что только упомянутыми крупными госпитальями, переполненными постояльцами, Лондон обойтись не мог. Судя по некоторым завещаниям, в приходах были созданы менее масштабные, но крайне необходимые в той ситуации приюты для бедных. В частности, торговец роскошными тканями Томас Грешем 5 июля 1575 г. распорядился, чтобы смотрители его компании ежегодно распределяли сумму в 53 ф. 6 ш. 8 п. между обитателями восьми приютов в приходе св. Петра⁵⁶. Более того, отдельные горожане сами основывали такие приюты. Свидетельство этому находим в завещании меховщика и олдермена сэра Эндрю Джадда от 2 сентября 1558 г. Он оставил мастеру и смотрителям своей компании огороженное пастбище в графстве Миддлсекс стоимостью 13 ф. 6 ш. 8 п., усадьбу в приходе св. Лаврентия, усадьбы в приходах Всех Святых, св. Марии и св. Петра, ежегодную ренту в размере 10 ф. «с тем, чтобы они, кроме прочего, выплачивали каждому из шести бедных людей, живущих подаванием в его богадельнях (курсив наш. – Л. Ч.)... по 8 п. в неделю»⁵⁷.

Некоторые завещатели специально предусмотрели пожертвования для бедных детей (the poor children), нашедших приют в госпитале Христа. В частности, ювелир Уильям Ноук 26 августа 1568 г. завещал «посмертные дарения бедным детям, получающим пропитание в госпитале Христа»⁵⁸. И Элис Рочестер 31 декабря 1585 г. выделила пожертвования бедным детям, содержащимся в

госпитале Христа: на их нужды ежегодно следовало использовать 40 ш.⁵⁹

В ряду мер, предпринимаемых для борьбы с бедностью и бродяжничеством, важное место отводилось созданию работных домов. Предполагалось, что труд под страхом наказания будет эффективным способом искоренения нищенства. К 1557 г. такой дом был открыт в Брайдуэлле, бывшей резиденции Генриха VIII в Лондоне⁶⁰. Не удивительно, что Брайдуэлл занял видное место в ряду получателей благотворительных даров горожан. Причем работный дом упоминается только в «мужских» завещаниях и в одном ряду с госпитальями. Брайдуэлле отписали благотворительные средства торговец готовым платьем и олдермен Томас Роув (11 августа 1565 г.)⁶¹, галантерейщик Ричард Краймс (1568 г.)⁶², торговец рыбой Томас Дженинс (31 марта 1579 г.)⁶³ и др.

Внимание горожан и горожанок было привлечено также к заключенным тюрем (the prisoners, the poor prisoners), каковых было в избытке. Лондонцы не могли пройти мимо этой острейшей проблемы. В их завещаниях упоминаются такие крупные и широко известные лондонские тюрьмы, как Ньюгейт, Ладгейт и Флит. Чаще всего завещатели оставляли пожертвования тюрьмам Ньюгейт и Ладгейт: это денежные средства на приобретение угля или деньги, например, 40 ш., «чтобы они ежегодно тратились на то, что им (узникам. – Л. Ч.) больше всего необходимо»⁶⁴.

Ньюгейт, располагавшаяся у северных, или Новых, ворот лондонского Сити, в непосредственной близости от уголовного суда Олд-Бейли, с 1188 г. была главной тюрьмой Лондона. Ладгейтская тюрьма предназначалась для содержания свободных горожан и духовенства за незначительные проступки, прежде всего, за долги. Не случайно торговец тканями Джаспер Эллейн в 1548 г. завещал посмертные дарения в виде денег, одежды и угля для погашения долгов заключенных⁶⁵. В некоторых случаях завещатели не называют конкретную тюрьму, а жертвуют денежные средства, одежду, уголь «различным тюрьмам». Именно такая формулировка встречается, например, в завещании торговца роскошными тканями Томаса Грешема от 5 июля 1575 г., предписавшего, чтобы «50 ф. ежегодно распределялись среди заключенных различных лондонских тюрем»⁶⁶.

Упоминают завещатели и лондонские комптеры – небольшие тюрьмы для мелких правонарушителей, в подавляющем большинстве – должников. В Лондоне было два комптера к северу от Темзы (Бред-стрит, с 1555 г. – Вуд-стрит в Чипсайде, и Паултри также в Чипсайде) и один – на южной стороне (Бороу). Комптеры управлялись шерифом и его штатом служащих и находились в их полной юрисдикции. С заключенных взимали плату за все необходимое для выживания и хотя бы минимального комфорта: они должны были оплачивать еду, питье, одежду, постельные принадлежности, тепло, лекарства. Неудивительно,

что пребывание в комптере еще больше ухудшало материальное положение заключенных, уже имевших проблемы с деньгами. В таких условиях помощь со стороны имущих горожан становилась исключительно ценной. Лондонские купцы и ремесленные мастера, оставляя благотворительные дарения, не забывали и о комптерах. Так, галантерейщик Ричард Краймс в 1568 г. оставил уголь для заключенных комптеров⁶⁷. А торговец роскошными тканями Томас Грешем по завещанию от 5 июля 1575 г. предписал, чтобы смотрители его компании ежегодно распределяли 50 ф. между бедными заключенными комптеров⁶⁸.

Отдельные горожане Лондона, независимо от гендерной принадлежности, позаботились об инфраструктуре города и других мест, с которыми были так или иначе связаны их судьбы. При этом завещателей больше всего волновало качество дорог и состояние мостов. В частности, меховщик Джон Дрейпер 18 апреля 1496 г. завещал 40 ш. на ремонт Рочестерского моста в графстве Кент⁶⁹. Джоан Карр в 1497 г. передала средства на ремонт дорог⁷⁰. Ричард Краймс в 1558 г. завещал посмертное дарение в 100 ф. на ремонт дорог в Лондоне и в радиусе 10 миль от него⁷¹. Аналогичные распоряжения содержатся и в других завещаниях, что закономерно: успешная торговля, прочные экономические связи в условиях высокой социальной мобильности невозможны без развитой инфраструктуры. Это хорошо понимали лондонские горожане и стремились обустроить пространство, в котором жили и трудились.

Завещания, оставленные преимущественно лондонскими мужчинами, позволяют выделить культурно-образовательную благотворительность. В центре внимания завещателей оказывались известные колледжи и университеты, ученые и школяры. Так, Джон Дрейпер оставил одеяние из золотой ткани «колледжу Пресвятой Девы Марии в Итоне»⁷². Торговец скобяными изделиями Томас Льюен в 1555 г. завещал ежегодную сумму в 5 ф. на содержание двух бедных стипендиатов, одного – из Оксфорда, другого – из Кембриджа⁷³. Виноторговец Джон Пэррот по завещанию от 31 октября 1572 г. оставил средства «стипендиатам и членам совета колледжа Марии Магдалины в Оксфорде»⁷⁴. Сукнодел Уильям Лэмб 11 октября 1574 г. завещал некое имущество «президенту и членам совета колледжа, недавно возведенного сэром Томасом Уайтом, рыцарем и олдерменом, на пользу бедным стипендиатам этого колледжа...»⁷⁵. Имеется в виду основанный в 1555 г. колледж св. Джона в Оксфордском университете. А Уильям Херон, джентльмен из графства Миддлсекс и горожанин Лондона, 12 июля 1580 г. оставил ежегодную ренту в 5 ф. «двум бедным колледжам в университетах Оксфорда и Кембриджа, а именно Университетскому колледжу в Оксфорде и колледжу Питерхауз в Кембридже, на обучение и воспитание бедных школяров»⁷⁶. Среди горожанок тюдоровского Лондона, чьи за-

вещения дошли до нашего времени, только одна, Элизабет Николас, 31 декабря 1585 г. оставила немалую сумму в 60 ф. бедным школярам университетов в Оксфорде и Кембридже⁷⁷. В заботе об университетах отразились социальные амбиции богатых и влиятельных горожан, стремившихся подражать модели поведения аристократии, стать на один уровень с дворянством.

В шести «мужских» завещаниях речь идет о пожертвованиях на основании и(или) содержание так называемых «свободных грамматических школ», которые пришли на смену старым церковным школам, прекратившим свое существование во время Реформации. Большие школы принимали живущих в округе детей либо вовсе бесплатно, либо за очень небольшую плату: если за сына лорда следовало внести 10 ш., то за сына горожанина – только 4 п. ($\frac{1}{3}$ ш.)⁷⁸. В некоторых школах специально резервировались бесплатные места для бедных. Поэтому особое значение приобретала благотворительность со стороны зажиточной части английского общества.

Остановимся подробнее лишь на некоторых фактах. Еще в завещании настоятеля собора св. Павла, полноправного горожанина Лондона и торговца роскошными тканями Джона Колета от 10 июня 1514 г., т. е. до Реформации, упоминается основанная им грамматическая школа св. Павла в Лондоне⁷⁹. Сэр Роланд Хилл, рыцарь и олдермен, в завещании от 6 апреля 1551 г. оставил указания по созданию школы в его маноре Драйтон в графстве Сэлоп. Для школы он отвел усадьбу Сент-Мэри Холл. «Старосты приходской церкви Драйтона должны получать от мэра и общины города Лондона ежегодно 16 ф. 13 ш. 4 п., из которых школьному учителю полагается годовое жалованье в 10 ф. 13 ш. 4 п., а его помощнику – 5 ф. 6 ш. 8 п., остальные деньги должны храниться в сундуке и при необходимости расходоваться на ремонт»⁸⁰. А торговец тканями Томас Рассел по завещанию от 7 июля 1593 г. оставил 21 ф. 10 ш. на строительство школы в Бартоне-под-Нидвудом в графстве Стаффордшир, «подобной той, что была недавно построена в Хай Барнет, графство Миддлсекс»⁸¹. Широко распространенная практика строительства школ была обусловлена культурными феноменами в Англии XVI в., новой духовной атмосферой, созданной культурой Возрождения, которые привели к изменению отношения общества к знаниям, способствовали осознанию того, что невозможно обойтись без образованности.

Из содержания завещания торговца роскошными тканями Томаса Грешема (1575 г.) становится понятно, чему обучали в таких школах: он распорядился, чтобы в основанной им грамматической школе «200 ф. ежегодно расходовались на обеспечение четырех человек, способных читать лекции по богословию, астрономии, музыке и геометрии, 150 ф. – на содержание трех лиц, способных читать лекции по праву, физике и риторике...»⁸².

Для поступления в крупные грамматические школы требовалось, чтобы будущие ученики уже умели читать и писать. В таких случаях эти знания приобретались в небольших частных школах (или в специальной подготовительной школе) для маленьких детей. Методы обучения чтению и письму были довольно просты: ребенок начинал с заучивания алфавита и соединения гласных и согласных, затем переходил к более длинным комбинациям букв, постепенно овладевая премудростями латинской грамоты. Видимо, именно о такой школе идет речь в завещании бондаря Джона Чарли: 21 марта 1552 г. он оставил средства на содержание «грамотного человека, способного обучать маленьких детей грамоте и знанию грамматики, а также азбуке и тому, что должно быть наиболее полезным <...> а также помощника, обученного латыни и грамматике»⁸³.

Основание грамматических школ, внимание и забота об учителях, ученых и школярах – все это свидетельствует о возросших интеллектуальных запросах и интересах купцов и богатых ремесленных мастеров, об усилившемся стремлении общества к светским, более глубоким и практическим знаниям, необходимым для занятия торговлей и предпринимательством, для осуществления финансовых операций.

Таким образом, пожертвования тюдоровских лондонцев, зафиксированные в их завещаниях, были важной составной частью благотворительной системы, функционировавшей в городе в конце XV–XVI вв. Филантропия купцов и ремесленных мастеров, а также их вдов и женщин, включенных в экономическую жизнь Лондона, имела несколько направлений. Объектами благотворительности были приходские церкви – центры социальной жизни – и их священнослужители, которым многие горожане и все без исключения горожанки отписывали недвижимость, доходы от аренды земель и строений, ренты и деньги прежде всего на проведение поминальных служб. При этом даже из того небольшого количества завещаний, которые были составлены женщинами, видно, что они чаще и больше жертвовали на нужды церкви, а более рациональные и практичные мужчины предпочитали оставлять благотворительные дары торговым компаниям и ремесленным гильдиям, в которых состояли.

Наиболее полно в завещаниях представлена социальная благотворительность, что естественно в условиях лондонской действительности при Тюдорах. Пожертвования горожан играли важную роль в формировании приходских фондов поддержки бедных в условиях, когда основная ответственность за решение острых социальных проблем возлагалась на муниципальные власти и местные приходы. Благотворительные дары горожан, независимо от их гендерной принадлежности, распространялись на разные категории нуждающихся: обедневших домовладельцев, городскую бедноту, включая бедных девушек, нищих, живущих пода-

нием, постояльцев госпиталей и приютов, обитателей рабочих домов и узников тюрем. Чувство социальной ответственности было присуще как мужчинам, так и женщинам. И все же большую активность в этом проявляли горожане – представители «сильного» пола: их благотворительные дары разнообразнее, а спектр получателей пожертвований шире. Именно купцы и богатые ремесленные мастера выступали не только в роли жертвователей, но и сами, на собственные средства создавали, а затем содержали приюты для бедных.

Главным образом с горожанами-мужчинами связана также культурно-образовательная благотворительность. Лондонские купцы и ремесленные мастера, не чуждые социальных амбиций, жертвовали средства колледжам и университетам, основывали и содержали небольшие начальные и довольно крупные «свободные грамматические школы» как в городе, так и в английских графствах. Безусловно, свою роль сыграли новые культурные веяния, возросшая тяга к знаниям, прежде всего светским, практически ориентированным, хотя следует заметить, что интеллектуальная сфера не была чужда и горожанкам, завещавшим церкви средства на приобретение книг.

Женщины наравне с мужчинами оставляли благотворительные дары на улучшение городской инфраструктуры, на ремонт дорог и мостов, что было крайне необходимо для развития торговли и предпринимательства. Значит, не только горожане, но и горожанки ощущали свою сопричастность интересам социума, который предоставлял представительницам «слабого» пола весьма ограниченные возможности для самореализации.

Примечания

- 1 См.: *Евсеев В. А.* «Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стюартов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 408.
- 2 *Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London* / ed. R. R. Sharpe : in 2 vols. London, 1890. Vol. 2 : 1358–1688. URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/> (дата обращения: 08.11.2018) (далее – *Calendar of Wills*).
- 3 См.: *Чернова Л. Н.* Женская благотворительность в тюдоровском Лондоне // *Историческое прошлое и образы истории* : сб. науч. ст. / под ред. В. Н. Данилова, Л. Н. Черновой. Саратов : Саратовский источник, 2019. Вып. 4. С. 39.
- 4 См.: *Чернова Л. Н.* Тюдоровский Лондон : социальный портрет (на материале завещаний) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2019. Т. 19, вып. 3. С. 312–315. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-311-319>.
- 5 *Sutton A. F.* *Nicholas Alwyn, mayor of London : a man of two loyalties, London and Spalding* // *Medieval Londoners : essays to mark the eightieth birthday of Caroline M. Barron* / ed. by E. A. New and C. Steer. London, 2019. P. 195–196.

- ⁶ Wiesner M. E. Women and Gender in Early, Modern Europe. Cambridge, 1993. P. 107–108.
- ⁷ См.: Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 310.
- ⁸ Medieval London : Collected Papers of Caroline M. Barron / ed. by M. Carlin and J. T. Rosenthal. Kalamazoo, 2017. P. 135.
- ⁹ Sutton A. F. The Mercery of London. Trade, Goods and People, 1130–1578. London ; New York, 2016. P. 521.
- ¹⁰ Calendar of Wills. Wills : 11–19 Henry VIII (1520–1530). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp628-634> (дата обращения: 10.02.2020).
- ¹¹ Wiesner M. E. Op. cit. P. 108–109.
- ¹² Calendar of Wills. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 08.11.2018).
- ¹³ Ibid. Wills : 1–10 Henry VIII (1509–1519). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp614-628> (дата обращения: 08.11.2018).
- ¹⁴ Ibid. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 10.02.2020).
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Ibid. Wills : Mary I (1553–1558). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp655-668> (дата обращения: 10.02.2020).
- ¹⁸ Ibid. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 08.11.2018).
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid. Wills : 1–10 Henry VIII (1509–1519). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp614-628> (дата обращения: 08.11.2018).
- ²³ Ibid. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 08.11.2018).
- ²⁴ Ibid. Wills : Mary I (1553–1558). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp655-668> (дата обращения: 10.02.2020).
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Ibid. Wills : 31–40 Elizabeth I (1588–1598). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp713-725> (дата обращения: 10.02.2020).
- ²⁷ Archer I. W. The pursuit of stability. Social relations in Elizabethan London. Cambridge, 1991. P. 152.
- ²⁸ См.: Митрофанов В. П. Собственность и финансовые обязательства англичан (конец XVI – первая треть XVII вв.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8, вып. 8 (62). URL: <http://history.jes.su/s207987840001893-1-1> (дата обращения: 27.12.2018).
- ²⁹ См.: Пешкова Н. Благотворительность в Европе : прихоть богатых или способ решения социальных проблем? // Современная Европа. 2014. № 3. С. 107.
- ³⁰ См.: Евсеев В. А. Указ. соч. С. 408.
- ³¹ Archer I. W. Op. cit. P. 153.
- ³² Calendar of Wills. Wills : 11–19 Henry VIII (1520–1530). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp628-634> (дата обращения: 10.02.2020).
- ³³ Ibid. Wills : 21–38 Henry VIII (1531–1547). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp634-651> (дата обращения: 10.02.2020).
- ³⁴ Ibid. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 08.11.2018).
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Ibid. Wills : 21–38 Henry VIII (1529–1547). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp634-651> (дата обращения: 08.11.2018).
- ³⁷ Ibid. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 10.02.2020).
- ³⁸ Ibid. Wills : 1–10 Elizabeth I (1558–1568). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp668-682> (дата обращения: 10.02.2020).
- ³⁹ Ibid. Wills : 21–30 Elizabeth I (1578–1588). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp697-713> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁴⁰ Ibid. Wills : 1–10 Elizabeth I (1558–1568). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp668-682> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁴¹ См.: Мельников Д. А. Становление благотворительной помощи в Англии в средние века // Вестн. Воронеж. гос. тех. ун-та. 2012. Т. 8, вып. 10 (2). С. 192.
- ⁴² См.: Calendar of Wills. Wills : 11–20 Elizabeth I (1568–1578). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp683-697> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁴³ Ibid. Wills : Mary I (1553–1558). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp655-668> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁴⁴ Ibid. Wills : 11–20 Elizabeth I (1568–1578). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp683-697> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁴⁵ См.: Евсеев В. А. Указ. соч. С. 408.
- ⁴⁶ См.: Calendar of Wills. Wills : 11–20 Elizabeth I (1568–1578). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp683-697> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁴⁷ Ibid. Wills : 21–30 Elizabeth I (1578–1588). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp697-713> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁴⁸ Ibid. Wills : 31–40 Elizabeth I (1588–1598). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp713-725> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁴⁹ Ibid. Wills : 11–20 Elizabeth I (1568–1578). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp683-697> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁵⁰ См.: Макаров А. А., Митрофанов В. П. Поиски решения проблемы пауперизма в тюдоровской Англии (по трактатам современников) // Новая и новейшая история. 2019. Т. 63, № 6. С. 40.
- ⁵¹ Calendar of Wills. Wills : 1–7 Edward VI (1547–1553). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp651-655> (дата обращения: 10.02.2020).

- ⁵² Ibid. Wills : 11–20 Elizabeth I (1568–1578). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp683-697> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁵³ Ibid. Wills : 31–40 Elizabeth I (1588–1598). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp713-725> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁵⁴ Ibid. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁵⁵ См.: Макаров А. А., Митрофанов В. П. Указ. соч. С. 40.
- ⁵⁶ Calendar of Wills. Wills : 21–30 Elizabeth I (1578–1588). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp697-713> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁵⁷ Ibid. Wills : 1–10 Elizabeth I (1558–1568). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp668-682> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁵⁸ Ibid. Wills : 11–20 Elizabeth I (1568–1578). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp683-697> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁵⁹ Ibid. Wills : 31–40 Elizabeth I (1588–1598). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp713-725> (дата обращения: 08.11.2018).
- ⁶⁰ См.: Венгер Ю. В. История отечественной и зарубежной социальной работы. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2005. С. 24.
- ⁶¹ См.: Calendar of Wills. Wills : 11–20 Elizabeth I (1568–1578). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp683-697> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ Ibid. Wills : 21–30 Elizabeth I (1578–1588). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp697-713> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁶⁴ Calendar of Wills. Wills : 1–10 Henry VIII (1509–1518). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp614-628> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁶⁵ Ibid. Wills : 1–7 Edward VI (1547–1553). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp651-655> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁶⁶ Ibid. Wills : 21–30 Elizabeth I (1578–1588). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp697-713> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁶⁷ Ibid. Wills : 11–20 Elizabeth I (1568–1578). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp683-697> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁶⁸ Ibid. Wills : 21–30 Elizabeth I (1578–1588). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp697-713> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁶⁹ Ibid. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁷⁰ Ibid.
- ⁷¹ Ibid. Wills : 11–20 Elizabeth I (1568–1578). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp683-697> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁷² Ibid. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁷³ Ibid. Wills : Mary I (1553–1558). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp655-668> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁷⁴ Ibid. Wills : 11–20 Elizabeth I (1568–1578). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp683-697> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁷⁵ Ibid. Wills : 21–30 Elizabeth I (1578–1588). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp697-713> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁷⁶ Ibid.
- ⁷⁷ Ibid.
- ⁷⁸ См.: Киясов С. Е., Мосолкина Т. В., Чернова Л. Н. Лондон на рубеже эпох : мозаика повседневности (XVI–XVIII вв.) / под ред. Л. Н. Черновой. Саратов : ТехноДекор, 2015. С. 71.
- ⁷⁹ Calendar of Wills. Wills : 11–24 Henry VII (1495–1509). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁸⁰ Ibid. Wills : 1–7 Edward VI (1547–1553). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp651-655> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁸¹ Ibid. Wills : 31–40 Elizabeth I (1588–1598). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp713-725> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁸² Ibid. Wills : 21–30 Elizabeth I (1578–1588). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp697-713> (дата обращения: 10.02.2020).
- ⁸³ Ibid. Wills : 1–7 Edward VI (1547–1553). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp651-655> (дата обращения: 10.02.2020).

Образец для цитирования:

Чернова Л. Н. Благотворительность в тюдоровском Лондоне: гендерный аспект // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 344–352. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-344-352>

Cite this article as:

Chernova L. N. Charity in London under the Tudors: Gender Perspective. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 344–352 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-344-352>

УДК 94(429)

От Хамфри Ллуида до Йоло Моргануга: основные этапы развития антикварной традиции Уэльса в XVI – середине XIX века

Н. Ф. Шестакова

Шестакова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, shestakovanf@mail.ru

В статье анализируется антикварная традиция Уэльса XVI – середины XIX в. Автор, основываясь на травелогах, исторических сочинениях и трудах интеллектуалов, выделяет основные этапы и причины развития валлийского антикварианизма; на примере произведений ряда валлийских антикварианов дает оценку их вкладу в изучение прошлого западного кельтского края Британии.

Ключевые слова: Уэльс, антиквариан, мегалит, кромлех, валлийская идентичность, историческая память, кельты.

Поступила в редакцию: 05.02.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

**From Humphrey Llwyd to Iolo Morganwg: Main Stages
of Development of Antiquarian Tradition of Wales
in the XVI – Mid XIX Century**

N. F. Shestakova

Nadezhda F. Shestakova, <https://orcid.org/0000-0003-2129-6325>, Ural State Pedagogical University, 26 Kosmonavtov St., Yekaterinburg 620017, Russia, shestakovanf@mail.ru

This article is devoted to the analysis of antiquarian tradition of Wales in the XVI – mid-XIX century. The author highlights the basic stages and reasons for the development of Welsh antiquarianism, and also on the example of the works of a number of Welsh antiquaries gives an assessment of their contribution to the study of the past of the western Celtic region of Britain.

Keywords: Wales, antiquaries, megalith, cromlech, Welsh identity, historical memory, Celts.

Received: 05.02.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-353-358>

В 1835 г. британским художником из Бата Ричардом Тонга (1795–1873) была написана картина «Кромлех близ Ньюпорта (камерная гробница Пентр Ифан)», на которой на фоне скалистых гор изображен мегалитический памятник с прикорнувшим подле него пастухом¹. В настоящее время она украшает одну из стен в Берлингтон-хаус, в котором располагается Лондонское общество антикварианов. Эта картина передает особое

романтическое настроение и отражает глубокий интерес к далекому прошлому, которое покорило воображение британских интеллектуалов середины XVIII – начала XIX в. Исследования мегалитов антикварианов, а также содержащиеся в их трудах и травелогах выводы относительно связи древних памятников с обрядами и верованиями кельтов способствовали установлению господства «кельтомании» во всех сферах британской культуры.

Изучение кромлехов и древней истории также оказало значительное влияние на рост самосознания народов британской периферии, особенно жителей Уэльса, отличавшихся неистовой любовью к прошлому и традициям. Под влиянием теорий и гипотез валлийских «ценителей» старины возник неodruidизм и красочная бардо-друидическая церемония Горседда, возродившая средневековый фестиваль музыки и поэзии Айстедвод, а образы барда и друида, фигурировавшие в произведениях художественной литературы, живописи и на титульных листах книг и журналов, стали ассоциироваться в сознании британцев с Уэльсом.

В данной статье предпринята попытка решить несколько задач: во-первых, выявить факторы, которые оказали влияние на рост популярности антикварианизма в Уэльсе; во-вторых, выделить основные этапы развития валлийской антикварной традиции; в-третьих, оценить вклад антикварианов в изучение древних памятников и предметов старины.

Изучению истории антикварианизма в Уэльсе был посвящен ряд статей и монографий британских, особенно валлийских историков. Среди них стоит отметить книгу «Ренессанс XVIII в.» П. Моргана, в которой автор характеризует подъем культуры и рост самосознания валлийцев в XVIII в., выделяя в качестве одной из главных причин этого процесса проводимые антикварианом исследования валлийского языка и памятников древности². В эссе «Камбрийская древность: предшественники историков» Д. Мура рассматривается история изучения мегалитических памятников³. В статье «Камбрийские барды и романтики-антикварианов: поэтессы-англофоны из Уэльса XVIII в.» С. Прескотт анализирует творчество ряда англоговорящих валлийских поэтесс с целью доказать их активное участие в антикварном движении и оценить их ответную реакцию на популяризацию древнего кельтского прошлого в литературе⁴. Влиянию антикварианизма на развитие культуры Уэльса и формирования этно-

культурной идентичности валлийцев посвящены такие работы, как «Литература, национализм и память Англии и Уэльса раннего Нового времени» Ф. Швайзера⁵, «Объединение нескольких идентичностей: Британские острова (1750–1850)» Л. Бруклисса и Д. Иствуда⁶, «Английский романтизм и кельтский мир» Г. Каррутерса и А. Рэвиса⁷, «Писатели Уэльса от Ренессанса до Романтизма» С. Моттрам⁸ и др.

Что касается отечественной историографии, то обширный ряд исследований российских историков посвящен развитию антикварианизма в Англии в XVI–XVIII вв. Среди них отметим лишь некоторые. Это статьи «Историческая память и технологии антикварного дискурса. Англия раннего Нового времени»⁹, «Прошлое крупным планом: темпоральные измерения в антикварном дискурсе»¹⁰, авторами которых являются А. А. Паламарчук и С. Е. Федоров; написанная ими же монография «Антикварный дискурс в раннеюгославской Англии»¹¹; статья «Антикварианизм XVI–XVII веков. Представление прошлого в контексте научной революции» В. В. Зверевой¹², а также исследования «Антикварианизм в контексте готического Возрождения в Англии XVIII в.»¹³ и «Деятельность Общества антиквариетов Лондона в контексте английской реставрационной практики XVIII в.»¹⁴ Ю. Ю. Михайловой и ««Дневник» Генри Мэчина в контексте культурных практик Англии XVI века» Л. Н. Черновой¹⁵. К сожалению, нами не был выявлен труд, в котором была бы всесторонне раскрыта антикварная традиция Уэльса, поэтому эта проблема, по нашему мнению, требует дальнейшего более глубокого исследования.

Уэльс имеет давнюю и богатую антикварную традицию, оформление которой происходит в XVI в. Именно в этот период в среде гуманистов, занимавшихся изучением истории, уже возникает своеобразное «разделение труда». Те из них, кто посвятил себя собиранию, комментированию и публикации первоисточников, стали антиквариариями. Остальныеполнили ряды первых историков, которые создавали исторические нарративы в виде жизнеописаний или повествований о каких-либо конкретных событиях, изложенных в логической и хронологической последовательности. Таким образом, четко обозначилось обособление двух сторон единого процесса познания прошлого: поиск и сбор источников и историописание, которое в то время еще не ставило перед собой задачи систематизированного выявления причинно-следственных связей и объективных факторов в истории.

В истории антикварной традиции Уэльса до появления в середине XIX в. профессиональных историков и археологов можно выделить два этапа:

Первый этап: XVI–XVII вв. – период зарождения и развития антикварианизма в Уэльсе. В это время первое поколение антиквариетов в основном специализировалось на медиевистике, изучая

руины замков и аббатств, сохраняя и транскрибируя средневековые рукописи, реставрируя разрушенные во время гражданских войн памятники и документы.

Можно назвать несколько причин, вызвавших появление антикварной традиции в Уэльсе. Во-первых, импульсом к сохранению предметов старины, являющихся объектами исторического наследия, стала утрата политической независимости валлийским народом в конце XIII в. Во-вторых, это стремление усилилось в связи с интеграционной политикой Тюдоров в Уэльсе, разрушением и закрытием монастырей в период Реформации и Революции в Английском королевстве. В-третьих, большую роль в сохранении предметов старины сыграл глубокий интерес интеллектуалов к минувшему прошлому, нравам и обычаям предков. Наконец, обращение к изучению древней истории являлось частью поиска источника вдохновения в прошлом, что было характерно для эпохи Ренессанса в целом.

К первому поколению валлийских антиквариетов относится генеалог Меррик Райс, интересовавшийся генеалогиями, городами и сельскими поселениями, красотами природы и местными раритетами. В «Книге древностей Гламорганшира» (1578) автор повествует об истории родного края и знатных валлийских семьях, проживавших на его территории на протяжении многих веков. Труд был посвящен лорду Херефордвеста Томасу Филлипсу¹⁶, способствовавшего, по мнению Меррика Райса, пробуждению интереса к исследованию древностей Уэльса. К сожалению, антиквариет, проживавший в Коттрелл в долине Гламоргана (Cottrell), так и не упомянул в своем труде о великих мегалитических памятниках близ поселений Дайффрин (Dyffryn) и Сент-Литанс (St. Lythans).

Значительный вклад в изучение прошлого Уэльса внес многогранный гений Хамфри Ллуид из Денби (1527–1568). В 1573 г. им была создана одна из самых первых печатных карт Уэльса, получившая всеобщее признание¹⁷. Она включала древние топонимы на латыни, а также современные ему валлийские и английские названия географических объектов. Ллуид также сделал перевод на английский язык «Хроники Уэльса» Карадога Ланкарфанского. Перевод был основан на трех разных версиях «Хроники Карадога», наиболее известной как «Brut y Tywysogion» или «Хроника принцев», повествование которой было доведено до 1270 г. и дополнено переводчиком материалом о событиях до 1295 г., а также сведениями из работ Мэтью Парижского. «Хроника Уэльса», которая была написана в 1559 г., но не опубликована, стала первым историческим трудом, созданным на английском языке и описывающим правление британских королей и валлийских принцев, начиная с Кадваладра и заканчивая Лливелином ап Грифидом. Наконец, в 1584 г. «Хроника Уэльса» была опубликована Дэвидом Пауэлом под названием «История Британии», но она была значитель-

но расширена за счет официальных документов, доступ к которым был открыт благодаря Уильяму Сесилу¹⁸. Во введении к книге Пауэл напечатал сведения относительно территориальных подразделений Уэльса, подготовленные Джоном Прайсом из Брекона¹⁹.

В труде «Бревиарий Британии», опубликованном в Кельне в 1572 г. и переведенном на английский язык Томасом Твинном, Х. Ллуид обратился к древней истории острова и англосаксонскому завоеванию, в частности, упомянул о прибытии на остров троянцев во главе с Брутом, захвате Рима Бренусом и борьбе Артура с завоевателями²⁰.

Коллекционированием и изучением средневековых рукописей занимались Роберт Воган и Джон Джонс из Гиллилифди (Gellilyfdy). В коллекцию первого входили манускрипты, имеющие большое историческое и литературное значение, например, такие как «Книга Талиесина», «Черная книга Кармартена», рукопись «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера и др. Антикварий сам переписывал тексты источников, составлял генеалогии. Он также перевел на английский язык «Хронику принцев». Коллекцию манускриптов Р. Вогана унаследовал его друг Джон Джонс, благодаря которому были компилированы и дошли до нашего времени многие ценные валлийские рукописи.

В XVI–XVII вв. интеллектуалы, обращаясь к древнему прошлому, уже начинают задумываться о своих исторических корнях и задаются вопросами: Кем были первые британцы и европейцы? Кто был первым человеком? Ответы на эти вопросы они находили в мифологии и библейских сказаниях: Брут и его потомки были первыми британцами, от Иафета, сына Ноя, произошли европейцы, а Адам был первым человеком. В 1716 г. преподобный Теофилус Эванс опубликовал книгу «Зеркало ранних времен», в которой освещались деяния его соотечественников и их связь с Иафетом и Брутом²¹. Другой точки зрения придерживался английский антикварий Айлетт Сэммес. В своей книге «Древности древней Британии» (1676) он провозгласил финикийцев первыми колонизаторами острова и привел ряд этимологических доводов в пользу сходства валлийского и финикийского языков²². Стоит также отметить, что в книге содержится изображение друида в образе мудрого старца с длинной бородой, держащего в руках книгу и посох. Этот образ кельтского жреца получит широкое распространение в творчестве интеллектуалов XVIII–XIX вв. Примером может служить изображение друида из книги «Одежда коренных жителей Британских островов» (1815) Сьюэля Руш Меирика и Чарльза Гамильтона Смита²³.

У истоков изучения мегалитических памятников стоял валлийский антикварий Джордж Оуэн из Хенлиса (Henllys) (1552–1613), который в 1603 г. создал труд «Описание Пембрукшира», где содержится зарисовка кромлеха Пентр Ифан и впервые приводится его подробное описание²⁴.

Автор предположил, что мегалит был установлен в память о каком-то великом воине или жреце. Джордж Оуэн хотел составить более подробное описание графства и включить в него другие памятники древности, но, к сожалению, эта идея не была реализована.

Второй этап: XVIII – середина XIX в. – период, характеризуемый активным исследованием мегалитических памятников, которые антикварию стали датировать доримской эпохой и связывать с обрядами и ритуалами древних кельтов.

В истории изучения мегалитов можно выделить следующие этапы:

- 1) распознавание искусственных каменных конструкций;
- 2) описание этих объектов;
- 3) обозначение мегалитов на картах;
- 4) изготовление эскизов и зарисовок памятников древности;
- 5) создание коллекций мелких артефактов;
- 6) разработка методов исследования мегалитов;
- 7) формулировка общих теорий относительно их функций и применения;
- 8) датирование памятников древности²⁵.

Главным специалистом по изучению памятников древности был известный оксфордский палеонтолог, геолог и филолог Эдвард Ллуид (1660–1709), который стимулировал интеллектуальные и научные интересы целого поколения антиквариюв, историков, археологов и филологов. Ллуид способствовал развитию критического метода исследования, заставил валлийских ученых уважительно относиться к прошлому и изучать его с искренним сочувствием и пониманием²⁶. В 1707 г. им было основано «Общество антиквариюв Лондона», которое стало одним из первых научных обществ в Северо-Западной Европе.

Одной из сфер интересов Эдварда Ллуида было изучение иврита, также он внес значительный вклад в развитие кельтской лингвистики, обратил внимание на проблему происхождения валлийского языка и начал тщательно сравнивать его с корнуэльским, бретонским, ирландским и гэльским языками. В предисловии к труду «Археология Британии» («Archaeologia Britannica») (1707) автор отметил ряд причин, которые мотивировали его к началу исследования: «Языки, на которых говорили народы, завоеванные задолго до появления изысканной и утонченной литературы, являются малоизвестными и плохо изученными за пределами границ их употребления. К началу исследования меня побудило несколько причин, среди которых, во-первых, стремление осветить некоторые сведения о наших бриттских древностях в дополнение к опубликованной ранее информации; во-вторых, проследить происхождение родного языка; в-третьих, расширить знания о древних языках Шотландии и Ирландии и британских диалектах, изложенных в валлийском словаре доктора Зави (Dr. Zavier). Эта работа также

может способствовать созданию более четкого представления о первых жителях трех королевств и лучшему пониманию наших древних имен и названий мест. Наконец, на протяжении последнего столетия некоторые британские и ирландские манускрипты не были тщательно исследованы и не получили правильной трактовки²⁷. Эдвард Ллуйд доказал, что бретонский, корнуэльский и валлийский языки имеют кельтское происхождение. Его работа включала эссе по сравнительной этимологии, латино-кельтский словарь, бретонскую грамматику, англобритонский словарь, корнуэльскую грамматику, краткий и неполный список валлийских рукописей, исследовательский материал о взаимосвязи между валлийскими, греческими, латинскими, тевтонскими, ирландскими словами и грамматикой.

Антикварий стремился создать фундаментальный труд, который должен был называться «Археология Британии», однако ему удалось опубликовать только первый том – «Глоссографию». Он собрал много материала, рассылал анкеты корреспондентам в приходы, переписываясь и посещая их лично. Нередко ответы включали диаграммы, планы объектов или участков. В его труде содержатся сведения о мегалитических памятниках и погребальных пирамидах из камней, встречающихся не только в Уэльсе, но и на территории Шотландии и Ирландии.

К критическому подходу Эдвард Ллуйд обращался и при датировке памятников. Например, при изучении камерной гробницы «Ти Иллтид» (Ty Illtyd) в Бреконшире, на которой были изображены кресты, он пришел к выводу о том, что она была воздвигнута в языческие времена²⁸.

Ученый также участвовал в дискуссиях относительно проблемы предназначения древних мегалитов. Он полагал, что каменные круги «Мейни Гвир» («Двор Артура») (Meini Gwyr) в Кармартеншире и «Кам Ллечарт» в Гламоргане (Cam Llechart) служили «храмами» друидов. Эта мысль шла вразрез с утверждениями античных историков о том, что святынями друидов являлись священные рощи.

Среди тех, с кем общался Ллуйд, был Генри Роулендс (1655–1723), викарий Лланидана на Англси, опубликовавший в 1723 г. труд «Восстановление древней Моны». В этой книге антикварий изложил друидическую историю острова Англси и проанализировал происхождение местных топонимов. Роулендс заимствовал и делал собственные зарисовки древних памятников. В итоге он, обнаружив доказательство влияния друидов на валлийские топонимы и древние мегалиты Англси, выдвинул гипотезу, что в древности остров был главным центром друидизма Британии и Галлии²⁹.

Английским натуралистом и антиквариом Томасом Пеннантом из Флинтшира в 1778–1823 гг. был опубликован труд «Путешествие по Уэльсу», в котором содержится описание увиденных им мегалитов. Автор приводит несколько версий отно-

сительно предназначения памятников древностей. По одной из них они использовались в качестве алтарей: «Те, кому интересны друидические древности, могут увидеть очень необычный кромлех в Бачвен (Bachwen). На расстоянии тридцати шагов от него находится камень, служивший границей, за которую нельзя было заступать людям, присутствующим во время проведения обрядов друидом-священником»³⁰. Однако в другой раз Пеннант соглашается с мнением доктора Уильяма Борлаза, автора «Древности Корнуолла» (1769), согласно которому эти камни не были спроектированы и не использовались в качестве алтарей. Он предположил, что они служили могильными памятниками, представляющими собой каменную конструкцию, внутри которой покоились останки умершего.

Валлийский топограф и поэт Ричард Фентон (1747–1821) также считается первооткрывателем курганов. Он работал адвокатом в Лондоне, но потратил значительную часть своих сил и энергии на изучение древней истории Уэльса. В своем труде «Путешествие по Пембрукширу» (1810) автор рассказывает об исследовании в 1806 г. захоронения на вершине Кун Кервин (Cwm Cerwyn)³¹. Сразу же после этого следует рассказ, который ярко иллюстрирует «друидоманию» того периода. Ферма под названием «Булх и Клаудд» (Bwlch y Clawdd) перешла в руки нового владельца, мистера Прайса, который дал ей «очень подходящее английское название “Храм друида” (Temple Druid), поскольку ранее на этой территории располагался большой кромлех или “алтарь друидов”»³².

«Друидомания» и интерес к древним мегалитам оставили заметный след в валлийской культуре и способствовали началу эпохи Кельтского Возрождения. Ярким примером влияния антикварианализма в живописи служит картина «Бард» (1774) Томаса Джонса, на которой был запечатлен сюжет романтической драмы, заимствованный из одноименной поэмы Томаса Грея. На картине вдалеке изображено приближающееся войско английского короля Эдуарда I. На переднем плане видны трупы убитых бардов, а единственный оставшийся в живых поэт готов прыгнуть с утеса в воды реки Конви, чтобы не попасть в руки неприятеля. Художник также изобразил любопытный мегалитический памятник, который не был упомянут в стихотворении Томаса Грея³³. Понимается, что этот памятник служил местом встречи бардов, которых застали врасплох и убили войска английского короля. Возможно, идея о том, что мегалиты служили местом встречи друидов, и вдохновила Йоло Моргануга на создание каменного круга бардов, ставшего главным элементом Горседда, церемонии открытия Национального фестиваля Айстедвод. Несмотря на приписывание авторства собственных стихов средневековым поэтам и создание псевдоисторического учения о валлийских бардах и друидах, Эдвард Уильямс (Йоло Моргануг) пытался раскрыть загадки древ-

него прошлого своего родного края Гламоргана. Его переписка с Ричардом Кольт Хоаром служит тому подтверждением.

К середине XIX в. из-за появления археологических обществ интерес «любителей старины» к мегалитическим памятникам постепенно снижается, а уже в начале XX в. деятельность членов антикварных и археологических обществ будет вытеснена работой сотрудников Уэльского университета и Национального музея Уэльса³⁴. Антиквариаты продолжают свое существование, но их сфера деятельности будет ограничена только коллекционированием предметов старины.

Подводя итог, отметим, что антиквариаты, будучи «пионерами» исторической науки, внесли значительный вклад в ее развитие. Благодаря им до нас дошли многочисленные средневековые рукописи и предметы старины, служащие главными источниками по изучению прошлого Уэльса. В заслугу антиквариатов входит не только сбор исторических источников, но и их изучение, а также перевод текста рукописей на современный им язык и подготовка их к печати в таких исторических журналах, как «Камбрийская археология» и «Мивирианская археология Уэльса». Эти предшественники профессиональных историков были первыми, кто предпринял попытку на основе исследования мегалитических памятников определить исторические корни валлийского народа и реконструировать повседневную жизнь древних жителей острова. Их не всегда верные суждения и выводы будоражили воображение валлийской общественности, способствовали появлению многочисленных мифов, которые легли в основу исторической памяти Уэльса XVIII–XIX вв. Деятельность антиквариатов способствовала росту интереса у жителей Уэльса к своему прошлому, которое они использовали для поддержания национальной идентичности путем формирования пантеона героев, а также изучая традиции и обычаи.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-39-00029 «Опыт конструирования региональной идентичности валлийцев на основе исторической памяти (конец XVIII–XIX вв.)»).

Примечания

- ¹ *Tongue R.* Cromlech near Newport (Chamber Tomb of Pentre Ifan). URL: <https://www.artuk.org/discover/artworks/cromlech-near-newport-chamber-tomb-of-pentre-ifan-148339> (дата обращения: 18.12.2019).
- ² *Morgan P.* The Eighteenth Century Renaissance. Llandybie : C. Davis, 1981. 174 p.
- ³ *Moore D.* Cambrian antiquity : Precursors of the prehistorians // *Welsh Antiquity*. Cardiff : National Museum of Wales, 1976. P. 193–219.
- ⁴ *Prescott S.* Cambrian Bards and Antiquarian Romantics : Anglophone women poets from Eighteenth century Wales // *Womens Writing*. 2017. Vol. 24. P. 418–435.
- ⁵ *Schwyzer P.* Literature, Nationalism and Memory in Early Modern England and Wales. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 194 p.
- ⁶ *Brockliss L., Eastwood D.* A Union of Multiple Identities : The British Isles, C.1750–C.1850. Manchester : Manchester University Press, 1997. 222 p.
- ⁷ *Carruthers G., Rawes A.* English Romanticism and the Celtic World. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 265 p.
- ⁸ *Mottram S.* Writing Wales, from the Renaissance to Romanticism. Farnham : Routledge, 2012. 248 p.
- ⁹ *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Историческая память и технологии антикварного дискурса. Англия раннего Нового времени // *Диалоги со временем : память о прошлом в контексте истории* / под ред. Л. П. Репиной. М. : Кругъ, 2008. С. 495–521.
- ¹⁰ *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Прошлое крупным планом : темпоральные измерения в антикварном дискурсе // *Образы времени и исторические представления : Россия – Восток – Запад* / под ред. Л. П. Репиной. М. : Кругъ, 2010. С. 226–245.
- ¹¹ *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Антикварный дискурс в раннеисторической Англии. СПб. : Алетейя, 2015. 215 с.
- ¹² *Зверева В. В.* Антиквариатизм XVI–XVII веков. Представление прошлого в контексте научной революции // *Образы времени и исторические представления : Россия – Восток – Запад* / под ред. Л. П. Репиной. С. 756–772.
- ¹³ *Михайлова Ю. Ю.* Антиквариатизм в контексте готического Возрождения в Англии XVIII в. // *Вестник СПбГУКИ*. 2015. № 4 (25). С. 172–175.
- ¹⁴ *Михайлова Ю. Ю.* Деятельность Общества антиквариатов Лондона в контексте английской реставрационной практики XVIII в. // *Вестник СПбГУКИ*. 2016. № 1 (26). С. 169–172.
- ¹⁵ *Чернова Л. Н.* «Дневник» Генри Мэчина в контексте культурных практик Англии XVI века // *Модернизация культуры : порядки и метаморфозы коммуникации : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 23–24 мая 2016 г.)* : в 2 ч. / под ред. С. В. Соловьевой, В. И. Ионесова, Л. М. Артамоновой. Самара : Самар. гос. ин-т культуры, 2016. Ч. I. С. 276–281.
- ¹⁶ *Rice M.* Glamorganshire's antiquities. Broadway : T. Philips, 1825. 68 p.
- ¹⁷ *Lhuydo H.* Cambriae Typus. URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/48500/cambriae-typus-auctorem-humfredo-lhuydo-petrus-kaerius-mercator> (дата обращения: 27.12.2019).
- ¹⁸ *Llwyd H., Powel D.* The historie of Cambria now called Wales. L. : Reprinted for John Harding, 1811. 355 p.
- ¹⁹ *Powel David* // *Dictionary of Welsh Biography*. URL: <http://yba.llgc.org.uk/en/s-POWE-DAV-1540.html> (дата обращения: 21.12.2019).
- ²⁰ *Lhuyd H.* Commentarioli britannicae descriptionis Fragmentum. Birckmannum : Coloniae Agrippinae, 1576. P. 8.
- ²¹ *Evans T.* Drych y Prif Oesoedd. Llanidloes : J. Pryse, 1865. P. 15.

- ²² *Sammes A.* Britannia Antiqua Illustrata : or, The Antiquities of Ancient Britain. L. : Roycroft, 1676. P. 40.
- ²³ *Смит Ч. Г.* Верховный Друид в своем судебном одеянии (начало XIX в.) // Гипотезы и факты. URL: <http://gifakt.ru/archives/index/druidy/> (дата обращения: 21.12.2019).
- ²⁴ Owen's Pembrokeshire 1603. URL: <https://archive.org/details/OwensPembrokeshire1595/page/n91> (дата обращения: 20.12.2019).
- ²⁵ *Moore D.* Op. cit. P. 195.
- ²⁶ *Williams G.* The history of Wales. Oxford : Oxford University Press, 1987. P. 253
- ²⁷ *Lhuyd E.* Archaeologia Britannica. L. : Author, 1707. P. 3.
- ²⁸ *Moore D.* Op. cit. P. 199.
- ²⁹ *Rowlands H.* Mona Antiqua Restaurata. L. : J. Knox, 1776. 357 p.
- ³⁰ Цит. по: *Moore D.* Op. cit. P. 205.
- ³¹ *Fenton R.* Historical tour throu Pembrokeshire. L. : J. Johnson, 1811. P. 549.
- ³² *Moore D.* Op. cit. P. 207.
- ³³ *Jones T.* Bard. URL: https://museum.wales/art/online/?action=show_item&item=1154 (дата обращения: 21.12.2019).
- ³⁴ *Moore D.* Op. cit. P. 219.

Образец для цитирования:

Шестакова Н. Ф. От Хамфри Ллуида до Йоло Моргануга: основные этапы развития антикварной традиции Уэльса в XVI – середине XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 353–358. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-353-358>

Cite this article as:

Shestakova N. F. From Humphrey Llwyd to Iolo Morganwg: Main Stages of Development of Antiquarian Tradition of Wales in the XVI – Mid-XIX Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 353–358 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-353-358>

УДК 94(411)08

Н. В. Орлов и начало преподавания русского языка в королевском колледже Лондона

П. А. Трибунский

Трибунский Павел Александрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына; старший научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, pt2140@yandex.ru

В статье реконструируется биография Н. В. Орлова (1844–1915), псаломщика церкви во имя Успения Божией Матери при Российском посольстве в Лондоне, который, помимо своих служебных обязанностей и переводческой деятельности, оказался вовлеченным в процесс становления руссиеведения в Великобритании в конце XIX – начале XX в. Орлов на протяжении четверти века преподавал русский язык в Королевском колледже Лондона в рамках подготовки специалистов по восточным языкам для участия в конкурсе на занятие чиновничьих должностей в государственной службе Индии, а также в британской армии. Уход Орлова в отставку в 1915 г. символично совпал с началом нового этапа в развитии руссиеведения, с созданием Школы изучения славянства при Королевском колледже Лондона.

Ключевые слова: Н. В. Орлов, Великобритания, Королевский колледж Лондона, русский язык, руссиеведение.

Поступила в редакцию: 10.03.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

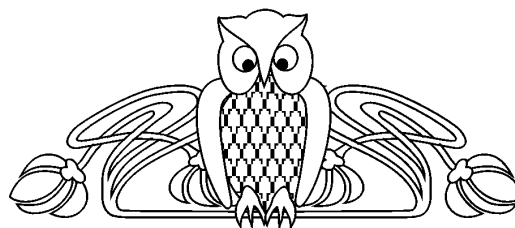
N. V. Orloff and the Beginning of Teaching of the Russian Language at King's College London

P. A. Tribunskii

Pavel A. Tribunskii, <https://orcid.org/0000-0002-2438-9554>, Alexander Solzhenitsyn Center for Russian Émigrés, 2 Nizhnyaya Radishevskaya St., Moscow 109240; Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, 19 Dm. Ulyanov St., Moscow 117292, Russia, pt2140@yandex.ru

The article restores the biography of N. V. Orloff (1844–1915), a psalmist of the Church in the name of the Assumption of the Mother of God at the Russian Embassy in London, which, in addition to his official duties and translation activities, was involved in the process of establishing Russian studies in Great Britain in the late XIXth – early XXth centuries. For a quarter of a century, Orloff taught the Russian language at King's College London, as part of the training of Oriental language specialists, who took part in the exams for official posts in the Indian Civil Service, as well as in the British army. Orloff's resignation in 1915 symbolically coincided with the beginning of a new stage in the development of Russian studies, with the creation of the School of Slavonic Studies at King's College London.

Keywords: N. V. Orloff, UK, King's College London, Russian language, Russian Studies.

Received: 10.03.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-359-363>

Реформирование уже существовавших и создание новых высших учебных заведений в Великобритании, начавшееся во второй половине XIX в., развернуло университеты лицом к практическим потребностям общества. В реформированной учебной программе значительное место отводилось новым (modern) языкам (немецкому, французскому, испанскому и др.), получившим такое название как антитеза древним языкам (латыни и греческому). В числе новых языков был и русский, который с трудом пробивал себе путь в университеты.

Первыми преподавателями русского языка были, как правило, филологи, иногда добавлявшие к своим обязанностям преподавание других родственных славянских языков. Изучение языка часто сопровождалось чтением лекций по литературе, что было характерно для инославянских стран.

Сходным образом развивалось руссиеведение (Russian Studies)¹ в Великобритании, особенно на первых порах. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть становление руссиеведческих дисциплин на раннем этапе – в учебном заведении – Королевском колледже Лондона, ставшем одним из пионеров руссиеведения.

Королевский колледж Лондона (King's College London) был образован в 1829 г. по указу короля Георга IV. В 1836 г. Королевский колледж был объединен с Лондонским университетом (London University). Новое учебное заведение получило название Лондонский университет (The University of London), в составе которого Королевский колледж сохранял большую степень независимости². Осенью 1915 г. в рамках колледжа была создана Школа изучения славянства (School of Slavonic Studies)³.

Включение русского языка в учебную программу Королевского колледжа было связано с расширением списка языков, по которым можно было сдавать экзамены для принятия на государственную службу Индии (Indian Civil Service) и занятия чиновничьей должности. Открытые экзамены претендентов проводились в Лондоне⁴. Другим важным обстоятельством, способствовавшим распространению русского языка, стало поощрение

со стороны военных властей Великобритании тех офицеров (в т. ч. и британской индийской армии), которые изучали иностранный язык⁵.

Совет Королевского колледжа 11 июля 1884 г. создал восточное отделение (Oriental Section)⁶, основной задачей коего была подготовка кандидатов к государственной службе в Индии⁷. В 1889 г. Имперский институт Соединенного Королевства, колоний и Индии (The Imperial Institute of the United Kingdom, the Colonies and India) совместно с Королевским колледжем и Университетским колледжем (University College) договорились о совместных учебных классах по восточным языкам. Созданная учебная программа получила название Школа современного востоковедения (School for Modern Oriental Studies). В соответствии с договоренностями языки делились на два отдела: индийские языки и восточные языки, отличные от индийских. Преподавание последних было отнесено к сфере компетенции Королевского колледжа⁸.

На заседании совета Королевского колледжа 5 апреля 1889 г. в числе преподаваемых в рамках Школы современного востоковедения языков был установлен русский язык⁹. На том же заседании профессором русского языка был утвержден Н. В. Орлов¹⁰. При каких обстоятельствах Орлов стал известен властям колледжа – неизвестно. Возможно, в поисках подходящего лектора власти колледжа обратились в центр русского влияния в Великобритании, в посольство, где им был рекомендован образованный и хорошо знавший английский язык сотрудник.

Известны скудные биографические сведения о Николае Васильевиче Орлове. Он родился в семье священника неизвестного прихода, по видимому, Смоленской губернии, 13 мая 1844 г.¹¹ В июне 1869 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию¹². По отзыву академического начальства Орлов «обучался при поведении весьма хорошо, принимал участие в чтении и пении на клиросе церкви Академии и в течение трех лет состоял письмоводителем при комитете для цензуры духовных книг»¹³. Когда в апреле 1869 г. причетник церкви во имя Успения Божией Матери, состоящей при Российском посольстве в Лондоне В. Н. Троянский запросился в Россию, то вместо него был назначен 25-летний Орлов, в июле прибывший на место службы¹⁴.

Н. В. Орлов ревностно исполнял служебные обязанности как в церкви (с 1885 г. в должности псаломщика), так и в посольстве. О характере этих обязанностей известно мало, мы лишь имеем сведения о денежных наградах за них, а также выплат по случаю пребывания высоких гостей в Лондоне¹⁵. В 1874 г. Орлов подготовил сочинение, посвященное течению в англиканстве, известному как ирвингиане, последователям шотландского проповедника Э. Ирвинга (E. Irving, 1792–1834), создавшим новоапостольскую церковь. 28 ноября 1874 г. совет Санкт-Петербургской духовной

академии за помянутый труд утвердил Орлова в степени магистра богословия, что и было подтверждено указом Синода от 30 декабря того же года. В течение 1875–1876 и 1878 гг. работа Орлова по частям была опубликована в «Православном обозрении». Знание ирвингиан помогло Орлову в выполнении официального задания русского МВД, затребовавшего у посла А. П. Моренгейма справку об этой секте (1884)¹⁶.

Помимо преподавания, в 1890–начале 1900-х гг. Орлов усиленно занимался переводческой деятельностью¹⁷, подготовив для школ духовных миссий в Северной Америке в переводе на английский язык богослужебные книги Часослов¹⁸, Октоих¹⁹, Общая²⁰ и Месячная²¹ Минеи, брошюру П. А. Смирнова о православии²² и русскую версию труда Дж. Уордсуорта (J. Wordsworth, 1843–1911) об основах англиканства для православных²³.

В лучшем на рубеже веков английском богословском издании – «The Journal of Theological Studies» – Орлов опубликовал две статьи: эссе об историке церкви В. В. Болотове²⁴ и о русской трактовке константинопольского символа веры²⁵. Время от времени появлялись его корреспонденции и в авторитетном «Церковном вестнике».

В конце 1870-х гг. Орлов женился на Ольге Васильевой (20 декабря 1857 ст. ст. – 15 января 1916 н. ст.)²⁶. От брака родились пятеро детей: Алексей (ок. 1881 г. – ?), Владимир (2 апреля 1883 г. – 22 мая 1884 г.), Павел (ок. 1884 г. – ?), Юлия (ок. 1886 г. – ?), Вера (18 августа 1893 г. – 14 сентября 1918 г.). Дом Орлова был открыт для всех русских путешественников²⁷, известно о факте его знакомства с философом В. С. Соловьевым, в 1875 г. находившимся в Лондоне²⁸.

Основные сведения о преподавании русского языка в Королевском колледже в ранние годы заинтересованный исследователь может найти только в учебных каталогах. До 1902/1903 учебного года каталоги колледжа не называют точно предметы, которые вел Орлов. Лишь в календаре 1902/1903 учебного года появляются детали программы. Орлов читал в колледже три курса: а) курс среднего уровня (intermediate) (2 раза в неделю) – занятия русским языком; б) курс для получения степени бакалавра (2 раза в неделю), включавший в себя занятия языком и лекции по истории русской литературы XIX в.; в) курс для получения степени бакалавра с отличием, также включавший в себя изучение русской литературы (от былин до XIX в.) и написание сочинений²⁹. В следующем учебном году Орлов указан в числе преподавателей вечерних классов, однако никаких подробностей календарь колледжа не приводит³⁰.

Упомянутые курсы без изменений присутствуют во всех календарях до 1908/1909 учебного года включительно. Со следующего года Орлов изменил содержание курсов для получения степени бакалавра и бакалавра с отличием. Курс для получения степени бакалавра теперь, помимо занятий языком, включал переводы из произ-

ведений древнерусской литературы, лекции по истории русской литературы XIX в., лекции по истории русского языка до 1700 г. Курс для получения степени бакалавра с отличием состоял из лекций по истории русского языка, славянской филологии, церковнославянского языка, лекций по истории русской литературы с X по XVIII в., писания сочинений³¹. Налицо усложнение программы с расширением преподаваемых предметов, правда, по-прежнему сконцентрированной вокруг филологии.

Следующий, 1910/1911 учебный год принес последние изменения в курсы Орлова в колледже. Не трогая курс среднего уровня, Орлов пошел по пути явного сокращения содержательной стороны курсов. Курс для получения степени бакалавра теперь включал в себя лекции по истории русской литературы (с особенным вниманием к роману Л. Н. Толстого «Воскресение» и отношениям писателя с И. С. Тургеневым и Ф. М. Достоевским). Курс для получения степени бакалавра с отличием состоял из лекций по истории русской литературы (первый отдел до 1700 г., второй – 1700–1900 гг.), а также изучения отдельных произведений³². До конца преподавательской карьеры в Королевском колледже курсы Орлова оставались без изменений.

Прослужив в колледже более четверти века, Орлов превысил допустимый лимит по возрасту. Второй причиной, по которой Орлов оставил службу, была развернутая ректором колледжа Р. М. Берроузом (R. M. Burrows, 1867–1920) и публицистом Р. У. Сетон-Уотсоном (R. W. Seton-Watson, 1879–1951) кампания за создание при колледже Школы изучения славянства. Престарелый преподаватель не отвечал тем высоким требованиям, которые организаторы предъявляли к будущим сотрудникам³³. Письмом от 10 июля 1915 г. на имя ректора Орлов подал в отставку³⁴. В знак признательности за долголетнюю службу делегация колледжа на заседании 26 октября 1915 г. присвоила Орлову звание почетного профессора³⁵. В календаре колледжа на 1915/1916 учебный год никаких курсов русского языка не значилось, а надпечатка сообщала заинтересованному читателю, что лектор будет назначен³⁶.

Поиск подходящего преподавателя русского языка на замену Орлову начался в августе 1915 г. Основных претендентов было двое: В. Т. Тимофеев (1878–1952)³⁷, певчий при посольской церкви, сослуживец Орлова и преподаватель русского языка из Ливерпульского университета М. В. Трофимова (1884–1948)³⁸. Тимофеева всячески продвигал Орлов в письмах ректору Берроузу³⁹. Кандидатура Трофимова возникла после встречи в конце августа Берроуза с вернувшимся с русского фронта россиеведом Б. Пэрсом (B. Pares, 1867–1949), указавшему на подходящего лектора. Пэрс устроил встречу Берроуза с русским послом А. К. Бенкендорфом (1849–1916/1917), и последний поддержал предложение Пэрса относительно Трофимова⁴⁰. По-видимому, в ответ

на вопрос Берроуза ректору написал профессор Оксфордского университета и один из двигателей русско-английского сближения П. Г. Виноградов (1854–1925). Он не был знаком ни с одним из кандидатов, однако отдавал предпочтение Трофимову как имевшему опыт преподавания в Ливерпульском университете и лично знакомому Пэрсу. Сам Виноградов рекомендовал А. А. Бакши (1885 – после 1949)⁴¹, который, однако, не мог составить в глазах Берроуза и Сетона-Уотсона конкуренции Трофимову⁴².

Сманивание Трофимова в Лондон не было легкой задачей: филолог был удовлетворен своей работой в Ливерпуле и финансово, и академически. Вместе с тем Трофимову хотелось вывести свою деятельность на более высокий уровень, чего в Ливерпуле невозможно было сделать⁴³. Требуемое Трофимовым жалование предоставил лично Сетон-Уотсон из собственных средств, гарантировавший выплату в размере 120 фунтов в год в течение 3 лет⁴⁴. На заседании делегации колледжа 26 октября 1915 г. Трофимов был избран лектором русского языка и литературы на 3 года с жалованием 120 фунтов в год и выплатой ему половины суммы от той, что будет получена от студентов за слушание лекций. В ноябре 1915 г. Трофимов уже был в Лондоне⁴⁵.

Через месяц Н. В. Орлов, скончался в Лондоне (14 декабря 1915 г.)⁴⁶. Убитая горем жена пережила его лишь на месяц. Супруги, а также несколько их детей (Владимир, Павел, Вера) похоронены на кладбище Бромптон в Лондоне⁴⁷.

Развитие россиеведения в Великобритании, особенно на раннем этапе, не могло состояться без привлечения русскоязычных преподавателей. Н. В. Орлов не имел профильного образования, но тем не менее оказался востребованным в качестве лектора русского языка, что могло состояться только в отсутствие квалифицированных специалистов. Качественно новый этап развития россиеведения в Великобритании эпохи Первой мировой войны потребовал привлечения к образовательному процессу более квалифицированных профессионалов. Престарелый Орлов не мог составить им конкуренции и даже его рекомендация своего заместителя не была воспринята серьезно.

Нельзя утверждать, что усилия Орлова существенно повлияли на распространение россиеведческих предметов в британском высшем образовании, однако без таких деятелей, как Орлов, не были бы подготовлены знатоки русского языка среди англичан на протяжении четверти века, не было бы сформировано позитивное общественное мнение о России. Правда, среди немногочисленных учеников Орлова выдающихся русистов назвать невозможно.

Материалы для статьи были собраны в рамках стипендии Паулсена (Paulsen Fellowship), за что автор искренне благодарен учредителю программы Ф. Паулсену.

Примечания

- 1 Обсуждение перевода на русский язык термина «Russian Studies» и его смыслового наполнения см.: *Большакова О. В.* Russian studies : о терминах и не только // *Российская история*. 2013. № 1. С. 147–151.
- 2 Подробнее о Королевском колледже см.: *Huelin G.* King's College London, 1828–1978. London, 1978.
- 3 Подробнее о Школе изучения славянства см.: *Roberts I. W.* History of the School of Slavonic and East European Studies, 1915–1990. London, 1991.
- 4 *Muckle J.* The Russian Language in Britain : A Historical Survey of Learners and Teachers. Ilkeston, 2008. P. 32–33.
- 5 Regulations regarding the employment of Officers of the Indian Army in the study of the Russian Language, 1886 // *The British Library. Asian and African Studies*. IOR/L/PJ/6/204. File 1036.
- 6 King's College London. Minutes of the Council. Vol. N. P. 138 // King's College London Archives (далее – KCLA). KA/C/M13. Все даты для событий в Великобритании приведены по григорианскому календарю, в России – по юлианскому календарю.
- 7 The Calendar of King's College, London for 1884–85. London, 1884. P. 179.
- 8 The Calendar of King's College, London for 1889–90. London, 1889. P. 143–145.
- 9 King's College London. Minutes of the Council. Vol. N. P. 365 // KCLA. KA/C/M13.
- 10 Ibid. P. 366.
- 11 Find A Grave. URL: www.findagrave.com/memorial/59762138/nicholas-vassilievich-orloff (дата обращения: 01.09.2019).
- 12 См.: Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 155. Оп. 755. Д. 10. Л. 43 об.
- 13 Там же. Ф. 159. Оп. 337/1. Д. 60. Л. 21.
- 14 Там же. Л. 5–6 об., 12–13, 17, 21–24.
- 15 Там же. Ф. 155. Оп. 755. Д. 10. Л. 43 об.–44 об.
- 16 Там же. Ф. 159. Оп. 337/1. Д. 60. Л. 25–28.
- 17 См.: *Сарни М.* Русская церковь в Лондоне. От Петра Великого до наших дней. М. : Арефа, 2012. С. 39.
- 18 *Horologion. A Primer for Elementary Village Schools* / transl. [by N. Orlov] from the Slavonian Edition of 1894 Printed at St. Petersburg. London, 1897.
- 19 *Octoechus, or the Book of Eight Tones. A Primer Containing the Sunday Services in Eight Tones* / transl. [by N. Orlov] from the Slavonian First Edition of 1891. London, 1898.
- 20 *The General Menaion, or the Book of Services Common to the Festivals of Our Lord Jesus Christ, of the Holy Virgin, and of the Different Orders of Saints* / transl. [by N. Orlov] from the Slavonian Sixteenth Edition of 1862, etc. London, 1899.
- 21 *The Ferial Menaion or the Books of Services for the Twelve Great Festivals and the New-Year's Day* / transl. [by N. Orlov] from a Slavonian Edition. London, 1900.
- 22 *Smirnov P. A.* The Instruction in God's Law / transl. from the First Edition [by N. Orlov]. London, 1896.
- 23 *Wordsworth J.* Teaching of the Church of England on Some Points of Religion, Set Forth for the Information of Orthodox Christians of the East. 2nd ed., rev. / [With a translation into Russian by N. Orlov]. London, 1903.
- 24 *Orloff N.* The Late Professor Bolotoff // *The Journal of Theological Studies*. 1901. Vol. 2, № 7. P. 417–420.
- 25 *Orloff N.* A Russian View of the Creed of Constantinople // *The Journal of Theological Studies*. 1903. Vol. 4, № 14. P. 285–290.
- 26 Find A Grave. URL: <https://www.findagrave.com/memorial/126289256/vera-nicolaevna-orloff> (дата обращения: 01.09.2019).
- 27 См.: Бывший певчий-сослуживец. Памяти проф. Н. В. Орлова // *Христианское чтение*. 1916. № 1. С. 105.
- 28 См.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева : в 4 т. / под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1909. Т. II. С. 11.
- 29 The Calendar of King's College, London for 1902–1903. London, 1902. P. 109.
- 30 The Calendar of King's College, London (University of London) for 1903–1904. London, 1903. P. 252.
- 31 The Calendar of King's College, London (University of London) for 1909–1910. London, 1909. P. 135.
- 32 The University of London. The Calendar of King's College and King's College for Women for 1910–1911. London, 1910. P. 132.
- 33 *Seton-Watson R. W.* The Origins of the School of Slavonic Studies // *The Slavonic and East European Review*. 1939. Vol. 17, № 50. P. 362.
- 34 N. Orloff – R. M. Burrows, 10 July 1915 / Russian Courses // KCLA. KAP/BUR 216.
- 35 King's College London. Minutes of the Delegacy. Vol. 2 : 29.04.1913 to 15.07.1917. P. 239–240, 257 // KCLA. KA/D/M2.
- 36 King's College, London. University of London King's College. University of London King's College for Women and King's College Theological Department. Calendar for 1915–1916. London, 1915. P. 86.
- 37 Подробнее о В. Т. Тимофееве см.: *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995 // *Биографический словарь*. М. : Русский путь ; Париж, 2007. С. 481–482.
- 38 Подробнее о М. В. Трофимове см.: *Matthews W. K.* Professor M. V. Trofimov // *The Slavonic and East European Review*. 1949. Vol. 27, № 69. P. 575.
- 39 N. Orloff – R. M. Burrows, 19 August 1915 ; 28 August 1915 / Russian – General to Sept. 1 st 1919 // KCLA. KAP/BUR 283.
- 40 B. Pares – R. M. Burrows, 6 September 1915 / Russian – General to Sept. 1 st 1919 // Ibid.
- 41 P. Vinogradoff – R. M. Burrows, 8 September 1915 / Russian Courses // KCLA. KAP/BUR 216.
- 42 R. W. Seton-Watson – R. M. Burrows, 23 September 1915 / School of Slavonic Studies, Including Addresses // KCLA. KAP/BUR 86.
- 43 R. M. Burrows – M. V. Trofimov, 18 September 1915 ; M. V. Trofimov – R. M. Burrows, 24 September 1915 / Russian Chair // KCLA. KAP/BUR 294.
- 44 R. W. Seton-Watson – R. M. Burrows, 7 October

1915 / School of Slavonic Studies, Including Addresses // KCLA. KAP/BUR 86.

⁴⁶ Professor Nicholas Orloff // The Times. 1915. 15 December. № 41038. P. 13.

⁴⁵ King's College London. Minutes of the Delegacy. Vol. 2 : 29.04.1913 to 15.07.1917. P. 257, 270 // KCLA. KA/D/M2.

⁴⁷ Find A Grave. URL: www.findagrave.com/memorial/59762138/nicholas-vassilievich-orloff (дата обращения: 01.09.2019).

Образец для цитирования:

Трибунский П. А. Н. В. Орлов и начало преподавания русского языка в королевском колледже Лондона // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 359–363. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-359-363>

Cite this article as:

Tribunskii P. A. N. V. Orloff and the Beginning of Teaching of the Russian Language at King's College London. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 359–363 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-359-363>

УДК 94 (470) 16/18

Образ Австрии в общественном мнении России в XIX – начале XX века

Е. В. Сироткина

Сироткина Евгения Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры лингвистики и социально-гуманитарного образования Педагогического института, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, evgsirotkina@yandex.ru

В статье рассматривается процесс складывания образа Австрии в общественном мнении России в XIX – начале XX в. Основное внимание уделяется влиянию, которое оказывало общественное мнение в этот период на развитие российско-австрийских отношений. Формулируется вывод, согласно которому сформировавшийся в общественном мнении негативный образ Австрии оказывал существенное влияние на развитие внешнеполитического курса российского правительства, мешал поиску компромиссов и подталкивал к противостоянию.

Ключевые слова: образ Австрии, общественное мнение, «Восточный вопрос», российско-австрийские отношения.

Поступила в редакцию: 10.03.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Image of Austria in Russian Public Opinion in the XIX – Early XX Century

E. V. Sirotkina

Evgenya V. Sirotkina, <https://orcid.org/0000-0002-8905-6996>, Tambov State University, 181i Sovetskaya St., Tambov 392008, Russia, evgsirotkina@yandex.ru

The article examines the process of forming the image of Austria in Russian public opinion in the 19th – early 20th century. The author pays main attention to the influence that public opinion had during this period on the development of Russian-Austrian relations. The author concludes that the negative image of Austria formed in public opinion had a significant impact on the development of the Russian government's foreign policy, hindered the search for compromises and pushed for confrontation.

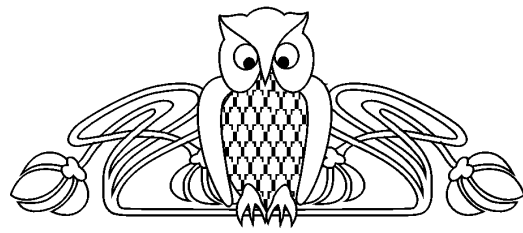
Keywords: image of Austria, public opinion, «Eastern question», Russian-Austrian relations.

Received: 10.03.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-364-369>

Начиная с XIX в., общественное мнение все чаще становится самостоятельным фактором в политической жизни, благодаря сочетанию целого ряда факторов – демократизации политического устройства, росту грамотности, новым возможно-

стям коммуникации и распространения информации и т. д. Не будучи величиной материальной и выражаясь в трудно осязаемых формах газетных статей, речей, заявлений, разного рода публичных манифестаций, общественное мнение становится тем не менее одним из мощных инструментов воздействия на внешнюю политику¹.

Австрия в начале XIX в. для русских – это бесконечно далекая страна, о которой мало что было известно широкой публике. Как правило, основные сведения приходили из дипломатического корпуса, который был знаком с Австрией и ее жителями по служебной необходимости. Поскольку дипломатическая резиденция располагалась в Вене, эти сведения, как правило, ограничивались имперской столицей и ее жителями. И поскольку отношения между Россией и Австрией в это время оставались относительно стабильными, Вена представляла в этих насмешливо-ироничных повествованиях, свойственных дипломатическому языку той эпохи, как город-праздник, жители которого отличались легкомысленностью и склонностью к бесконечным развлечениям².

Относительно свободными от конфликтов отношения между Габсбургской монархией и Россией оставались первые десятилетия XIX в., в то время как с 30-х гг. их все чаще начинает тяготить «Восточный вопрос». Истоки этой проблемы возвращают нас в XVIII столетие, когда становится очевидным, что судьба все более слабеющей Османской империи неразрывно связана с судьбами остальной Европы. Из всех европейских великих держав именно Россия и Австрия более всего были заинтересованы в происходящем на Балканах. «Восточный кризис» в течение XIX – начала XX в. развивался как испытание для Европы и поставил вопрос о соотношении сил. Он также стал определяющим фактором в сотрудничестве или противостоянии Австрии и России.

Именно Российская и Габсбургская империи, в первую очередь, могли извлечь выгоду из ухода Османской империи из Европы и получить территориальные приобретения в Южной Европе в случае распада Порты. Так же как и Россия, Австрия стремилась избавиться от наследия османов на Балканах и конкурировала в этом стремлении со своим русским соседом³. Отличие заключалось лишь в том, что в Австрии пока отсутствовало принципиальное мнение по вопросу о сохранении либо разделе Османской империи, в то время как русская политика склонялась к ее переделу. В XVIII – начале XIX в. Австрийская империя от-

носились к такого рода стремлениям с большим подозрением, так как это серьезно угрожало ее доминирующим позициям на Балканах⁴.

Восточная политика Николая I преследовала те же цели, что и политика его предшественников, но отличалась тактически. Со времен Екатерины II завоевание Константинополя и овладение Проливами оставались приоритетными внешнеполитическими задачами России. Вопреки политике бабушки Николай I пытался достичь этих целей, прибегая к «тактике ожидания», которая исходила из того, что путь на Константинополь идет через привлечение к совместной борьбе народов Юго-Восточной Европы как оружия против Порты.

В конце 20-х гг. XIX в. началась Греческая война за независимость. Заключение мирного договора в Адрианополе в 1829 г. было воспринято австрийской стороной как «катастрофа» и как экстремальная опасность Порте со стороны России. Эта позиция привела австрийского канцлера Меттерниха к острому противостоянию с русским царем, но пока еще Россия, как и Австрия, полагала необходимым сохранение Порты и предпочитала поддерживать «больного человека на Босфоре», как тогда стали называть Турцию⁵. Восстановление Священного альянса в Мюнхенграце и Берлине осенью 1833 г. выражало готовность к совместной работе⁶.

В 30-40-е гг. XIX в. в русском обществе, запуганном реакцией правительства на события 1825 г., начинают возникать первые слабые ростки либерального оппозиционного движения. В России в интеллектуальных кругах образуется слой «интеллигенции». Влияние этой группы, правда, оставалось ограниченным преимущественно университетскими кругами и аристократическими салонами, так как именно там формировалась духовная оппозиция к господствующему в России «полицейскому режиму».

Не рискуя прямо выступать против порядков, установившихся при Николае I в самой России, вся сила критической мысли была направлена на союзницу России по консервативному союзу в Европе – Австрийскую империю и ее «полицейский режим», связанный в общественном мнении с именем австрийского канцлера Меттерниха. Именно его обвиняли во всех тех негативных явлениях, которые утвердились в то время и которые переносились на саму Австрию и ее жителей: застой в политической и общественной жизни, преследованиях за политические убеждения, жесточайшей цензуре, отказе от прогресса и гражданских свобод. Меттерниху бросали упреки даже в том, что вся российская политика, в том числе император Николай I и глава внешнеполитического ведомства К. В. Нессельроде, находились под его непосредственным влиянием⁷.

П. В. Анненков (1813–1887) – русский литературный критик – делился своими впечатлениями о пребывании в Вене во времена Меттерниха: «Зиму 40–41 годов мне привелось прожить в

меттерниховской Вене. Нельзя теперь почти и представить себе ту степень тишины и немоты, которые знаменитый канцлер Австрии успел водворить, благодаря неусыпной бдительности за каждым проявлением общественной жизни и беспредельной подозрительности к каждой новизне на всем пространстве от Богемских гор до Байского залива и далее. Бывало, едешь по этому великолепно обставленному пустырю, как по улице гробниц в Помпее, посреди удивительного благочиния смерти, встречаемый и провожаемый призраками в образе таможенников, паспортников, жандармов, чемоданщиков и визитаторов пассажирских карманов»⁸.

Хотя в русском обществе в XIX в. существовал лишь небольшой слой интеллектуалов, ситуация меняется лишь к концу столетия. Именно эта группа несла ответственность за то, что еще до Крымской войны их публикации привели к первому интеллектуальному противостоянию с Габсбургской монархией. «Славянская тема» становится невероятно популярной в общественной жизни России, а «славянский вопрос» только усиливает антиавстрийские настроения. Панславистский миф изначально формировался на основе воображаемого «славянского мира», в котором Россия играет цивилизационную роль, а также устойчивого представления о безусловной преданности и любви к ней всех славян, независимо от подданства и конфессии. Панславянские идеалы получают теоретико-идеологическое обоснование в целом ряде трудов славянофилов – А. Д. Валуева⁹, А. Ф. Гильфердинга¹⁰, В. И. Ламанского¹¹, О. Ф. Миллера¹², А. С. Хомякова¹³ и др.

В 1848 г. Россия отправила около 140 000 чел. для защиты монархических интересов Европы против революционных движений. С этой помощью царь защитил габсбургское «ядро» от революционного влияния с Запада. Русский император отныне был абсолютно убежден в «вечной благодарности» Австрии за ее спасение, однако самое ближайшее время доказало, что он ошибался в своих ожиданиях.

Начавшаяся Крымская война 1853–1856 гг. показала всю глубину российско-австрийских противоречий в «Восточном вопросе», а поведение Австрии вызвало всплеск ненависти в России за ее «неблагодарность» и «предательство».

Император Николай I определял поведение Австрии в Восточном кризисе в письме князю М. Д. Горчакову от 1 (13) февраля 1855 г. двумя словами «коварство и обман»¹⁴. Необходимость охранять западную границу, лишила Россию возможности сосредоточить под Севастополем достаточные силы для отпора англо-французскому вторжению. Героически обороняемый Севастополь должен был пасть, потому что Австрия изменила «долгу благодарности и чести»¹⁵.

События Крымской войны способствовали популярности и росту влияния славянофильских идей на все слои русского общества. А. Ф. Тют-

чева – дочь великого русского поэта и дипломата Ф. И. Тютчева, состоявшая фрейлиной при супруге наследника русского престола, великой княгине Марии Александровне, 17 июля 1854 г. сделала следующую запись в своем дневнике: «Австрия всегда действовала коварно по отношению к России. Между ней и нами антагонизм, какой существует между собачьей и кошачьей природой. Мы глупы, когда даем себя обмануть лживыми уверениями дружбы»¹⁶.

Более взвешенную и объективную оценку Австрии могли дать только те очевидцы, которые получили возможность побывать в этой стране, наблюдать и анализировать ее жизнь в непосредственной близости. Впрочем, что касается политических оценок, они в большей степени оставались ангажированными. Ф. Ф. Торнау, назначенный военным посланником в Вену в 1856 г., писал в своих воспоминаниях о современном ему состоянии Австрии: «До 1848 г. различные австрийские народности, пользуясь полным равноправием, мирно прозябали одна возле другой; стараясь восстановить свою революцией потрясенную власть, правительство разбудило благодушно дремавший племенной антагонизм: славян вооружило против венгерцев; из чехов образовало полицейский надзор в немецких провинциях; славян, проявивших свою силу, повело путем скрытой германизации и пуше всего принялось косвенно теснить протестантов, составлявших в Венгрии религиозно-политический элемент, не допускавший открытого нарушения принадлежавших ему исторических прав»¹⁷.

Вскоре после начала волнений на Крите (1866–1867) Петербург обратил внимание на аннексионные планы Австрии в отношении Боснии и Герцеговины. Это произошло, когда австрийский посол в Петербурге Ревертера во время переговоров с А. М. Горчаковым попытался выяснить русскую позицию по этому вопросу. Ответ русского канцлера был ни обнадеживающим, ни категорически отрицательным, но по сути выражал определенную волю к сотрудничеству. Одновременно Горчаков заверил австрийского посла относительно состоявшейся в Москве в 1867 г. этнографической выставки, которая была организована Славянским благотворительным обществом, что русское правительство никоим образом не поддерживает «славянофильскую утопию»¹⁸.

В это время, когда политические отношения между Дунайской монархией и Российской империей после Парижского мира 1856 г. достигли своей первой низшей точки и ко времени австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г. уже традиционно оставались плохими, российское общественное мнение укрепилось благодаря улучшению ситуации с образованием и в существенной мере распространению газет и публицистики. Известно, что отдельные читатели часто идентифицируют свои политические взгляды с политической линией тех газет, которые они предпочитают читать.

В российском общественном мнении получила развитие форма панславистских представлений, в которой дихотомия «Россия – Австрия» оказалась заострена до идеи их альтернативного существования. Не только пресса панславистской направленности, но и издания либерального и демократического толка критически расценивали положение Австрийского государства и предсказывали его близкий крах. Газеты уделяли много внимания угнетенному положению австрийских славян, обвиняя в этом австрийское правительство. Естественно, наиболее резко позволяли себе высказываться панславистские издания. В публикациях на эту тему, как правило, повторялись два основных мотива: предательство во время Крымской войны и национальный сепаратизм как «роковая сила», которая «неизбежно влечет к гибели» австрийскую государственность. Австрию оценивали как государство, которое так и не смогло реализовать принцип империи: «Это не есть нация, в ней нет единого народа, а есть только народы». «Дикий анахронизм», в котором сосуществование народов объясняется лишь инерцией «законности»¹⁹. Как правило, «славянская взаимность» трактовалась как некая особая духовная связь, присущая сознанию каждого славянина. При этом подчеркивалась материальная «слабость» зарубежных славян, неразвитость их государственного опыта, неспособность к самостоятельным политическим действиям. После поражения австрийской армии в «молниеносной войне» с Пруссией в 1866 г. мало кто сомневался в близком крахе монархии Габсбургов.

В 1869 г. увидела свет работа идеолога панславизма Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», в которой доктрина русского панславизма была сформулирована с точки зрения геополитики и, по словам министра иностранных дел России в 1906–1910 гг. А. П. Извольского, «сделала много для создания в России воинственного настроения»²⁰.

Через призму «славянского вопроса» Данилевский рассматривал и проблему отношений России и Австрии, а также дальнейшие судьбы славянства. Ссылаясь на исторические примеры, он утверждал, что именно «славяне, без различия племен, всегда были самыми преданными подданными Австрии, – не только более верными, чем мадьяры, но даже, чем и сами немцы»²¹. Поэтому он видел вопиющую историческую несправедливость в том, что господствующее положение в империи Габсбургов занимали только два народа – немцы и венгры. Положение славянских народов Австро-Венгрии расценивалось им как угнетенное: «немецкой народности подчинены и принесены в жертву чехи, словенцы и далматы, ... ради мадьярского меньшинства угнетены словаки, русские, сербы, хорваты и румыны»²². Главный порок Австро-Венгерской империи заключался в том, что живущие в ней славяне «из всех народов пользуются наименьшими правами и беспрестанно приносятся в жертву немцам и мадьярам»²³.

Причина подобного положения заключалась в боязни правящих кругов предоставить широкие права славянским народам вследствие опасения, что эти народы установят тесные контакты с Россией, а это, в свою очередь, приведет к их выходу из состава империи.

«Славянский вопрос» в Австро-Венгрии согласно прогнозу, данному Данилевским в цикле статей «Война за Болгарию», должен был еще больше обостриться в связи с будущим присоединением к империи Боснии и Герцеговины, которые и на самом деле будут оккупированы Австрией в 1878 г. За 36 лет до Сараевского убийства Данилевский предупреждал, что «присоединение Боснии и Герцеговины к Австрии будет новым патроном динамита, подложенным под государственную систему Австрии»²⁴.

Самые роковые последствия для России имело добровольно взятое ею на себя ассистирование прусскому канцлеру Бисмарку в реализации его далеко идущих замыслов. Россия, заключив в 1859 г. договор о благожелательном нейтралитете с Францией, позволила Наполеону III в следующем году быстро расправиться с Австрией, а в 1866 г. правительство России, угрожая нападением на Австрию с тыла, допустило разгром своего многолетнего партнера-союзника, руководствуясь настроением, высказанным еще в 1853 г. М. П. Погодиным: «Австрию выгоднее иметь нам врагом, нежели другом, выгоднее во всех отношениях»²⁵. Подобная политика в конечном итоге способствовала возникновению в центре Европы германо-австрийского военно-политического блока с антироссийским острим.

Не в последнюю очередь страхи перед панславизмом двигали министром иностранных дел Австро-Венгрии Дьюлой Андраши, когда он попытался достигнуть в Вене взаимопонимания с русским послом Евгением Новиковым. Однако на открытое соглашение по Боснии и Герцеговине русское правительство, несмотря на достигнутое соглашение с Австрией в 1872 г. и подписание в 1873 г. Союза трех императоров, все же не пошло. Слишком большое влияние уже оказывало русское общественное мнение на внешнюю политику.

Русская общественность с восторгом приняла весть об отмене пункта о нейтрализации Черного моря в октябре 1870 г. (при поддержке Пруссии во время Франко-прусской войны) и подтверждении этого акта на Лондонской конференции в январе 1871 г. Однако реакция на заключение Союза трех императоров с Германией и Австро-Венгрией в 1873 г. оказалась не столь однозначной и продемонстрировала противоположность взглядов консерваторов (выступавших за восстановление альянса трех восточных империй, борьбу с революционными волнениями и сохранение политической стабильности) и панславянских кругов, которые заклинали «миссией» России как освободительницы и объединительницы всех славян и считали, подобный союз «предательством национальных интересов» России²⁶.

Балканский кризис 1870-х гг. привел к новому обострению российско-австрийских отношений. При дворе усилилась так называемая «партия действия», одним из приверженцев которой был граф Н. П. Игнатъев и которая выражала яростный антиавстрийский диктат.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. должна была, по мнению Игнатъева и его сторонников, привести к новой организации Балканского полуострова. Балканы должны были стать сферой исключительного влияния России и находиться под военным и моральным протекторатом царя. Однако эти мечты могли быть осуществлены лишь частично. Когда во время переговоров на Берлинском конгрессе Австро-Венгрия и Англия выступили против притязаний России, консервативная русская пресса заявила о «жесточайшем разочаровании». В общественном мнении наметилась жесткая схема «друг–враг», в которой Австро-Венгрия и Англия были причислены к «самым яростным врагам» России.

Результаты Берлинского конгресса в целом в русской прессе комментировали с глубоким разочарованием. Ненависть и возмущение были направлены на двух главных противников русской империи – Англию и Австро-Венгрию. Относительно балканских славян в консервативной прессе господствовало убеждение, что русскому престижу было нанесено серьезное поражение на Берлинском конгрессе. Оккупация Боснии и Герцеговины в сентябре – октябре 1878 г. вызвала в прессе угрозы и воинствующие планы в отношении Австро-Венгрии.

После убийства Александра II и вступления на престол его сына Александра III в России стала заметной наступившая в общественной жизни «реакция». Эти меры благоприятствовали консервативной прессе и ограничивали многие либеральные издания. Михаил Никифорович Катков, редактор консервативных «Московских ведомостей», использовал это время для своей активной деятельности. В течение трех десятилетий усиливалось влияние славянофилов.

Между тем внешнеполитические цели Александра III существенно отличались от его предшественников. Завоевание Константинополя и окончательное овладение Проливами отнюдь не являлись больше определяющими задачами внешней политики России.

Новый министр иностранных дел России Н. К. Гирс нашел себе соответствующего партнера в лице министра иностранных дел Австро-Венгрии Г. Кальноки. Оба они стремились к предварительному сохранению Османской империи, но это ни в коем случае не служило доказательством согласия в их взглядах. События в Болгарии 1885 и 1887 гг. привели к распаду Союза трех императоров, и усилия обоих министров иностранных дел потерпели крах. Этот союз, который с 1881 г. продлился по инициативе Бисмарка и против воли австрийского министра иностранных

дел Гаймерле, не мог предотвратить антагонизм между Россией и Австрией²⁷.

В 1894 г. Гирс и Кальноки объединили свои усилия для вмешательства во внутренние дела Болгарии и Сербии. Соппротивление Болгарии и Австрии сделало невозможным усиление русского вмешательства в названные области. Панславизм в русском общественном мнении потерпел ущерб, а в Петербурге была организована кампания против «неблагодарных болгарских братьев», вынудившая официальную Россию обратить внимание на свою внешнеполитическую репутацию. Кроме того, в начале 90-х гг. XIX в. русские внешнеполитические интересы потребовали внимания на Дальнем Востоке.

Тяжелые потрясения в Османской империи 1895–1897 гг. и волнения на Крите, следствием которых стала война между Турцией и Грецией, вновь направили интересы Российской империи на Балканы²⁸. Наследники Гирса и Кальноки А. Б. Лобанов-Ростовский и А. Голуховский были вынуждены тут же вступить в игру. Принципом, о котором договорились две державы, был «отказ от интервенции». Летом 1896 г. стало очевидным, что в случае начала войны на Балканах этот принцип не сможет предотвратить конфликт. В августе 1896 г. Николай II заторопился в Вену, а примерно год спустя Франц Иосиф совершил ответный государственный визит в Петербург²⁹.

Целью переговоров было объемное соглашение по Балканам, которое и было заключено в 1897 г. сроком на 10 лет. На некоторое время настроения русской прессы несколько улучшились. Существенную роль в этом сыграли внутренние волнения в самой России и ее экспансия на Дальнем Востоке. На рубеже XIX–XX столетий Балканы начинают играть заметно менее значимую роль в русских внешнеполитических проектах и в газетных статьях. Назначенный в 1897 г. министром иностранных дел М. Н. Муравьев и его наследник В. Н. Ламздорф рассматривали союз с Австро-Венгрией и ее внутренние национальные волнения как гарантию того, что Россия сможет сосредоточиться на своем продвижении на Дальнем Востоке.

Отношения между Россией и Австрией на рубеже столетий, несмотря на заключенный союз 1897 г., были в большей степени окрашены недоверием, чем стремлением к широкому сотрудничеству. В то время как Вена жаловалась на панславянскую агитацию в русской общественности, Петербург упрекал Габсбургскую монархию в ее чрезмерной экономической активности на Балканах. «Македонский кризис» вынудил в 1902 г. обе империи к поиску нового пути к взаимодействию. Министр иностранных дел Ламздорф был вынужден лично защищать от нападок русской прессы свою совместную работу с Австро-Венгерской монархией в «македонском вопросе». Одновременно он резко осуждал воинствующую славянофильскую прессу и называл Н. П. Игнатьева «отцом лжи». Можно также благодарить установившееся согласие между Ламздорфом и послом Австро-Вен-

грии в России А. Л. фон Эренталем за то, что убийство сербского короля Александра Обреновича и династический кризис, приведший к воцарению сербской династии Карагеоргиевичей в 1903 г., не привели непосредственно к ухудшению отношений между Австрией и Россией. Осенью 1903 г. оба монарха и их министры иностранных дел собрались в Шенбрунне и в Мюрцштеге, результатом чего стало принятие Мюрцштегской программы³⁰.

Сербы до 1903 г. были вынуждены следовать проавстрийской политике³¹. Со сменой династии они изменяют и вместе с прорусски настроенными Карагеоргиевичами и отношение к Габсбургам. Великосербское движение не просто выражало прорусский курс, но и выступало как открытая оппозиция против преобладания немецкого и мадьярского элементов в дунайской монархии.

Вспыхнувшая в 1905–1907 гг. революция в России отвлекла общество от событий на Балканах. Дарованные населению «гражданские свободы» включали в себя и «свободу прессы», в которой все чаще стали обсуждаться внешнеполитические вопросы. Постоянно мелькали сюжеты, направлявшие общественное мнение по пути поиска заговоров и подстрекательной политики. В 1909 г. в Министерстве иностранных дел создается отдел по взаимодействию правительства с общественным мнением³².

«Возвращение России в Европу» после азиатской авантюры означало одновременное восстановление панславистских представлений в общественном мнении, «ренессанс славянской идеи». Новый идеологический тренд все острее направлял критику на Мюрцштегскую программу. Австрийско-сербская таможенная война 1906 г. стала исходным пунктом начавшегося «крестового похода» прессы против Австрии.

Аннексия Веней Боснии и Герцеговины в 1908 г. стала непосредственной причиной Боснийского кризиса и вызвала резко негативную реакцию со стороны России. Однако Россия, ослабленная войной с Японией и революцией, не могла воевать, особенно с учетом того, что из Берлина прозвучали заверения в безоговорочной верности Германии союзу с Дунайской монархией.

Общественное мнение России целиком стояло на стороне балканских славян и требовало выступить в поддержку Сербии. Газеты требовали встать на защиту славян и начать «крестовый поход» против германизации. Габсбургскую монархию называли просто «лоскутной империей» и организовывали дискуссии о дальнейшей судьбе народов и территорий после ее распада³³. Однако российское правительство было вынуждено признать, что Россия к войне не готова.

Лидер партии кадетов П. Н. Милюков писал, что «ряд этих неудач – свидание в Бухлау, аннексия, австрийский и германский ультиматумы и безусловная сдача России, произвел огромное и тяжелое впечатление в русском обществе всех направлений»³⁴. Действия Австро-Венгрии и Германии вызвали чувство глубокой вражды к

Вене и Берлину и заставили тех, кто до сих пор колебался и сомневался, искать более тесного союза с западными державами и особенно с Англией.

Неославизм обозначил исход Балканского кризиса 1909 г. и стал краеугольным камнем для развития отношений между Габсбургской монархией и Российской империей в начале XX в. Аннексионный кризис рассматривался как последний камень в мозаике, который летом 1914 г. однозначно привел к войне. Исход Первой мировой войны завершил австро-русские отношения, однако не победой одного из противников, а разрушением империй и исчезновением обоих противников с политической карты Европы. Не последнюю роль в этом сыграло общественное мнение, которое усиливало радикализацию межгосударственных отношений России и Австро-Венгрии.

Примечания

- 1 См.: *Медяков А. С.* История международных отношений в Новое время. М. : Просвещение, 2007. С. 149.
- 2 См.: Вена в русской мемуаристике : сборник материалов / сост. Е. В. Суровцева. Казань : Бук, 2016. 151 с.
- 3 *Unckel B.* Österreich und die Krimkrieg. Studien zur Politik der Donaumonarchie in den Jahren 1852–1856. Lübeck-Hamburg : Historische Studien, 1969. S. 35.
- 4 *Beer A.* Die orientalische Politik Österreichs seit 1774. Prag-Leipzig : G. Freytag, 1883. S. 1–3.
- 5 *Srbik H. R.v.* Metternich : Der Staatsmann und der Mensch. 3 Bde. München : F. Bruckmann, 1925. Bd. 1. S. 639.
- 6 Ibid.
- 7 См.: *Герцен А. И.* Россия и Польша // Собр. соч. и писем : в 30 т. Т. 14 : 1954–1966. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 7–60.
- 8 *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М. : Художественная литература, 1983. С. 188.
- 9 См.: *Валуев А. Д.* Начало славянофильства. М. : Институт русской цивилизации, 2010.
- 10 См.: *Гильфердинг А. Ф.* Россия и славянство. М. : Институт русской цивилизации, 2011.
- 11 См.: *Ламанский В. И.* Геополитика панславизма. М. : Институт русской цивилизации, 2010.
- 12 См.: *Миллер О. Ф.* Славянство и Европа. М. : Институт русской цивилизации, 2012.
- 13 См.: *Хомяков А. С.* Всемирная задача России. М. : Институт русской цивилизации, 2011.
- 14 *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889. С. 123.
- 15 Там же.
- 16 *Тютчева А. Ф.* Воспоминания : При дворе двух императоров. Дневник. М. : Захаров, 2016. С. 173.
- 17 *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания барона Ф. Ф. Торнау [Вена, 1859]. М. : АИРО-XXI, 2017. С. 219–220.
- 18 *Revertera an Beust am 6. / 18. Mai 1867 // Winter E.* Der Panslavismus nach den Berichten der österreichisch-ungarischen Botschafter in St. Petersburg (= Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften in Prag). Prag : Deutsche Akad. der Wissenschaften in Prag, Reichenberg, Kraus, 1944. S. 8.
- 19 Московские ведомости. 1866. № 135, 29 июня ; № 140, 7 июля, № 145. 12 июля.
- 20 *Извольский А. П.* Воспоминания / пер. с англ. М. : Междунар. отношения, 1989. С. 103.
- 21 *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа // Классика геополитики, XIX век : сб. / сост. К. Королев. М. : АСТ, 2003. С. 537.
- 22 *Данилевский Н. Я.* Война за Болгарию // *Данилевский Н. Я.* Горе победителям : Политические статьи. М. : Облиздат, 1998. С. 168.
- 23 *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа... С. 535.
- 24 *Данилевский Н. Я.* Война за Болгарию... С. 168.
- 25 Цит. по: *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб. : Колос, 1913. С. 98.
- 26 *Carlgren W. M.* Iswolsky und Aehrenthal vor der bosnischen Annexionskrise. Russische und österreichisch-ungarische Balkan Politik. Uppsals : Almqvist und Wiksell, 1955. S. 8.
- 27 Ibid. S. 4.
- 28 *Langer W. L.* The Diplomacy of Imperialism 1890–1902. N. Y. : A. A. Knopf, 1968. P. 145–149, 195–201.
- 29 Ibid. P. 373–775.
- 30 См.: *Рыбаченок И. С.* Последний бастион. В. Н. Ламздорф и Мюрцштегское соглашение 1903 года // Российская дипломатия в портретах / под ред. А. В. Игнатьева, И. С. Рыбаченко, Г. А. Санина. М. : Междунар. отношения, 1992.
- 31 *Markov W. M.* Serbien zwischen Österreich und Rußland 1897–1908 (Beiträge zur Geschichte der nachbismarckischen Zeit und des Weltkrieges). Stuttgart : W. Kohlhammer, 1934. S. 1–3.
- 32 См.: *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910 гг. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 76.
- 33 См.: Новое время. 1908. 25 сент. 1909. 15 и 16 марта.
- 34 *Милюков П. Н.* Балканский кризис и политика А. П. Извольского. М. : Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1910. С. 305.

Образец для цитирования:

Сироткина Е. В. Образ Австрии в общественном мнении России в XIX – начале XX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 364–369. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-364-369>

Cite this article as:

Sirotkina E. V. The Image of Austria in Russian Public Opinion in the XIX – Early XX Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 364–369 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-364-369>

УДК 94(55+56):20]

Иран и «арабская мирная инициатива» по Сирии

А. В. Баранов

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, baranovav@mail.ru

В статье на основе иранских и арабских источников анализируется формирование «арабской мирной инициативы» по Сирии, которая должна была положить конец сирийскому кризису 2011 г. силами региональных государств. Рассматривается участие Ирана, ближайшего союзника Сирии в регионе Ближнего Востока, его реакция и эволюция подхода к «арабской инициативе» по мере ее реализации, восприятие достижений и сложностей, связанных с реализацией положений данной «арабской инициативы», и критика Ираном отхода от начальной трактовки «инициативы» Катаром и Саудовской Аравией.

Ключевые слова: Ближний Восток, «арабская мирная инициатива», Иран, Сирия, Катар, Турция, Россия, Исламское пробуждение, Арабская весна, Али Хаменеи, Башар аль-Асад.

Поступила в редакцию: 24.02.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Iran and the «Arab Peace Initiative» on Syria

A. V. Baranov

Alexey V. Baranov, <https://orcid.org/0000-0003-3351-9258>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, baranovav@mail.ru

Based on Iranian and Arabian sources, the article analyzes the formation of the «Arab peace initiative» on Syria, which was supposed to put an end to the 2011 Syrian crisis by regional states. The participation of Iran, the closest ally of Syria in the Middle East region, its reaction and the evolution of the approach to the «Arab initiative» as it is being implemented, is examined. An analysis is given of Iran's perception of the achievements and difficulties associated with the implementation of the provisions of this «Arab initiative», and Iran's criticism of the departure from the initial interpretation of the «initiative» by Qatar and Saudi Arabia.

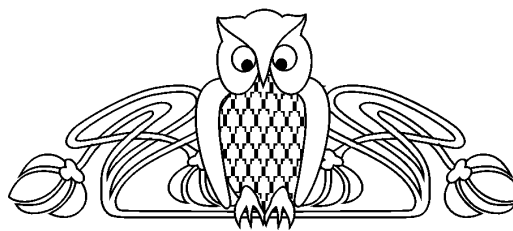
Keywords: Middle East, «Arab peace initiative», Iran, Egypt, Qatar, Turkey, Russia, Islamic awakening, Arab Spring, Ali Khamenei, Bashar al-Assad.

Received: 24.02.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-370-374>

«Сирийская весна» закончилась в октябре 2011 г.¹. Именно в это время Тегеран пытался

реагировать на «сирийскую весну» в рамках выдвинутой аятоллой Али Хаменеи концепции «Исламского пробуждения»², в основе которой лежали принципы антиамериканизма, антисиионизма и панисламизма. К октябрю 2011 г. в Тегеране стало ясно – «сирийская весна» не вписывается в общее русло «Исламского пробуждения». Мало того, ситуация стремительно выходила из-под контроля. Ирану не удалось сохранить видимый нейтралитет во внутрисирийском конфликте, наладить диалог с оппозицией и не допустить выхода конфликта за национальные рамки. Сирийский кризис вышел на региональный уровень и имел все шансы стать глобальным.

Большая «заслуга» в интернационализации сирийского кризиса принадлежит Турции, которая одна из первых на мировой арене активно принялась поддерживать сирийскую оппозицию. Однако попытки официальной Анкары выступать в качестве советника, наставника и выразителя интересов сирийской оппозиции в диалоге с Дамаском натолкнулись на провал ее политики по организации разношерстной «публики» в рамках единой структуры, призванной представлять весь сирийский народ на международной арене.

Все вышесказанное открывало возможность допуска к процессу урегулирования сирийского кризиса региональные организации, где ведущие позиции находились у Лиги арабских государств (ЛАГ).

В повестку дня ЛАГ сирийский кризис попал в середине сентября 2011 г., когда главы МИД стран-членов ЛАГ провели встречу по Сирии и обсудили визит генсека организации Набиля аль-Араби в Дамаск, где тот встретился с Башаром аль-Асадом. В ходе этой встречи генсек ЛАГ изложил свой план по урегулированию конфликта, содержащий также и предложения о проведении реформ в стране. Саммит глав МИД стран-членов ЛАГ 13 сентября 2011 г. одобрил инициативу генсека и призвал стороны конфликта к проведению двусторонних переговоров по прекращению кровопролития в стране. Арабский план по мирному урегулированию конфликта вызвал положительный отклик у сирийских властей. Документ, переданный сирийской делегации в Дохе от имени ЛАГ 30 октября, был обнародован на следующий день. Согласно этому плану, получившему название «арабская инициатива», предусматривался ряд мероприятий, которые должны были вывести конфликт к мирному разрешению

при посредничестве ЛАГ. «Инициатива» исключала создание над Сирией бесполетной зоны, а также приграничной зоны безопасности, как на том настаивала Турция. Центральным моментом «инициативы» должен был стать национальный диалог между враждующими сторонами конфликта – властями страны и оппозицией в Каире. Для этого предусматривалось осуществление следующих шагов: прекращение столкновений, насилия и кровопролития; вывод армейских подразделений и бронетехники из жилых кварталов, охваченных столкновениями; проведение в стране политических реформ, совокупно с широкой политической амнистией, как политзаключенным, так и боевикам; допуск в страну представителей ЛАГ и международной прессы. Обсуждение реакции официального Дамаска на предложение ЛАГ должно было пройти 2 ноября 2011 г. в Каире на встрече ЛАГ. Внутри ЛАГ был создан спецкомитет, который должен был отслеживать ситуацию и составлять отчеты для министерского совета о прогрессе в реализации плана.

В соответствии с пунктами «арабской инициативы» МВД Сирии 4 ноября 2011 г. объявило амнистию тем, кто сдаст свое оружие в период с 5 по 12 ноября. Параллельно сирийская армия начала вывод своих подразделений из жилых городских кварталов, в тех населенных пунктах, где уже были завершены контртеррористические операции (КТО). Это не распространялось на районы, где операции продолжались, а именно район Баба Амр в Хомсе, ряд районов в Хаме, Дераа и на севере провинции (мухафазе) Идлиб в гористом районе Джебель аль-Завия на границе с Турцией, что дало возможность сирийской оппозиции обвинить власти в нарушении заявленного соглашения.

В этом отношении вполне прогнозируемым оказался результат министерской встречи ЛАГ в Каире 12 ноября 2011 г. Подавляющее большинство из 22 членов организации проголосовало за приостановку членства Сирии в ЛАГ. «За» проголосовало 18 стран, Ирак при голосовании воздержался, и только Ливан с Йеменом голосовали «против». Сирия в голосовании не участвовала. В итоговом заявлении ЛАГ призвала Дамаск остановить убийства гражданских лиц, а также ввела экономические и политические санкции против правительства аль-Асада, призвав государства-члены ЛАГ отозвать своих послов из Дамаска.

Иран не мог остаться в стороне и не поддержать своего союзника в такой тяжелой ситуации. Комментируя действия ЛАГ, спикер МИД Исламской Республики Иран (ИРИ) Рамин Мехманпараст заявил 14 ноября 2011 г., что решение о приостановке членства Сирии лишь усложняет проблему, а не решает. С точки зрения Ирана, для выработки полноформатного решения, необходимо придерживаться нескольких принципов. Во-первых, следует учитывать суть происходящих событий в различных странах региона; во-вторых,

воздерживаться от политики и подходов двойных стандартов; в-третьих, не допускать вмешательства внерегиональных держав. «Следовательно, – делает вывод представитель МИД ИРИ, – необходимо принимать меры, которые будут способствовать установлению мира и реализации потенциала для диалога»³. По мнению Тегерана, нужно предпринимать шаги, способствующие успешному претворению в жизнь заявленных реформ, а не нагнетанию ситуации. Действия ЛАГ в данный момент, могут лишь облегчить вмешательство в урегулирование сирийского кризиса внерегиональных сил.

Выстраивая свои отношения с Сирией, Иран исходил из того, что власть Башара аль-Асада продолжает оставаться легитимной в глазах многих сирийцев. И как заявлял иранский посол в Ливане Газанфар Рокнабади на встрече с представителями Хезбаллы в Бейруте, «то, что мы наблюдаем в сегодняшней Сирии, это присутствие на улицах сирийских городов более половины населения страны, вышедших поддержать сирийского президента Башара аль-Асада, выступить против США, Сионистского режима и вооруженных террористов»⁴. Рокнабади также пояснил, что иранский народ и Лидер Исламской революции, в рамках фронта сопротивления США и Сионистскому режиму будут поддерживать любого, кто присоединится к фронту сопротивления. Следовательно, Иран поддержит Сирию, являющуюся одним из столпов этого фронта сопротивления.

Приход к власти представителей сирийской оппозиции не сулил ничего хорошего Ирану. Это можно было понять из большого интервью главы Сирийского Национального Совета (СНС) Бурхана Гальюна, который признался, что после падения аль-Асада он дистанцируется от антизападного Ирана и Хезбаллы, переориентировавшись на сближение с ЛАГ, а также странами Персидского залива. Он также поддержал идею о полной международной изоляции Сирии, потребовав большего участия мирового сообщества, которое должно обеспечить создание бесполетной зоны, а также буферной зоны, которые будут служить защитой для мирного населения страны. «Мы уверены, что сирийскому народу под силу самому свергнуть режим, не прибегая к поддержке извне, как это произошло с режимом Саддама Хуссейна в Ираке», заявил в итоге лидер сирийской оппозиции⁵.

В противовес позиции ЛАГ маджлис Ирана 13 декабря 2011 г. принял законопроект о свободной торговле с Сирией⁶. Подписание 18 декабря 2011 г. межгосударственного соглашения о свободной торговле стало мощным пропагандистским шагом Ирана на фоне проводимой странами ЛАГ политики санкций и аннулирования 1 декабря Турцией аналогичного соглашения с Сирией.

Сирия, не принявшая ультиматум ЛАГ до 4 декабря, на сессии глав МИД стран-членов ЛАГ в Дохе 17 декабря 2011 г. была подвергнута

критике. Было принято решение передать сирийское досье на рассмотрение в СБ ООН. Объясняя данный шаг организации, глава спецкомитета ЛАГ по Сирии Шейх Хамад бин Джассем Аль-Тани обвинил Дамаск в нежелании сотрудничать и «затягивании» решения о принятии предложения ЛАГ по отправке миссии наблюдателей в Сирию. Проект резолюции должен был быть рассмотрен на следующей встрече глав МИД стран ЛАГ в Каире 21 декабря. Однако 16 декабря 2011 г. в СБ ООН был внесен российский проект по Сирии, сильно удививший западных партнеров, так как до этого Россия только ветировала вносимые проекты, выступая против любого международного давления на режим Башара аль-Асада. В проекте содержался призыв к немедленному началу внутрисирийского диалога между правительством и оппозицией. Не предусматривалось введение санкций против Дамаска, так как Российская Федерация рассматривает их как неэффективное средство⁷. Внесенный российский проект так и не дошел до голосования, так как 19 декабря глава МИД Сирии Валид аль-Муаллем в Дамаске объявил о готовности правительства подписать соглашение с ЛАГ о направлении ее миссии наблюдателей по контролю за мирным диалогом между правительством и оппозицией Сирии.

Генсек ЛАГ Набиль аль-Араби, сообщая о подписании протокола с Дамаском, заявил, что первые члены этой миссии прибудут в сирийскую столицу уже 22 декабря, а полностью она приступит к работе с 26 декабря. Общая численность миссии составит 150 чел. По соглашению с Дамаском миссию возглавит представитель Судана, генерал Мохаммад Ахмед Мустафа аль-Даби, который будет отслеживать свободу передвижения миссии по стране, свободу общения с населением, доступ к заключенным и раненым в госпиталях. Миссию будут также сопровождать журналисты. Обеспечивать безопасность и принимать делегацию ЛАГ будет правительство Сирии. По заявлению официальных властей наблюдателям будет открыт доступ во все районы страны без ограничения.

Предварительный доклад Мохаммад аль-Даби представил ЛАГ 7 января 2012 г. и на основе его рекомендаций ЛАГ утвердила решение о продолжении деятельности миссии до представления первого полного отчета 19 января 2012 г., признав работу миссии удовлетворительной.

Первые выводы, сделанные наблюдателями и обнародованные главой миссии, были обескураживающими для оппозиции, тем более, что даже генсек ЛАГ Набиль аль-Араби признал публично факт сотрудничества сирийских властей и начало отвода бронетехники в места их постоянной дислокации. Правдивость информации, передаваемой оппозицией, была поставлена под сомнение.

Пожалуй, апофеозом возмущения деятельностью миссии ЛАГ можно назвать статью Дианы Мукаллед в саудовской газете, где она «раскрити-

ковала» присутствие наблюдателей ЛАГ в Сирии. По ее словам, несмотря на объявленный вывод танков с улиц городов, там «продолжаются расстрелы снайперов и убийства мирных граждан. Наблюдатели больше недели находятся в Сирии, но они не видят то, что видит весь остальной мир на экранах своих ТВ: тела детей, распростертые у дверей своего дома, жертвы пыток и т. д. Почему наблюдатели не слышат жалоб сирийцев на страдания, горе и потери? Разве не должны наблюдатели об этом говорить, документировать и осуждать? Это определенно не говорит об успешности миссии»⁸.

Оппозиция пыталась объяснить «живучесть» режима Башара аль-Асада активной поддержкой со стороны союзников, главным образом, Ирана. «Проблема» заключалась в том, что за все время «сирийской весны» дальше слухов о присутствии иранских военных специалистов дело не шло. Решение было найдено в захвате иранских граждан, которые находились на территории Сирии и обвинении их в работе на спецслужбы. Первое похищение иранских граждан произошло 20 декабря 2011 г. в пригороде г. Хомс. Иранское посольство в Дамаске 22 декабря 2011 г., признало факт захвата 5 иранских инженеров и 2 техников в окрестностях Хомса⁹, где велись работы по строительству электростанции «Джандар» на протяжении последних двух лет. В январе 2012 г. похищения продолжились.

Теперь для освобождения иранских граждан Тегеран был вынужден активнее участвовать в урегулировании сирийского кризиса, углубляя свое сотрудничество с официальными властями Сирии.

Своеобразная «охота» на иранских граждан со стороны сирийской оппозиции была призвана доказать факт военного участия в подавлении антиправительственных протестов, а следовательно, вмешательства Ирана во внутренние дела Сирии, что давало возможность обращения в международные организации. Однако Тегеран со своей стороны развил активную дипломатическую деятельность, в которой не только защищался, но и не менее активно обвинял в тех же самых грехах своих оппонентов.

Иран, поддерживая «арабскую инициативу», заявлял, что ее реализация давала возможность правительству Башара аль-Асада осуществлять заявленные реформы в соответствии с требованиями сирийского народа. Поэтому и миссию наблюдателей ЛАГ в Тегеране приветствовали.

Комментируя деятельность миссии наблюдателей и ее первые итоги, иранские эксперты признавали, что сам факт согласия сирийских властей и начало деятельности наблюдателей уже являлся большим шагом вперед на пути признания международным сообществом приверженности Сирии к мирному урегулированию кризиса. Свидетельством решимости сирийских властей идти по пути реформ, по мнению Хоссейна Сабах-Зангане¹⁰,

является речь Башара аль-Асада 10 января 2012 г., произнесенная им в Дамасском университете.

Если с точки зрения Ирана миссия наблюдателей ЛАГ, как и сама «арабская инициатива», давала возможность для мирного урегулирования сирийского кризиса, то подходы арабских «партнеров» были диаметрально противоположными.

На саммите ЛАГ 22 января 2012 г. в Каире с отсрочкой все же был заслушан доклад главы миссии наблюдателей ЛАГ в Сирии Мохаммада аль-Даби, и принята резолюция по пролонгации деятельности миссии на месяц – до 26 февраля 2012 г. с расширением ее численности до 200 чел. Однако данное решение вызвало неприятие у ряда делегаций, выступивших с критикой деятельности Мохаммада аль-Даби. В знак протеста Королевство Саудовская Аравия (КСА) отозвала своих представителей из миссии наблюдателей ЛАГ в Сирии. МИД КСА Сауд аль-Фейсал заявил: «Моя страна отзывает своих наблюдателей, потому что сирийские власти не выполнили ни одного условия арабского мирного плана»¹¹. 24 января 2012 г. союзники КСА по Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива (САГПЗ) присоединились к демаршу Рияда об отзыве своих представителей в миссии наблюдателей. 3 февраля к ним присоединилась Иордания. Деятельность и само существование миссии наблюдателей ЛАГ в Сирии были дискредитированы и фактически «заморожены» решением ЛАГ от 28 января 2012 г.

Развитие ситуации вокруг деятельности миссии наблюдателей ЛАГ в Сирии не вписывалось в общую картину того, как это виделось из Тегерана. В отличие от ряда арабских стран Иран выступил с поддержкой доклада Мохаммада аль-Даби. Комментируя его, спикер МИД ИРИ Рамин Мехманпараст выразил надежду, что миссия ЛАГ в Сирии будет способствовать национальному примирению враждующих сторон. По словам дипломата, «доклад основан на технических фактах и относительно сбалансирован в отношении реалий, с которыми столкнулась группа в Сирии, что дает надежду на продолжение деятельности миссии в вопросе налаживания взаимопонимания и продвижения национального единения в стране»¹².

Далее Мехманпараст сказал, что ИРИ уважает суверенитет и территориальную целостность всех стран и верит, что наилучший путь для Сирии по выходу из нынешней ситуации – это поддержание национального диалога между различными политическими группировками страны.

В Иране не могли не вызывать тревогу воинственные заявления со стороны вооруженной сирийской оппозиции, ободряемой соответствующими антисирийскими резолюциями ряда региональных стран и стран Запада.

Вероятность внешнего вмешательства во внутренние дела Сирии, по мнению главы МИД ИРИ Али Акбара Салехи, оказалась, как никогда, высокой. Военное вмешательство в Сирии, по

мнению Салехи, «приведет к взрыву всего региона»¹³. Салехи был удивлен действиями ЛАГ, внесшей сирийский вопрос на обсуждение в СБ ООН, хотя миссия наблюдателей ЛАГ все еще находится в стране и потенциал ее ресурсной базы еще не исчерпан до конца. Единственное, что вызывает у него надежду, так это та решимость, с которой Китаю и России пока удается противодействовать западным заговорам, целью которых является раскол региона.

В этом отношении представляет особый интерес анализ ситуации, проделанный бывшим послом ИРИ в Сирии Хоссейном Шейхольисламом¹⁴, так как в его выкладках легко просматривается новый формат в урегулировании сирийского кризиса, который был заложен спустя несколько лет в Астане и получил название «астанинская тройка».

По мнению Шейхольислама, Иран после Исламской революции 1979 г. придерживается революционного курса в своей внешней политике. Это выражается в бескомпромиссной борьбе с сионистским Израилем, рассматриваемым Ираном как «империалистическая марионетка» США. Сирия, отказавшись от подписания Кемп-девидского мира, стала стратегическим союзником Ирана. Эти стратегические отношения сохраняются и сегодня.

Между тем Россия стала проявлять решимость играть влиятельную роль на Ближнем Востоке, защищая Сирию. После распада СССР русские ушли из региона. Однако падение режима в Ливии после бомбардировок НАТО заставило Россию «выйти из летаргического сна» и активизировать свою политику на Ближнем Востоке и Северной Африке.

ИРИ как близкий союзник Сирии мог бы выступить в качестве посредника между сирийскими властями и оппозицией, которая ориентируется на «братьев-мусульман» и Турцию. Это давало возможность прийти к выработке некоего решения, которое могло бы снять напряженность конфликта.

Таким образом, Иран способен был выступить инициатором по созданию политической площадки для запуска переговорного процесса. Но, предупреждает Шейхольислам, для этого необходимо пройти определенный путь, чтобы все заинтересованные стороны поняли безвыходность эскалации военного пути решения конфликта, и пока этот путь не будет пройден, недоверие между сирийскими властями и оппозицией может завести страну в еще большее кровопролитие. Соответственно, чем быстрее он будет пройден, тем скорее можно будет запустить предполагаемый мирный процесс, где Иран выступит одной из ведущих политических фигур.

Примечания

¹ См. подробнее: Баранов А. В. Отражение сирийских событий 2011 года на страницах «Аш-Шарк Аль-Аусат» // История и историческая память : межвуз. сб.

- науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2019. Вып. 18. С. 79–93.
- ² См. подробнее: *Баранов А. В.* Аятолла Али Хаменеи : «исламское пробуждение» versus «арабская весна» // *Нации и этничность в гуманитарных науках. Этнические, протонациональные и национальные нарративы : формирование и репрезентация* / под ред. А. Х. Даудова, С. Е. Федорова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 116-125.
  - ³ *Tehran criticizes Arab League over suspension of Syria* // *Tehran Times*. 2011. November 16. № 11297. P. 2.
  - ⁴ 'West intent on stirring civil war in Syria'. URL: <http://english.irib.ir/news/world/west-asia/item/83612-west-intent-on-stirring-civil-war-in-syria> (дата обращения: 30.11.2011).
  - ⁵ *Syrians censure Ghalioun's remarks*. URL: <http://english.irib.ir/news/world/west-asia/item/83883-syrians-censure-ghaliouns-remarks> (дата обращения: 05.12.2011).
  - ⁶ *Iran, Syria sign free trade pact*. URL: <http://en.mehrnews.com/news/49252/Iran-Syria-sign-free-trade-pact> (дата обращения: 18.12.2011).
  - ⁷ *UNSC to study Russian draft resolution on current dispute in Syria*. URL: <http://english.irib.ir/news/world/west-asia/item/84575-uns-c-to-study-russian-draft-resolution-on-current-dispute-in-syria> (дата обращения: 19.12.2011).
  - ⁸ *Moukalled D.* What are the Arab observers doing? // *Asharq Al-Awsat*. 2012. Jan 5. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/diana-moukalled/opinion/what-are-the-arab-observers-doing> (дата обращения: 05.01.2012).
  - ⁹ *Damascus spares no effort to find Iranian abductees* : *Walid Muallem*. URL: <http://en.mehrnews.com/news/49336/Damascus-spare-no-effort-to-find-Iranian-abductees-Walid-Muallem> (дата обращения: 25.12.2011).
  - ¹⁰ *Sabah-Zanganeh H.* Assad's speech marks beginning of new era. URL: <http://en.mehrnews.com/news/49662/Assad-s-speech-marks-beginning-of-new-era> (дата обращения: 20.01.2012).
  - ¹¹ *Saudi withdraws Syria monitors, urges world pressure* // *Asharq Al-Awsat*. 2012. Jan 22. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/saudi-withdraws-syria-monitors-urges-world-pressure> (дата обращения: 22.01.2012).
  - ¹² *Iran hopes Syria mission will help foster national unity*. URL: <http://en.mehrnews.com/news/49687/Iran-hopes-Syria-mission-will-help-foster-national-unity> (дата обращения: 24.01.2012).
  - ¹³ *Iran FM : Military meddling in Syria leads to explosion in region*. URL: <http://isna.ir/en/news/9011-09387/Iran-FM-Military-meddling-in-Syria-leads> (дата обращения: 05.02.2012).
  - ¹⁴ *Sheikholeslam H.* Iranian mediation can help end Syria crisis. URL: <http://en.mehrnews.com/news/49888/Iranian-mediation-can-help-end-Syria-crisis> (дата обращения: 05.02.2012).

Образец для цитирования:

Баранов А. В. Иран и «арабская мирная инициатива» по Сирии // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 370–374. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-370-374>

Cite this article as:

Baranov A. V. Iran and the «Arab Peace Initiative» on Syria. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 370–374 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-370-374>

УДК 321.01

Взаимодействие европейских регионов и национальных государств в сфере международных отношений: неудачный пример для России?

О. Б. Александров

Александров Олег Борисович, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД РФ, alexandrov-oleg@yandex.ru

Статья посвящена международным аспектам взаимодействия внутригосударственных регионов и национальных государств. С учетом российского опыта рассматривается ряд зарубежных моделей взаимодействия государства и внутригосударственных регионов. Показано негативное воздействие процесса глобализации как на национальные государства, так и на внутренние регионы. Цель статьи – проследить, как меняется модель взаимодействия государства и регионов под воздействием внешних факторов.

Ключевые слова: внутригосударственные регионы, глобализация, регионализация, глокализация.

Поступила в редакцию: 02.03.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Domestic Regions and Nation-States: Cooperation or Rivalry?

O. B. Aleksandrov

Oleg B. Aleksandrov, <https://orcid.org/0000-0002-7738-3367>, Moscow State Institute of International Relations, 76 Vernadsky prospekt, Moscow 119454, Russia, alexandrov-oleg@yandex.ru

The article is devoted to international aspects of interaction between domestic regions and national states. In the course of the research the author considers a number of foreign models of interaction between the state and domestic regions, compares them with the Russian experience, shows the negative impact of globalization process both on nation-states and domestic regions. The aim of the article is to show how the model of interaction between the state and regions is changing under the influence of external factors.

Keywords: domestic regions, globalization, regionalization, glocalization.

Received: 02.03.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-375-381>

Проблема взаимоотношения государства и его составных территорий с давних пор является предметом изучения историков, политологов, юристов и представителей ряда других общественных дисциплин. Наиболее интересными вопросами в контексте взаимоотношений государств

и отдельных регионов считались темы, связанные с проблемами сепаратизма, т. е. с проблемой распада государств на отдельные субъекты, выхода (сепессии) отдельных территорий из состава государства, роста числа непризнанных или частично признанных государств и т. д.¹. Однако во второй половине XX в. в международных отношениях было обнаружено довольно новое явление, суть которого – усиление роли внутригосударственных регионов как в вопросах внутренней политики отдельных государств, так и в вопросах международных отношений.

Именно международные аспекты взаимодействия государства и внутригосударственных регионов находятся в фокусе внимания автора данной статьи, так как их изучение позволяет поставить целый ряд научных и практических задач, главная из которых – каким образом вписать регионы во внешнеполитический процесс, учесть их интересы на международной арене, не создавая угрозы утраты государственного суверенитета, не нарушая целостность международной политики государства и не поощряя центробежные тенденции². Активная международная деятельность сначала европейских, а затем и российских регионов поставила перед экспертами два принципиальных вопроса – являются ли регионы субъектами международных отношений? субъектами международного права?³. Современные учебники по конституционному праву России и зарубежных стран дают утвердительные ответы на оба этих вопроса, однако остается ряд недостаточно освещенных тем, которые касаются как отдельных аспектов взаимоотношения государств и регионов в сфере международных связей, так и ряда концептуальных вопросов, связанных с проявлениями такого сложного явления современности, как регионализм.

Процесс усиления роли внутригосударственных регионов в мировой политике стал наблюдаться во второй половине XX в. Многие связывали его с пересмотром послевоенных границ, с особенностями реализации плана Маршалла и других политических и экономических мер, направленных на экономическое восстановление послевоенной Европы, выравнивание уровня жизни в различных странах и соседних регионах, а также с достижением политической задачи – взаимным примирением народов, которые сражались друг против друга в недавней войне.

Рост политического влияния регионов поставил вопрос о том, способны ли национальные

государства держать под контролем данный процесс. По мнению Майкла Китинга, еще в середине XIX в. национальные государства воспринимали регионы как препятствия на пути к достижению национальной идентичности и старались подавить региональное самосознание. Однако столетие спустя стало очевидно, что война с региональной идентичностью проиграна, что построение политически и культурно однородного национального государства – это утопия⁴. С тех пор регионы не только остались на завоеванных позициях, но и заметно укрепили их, поведя планомерное наступление на национальные государства с целью законодательно закрепить свою специфику и сохранить культурно-языковую и историческую автономию⁵.

С точки зрения классического неореализма (К. Уолтс, Д. Миршаймер и др.), государство и союзы государств рассматриваются как основные акторы в международных отношениях. При этом роль внутригосударственных регионов в процессе принятия внешнеполитических решений носит скорее вспомогательный характер⁶. Согласно неолиберальным подходам (Р. Кеохейн, Д. Най и др.) внешнеполитический процесс трактуется как сложный механизм согласования интересов различных групп влияния⁷. В этом контексте внутригосударственные регионы воспринимаются не как послушные исполнители воли государства, представляющие ему плечо и берущие на себя часть обязанностей в рамках реализации единого внешнеполитического курса, а как полноправные участники внешнеполитического процесса, чей голос влияет на общий расклад мнений и выработку внешнеполитического курса. Следует отметить, что усиление роли регионов в международных делах стало новым явлением, которое уже невозможно игнорировать. Чтобы лучше понять природу этого процесса, его движущие силы, требуется проанализировать наиболее распространенные формы взаимодействия государства и регионов в сфере международных отношений, сгруппировать их в определенные модели, учесть влияние международной среды и конкретно-исторических условий.

Стоит особо подчеркнуть, что в современном политическом дискурсе единого и общеупотребимого термина регион не существует. Эксперты под регионами понимают и группы стран, объединенных географическими, историческим и политическими характеристиками (Европа, Латинская Америка, Ближний Восток и т. д.), и культурно-исторические регионы (Балканы), а также целый ряд других регионов (Алтай, Таймыр, Кубань и т. п.), существующих внутри границ одного государства, но не обладающих определенным правовым статусом. Представители неолиберальной школы под регионами понимают как регионы традиционного типа, так и регионы нового типа – территории и части отдельных государств, которые вносят несоизмеримо боль-

шой вклад в мировую экономику, своеобразные инновационные площадки, на которых обеспечивается прорывной технологический рост тех или иных государств (Кремниевая долина, Бангалор, Тойота-сити и т. д.).

Пользуясь ведущей ролью в мировых экономических процессах, так называемые «новые регионы» добились высокого статусного положения внутри своих государств. Особый статус пытаются закрепить за собой экономически преуспевающие регионы традиционного типа (Бавария, Рона-Альпы, Северный Рейн-Вестфалия, Ломбардия). Наиболее активные из них ставят вопрос о выходе из состава национального государства или ином радикальном изменении своего текущего политического статуса (Каталония, Шотландия). В рамках данной статьи под регионами понимаются преимущественно внутригосударственные регионы традиционного типа, а именно субъекты государств либо их административно-территориальные образования.

Наиболее заметным стал рост влияния регионов на внутри- и внешнеполитические процессы на фоне реализации проекта западноевропейской интеграции, целью которого изначально было подчинение интересов отдельных государств общим целям и введение надгосударственных уровней управления⁸. То, что в ослаблении государственного суверенитета в ходе европейской интеграции принимали деятельное участие сами государства, не должно нас вводить в заблуждение, так как наиболее активными лоббистами процесса евроинтеграции выступали крупнейшие европейские банки и корпорации, заинтересованные в создании европейского общего рынка без национальных границ. На этом фоне усиление беспокойства регионов за свое будущее в Европе со слабыми национальными государствами, а также страх утратить свои культурно-исторические особенности подтолкнул их к активным политическим действиям. В условиях нарастающего политического давления регионов на государство программа евроинтеграции была слегка скорректирована. Дальнейший курс на интеграцию должен отныне сопровождаться регионализацией Европы.

Весьма схожие цели преследовал и процесс глобализации, который по сути упразднил прежде незыблемые позиции национальных государств как основных участников международных отношений, ставил под сомнение их суверенитет, предлагал им согласиться с новой глобальной повесткой дня, в рамках которой национально-государственные элиты переходят на новый уровень глобального управления и подчиняют интересы своих государств общим целям глобальных элит⁹. Многие европейские внутригосударственные регионы на этом фоне не только «вспомнили» о своей культурно-языковой специфике, но и поставили задачу добиться усиления своей политической роли не только в европейском контексте, но и на международной арене.

Тем самым регионы открыли фронт борьбы с собственными государствами, борьбы изнутри, усиливая и без того заметные тенденции к ослаблению роли государства как главного субъекта международных отношений. Подобный двойной нажим на государства, ведущий к его эрозии, эксперты назвали термином *глокализация*, подразумевая под ним процесс перетекания полномочий государства как наверх, в глобальные структуры, так и вниз – на региональные и локальные уровни¹⁰. Выгодополучателями процесса упадка и деградации национальных государств выступают европейские глобалисты, представленные такими крупными политическими фигурами, как Жак Аттали, экс-директор ЕБРР, который является не только высокопоставленным чиновником, но и одним из идеологов глобализма. Политическая цель данной группы состоит в коренном преобразовании Европы из Европы национальных государств в Европу без государств с единой европейской идентичностью, что, по мнению сторонников данной идеи, будет способствовать ее процветанию¹¹. В ходе реализации глобального проекта регионы и идеологи регионализма выступают в качестве ситуативных или тактических союзников глобалистов.

Обратной стороной данного процесса должна стать окончательная утрата чувства Родины, вероисповедания, национальности, всеобщая победа космополитизма и нравственного релятивизма. По сути речь идет о закате исторической Европы, о котором рассуждали такие выдающиеся историки и публицисты, как Николай Данилевский, Освальд Шпенглер, Патрик Бьюкенен и Александр Панарин¹². Им вторит современный швейцарский мыслитель Юрген Граф, предупреждающий о грядущей духовной катастрофе Западной Европы¹³.

Представляется очевидным, что реализация проекта глобализации в его изначальном варианте не только подрывает суверенитет национальных государств, но и серьезно деформирует внутригосударственные регионы. Последние на короткой исторической дистанции выступают ситуативными союзниками процесса глобализации, который приносит им краткосрочные выигрыши в виде новых внутри- и внешнеполитических возможностей¹⁴. Однако в долгосрочной перспективе глобальное переустройство мира грозит им полным разрушением. Следует особо подчеркнуть, что в процесс конкуренции с государствами включились наиболее успешные регионы мира, которые используют свои конкурентные преимущества в экономике без границ. Если же предположить, что проект глобализации, за которым стоят влиятельные силы Запада, потерпит неудачу, то регионами, по всей вероятности, придется смирить свои политические амбиции.

Методология. Для ответа на вопрос, вынесенный в название темы, автор будет использовать элементы системного и сравнительного анализа. Очевидно, что внутригосударственные регионы

являются частью сложной системы, участниками которой выступают как они сами, так и национальные государства, группы государств и центры глобального управления. Элементы сравнительного анализа необходимы для сопоставления различных типов взаимодействия государств и внутригосударственных регионов как особых моделей. В рамках каждой модели по-своему решена проблема привлечения регионов к процессу принятия внешнеполитических решений, по-разному произведено распределения компетенций на осуществление внешнеэкономических связей. Основная задача исследования – показать, как происходил процесс взаимного приспособления национальных государств и регионов в сфере международных отношений.

Процедура исследования состоит в сопоставлении различных европейских моделей взаимодействия центра и регионов. Только лишь в Европе можно выделить как минимум несколько моделей взаимодействия центра и регионов в международных делах – германскую, австрийскую, швейцарскую, бельгийскую и российскую. Германская модель интересна тем, что прошла довольно длинный эволюционный путь с момента создания ФРГ и распределения полномочий между землями и федерацией. В соответствии с Основным законом ФРГ земли были наделены широкими полномочиями по развитию внешних связей. С течением времени и федерация, и земли пришли к согласию, что пределы полномочий земель нуждаются в конкретизации.

Так, еще в 1957 г. в Линдау было решено, что при заключении международного договора федерация обязана поинтересоваться мнением земли по данному договору, но не обязана учитывать это мнение при его подписании. Тем самым федерация отстояла свое право решающего голоса по вопросам выполнения международных обязательств. Тогда же был установлен принцип конкурирующей компетенции, согласно которому земли лишь до тех пор могут заключать договоры по отдельным аспектам внешних связей, пока федерация не урегулирует их в законодательном или договорном порядке. Подобная процедура согласования интересов федерации и земель ФРГ просуществовала до начала 1990-х гг., когда немецкие земли потребовали себе новых полномочий: давать согласие на передачу суверенных полномочий федерации на наднациональный уровень; представлять федерацию в органах ЕС в вопросах, относящихся к исключительной компетенции земель; учреждать представительства земель в Брюсселе и за рубежом. Практически по всем пунктам требований федерация пошла навстречу землям, отказав им лишь в праве открывать независимые политические представительства за рубежом. Таким образом, немецкие земли значительно расширили объем своих полномочий, в том числе в международной сфере. Ход интеграционных процессов в Европе лишь подстегнул

стремление земель играть более заметную роль в европейских делах.

По сравнению с возможностями немецких земель, регионы Австрии обладают весьма умеренными полномочиями в сфере внешнеэкономических и международных связей. Согласно ст. 10 Конституции Австрийской Республики федерация отвечает за все аспекты внешних связей. Однако и в рамках австрийской модели наблюдалось усиление роли регионов в указанной сфере. К примеру, в 1976 г. был создан Совет по внешней политике, куда стали приглашать глав правительств земель. В 1991 г. главы девяти австрийских земель обсудили положение дел в Югославии.

Бельгийская модель во многом напоминает австрийскую, за тем исключением, что сама Бельгия в отличие от Австрии не имеет давних исторических традиций государственности и состоит из трех составных частей – Фландрии, Валлонии и столицы Брюсселя. Компетенции федерации и ее составных частей в международной сфере ограничены теми же областями, которые закреплены за ними и во внутренней сфере. Королевство Бельгия следит за тем, чтобы внешние связи провинций не нарушали целостность ее внешней политики. Так, еще в 1980 г. был принят закон, по которому регионы, провинции и коммуны Бельгии обязаны уважать международные и наднациональные обязательства страны. Их международные связи возможны лишь с теми иностранными государствами и соответствующими регионами этих государств, которые имеют официальные дипломатические отношения с королевством.

Наиболее консервативной является швейцарская модель, в которой у кантонов и полукантонов практически отсутствуют какие-либо полномочий в сфере внешнеэкономических связей, так как все вопросы международного характера федерация решает единолично¹⁵.

Следует отметить, что значительное усиление роли и политических амбиций регионов во многих странах Европы происходило на фоне интенсификации процессов европейской интеграции. Наднациональные и многосторонние европейские структуры (ЕЭС, Совет Европы) с самого начала поддерживали процессы регионализации, которые первоначально проявлялись в заботе регионов о сохранении и возрождении региональной самобытности, а также в развитии приграничных связей с сопредельными провинциями других государств. Так, уже в 1958 г. был создан первый еврорегион на границе ФРГ и Дании. В его состав вошли некоторые приграничные территории упомянутых стран, а целью было заявлено экономическое развитие приграничных территорий в рамках совместного территориального планирования.

На фоне устоявшихся и прошедших проверку временем европейских моделей взаимодействия центра и регионов в международных делах российская модель до сих пор является неустоявшейся и представляет собой переходную форму. В

1990-е гг. федеральная власть не возражала против того, чтобы регионы массово развивали внешнеэкономическую деятельность и подписывали международные договоры с равными себе регионами, а также с иностранными государствами. Все это при отсутствии должного контроля Москвы за международной деятельностью регионов привело к правовому хаосу, распаду единого правового пространства и угрозе сепаратизма. Еще в текст Федеративного договора 1992 г. была заложена «правовая мина» в виде определения субъектов РФ как «самостоятельных участников международных и внешнеэкономических связей», что явно шло в разрез с международным обычаем, который предписывает регионам в своих международных действиях руководствоваться федеральной конституцией.

Конституция России 1993 г. определяла координацию международных и внешнеэкономических связей российских регионов как предмет «совместного ведения», в то время как мировая практика однозначно квалифицирует это как прерогативу федеральных органов власти. Можно сделать вывод о том, что в 1990-е гг. сам федеральный центр подталкивал регионы в сторону самостоятельной международной деятельности, что так или иначе провоцировало многочисленные проявления сепаратизма. При этом дело не ограничивалось сакраментальной фразой Президента РФ Б. Ельцина «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить»¹⁶, которую он произнес несколько раз во время визитов в ряд российских республик.

Наиболее яркие примеры сепаратизма российских регионов имели место в Татарстане и Чечне, власти которых добились подписания с Москвой договоров о разделе полномочий, в Якутии, руководство которой заявляло о том, что международные договоры Российской Федерации будут действовать на территории Республики лишь после одобрения республиканским парламентом, а также в Туве, парламентарии которой записали в основной закон Республики положение о том, что Тува самостоятельно решает вопросы войны и мира¹⁷. Кроме этого, власти Якутии предпринимали попытку придать английскому языку статус государственного. Большой резонанс вызвало признание со стороны ряда российских регионов Республики Северного Кипра в 1997 г., попытки учреждать прямые посольства и представительства за рубежом и т. д. Наконец, крайне остро стояла проблема сохранения в составе Российской Федерации Калининградского эксклава, так как и федеральные, и областные власти предлагали ряд опасных с точки зрения целостности Российской Федерации проектов изменения статуса области, которые могли бы привести к ее выходу из состава России.

Лишь в 1999 г. был принят Закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», в ко-

тором была легализована расширительная модель участия российских регионов в международных делах. Однако и он не создал надежной правовой основы для международной деятельности российских регионов, так как на протяжении 1990-х гг. федеральный центр проводил политику регионального фаворитизма, перераспределяя доходы бюджета в пользу политически лояльных регионов, усугубляя и без того значительное правовое и статусное неравенство субъектов РФ. Несмотря на попытки Москвы в ходе административной реформы 2000 г. сгладить эти недостатки, Россия до сих пор остается асимметричной федерацией, в которой угроза сепаратизма стоит довольно остро¹⁸.

Пожалуй, именно этим российская модель заметно отличается от приведенных европейских моделей. Если в России как социально-экономические, так и юридические различия между регионами закреплены на законодательном уровне, то среди федеративных государств Европы мы видим иной подход – стремление к унификации правового статуса и усилия, направленные на выравнивание уровня благосостояния всех территорий. Второе существенное отличие российской модели от западноевропейских аналогов состоит в том, что в России так и не было создано местное самоуправление как в регионах, так и в крупных городах. В этом смысле российская модель характеризуется жесткой централизацией управления и большой численностью бюрократического аппарата, в то время как в Европе, начиная с 1990-х гг., набирал обороты противоположный тренд, направленный на децентрализацию и решение большинства социально-экономических проблем на местном уровне. Принцип субсидиарности нашел правовое закрепление в решениях Маастрихтского договора об учреждении Европейского Союза, что, помимо прочего, вылилось в создание Комитета регионов ЕС как специального органа регионального представительства в системе органов ЕС.

В целом отличие современного европейского регионализма от традиционного сепаратизма проявилось в том, что большинство политически активных регионов не стремятся упразднить национальное государство или выйти из его состава, но требуют перераспределения полномочий, в том числе права полноценного участия в решении проблем национального и глобального уровней. Европейский опыт показывает, как международные и наднациональные структуры сумели поставить под контроль энергию регионов и направить ее в безопасное русло. Так, Совет Европы активно поддерживает международную деятельность регионов, в том числе оказывает правовую поддержку трансграничного сотрудничества регионов и муниципалитетов. Параллельно этому он развивает финансовые механизмы поддержки регионального взаимодействия. Например, еще в 1965 г. под эгидой Совета Европы была проведена международная конференция регионального пла-

нирования, а в 1985 г. принята Европейская хартия местного самоуправления. Однако наиболее значимым документом, который регламентирует международное сотрудничество европейских внутригосударственных регионов, стала Мадридская рамочная конвенция о трансграничном сотрудничестве территориальных сообществ и местных властей, принятая в 1980 г.

Таким образом, в конце XX – начале XXI в. мы были свидетелями трансформации современного регионализма, появления и развития внешних связей внутригосударственных регионов как «политики третьего уровня», создания новых форм протогосударственности, о чем в середине 1990-х гг. писал один из теоретиков нового регионализма Кеничи Омэ, автор термина «региональное государство»¹⁹. Шаг за шагом складывается новая европейская реальность – взаимодействие внутригосударственных регионов на регулярной основе как особый уровень европейской политики. Тем самым заметно усложняется структура европейской подсистемы международных отношений.

Новая роль внутригосударственных регионов требует переосмысления традиционных форм взаимоотношения государств и их составных частей, введения нового понятийного аппарата, сбора и анализа многочисленных эмпирических данных, которые свидетельствуют о продолжающемся процессе перераспределения ролей между традиционными государственными структурами и внутригосударственными регионами. Вместе с тем было бы ошибочным предлагать России слепо копировать европейский опыт регионального строительства, как это предполагали сделать некоторые теоретики административной реформы 2000 г. Они рассматривали регионализацию как мировой процесс создания новой территориальной иерархии, в которой российские регионы «нового типа» должны занять свою нишу.

Отличие «новых» регионов от «старых» виделось ими в отказе от методов традиционного администрирования и повышении степени открытости регионов глобальному миру, в умении встраиваться в уже созданные технологические цепочки. Сама же суть региональной реформы представлялась как процесс расставания с прежними административными образованиями, созданными еще при советской системе, и переходе к новым формам государственного строительства в условиях открытой глобальной экономики. Таким образом, процесс регионализации России явно не должен был замыкаться ее национальными границами²⁰. При всех сходствах и различиях старой и новой модели взаимодействия центра и регионов в России объединяющим оставался посыл о необходимости интегрировать Россию и ее внутренние регионы в текущие мировые процессы, и прежде всего в процесс глобализации.

Тем временем мировой экономической кризис 2008 г. нанес мощный удар по идеям глобали-

зации, заставил пересмотреть прежние представления о вторичности национальных государств в условиях открытой экономики «без границ». Возникли иные, зачастую альтернативные концепции развития, усилились позиции альтерглобалистов, выступающих против неолиберальной политики крупного бизнеса и мировой олигархии, но не отрицающих объективный процесс интернационализации технологического и культурного обмена на основе информационной революции и Интернета²¹. Иначе говоря, выступающих против политики глобализма в интересах крупного капитала и мировой финансовой олигархии, включая порожденные ими структуры управления (МВФ, ВТО, Трехсторонняя комиссия, полужакрытые клубные структуры и т. п.), но не против глобализации как процесса сближения народов и государств на демократических и взаимовыгодных условиях. Все это требует крайне осторожного подхода к выстраиванию модели взаимодействия центра и регионов в сфере международных связей.

В ходе исследования было показано, что несмотря на то, что процессы регионализации и глобализации в равной степени затрагивают всю Европу, включая и Россию, ответы на эти вызовы каждая страна дает свои. На примере ряда консервативных стран (Швейцария, Бельгия, Австрия) мы видим модели, в которых государство удерживает ведущие позиции в международных делах, предоставляя регионам широкие полномочия в решении внутриполитических вопросов. Германский опыт интересен тем, что пытается совместить преимущества свободной внешнеэкономической деятельности входящих в ФРГ земель с традиционно консервативными формами организации внешнеполитического процесса. На этом фоне ответ России на вызовы глобализации еще не прозвучал. Между тем отсутствие адекватного ответа грозит России крупными внутриполитическими проблемами, в том числе ростом сепаратизма и социально-экономической деградацией отдельных регионов.

Одним из побудительных мотивов и европейских, и российских регионов, которые стремились продвигать и защищать свои интересы как в диалоге с государством, так и на более высоком уровне, было опасение перед дисфункцией государства, которое уже не способно защитить культурно-языковую и экономическую самобытность регионов, решать проблемы безопасности, которые носят преимущественно трансграничный характер, предотвращать социальные последствия миграционных волн, а также добиваться роста благосостояния регионов. Вторым побудительным мотивом регионов служит воздействие внешнего фактора в лице процесса глобализации, который подрывает дееспособность национальных государств, создает наднациональные кластеры управления политическими и экономическими процессами, способствует разрушению единого экономического пространства России, подвергает

приграничные территории риску экономической и политической экспансии сопредельных государств и интеграционных группировок.

Тем временем мир вступил в фазу деглобализации: сокращаются объемы мировой торговли, пересматриваются либо отменяются ранее согласованные многосторонние проекты (Трансатлантическое и Транстихоокеанское партнерства), усиливается противостояние мировых экономических гигантов – США и Китая, затяжной кризис переживает ВТО, набирает обороты политика протекционизма и т. д.). В этом контексте наиболее болезненный удар от свертывания планов глобализации нанесен по ЕС, политические элиты которого вложили в этот проект много усилий и не желают от него отказываться. И хотя воздействие глобального экономического кризиса 2008 г. притормозило планы адептов идеи глобализации, их позиции все еще сильны²². Их главным аргументом является вступление мира в четвертую промышленную революцию, которая характеризуется распространением новых, преимущественно цифровых, технологий, созданием глобальных информационных сетей, новыми методами управления и организации труда. Все это в совокупности создает новую политическую, экономическую и информационную реальность, к которой национальные государства и их внутренние провинции еще не смогли в должной мере адаптироваться.

Как бы то ни было, битва государств с новыми, угрожающими им явлениями в виде глобализации и регионализации еще не проиграна. Более того, по ряду позиций государство и регионы выступают не как противники, а как союзники. Касается это в первую очередь культурно-цивилизационного аспекта глобализации, который в упрощенном виде сводится к такому процессу, как вестернизация. Угроза тотальной унификации, фрагментации религиозных, культурных и социальных идентичностей, игнорирование цивилизационных различий, геополитических интересов и национальных границ грозит крайне серьезными последствиями для Европы и России. Но если Европа имеет давний исторический опыт существования в децентрализованном виде, то для России слепое перенимание европейского опыта чревато разрушительными последствиями.

Подводя итоги, следует сказать о том, что внутригосударственные регионы и национальные государства находятся между собой одновременно в состоянии сотрудничества и соперничества. Их соперничество обусловлено усилением роли регионов в решении крупных политических вопросов и особо явственно проявляется у экономически преуспевающих регионов, которые хотели бы свой высокий экономический потенциал реализовать и в политической сфере. Их сотрудничество проявляется в ощущении общей угрозы со стороны процесса глобализации, который нивелирует государственный суверенитет и навязывает уни-

фикацию не только способов управления, но и культурно-языковой среды. Последнее – смертельно опасно для внутригосударственных регионов. Что касается России, то ее модель взаимодействия государства и субъектов федерации как по внутриполитическим, так и по международным вопросам нуждается в осмыслении и совершенствовании. Представляется, что ультралиберальную модель образца 1990-х гг. и умеренно либеральную модель 2000-х гг. требуется заменить на более консервативную модель, которая будет в большей степени учитывать российскую специфику, опираться на отечественный исторический опыт.

Примечания

- 1 См.: Хенкин С. М. Феномен сепаратизма : опыт Испании. М. : МГИМО-Ун-т, 2017.
- 2 Jeronim Perovic. Die Regionen Russlands als neue politische Kraft. Chancen und Gefahren des Regionalismus für Russland. Bern : Peter Lang, 2001.
- 3 См.: Пустогаров В. Государственный суверенитет и международное право // Панорама-Форум. 1996. № 1.
- 4 См.: Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67–116.
- 5 См.: Зонина Т. В. Парадипломатия европейских регионов // Вся Европа. 2011. № 4 (43). URL: <http://www.amberbridge.org/article?id=106> (дата обращения: 13.10.2019).
- 6 Mearsheimer John J. The Great Delusion : Liberal Dreams and International Realities. New Haven, Yale University press, 2018.
- 7 Nye J. Power and Interdependence : World Politics in Transition. New York : Longman, 2000.
- 8 См.: Кузнецов А. В. Региональная политика стран ЕС. М. : ИМЭМО РАН, 2009.
- 9 Crocier Michel. The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission // Crocier Michel, Huntington P. Samuel, Watanuki Joji. New York : New York University Press, 1975.
- 10 См.: Иванов И. Д. Европа регионов. М. : Международные отношения, 1998.
- 11 См.: Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб. : Питер, 2014.
- 12 См.: Панарин А. Православная цивилизация. М. : Институт русской цивилизации, 2014.
- 13 См.: Граф Юрген. На пути к апокалипсису. Что ждет коренные народы Европы? М. : Институт русской цивилизации, 2017.
- 14 См.: Robertson, R., Khondker H. Discourses of globalization : preliminary considerations. // International Sociology. 1998. № 1. P. 25–40.
- 15 Hanni, Peter. Schweizerischer Federalismus und europäische Integration. Die Rolle der Kantone in einem sich wandelnden internationalen Kontext. Zurich : Schulthess, 2000.
- 16 См.: Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М. : РОССПЭН, 1999.
- 17 Segbers, Klaus. Stephan De Spiegeleire. Post-Soviet Puzzles : Emerging societal actors : economic, social and political interests. Theories, methods and case studies. Baden-Baden : Nomos, 1995.
- 18 См.: Дубровина О. Ю. Региональное измерение внешней политики Российской Федерации. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2012.
- 19 См.: Kenichi Ohmae. The End of the Nation State. The Rise of Regional Economies. New York : Harper Collins Publishers, 1995.
- 20 См.: Щедровицкий П. На пороге новой регионализации России. Н. Новгород : Митра-Информ, 2001. 123 с.
- 21 См.: Бузгалин А. В. Альтерглобализм : теория и практика антиглобалистского движения. М. : Эдиториал УРСС, 2003.
- 22 См.: Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. М. : ЭКСМО, 2016.

Образец для цитирования:

Александров О. Б. Взаимодействие европейских регионов и национальных государств в сфере международных отношений: неудачный пример для России? // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 375–381. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-375-381>

Cite this article as:

Aleksandrov O. B. Domestic Regions and Nation-States: Cooperation or Rivalry? *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 375–381 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-375-381>

УДК 94(510)(091)

Современный этап истории межрегионального российско-китайского сотрудничества в условиях регионализации

С. Б. Макеева

Макеева Светлана Борисовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, msbmag9581@yandex.ru

В статье рассматриваются современные процессы межрегионального сотрудничества на Дальнем Востоке в условиях регионализации. За основу анализа было взято российско-китайское межрегиональное взаимодействие. С позиций теории нового регионализма определена современная роль регионов. Российская внешнеполитическая стратегия «Поворот на Восток», обозначенная в 2014 г., установила новые перспективы взаимодействия российских и китайских регионов на Дальнем Востоке. Анализ работ российских и китайских ученых, планов, программ по поддержанию российско-китайского сотрудничества, годовых отчетов отделов, комитетов по международному сотрудничеству при администрациях российских регионов позволил выделить общие торгово-экономические, хозяйственные, социально-культурные и научно-технические проблемы межрегионального сотрудничества. К основным из них следует отнести стихийность и хаотичность взаимодействия регионов России и Китая в последнее десятилетие XX в.; проблему взаимного доверия в российско-китайских межрегиональных отношениях; диспропорции в развитии транспортно-логистической инфраструктуры Северо-Востока КНР и Дальнего Востока России; проблемы отраслевой взаимодополняемости приграничных районов России и Китая.

Ключевые слова: регионализация, межрегиональное сотрудничество, Дальний Восток, российско-китайские отношения, проблемы взаимодействия, взаимодополняемость.

Поступила в редакцию: 07.03.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

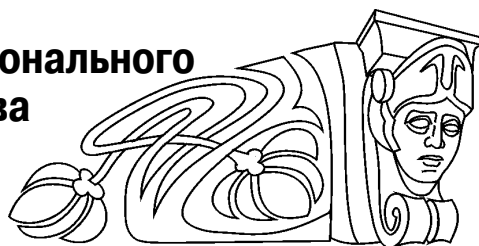
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Modern Stage of the History of Inter-Regional Russian-Chinese Cooperation in the Conditions of Regionalization

S. B. Makeeva

Svetlana B. Makeeva, <https://orcid.org/0000-0003-2953-0411>, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), 32A Leninsky Pr., Moscow 119991, Russia, msbmag9581@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of modern processes of inter-regional cooperation in the Far East in the context of regionalization. The analysis was based on Russian-Chinese interregional interaction. Based on the theory of new regionalism, the contemporary role of regions in the 21st century was determined. The Russian foreign

policy strategy “Turn to the East”, outlined in 2014, has established new prospects for interaction between Russian and Chinese regions in the Far East. An analysis of the work of Russian and Chinese scientists, plans, programs for maintaining Russian-Chinese cooperation, annual reports of departments, committees for international cooperation under the administrations of the Russian regions allows us to highlight the general trade, economic, economic, socio-cultural and scientific-technical problems of interregional cooperation. The main ones include: spontaneity and randomness of interaction between the regions of Russia and China in the last decade of the twentieth century; mutual trust in Russian-Chinese interregional relations; imbalances in the development of transport and logistics infrastructure of the Northeast of China and the Far East of Russia; problems of sectoral complementarity of the border regions of Russia and China.

Keywords: regionalization, interregional cooperation, the Far East, Russian-Chinese relations, problems of interaction, complementarity.

Received: 07.03.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-382-387>

Современные условия мирового сообщества оказывают значительное влияние на появление новых тенденций в межрегиональном взаимодействии стран. Под воздействием межрегионального сотрудничества происходят структурные трансформации регионального пространства тех территорий, которые участвуют в поддержании межрегиональных связей. За счет межрегионального сотрудничества регионы получают возможность реализовывать совместные международные проекты, решая социально-экономические, хозяйственные проблемы. Новую роль регионов в системе межрегионального взаимодействия в условиях регионализации лучше всего проследить, опираясь на теорию нового регионализма, предложенную еще в 1980-е гг. шведским исследователем Б. Хеттне. Согласно данной теории «регион в процессе регионализации становится активным субъектом, возникает региональная идентичность, происходит региональная институционализация, возникают особые региональные механизмы поддержания рыночного баланса и социальной стабильности и благополучия в регионе»¹.

В условиях усиления межрегионального сотрудничества, особое место отводится анализу влияния процессов регионализации на взаимодействие стран. Отечественные ученые И. М. Бусыгина², Л. Б. Вардомский³, С. Н. Грибова⁴, определяя особенности развития регионального пространства

в условиях регионализации, выделяют новые векторы исследования этих процессов через призму международных отношений. По мнению ведущего отечественного востоковеда, политолога А. Д. Воскресенского, «регионализация предстает как объединение государств или обществ, связанных между собой функционально и/или географически. Регионализм определяется как взаимозависимость стран и интересов национальных субъектов за их границы, но в национальных рамках»⁵.

Анализируя современные процессы межрегионального сотрудничества, китайские ученые все чаще обращаются к анализу регионализации. Ли Пин (李平), разбирая последствия культурной регионализации, отмечает: «В связи с расширением процесса глобализации (цюаньцюхуа 全球化) особенно актуальными становятся проблемы, связанные с регионализацией (цюйюйхуа 区域化) как новой формой организации социального пространства»⁶. По мнению Чжэн Сяньву (郑先武), регионализм и регионализация выступают как практические процессы, которые опираются на региональное самосознание и идентификацию, общие интересы и обязательства, взаимное доверие и признание⁷. Ван Цайлян (王在亮) утверждает, что «регионализация стала развиваться в начале XX в. Отсюда следует, что глобализация предшествовала регионализации. В долгосрочной перспективе регионализация и глобализация являются взаимодополняющими диалектическими отношениями. Регионализация не может принципиально предотвратить развитие глобализации, напротив, она станет «ступенькой» для развития глобализации. Регионализация обеспечивает дополнительные, а не альтернативные пути к более высокому уровню мирового порядка»⁸.

Анализ влияния регионализации на расширяющееся межрегиональное сотрудничество стран позволяет определить ключевые тенденции в процессе взаимодействия отдельных регионов, а также выявить характерные особенности развития регионов в условиях реализации двусторонних проектов, программ сотрудничества. Основная цель данной работы – выделение ключевых тенденций в условиях регионализации в межрегиональном сотрудничестве двух стран – России и Китая, имеющих важное влияние в современном мире. В представленном исследовании на основе использования метода логического анализа была определена заинтересованность российских и китайских правительств в расширении межгосударственного сотрудничества в современный период истории. Применение системного подхода позволило выявить факторы, проблемы в развитии межрегионального российско-китайского сотрудничества. В результате использования сравнительно-исторического метода исследования был определен опыт российских и китайских регионов по преодолению трудностей в межрегиональном взаимодействии и достигнутому взаимодополнению приграничных территорий.

Российско-китайское сотрудничество в условиях регионализации все более интенсивно распространяется на межрегиональный уровень, а взаимодействие российских и китайских регионов характеризуется стабильностью. Обозначенная в 2014 г. стратегия «Поворота на Восток» в российской внешней политике определила новые векторы развития российских регионов в системе российско-китайского сотрудничества. В ноябре 2014 г. на заседании сессии в рамках Делового саммита форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» на тему «Значение АТР для России» президент России Владимир Путин отметил: «Взаимодействие с АТР является стратегическим и приоритетным направлением для России. Россия как часть АТР обязана использовать те конкурентные преимущества, которые предоставляет этот стремительно растущий центр экономики, технологии, инноваций»⁹. Восточный вектор российской внешней политики определил новые перспективы межрегионального сотрудничества на Дальнем Востоке. Активное вовлечение российских и китайских регионов в различные формы межрегионального сотрудничества нацелено на решение общих торгово-экономических, хозяйственных, социально-культурных и научно-технических проблем. В последние годы на межгосударственном российско-китайском уровне возлагаются большие надежды на плодотворное сотрудничество регионов двух стран. Президент РФ В. В. Путин отмечает, что «межрегиональное сотрудничество – это важная составляющая всеобъемлющего стратегического партнёрства между Россией и Китаем. Высшее руководство двух стран поддерживает и будет поддерживать взаимодействие между регионами». В свою очередь, политический лидер КНР Си Цзиньпин утверждает, что «чем плотнее сотрудничество между регионами наших стран, тем крепче база двусторонних отношений»¹⁰.

Российское и китайское правительства намерены и в дальнейшем расширять и углублять взаимодействие регионов, опираясь на опыт сотрудничества в предыдущие десятилетия, развивать и совершенствовать механизмы решения различных проблем в процессе межрегионального взаимодействия, реализовывать важные двусторонние проекты и создавать все больше новых точек роста сотрудничества. Учитывая значимость перспектив и необходимость решения возникающих проблем российско-китайского взаимодействия на уровне отдельных регионов в условиях регионализации, правительства России и Китая, объявив 2018 и 2019 гг. перекрестными «годами межрегионального сотрудничества России и Китая», организовали проведение множества мероприятий по проектам взаимодействия российских и китайских регионов¹¹. Определенными площадками для встреч, обсуждения и решения различных вопросов среди заинтересованных лиц в поддержании российско-китайского межрегионального сотрудничества стали Петербургский международный

экономический форум, экономический форум во Владивостоке, российско-китайский ЭКСПО. Проблемы межрегионального взаимодействия в торгово-экономической, промышленно-технической и социально-гуманитарной сферах решаются в рамках Делового Совета Дальнего Востока и Байкальского региона и Северо-Востока КНР.

Регионализация позволяет, с одной стороны, межрегиональному российско-китайскому сотрудничеству выйти на новый уровень взаимодействия двух стран, с другой стороны, проблемы, возникающие на пути взаимовыгодного сотрудничества, решаются не только на межгосударственном уровне, но и при активном участии региональных органов власти. В условиях трансформации международной системы взаимодействия в начале XXI в., принятия экономических санкций западными странами в отношении России будущее российско-китайских отношений зависит, прежде всего, от активности регионов в установлении и поддержании сотрудничества в различных сферах и областях.

Оценивая «стратегическое партнерство» по-китайски, ведущий отечественный политолог, востоковед А. Д. Богатуров отметил: «Отношение Китая к нынешней России тесно переплетено с его отношением к советскому наследию. Не Россию, а скорее всего себя самого Китай видит восприимчивым той международной роли, которую играл Советский Союз»¹². Анализируя российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии, ведущий отечественный исследователь А. Д. Воскресенский справедливо заметил: «Третье десятилетие развития российско-китайских отношений, когда современный российский политический режим перестал видеть в Западе стратегического партнёра и развернулся в сторону Азии, прежде всего Китая, покажет, насколько и в каком качестве Китаю нужна Россия»¹³. Еще один исследователь российско-китайских отношений В. Л. Ларин утверждает: «Российско-китайские отношения – это не просто отношения между двумя государствами. Роль и значение обоих государств в мире делает их отношения важнейшим компонентом всей мировой системы международных отношений, одним из ключевых регуляторов мировой политики»¹⁴.

Следует отметить, что и китайские исследователи возлагают большие надежды на будущее китайско-российских отношений. Как утверждает директор Китайского института международных исследований Ма Чжэнган (马振岗), всестороннее содействие стратегическому сотрудничеству (чжаньлюэ хэцзо战略合作) между Китаем и Россией в различных областях необходимо улучшить и укрепить в следующих аспектах: «во-первых, нужно в дальнейшем укреплять взаимное политическое доверие и способствовать усилению взаимной стратегической зависимости. Во-вторых, необходимо расширять общие интересы обеих сторон и заботиться о важных интересах друг друга. В-третьих, в полной мере использовать характери-

стики взаимодополняемости в целях достижения взаимной выгоды. В-четвертых, укреплять двусторонние консультации по крупным международным событиям и совместно заниматься решением проблем. В-пятых, расширять гуманитарный обмен и сотрудничество, укреплять народную основу китайско-российских отношений»¹⁵.

Необходимость двухсторонних отношений обусловлена естественно-географическими и историческими факторами не только на общегосударственном, но и на региональном уровне. Оценивая особенности межрегионального сотрудничества, китайские ученые утверждают, что взаимодействие соседних государств должно осуществляться на основе межрегиональной открытости, возможности вмешательства и толерантности. Как отмечает китайский исследователь в области нового регионализма Цюань Юнбо (全永波), появление общих региональных проблем сделало невозможным решение всех видов государственных дел одним субъектом. Ограниченные ресурсы и экологические лимиты в экономическом развитии вынудили региональных субъектов искать теоретическую поддержку для развития сотрудничества. Страны с географической близостью и высокой экономической зависимостью образуют новые региональные альянсы, чтобы справляться со все более сложными международными политическими, социальными, экономическими конфликтами и конфликтами в области безопасности¹⁶.

Общие социально-экономические процессы России и Китая в условиях глобализации мировой экономики, переход к рыночным отношениям оказали значительное влияние на формирование новых закономерностей межрегионального российско-китайского сотрудничества, на решение хозяйственных, торгово-экономических и социально-культурных проблем в рамках поддержания межрегиональных связей. Как утверждают российские экономисты, глобализация мировой экономики находит свое выражение в выходе интересов хозяйственных субъектов за национально-государственные рамки. Это движение идет в направлении сближения, а в перспективе и унификации условий хозяйственной деятельности в различных странах, к формированию единого мирового экономического пространства¹⁷. По мнению китайского исследователя Чжан Чжунюаня (张中元), повышение уровня глобализации экономики (цзинци цюаньцюэhua经济全球化) в сочетании с политической стабильностью может в значительной степени повлиять на экономический рост акторов межрегионального сотрудничества (цюйюй хэцзо区域合作)¹⁸.

Анализ российских и китайских источников по проблемам развития российско-китайского межрегионального сотрудничества в условиях регионализации позволяет выделить разного рода трудности в данном процессе. По мнению отечественного исследователя Ю. А. Демьяненко, «развитие межрегиональной деятельности

российских регионов представляет собой одно из направлений постсоветской децентрализации, развивающейся в целом хаотично. В настоящее время общая тенденция к централизации находит свои специфические проявления в сфере международного сотрудничества субъектов федерации. Для многих регионов активное участие в международном сотрудничестве было средством самоидентификации и самоутверждения как субъекта федерации, поэтому развитие межрегиональных связей имело стихийный характер»¹⁹.

Как свидетельствует динамика российско-китайского взаимодействия во втором десятилетии XXI в., именно проблема преодоления стихийности и хаотичности межрегионального российско-китайского сотрудничества решается за счет принятия на межгосударственном уровне программ сотрудничества между регионами России и Китая, реализации планов взаимодействия в перекрестные годы межрегионального российско-китайского сотрудничества. Анализируя китайские источники, можно утверждать, что основной проблемой в развитии сотрудничества между регионами России и Китая является проблема «доверия». По мнению китайского исследователя Ван Цуньгана (王存刚), в условиях регионализации для дальнейшего развития российско-китайских отношений «необходимо правительствам России и Китая прилагать совместные, постоянные усилия, чтобы создавать новые механизмы стратегического межрегионального сотрудничества и постоянно обогащать новыми формами и новым содержанием, постоянно расширять масштабы и глубину, при этом уделять значительное внимание доверительной основе взаимодействия»²⁰.

Учитывая возникающие трудности и проблемы на пути межрегионального российско-китайского сотрудничества, в последнее десятилетие была осуществлена попытка стратегического планирования сотрудничества между российскими и китайскими регионами. Это открывало возможности в решении организационно-политических, социально-экономических и хозяйственных проблем российско-китайского сотрудничества на региональном уровне. Примером экономического стимулирования развития территорий России и Китая, осуществляющих межрегиональное сотрудничество, является принятая в 2009 г. на официальном межгосударственном российско-китайском уровне «Программа сотрудничества между регионами Северо-Востока КНР и Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ на 2009–2018 гг.». Данная программа была подготовлена в целях выполнения стратегии регионального развития России и Китая, разработанного КНР «Плана восстановления Северо-Восточного региона» и представленного РФ «Специального плана социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 г.» на основании подписанного 26 марта 2007 г. в Москве «Китайско-Российского коммюнике», в котором в первой главе 8-го раз-

дела содержится план осуществления «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем» (2009–2012 гг.).

Анализ указанной программы свидетельствует о том, что ключевая роль в межрегиональном российско-китайском сотрудничестве всегда отводилась приграничным районам России и Китая. Будучи окраинами двух больших государств, приграничные регионы в большей степени, чем другие районы, зависят от отношений с соседями и развиваются в сложном взаимодействии с сопредельными районами. С другой стороны, стабильность на протяженной и малоосвоенной границе позволяет концентрировать силы на иных, более опасных направлениях.

Значительное внимание в изучении приграничных территорий и проблем межрегионального взаимодействия уделяют научные центры, исследовательские институты как в России, так и в Китае. В рамках ведущей академической научно-исследовательской организации КНР в области философии и общественных наук Академии общественных наук Китая – АОНК в 1983 г. был образован Центр по изучению географии и истории приграничных территорий²¹. Китайское правительство использует в процессе формирования внешнеполитического курса по отношению к Российской Федерации результаты исследований по историческим особенностям социально-экономического развития трёх северо-восточных провинций: Ляонин, Цзилинь и Хэйлуцзян. Комплексный анализ современного состояния развития данных провинций и перспективы будущего развития северо-восточного региона нацелен на решение проблем в расширяющемся региональном сотрудничестве с Россией на Северо-Востоке Китая.

В России проблемы развития приграничных регионов и трудности в межрегиональном российско-китайском сотрудничестве являются предметом исследования ученых из таких ведущих научно-исследовательских и научно-образовательных центров, как МГУ, МГИМО, СПбГУ, Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, Институт истории археологии и этнографии ДВО РАН.

Перспективным вектором межрегионального сотрудничества России и Китая всегда являлись торгово-экономические связи. Обращаясь к ретроспективе российско-китайских отношений, необходимо отметить, что восстановление отношений между СССР и КНР началось именно на межрегиональном уровне, и сразу же после того, как было неофициально объявлено о желании двух сторон начать этот процесс. Уже в апреле 1982 г. посредством обмена письмами между министерствами внешнеэкономических связей двух стран было заключено «Советско-китайское соглашение о возобновлении приграничной торговли».

Российские исследователи выделяют несколько этапов в развитии приграничной торговли между Россией и Китаем. «Период возобновления

приграничной торговли с 1980–1990 гг. характеризуется восстановлением объемов продаж, открытием четырех пограничных российско-китайских пунктов. Стадия быстрого развития в начале 1990-х гг. характеризуется стремительным развитием приграничной торговли, основанной на бартере, увеличением доли денежных потоков при практически неизменной структуре. С 1994 г. наступает стадия перестройки приграничной торговли. С 2000 г. приграничная торговля вступает в этап устойчивого развития. На этом этапе китайская сторона обеспечивает импорт России по товарам: одежда, обувь, бытовая техника, звуковое оборудование, электрические машины и оборудование, продовольствие, питание и т. д. В Китай идет импорт товаров из России: машин и оборудования переработки нефти, древесины, цветных металлов, химических удобрений, рыбы, целлюлозы, пластика и т. д.»²².

В настоящее время Китай выступает крупнейшим торговым партнером Российской Федерации. Сотрудничество между Китаем и Россией по развитию Дальнего Востока переживает период бурного роста. Китай является крупнейшей страной-поставщиком для Дальнего Востока России, вторым по величине импортёром для региона и основным источником иностранного капитала. Китайские предприятия инвестируют проекты на Дальнем Востоке в таких сферах, как лесное хозяйство, сельское хозяйство, строительные материалы, легкая промышленность, горнодобывающая промышленность и торговля.

У экспертов провинции Хэйлунцзян установка на ориентацию его экономики на Россию не вызывает сомнений. Большинство специалистов этой провинции уверены в «очень сильной рыночной, ресурсной и технологической взаимодополняемости Китая и России»²³. Оценивая современные китайско-российские отношения на уровне Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая, такие китайские исследователи, как Ли Сюэсинь (李雪欣) и Сун Цзялян (宋嘉良), обозначили проблемы, пути их решения и перспективы межрегионального сотрудничества. Они считают, что китайские и российские местные органы власти должны укреплять взаимное политическое доверие в процессе межрегионального сотрудничества, создавать эффективный механизм реализации форм межрегионального взаимодействия в торгово-экономической, хозяйственной и социально-культурной сферах.

Экономический потенциал развития Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России огромный. В качестве рекомендаций китайские исследователи отмечают, что представителям местных органов власти Северо-Востока Китая следует активнее укреплять межрегиональные связи с представителями администрации на Дальнем Востоке России для улучшения политического взаимного доверия и установления долгосрочного межрегионального диалога. Также китайские исследователи, ориентируясь

на взаимодополняемость данных регионов двух стран, предлагают проводить межрегиональные консультации с целью проработки развернутых стратегий сотрудничества и обсуждения планов развития Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России. Одной из ключевых проблем на пути к межрегиональному экономическому сотрудничеству, по мнению китайских исследователей, является разный уровень развития транспортно-логистической инфраструктуры Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России.

По оценкам китайских исследователей, дальневосточный регион России, в отличие от китайской стороны, несколько отстает от современных стандартов строительства разветвленной логистической сети. Анализируя уровень развития Северо-Востока Китая в системе межрегионального российско-китайского сотрудничества, китайские исследователи в качестве основной приоритетной задачи в развитии провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин определяют промышленную структурную модернизацию и трансформацию данных провинций для того, чтобы добиться отраслевой взаимодополняемости с российским Дальним Востоком. Как отмечают Ли Сюэсинь и Сун Цзялян, «северо-восточный регион в своем развитии должен отдавать приоритет развитию высокотехнологичных отраслей, поощрять инновации и предпринимательство для достижения интеграции рынка и промышленности с российским Дальним Востоком. Структура промышленности северо-восточного Китая, очень похожа на Дальний Восток России, поэтому внедрение высоких технологий в развитие промышленности поможет в создании производственных связей нового уровня в китайско-российском межрегиональном сотрудничестве»²⁴.

Таким образом, регионализация оказывает влияние не только на возникновение новых проблем межрегионального сотрудничества между такими стратегическими партнерами на Дальнем Востоке, как Россия и Китай, но и определяет новые импульсы региональной трансформации тех территорий, которые принимают активное участие в торгово-экономическом, хозяйственном, социально-культурном взаимодействии на международном уровне. Усилия российских и китайских правительств направлены на расширение межрегионального российско-китайского сотрудничества, решение проблем и преодоление трудностей во взаимодействии российских и китайских регионов. Обращаясь к опыту и перспективам российско-китайского межрегионального сотрудничества, стоит отметить значительный потенциал регионов в совершенствовании традиционных форм межрегионального взаимодействия, готовности выстраивать взаимовыгодный межрегиональный двусторонний диалог, заинтересованности в разрешении проблем регионального развития в условиях социально-экономической взаимодополняемости Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-014-00010 «Влияние неравномерного развития регионов России и Китая на межрегиональное двустороннее сотрудничество: сравнительно-историческое исследование»).

Примечания

- ¹ Щитков В. А. Некоторые аспекты концепции Б. Хеттне «Новый регионализм» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 4. С. 88–90.
- ² См.: Бусыгина И. М. Регионализация «макро» и регионализация «мезо»: фазы регионального строительства в Западной Европе // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы. М.; Смоленск: Ойкумена, 2016. С. 286–280.
- ³ См.: Вардомский Л. Б. Тенденции и перспективы регионализации постсоветского пространства // Вестник университета (Государственный университет управления). 2010. № 3. С. 256–264.
- ⁴ См.: Грибова С. Н. Глобализация и регионализация – детерминанты мирового экономического развития // Экономический журнал. 2005. № 1 (9). С. 93–107.
- ⁵ См.: Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 30–58.
- ⁶ Ли Пин. Культурная регионализация в условиях межкультурного взаимодействия (на примере автономного района Внутренняя Монголия КНР). Чита: Поиск, 2008. С. 74.
- ⁷ Zheng Xianwu. Theory of new regionalism: origin, development and integration // European Studies. 2006. Vol. 1. S. 39–58.
- ⁸ Wang Jialiang. Theoretical studies of China's regional cooperation after the start of the policy of "reform and opening up": Dis. Northeastern Pedagogical University. Changchun, 2014. P. 52.
- ⁹ Речь В. В. Путина на заседании Делового саммита форума АТЭС от 10 ноября 2014 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46988> (дата обращения: 17.02.2020).
- ¹⁰ Итоги работы Восточного экономического форума 2018 // Восточный экономический форум. URL: <https://forumvostok.ru/news/itogi-raboty-vostochnogo-ekonomicheskogo-foruma-2018/> (дата обращения: 14.01.2020).
- ¹¹ См.: 2018-й и 2019-й объявлены перекрёстными «Годами межрегионального сотрудничества России и Китая» // Русско-Азиатский Союз промышленников и предпринимателей. URL: https://raspp.ru/business_news/2018-i-2019-obyavleny-perekryestnymi-godami-mezhregionalnogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya/ (дата обращения: 14.01.2020).
- ¹² Богатуров А. Д. «Принуждение к партнёрству» и изъязыны современного мира // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9, № 6. С. 67.
- ¹³ Воскресенский А. Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990–2015) // Сравнительная политика. 2015. № 1 (18). С. 51–52.
- ¹⁴ Ларин В. Л. В тени проснувшегося дракона. Русско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 118.
- ¹⁵ Pan Dapan. China and Russia in the context of globalization. New Opportunities for the Comprehensive Development of Russian-Chinese Partnerships // Studies of Russia, Central Asia and Eastern Europe. 2009. Vol. 4. P. 86.
- ¹⁶ Quan Yongbo. Analysis of the management of inter-regional cooperation in terms of new regionalism // Local government. 2012. Vol. 4. P. 78–81.
- ¹⁷ См.: Михеев В. В., Швыдко В. Г. Китай и глобализация: взгляд из Москвы и Пекина. М.: ИМЭМО РАН, 2013.
- ¹⁸ Zhang Zhongyuan. The Impact of Globalization and Political Stability on Economic Growth // International Politics and Economics. 2014. Vol. 4. P. 136–156.
- ¹⁹ См.: Демьяненко Ю. А. Межрегиональное сотрудничество субъектов РФ в контексте федеративного строительства страны // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 202.
- ²⁰ Wang Cungan. Formation and maintenance of strategic mutual trust of large countries in the era of new globalization – based on the study of Sino-Russian relations // International Observations. 2017. Vol. 5. P. 11.
- ²¹ См.: Комиссина И. Н. Научные и аналитические центры Китая: Справочник. М.: РИСИ, 2012.
- ²² Даниловских Т. Е., Кузьмичева И. А., Флик Е. Г., Кузьмичев Д. И. Этапы развития и формы приграничной торговли между Китаем и Россией // Территория новых возможностей. Вестн. Владивосток. гос. ун-та экономики и сервиса. 2016. № 3. С. 21.
- ²³ Wang Shenjin. Renaissance of an old industrial base in Northeast China and inter-regional cooperation in Northeast Asia // Northeast Asia Forum. 2004. Vol. 2 (13). P. 4.
- ²⁴ Li Zhong, Xiao Huanrong. The international situation and Chinese diplomacy. Beijing: Communication University of China, 2009. P. 175.

Образец для цитирования:

Макеева С. Б. Современный этап истории межрегионального российско-китайского сотрудничества в условиях регионализации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 382–387. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-382-387>

Cite this article as:

Makeeva S. B. The Modern Stage of the History of Inter-Regional Russian-Chinese Cooperation in the Conditions of Regionalization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 382–387 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-382-387>

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47)

Статус и функции городского головы Нахичевани-на-Дону по материалам ревизии сенатором М. Н. Жемчужниковым

Л. В. Батиев

Батиев Левон Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией социологии и права, Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, batiev@ssc-ras.ru

Отчет сенатора Жемчужникова по результатам ревизии Нахичеванского округа в 1844 г. содержит интересный материал об организации и деятельности органов самоуправления армянской колонии на Нижнем Дону, образованной в 1779 г. армянами-переселенцами из Крыма. Обязанности городского головы не были определены ни законом, ни общественным приговором и поэтому пределы его власти зависели от личных качеств и от уважения, которым он пользовался в округе. Результатом этого в середине XIX в. стали всеислие и фактическая безответственность городского головы.

Ключевые слова: Нахичевань-на-Дону, ревизия, городской голова, магистрат, доходы, расходы, добровольное самообложение, общественная земля.

Поступила в редакцию: 27.02.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Status and Functions of the Mayor of Nakhichevan-on-Don According to the Materials of the Audit By Senator M. N. Zhemchuzhnikov

L. V. Batiev

Levon V. Batiev, <https://orcid.org/0000-0002-3351-8039>, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 41 Chekhov Ave., Rostov-on-Don 344006, Russia, batiev@ssc-ras.ru

The report of Senator Zhemchuzhnikov on the results of the audit of the Nakhichevan district in 1844 contains significant materials on the organization and activities of the self-government bodies of the Armenian colony in the Lower Don Region, formed in 1779 by Armenian immigrants from the Crimea. The duties of the mayor were not determined either by law or public sentence, and therefore the limits of his power depended on personal qualities and on the respect that he commanded in the district. The result of this in the middle of the 19th century were the autocracy and the factual irresponsibility of the mayor.

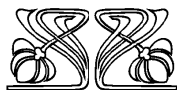
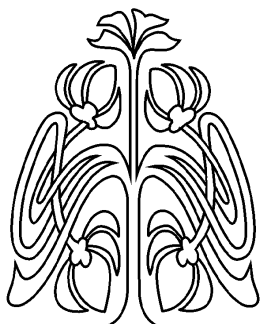
Keywords: Nakhichevan-on-Don, audit, mayor, magistrate, income, expenses, voluntary self-taxation, public land.

Received: 27.02.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

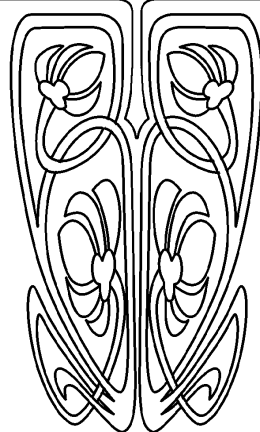
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-388-393>

История городского самоуправления в дореволюционной России, в особенности в период от «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г.¹ (в издании ошибочно продублирован номер 16187, под которым идет «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства») и до Городового положения 1870 г.² российскими учеными обоснованно считается недостаточно

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

изученной³. В общем ряду специфических форм организации местного самоуправления особое место занимает город Нахичевань-на-Дону, основанный в 1779 г. армянами-переселенцами из Крыма.

Исследований, специально посвященных этой проблеме, а также публикаций архивных материалов⁴ очень мало. В широко известной монографии В. Б. Бархударяна содержится общий обзор этой темы, а также отмечаются некоторые особенные моменты «правления» одного из самых известных городских голов А. Халибова (Халибияна)⁵. «История Новой Нахичевани» Г. Патканяна⁶ представляет своего рода городскую летопись, которая содержит ценные фактические данные, в том числе о персональном составе магистрата и о главах города. Исследование Е. Шахазиза⁷ осуществлено на более высоком научном уровне и дает не только описание, но и анализ и оценку системы городского самоуправления и его эволюции в конце XVIII – XIX в. Но оба этих сочинения изданы на армянском языке и малодоступны русскоязычному исследователю. Опубликованные не так давно мемуары И. М. Келле-Шагинова⁸ в своей исторической части опираются на сведения Г. Патканяна, а применительно к более позднему периоду – на личные наблюдения автора.

Интерес для исследователей представляет и очень небольшой по объему, но содержащий ранее неизвестные сведения, исторической очерк А. М. Богданяна⁹. Архивные документы Нахичевани-на-Дону хранятся сегодня в основном в Национальном архиве и других ее архивных собраниях и только отчасти – в Государственном архиве Ростовской области. Однако и в центральных российских архивах содержится значительное количество документов, связанных с осуществлением центральными органами надзорных и управленческих функций в отношении регионов, в частности, материалы сенаторских ревизий.

В 1843–1844 гг. сенатором М. Н. Жемчужниковым была проведена ревизия Нахичеванского округа (Михаил Николаевич Жемчужников (1788–1865), сенатор, тайный советник с 1840 г., с 1858 г. – действительный тайный советник, в 1832–1833 гг. губернатор Костромской и в 1835–1840 гг. Санкт-Петербургской губерний)¹⁰. Материалы ревизии, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве¹¹, представляют двойной интерес для исследователей. Во-первых, как серьезный источник о системе органов самоуправления Нахичеванского округа (его структуры, статуса, правовых оснований деятельности в соотношении с российским законодательством): во-вторых, как показатель отношения представителя высшей власти к «правам и преимуществам», дарованным армянскому этническому анклаву на Нижнем Дону в конце XVIII в.

Одним из недостаточно изученных вопросов истории самоуправления в Нахичевани-на-Дону

являются происхождение, формальный и фактический статус городского головы, его функции и роль в городской жизни до перехода на общероссийскую модель городского управления. Администрация армянской колонии сформировалась на основании «Жалованной грамоты вышедшим из Крыма христианам армянского закона» от 14 ноября 1779 г. императрицы Екатерины II, в которой предписывалось «учредить магистрат и в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям, выбираемыми из вас же по жребию начальникам»¹². Должность городского головы не предусматривалась ни в названной грамоте, ни в штатах, присланных при указе от 19 июля 1784 г. в Нахичевань при указе из Екатеринославского наместничества (существовало с 30 марта 1783 г. по 1796 г.) в 1784 г.¹³. Штаты, утвержденные Екатеринославским и Таврическим генерал-губернатором князем Г. А. Потемкиным, включали должности председателя магистрата, четырех заседателей, одного секретаря и четырех урядников. Магистрат был единственным органом, в котором соединялись все функции управления и суда. Сенатор М. Н. Жемчужников в отчете по результатам ревизии признавал, что «применяясь к точному смыслу привилегии и принимая в соображение штат Армянского магистрата, заключить должно, что все части управления Нахичеванским округом должны находиться в ведении одного магистрата»¹⁴.

Попытка сановного ревизора выяснить происхождение должности городского головы оказалась безрезультатной. Армянский магистрат не смог найти по запросу М. Н. Жемчужникова сведений о том, на каком основании, когда и кем именно было учреждено звание городского головы в г. Нахичевани. Однако согласно частным изысканиям городского голова был в Нахичевани еще в 1791 г.¹⁵ На это обстоятельство указывал В. Б. Бархударян¹⁶. Из материалов позднейшего (1857 г.) архивного дела также следует, что в канцелярии городского головы и магистрата не нашлось никаких сведений не только о лицах, занимавших должность городского головы с момента основания города в 1780 г. до 1794 г., но и о самом существовании должности в этот 14-летний временной отрезок. Как отмечалось в отношении из Армянского магистрата городскому голове Мануилу (Мануку) Аладжалову, из дел сего магистрата следует, что выборы на должность городского головы начались по правилам, присланным из Екатеринославского наместничества правления с 1794 г.¹⁷ Они проходили под председательством городских голов, но по представлениям магистрата, в который и передавались баллотировочные списки для последующего утверждения вышестоящим начальством¹⁸. «Именной список градским головам» Нахичевани 1794-1857 гг. по результатам изысканий был представлен начальству¹⁹. Аналогичные сведения приведены и в другом деле, начатом 13 января 1854 г.: городской голова согласно

указаниям Екатеринославского наместнического правления, избирался обществом каждые 3 года и утверждался таганрогским градоначальником²⁰. Таганрогское градоначальство учреждено 8 октября 1802 г.²¹. В 1807 г. ему была подчинена Нахичевань с сельским округом²².

В этом же донесении указывалось, что магистрат с самого начала своего функционирования, кроме судебных и административных функций, осуществлял также и заведование городским хозяйством. Такое положение дел продолжалось несколько лет и, в частности, после избрания городских голов. Позднее хозяйственная часть перешла в ведение городских голов, вместе с обязанностью представлять ежегодные отчеты в губернскую Казенную палату»²³. Когда именно и как произошла такая передача, авторы документа не могут сказать: из дел канцелярии градского головы не видно с какого года начали существовать в Нахичеване градские головы, кто был первым и последовательным, сколько кто продолжал службу²⁴.

Не имея достоверных данных, критически настроенный к руководству Таганрогского градоначальства, сенатор решил, что именно невнимание «главных местных начальников к армянской колонии вынудило их учредить ... неизвестно, в какое именно время и с чьего распоряжения звания градского главы и городского старосты»²⁵. Однако из «Истории Новой Нахичевани» Г. С. Патканяна известно, что городской голова был в городе с самого начала его существования и даже раньше. На первых выборах на 3 года, с 1779 по 1781 гг., главой города был единогласно избран Микаэль Когпетлян, которого и до учреждения города называли главой²⁶. В. Б. Бархударян в связи с этим обоснованно предположил, что за городским головой до формального образования (законодательного утверждения) этой должности могли принимать «руководителей армянского общества – предпринимчивых и авторитетных деятелей, в том числе, вероятно, председателей магистрата»²⁷.

Отчет Жемчужникова, другие архивные материалы, а также исследование Г. Патканяна, Е. Шахазиза и В. Б. Бархударяна позволяют восстановить не только время появления городских голов в Нахичевани, но и персональный состав, социальный статус, время нахождения в должности и фактические полномочия. Для оценки статуса городского головы особое значение имеет указание М. Н. Жемчужникова на то, что «обязанности Нахичеванского градского главы не определены ни законом, ни общественным приговором» и поэтому «пространство» его власти зависит от личных качеств головы и от уважения, которым он пользуется в Нахичеванском округе²⁸. Городской голова избирается обществом каждые три года и утверждается градоначальником²⁹. Он осуществляет управление общественными делами и хозяйством города и округа, а именно «1) печется о благоустройстве общества; 2) управляет общественными делами; 3) изыскивает источ-

ники городских доходов и производит из одного расходы»³⁰. В качестве важнейших обязанностей городского головы Жемчужников называет: 1) заведование общественными доходами и расходами, 2) управление общественной землей, 3) попечение о бедных и неимущих жителях Нахичевани³¹.

В донесении Нахичеванского магистрата и городского головы Таганрогскому градоначальнику 1854 г. предметы ведения городского головы охарактеризованы довольно лаконично, речь идет о делах, касающихся только сбора и расхода городских доходов и поступающей на удовлетворение расходов суммы добровольных пожертвований, сборов от нахичеванских жителей. Все остальные вопросы решаются нахичеванским армянским магистратом³². На самом деле, как видно из материалов ревизии, полномочия городского главы уже в 1844 г. не ограничивались названными.

Помимо магистрата и городского головы, в Нахичевани с мая 1795 г. существовал еще один, в свое время достаточно важный, но сегодня полузабытый орган власти – выборный совет из 24 попечителей, который представлял собой своего рода Нахичеванскую городскую думу. Под председательством городского головы попечители совместно с магистратом должны были рассматривать и решать все основные вопросы управления городом и округом³³. Однако ко времени ревизии Жемчужникова совет попечителей перестал созываться и утратил свои полномочия. Как отмечал Е. Шахазиз, с течением времени власть отнимает у городской думы (24 попечителей) право требовать отчет у городского головы. У попечителей остается лишь право совета городскому голове. «Городские головы же, пользуясь обстоятельством, старались выйти из-под контроля 24-х и стать совершенными автократами»³⁴. Поэтому в своем отчете сенатор М. Н. Жемчужников лишь вскользь оговаривает, что городскому голове в исполнении его важных обязанностей содействуют избираемые обществом городские попечители³⁵. Последнее упоминание о попечителях относится к 1837 г., когда было составлено совместное обращение магистрата, попечителей и городского головы к таганрогскому градоначальнику с просьбой разрешить избрать дополнительно двух смотрителей за благоустройством³⁶. Тем не менее, несмотря на фактическое отсутствие совета 24 попечителей, магистрат в ответ на запросы Таганрогского градоначальства в 1854 г. все еще указывал, что в составе магистрата значится в том числе и городская дума³⁷.

Рассмотрим фактические обязанности (полномочия) городского головы сложившиеся к середине XIX в. Сенатор указывает на то обстоятельство, что в Нахичеванском округе в ведении городского головы находятся два сбора: «а) городские доходы и б) добровольная складка на содержание Нахичеванского магистрата и исправление земских в округе повинностей»³⁸. В общей сложности, по сведениям Жемчужникова,

городовой доход составляет 4124 руб. 29 коп. серебром. Эта сумма складывается из сборов: «с весов» – 700 руб., городских трех магазинов – 60 руб., городской сенокосной степи – 300 руб., с 5100 десятин общественной земли, розданной под хутора – 364 руб. 29 коп., земли на левом берегу Дона за устройства моек для шерсти – 550 руб., с плавучего моста на р. Дон – 600 руб., с мясных лавок – 400 руб., «с протестов векселей, заемных писем и контрактов» – 350 руб., с купеческих капиталов – 600 руб., «однопроцентных с откупной земли» – 200 руб.³⁹

В соответствии с Армянским (Астраханским) судебником обязанности по сбору податей, а также взиманию судебных штрафов и ведению прихода и расхода магистрата были возложены на мешанского старосту. Должность старосты – сборщика податей, штрафов и т. п. – была установлена в ст. 1–14, гл. 11, ч. 2 Армянского судебного судника⁴⁰. Судебник в 3-х частях был составлен первыми судьями астраханского Армянского суда в период с 1746–1748 по 1765 г. Около 1782 г. он был привезен архиепископом Иосифом (Овсепом) Аргутинским из Астрахани в Нахичевань и использовался в качестве правовой основы управления и суда нахичеванских армян. Однако на практике все финансовые функции оказались в ведении городских голов. В середине XIX в. об этом как о вполне устоявшейся системе сообщалось в отчетах магистрата и городских голов. Так, в мае 1854 г. нахичеванские власти докладывали Таганрогскому градоначальнику о том, что в канцелярии городского головы производятся дела, касающиеся только сбора и расхода городских доходов и добровольной складки от нахичеванских жителей⁴¹.

Отчетность по этим сборам перед нахичеванским обществом отсутствовала. Сенатор М. Н. Жемчужников указывает на то обстоятельство, что в прежние годы городские головы никому, кроме нахичеванского общества, не давали отчета в расходовании городских доходов. И только впоследствии, по указанию губернского начальства, была введена финансовая отчетность наравне с другими городами, и городской голова Нахичевани ежегодно представлял отчет о приходе и расходе городских сумм в Екатеринославскую казенную палату⁴².

Однако эти деньги составляли далеко не самую большую часть городского бюджета. Городских доходов было недостаточно для удовлетворения всех необходимых потребностей – на содержание магистрата, полицейской службы в городе и округе, на канцелярию городского головы и другие потребности. Поэтому нахичеванское армянское общество ежегодно вместо земской повинности в порядке добровольного самообложения собирало средства на необходимые нужды. Сумма «добровольной складки» достигала 8 тыс. руб. и, помимо выплаты жалования чиновникам и канцелярским служителям Нахичеванского маги-

страта, расходовалась на содержание Чалтырской почтовой станции, на устройство мостов, гатей, верст, на содержание арестантов в Нахичеванской тюрьме и пр. «В расходовании сей складочной суммы градской глава никому отчетов не дает, исключая одному обществу чрез каждое трехлетие по древнему обычаю»⁴³. По сведениям В. Б. Бархударяна, ежегодная добровольная «складка» при городском голове А. Халибяне и его ставленниках (Капреле Ходжаеве, Хачадуре Хирмаджеве) выросла до 10 тыс. руб. с города и 3 510 руб. с сел⁴⁴. Он же достаточно подробно описал, насколько бесконтрольно распоряжался городскими средствами один из самых известных руководителей Нахичевани А. Халибян (Халибов)⁴⁵. О всесии и безотчетности городских голов в последующем известно и из других источников⁴⁶. Не случайно за период с 1829 по 1857 гг. (за исключением 1830 г.) в магистрате не оказалось сведений ни о доходах из источников городского хозяйства, ни о добровольной складке городских и сельских жителей⁴⁷.

Существенный доход должна была давать земля, находящаяся в городской собственности (13.949 десятин удобной и 6060 десятин неудобной земли, да сверх того еще вымененной у Войска Донского 9.987 десятин 1767 сажений). По мнению М. Н. Жемчужникова, при введении общего существующего в империи порядка заведования городским хозяйством, принадлежащая городу земля могла бы приносить большие выгоды⁴⁸. На городского голову не была прямо возложена обязанность управлять общественной землей, которая в отношении размежевания и отдачи в частное владение состояла в ведении Нахичеванского армянского магистрата. Однако именно голова управлял выгонною города землею, собирал доходы с отданной под хутора общественной земли и участвовал во всех относящихся до хозяйственного управления селениями Нахичеванского округа распоряжениях⁴⁹. Между тем ревизия обнаружила, что с некоторых владельцев городских земель (майор Абрамов, коммерции советник Попов) не взыскивается положенная с таковых плата в городской доход по 25 коп. за десятину⁵⁰. Тем не менее явно симпатизирующий городскому голове сановный ревизор возложил ответственность не на главу города, отвечающего за землю и за сборы, а на нерадивый магистрат и, в еще большей степени, таганрогское градоначальство, проявившее беспечность и невниманье к управлению Нахичеванским округом⁵¹.

В обязанности городского головы входит также попечение о бедных и неимущих нахичеванцах. Деньги на их содержание выделяются из добровольной ежегодно собираемой складки, а в помощь голове для этой цели из почтеннейших граждан избираются попечители, «которые делают все распоряжения по продовольствию вверенных им неимущих армян»⁵².

Из всего описанного М. Н. Жемчужников делает обоснованный вывод о том, что городской

голова «пользуется значительными в Нахичеванском округе преимуществами и что власть его, неопределенная никакими постановлениями, простирается не только на городских жителей, но и на поселян пяти армянских селений»⁵³. Вообще из текста ревизии видно, что сенатор М. Н. Жемчужников относится к городскому голове с явной благосклонностью. И даже тот факт, что голова никому не дает отчета о расходовании средств, собранных в виде добровольной складки, и доходов, получаемых от общественной земли, так же, как и факт неэффективного управления общественными землями, описанный в материалах ревизии, его несколько не смущают.

Ситуация с усилением роли городского головы при одновременном ослаблении магистрата не являлась уникальной, характерной только для Нахичевани-на-Дону. Она была, скорее, общим правилом для российских городов, на что указывал такой известный знаток городского самоуправления, как И. И. Дитятин. «В сущности голова, ... при наличии с его стороны известных качеств, был всем, а дума – ничем. ... Городской голова, в силу того обстоятельства, что к его “особенному ведомству” принадлежали все сношения с административно-правительственными учреждениями, участие в них в качестве представителя города, как такое должностное лицо и в глазах самого правительства или лучше сказать местной администрации являлся, в сравнении со всеми остальными учреждениями, точно так же всем»⁵⁴.

Сенатора М. Н. Жемчужникова, как видно из материалов ревизии, больше всего беспокоило несоответствие Нахичеванского армянского самоуправления российскому законодательству. По его мнению, нахичеванские армяне неправомерно пользуются Астраханским судебником, составленным частными лицами и не являющимся записью обычного права крымских переселенцев. Положения Судебника во многом противоречат российскому законодательству, они архаичны и потому не всегда применяются даже судьями Нахичеванского магистрата. Организация и деятельность магистрата (и прежде всего соединение функций распорядительных, судебных и полицейских в одном органе) и сиротского суда, созданного и действующего на основании общественного приговора самих нахичеванцев, противоречат нормам Свода законов Российской империи. Поэтому сенатор Жемчужников представил в Сенат русский перевод текста Судебника для решения вопроса о допустимости его дальнейшего применения в Нахичевани и предложил, сохранив Нахичеванский округ, полностью перестроить всю систему управления, полиции и суда на основании Свода законов Российской империи.

Предлагалось создать Нахичеванский окружной суд, в ведение которого перешли бы дела магистрата, Сиротский суд Нахичеванского округа в соответствии с нормами Свода законов, отдельную полицейскую часть из выборных горожан и посе-

лян⁵⁵. Для управления общественными делами как города, так и селения, он посчитал необходимым учредить шестигласную окружную думу, которая, «действуя в городе на основании законов о городских думах, управляла бы вместе общественными и хозяйственными делами жителей армянских селений». Председатель думы, избираемый из граждан города, становится городской головой. Но поскольку дума заведует общественными делами и города, и округа, то он должен именоваться главой Нахичеванского округа⁵⁶. Таким образом, фактическое верховенство городского головы Нахичевани получало свое формальное закрепление.

Предложения Жемчужникова не были реализованы ни в части отмены действия Армянского (Астраханского) судебника⁵⁷, ни в части реформирования органов нахичеванского самоуправления. Нахичевань-на-Дону сохранила свою уже традиционную систему управления и суда вплоть до эпохи «великих реформ» и перешла на новый порядок вместе со всей империей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-59-05004 «Армянская община Дона в новейший период: история, институты, идентичность»).

Примечания

- 1 См.: Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 1-е (далее – ПСЗ-I) : в 48 т. Т. 22. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И. В. Канцелярии, 1830. № 16188. С. 358–364.
- 2 См.: Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2-е : в 55 т. (далее – ПСЗ-II). СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И. В. Канцелярии, 1874 Т. 45. № 48498.
- 3 См.: *Куприянов А. И.* Культура городского самоуправления русской провинции. М. : Институт российской истории РАН, 2009. URL: https://statehistory.ru/books/Aleksandr-Kupriyanov_Kultura-gorodskogo-samoupravleniya-russkoj-provintsii-1780-1860-e-gody/1 (дата обращения: 10.01.2020)
- 4 См.: *Батиев Л. В., Минасян Э. Г.* Документы по истории самоуправления Нахичевани-на-Дону в конце XVIII – середине XIX в. из национального архива Армении // Новое прошлое. 2019. № 2. С. 218–230. DOI 10.23683/2500-3224-2019-2-218-230
- 5 См.: *Бархударян В. Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван : Айастан, 1996. С. 47–61.
- 6 См.: *Патканян Г.* История Новой Нахичевани. Нахичевань, 1917.
- 7 См.: *Шахазиз Е.* Исторические зарисовки. Тифлис : Типография ТМ. Ротиняна, 1903.
- 8 См.: *Келле-Шагинов И. М.* Моя единственная жизнь : Дневники и воспоминания. Ростов н/Д : Старые русские, 2015.
- 9 См.: *Богданян А. М.* Из прошлого : Краткий исторический очерк. Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1989.

- ¹⁰ См.: Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 7. Жабокритский – Зяловский. СПб. : Тип. Гл. упр. уделов, 1897. С. 28–29.
- ¹¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812 «О обревизовании сенатором Жемчужниковым Нахичеванского округа».
- ¹² ПСЗ-І. Т. 20. № 14942 ; Т. 24. № 18033, 18811.
- ¹³ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 13 об.–14.
- ¹⁴ Там же. Л. 14.
- ¹⁵ Там же. Л. 78 об.–79.
- ¹⁶ См.: Бархударян В. Б. Указ. соч. С. 55.
- ¹⁷ См.: Дело по отношению Нахичеванского градского головы о доставлении сведения Таганрогскому градоначальнику о бывших градских головах в Нахичеване. Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 139. Оп. 1. Д. 122. Л. 4–4 об.
- ¹⁸ См.: НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 122. Л. 3 об., 17.
- ¹⁹ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 122. Л. 6–6 об., 14.
- ²⁰ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 20 об.
- ²¹ См.: ПСЗ-І. Т. 26. № 20449.
- ²² ПСЗ-І. Т. 29. № 22671.
- ²³ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 122. Л. 3 об.
- ²⁴ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 122. Л. 3–3 об.
- ²⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 14 об.–15.
- ²⁶ См.: Патканян Г. Указ. соч. С. 44.
- ²⁷ Бархударян В. Б. Указ. соч. С. 56.
- ²⁸ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 79–79 об.
- ²⁹ Там же. Л. 79.
- ³⁰ Там же. Л. 15 об., 79.
- ³¹ Там же. Л. 80 об.
- ³² См.: НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 16 об.
- ³³ Подробнее см.: Шахазиз Е. Указ. соч. С. 14–19.
- ³⁴ Там же. С. 33.
- ³⁵ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 79.
- ³⁶ Там же. Л. 43–43 об.
- ³⁷ См.: НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 20–20 об.
- ³⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 81.
- ³⁹ Там же. Л. 81 об.
- ⁴⁰ См.: Государственный архив Саратовской области. Ф. 660, 1 оп., д. 477. Л. 232 об.–235 об.
- ⁴¹ См.: НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 16 об.
- ⁴² См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 81.
- ⁴³ Там же. Л. 82 об.–83.
- ⁴⁴ См.: Бархударян В. Б. Указ. соч. С. 378.
- ⁴⁵ Там же. С. 374–387.
- ⁴⁶ См.: Келле-Шагинов И. М. Указ. соч. С. 300.
- ⁴⁷ См.: НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 122. Л. 5–5 об., 15.
- ⁴⁸ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 82.
- ⁴⁹ Там же. Л. 83–83 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 89 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 83 об.
- ⁵² Там же. Л. 93 об.–94.
- ⁵³ Там же. Л. 95.
- ⁵⁴ Дитятин И. Городское самоуправление в России : в 2 т. Т. 2. Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1877. С. 166–167.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 3–3 об., 100–103.
- ⁵⁶ Там же. Л. 103–103 об., 3 об.
- ⁵⁷ См.: Алексеев К. Изложение законоположений в Армянском судебнике. М., 1870. С. 5.

Образец для цитирования:

Батиев Л. В. Статус и функции городского головы Нахичевани-на-Дону по материалам ревизии сенатором М. Н. Жемчужниковым // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 388–393. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-388-393>

Cite this article as:

Batiev L. V. Status and Functions of the Mayor of Nakhichevan-on-Don According to the Materials of the Audit by Senator M. N. Zhemchuzhnikov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 388–393 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-388-393>

УДК 93/94(091)

Формирование культурно-образовательной среды в годы Гражданской войны в Саратовской губернии (на материалах Балашовского уезда)

С. В. Лёвин

Лёвин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России и Московского региона, Московский государственный областной университет, serg.lewin@yandex.ru

Придя к власти, большевики, наряду с социально-экономическими, политическими, государственно-правовыми преобразованиями, приступили и к культурно-образовательным изменениям. В статье предпринята попытка рассмотреть процесс становления советской культуры и образования в российской провинции на примере и материалах одного из уездов Саратовской губернии. Формулируется вывод, согласно которому начинания уездных властей в этой области общественной жизни не были хорошо продуманы и организованы. Их отличительной особенностью как в самом уездном городе, так и в окрестных селах и деревнях, являлись жесткие командно-административные методы работы местных советских и партийных работников, многие из которых были совершенно некомпетентны в данной сфере.

Ключевые слова: Гражданская война, культура, образование, советская власть, уезд.

Поступила в редакцию: 24.02.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Formation of the Cultural and Educational Environment During the Years of the Civil War in Saratov Gubernia (Based on the Materials of Balashov District)

S. V. Lyovin

Sergei V. Lyovin, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>, Moscow Region State University, 24 Vera Voloshina St., Mytishchi 141014, Russia, serg.lewin@yandex.ru

Having come to power, the Bolsheviks along with socio-economic, political, state and legal transformations began cultural and educational changes. The paper attempts to consider the formation of Soviet culture and education in the Russian province using the example and materials of one of the uyezds of Saratov gubernia. The author comes to the conclusion that the undertakings of the uyezd authorities in this sphere of public life were not well thought out and organized. Their distinctive feature both in an uyezd town itself and in the surrounding hamlets and villages was strict command and administrative methods of work of local Soviet and party workers many of whom were completely incompetent in this sphere.

Keywords: Civil War, culture, education, Soviet power, uyezd.

Received: 24.02.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-394-397>

Становление советского строя в России сопровождалось кардинальными изменениями во всех областях общественной жизни, в том числе и в духовной сфере. Создание культурно-образовательной среды на принципиально новых идейных основах стало одной из важнейших задач большевиков. Особенно значимым это было для малых городов российской провинции. Как в них происходило ее становление, можно рассмотреть на примере одного из аграрных уездов Саратовской губернии – Балашовском. В течение месяца, с 25 октября по 24 ноября 1918 г., в самом Балашове и уезде большевики организовали народный театр, музыкальные и театральные кружки, киносекцию, но «дело их прочной организации» тормозилось нехваткой, а в ряде случаев и полным отсутствием «денежных средств, литературы, декоративных и пр [очих] необходимых принадлежностей»¹. Не удалось создать народный хор, поскольку «объявления в газете и обращение в профессиональные союзы не дали должных результатов: по-видимому, в сознании народных масс еще не созрела потребность в необходимости созидания хорового дела. Что касается оркестра, то ячейка таковой имеется и находится в степени дальнейшего развития...»².

Если народный хор организовать так и не удалось, то оркестровая ячейка получила развитие, потому что городской духовой оркестр оказался востребованным для различных митингов и демонстраций. «В летнем саду в рабочем парке всё время гремела музыка. Митинг шёл за митингом»³, – вспоминал журналист, главный редактор местной газеты «Борьба» М. С. Гельфанд.

Из-за спешки и плохой организации у всех вышеперечисленных секций, сразу же после их образования, начались трудности. Так, у театральной секции не хватало «парикмахерских, декоративных и других театральных принадлежностей», для кинематографической секции «ввиду снежных заносов не были своевременно доставлены картины...», а работа музыкальной секции, после ухода ее руководителя, вообще «не имела определённого характера»⁴. В докладной записке о реорганизации в городе театрального дела, составленной для театральной коллегии, заведующий секцией Н. Б. Кайсаров, обосновывая необходимость выделения денег на театральную студию, писал: «Театральное дело в г. Балашове должно раз навсегда прочно устояться, свободно развиваться и служить руководящим органом для уезда»⁵. Нехватка или отсутствие денег стала одной из главных причин, препятствовавших

организации того или иного культурного мероприятия, функционирования кружка, секции, студии на постоянной основе. Например, кинематографическая секция довольно быстро осталась без картин, поскольку кинопрокатчики требовали предоплату за них, а у секции не было денег.

Пожалуй, одним из немногих успешных проектов, который сразу же приобрел популярность у городского обывателя, стал народный клуб. Его цель определялась в уставе как «объединение пролетарских масс на почве культурных и разумно-полезных развлечений»⁶. «Буржуазные игры», к которым отнесли, например, бильярд, запрещались. Данный запрет даже закреплялся специальным пунктом № 3 протокола заседания уездного исполкома от 27 августа 1918 г.: «Доводится до сведения всех граждан, что игра на бильярдах воспрещается. Имеющиеся бильярды конфискуются и перевозятся в советскую столовую»⁷. Универсальными, образно говоря, представляются обязанности заведующего этим клубом. Он должен не только следить за «игрой в лото и т. п.», но и «не допускать распитие крепких напитков, до разрешения высшего ведомства; не допускать скандалов, кушанья семечек в помещениях, ломанья игральные карт, бросанья на пол окурков и уличных выражений; не допускать лиц в пьяном виде, как в клуб, так сад и театр»⁸. По сути заведующий совмещал функции руководителя и охранника. Однако лужганье семечек и сквернословие стали обычным явлением в народном клубе. Газета «Красный пахарь» в октябре 1919 г. писала: «Но не только в саду, даже и в летнем театре некоторые любители семечек никак не могут отстать от этой “забавы”. На этой почве бывают курьёзы. Так, на прошедшем концерте, певица Асеева перед началом исполнения одного романа обратилась к публике: “Кто-то грызёт семечки, прошу прекратить”. Становится окончательно стыдно за нашу публику»⁹. Администрация театра даже вывесила в фойе объявление, грозившее штрафом за «лужганье семечек».

Хуже, чем в городе, обстояли дела по созданию и развитию культурно-образовательной среды в селах и деревнях уезда. Например, руководитель театральной секции Аркадакской волости жаловался в Балашовский уездный исполком на вмешательство в работу секции представителей местной власти и просил разобраться с этим вопросом¹⁰. 7 октября 1918 г. житель села Большой Мелик Меликской волости И. Ф. Атяскин писал в подотдел искусств отдела образования Балашовского уездного исполнительного комитета о необходимости организации в селе драмкружка и избы-читальни. «В апреле месяце, сего года, – сообщал он, – в нашем селе был организован драматический кружок, и даже пришлось один раз ставить спектакль, но граждане моего села под наущением тёмных лиц кулаков и провокаторов форменным образом разогнали кружок. <...>. В настоящее время желательно бы вновь организовать драматический кружок, но, во-первых, нет средств и нет подходящего свободного

помещения. Желательно бы иметь отдельный дом, где была бы библиотека-читальня и мало-мальски подходящая комната для спектаклей»¹¹.

Следует отметить, что процесс организации библиотек и изб-читален в селах и деревнях уезда проходил достаточно интенсивно. На январь 1919 г. в уезде функционировало 16 библиотек и 85 изб-читален. На конец октября 1920 г. в уезде работало 34 библиотеки и 159 изб-читален¹². Библиотеки организовывались в наиболее крупных селах и объединяли избы-читальни, которые должны были иметься во всех мелких селениях. На содержание библиотеки выделялось 11030 руб. в год. Она работала 6 дней в неделю, а изба-читальня – 3 дня. Библиотекарь должен был не только выдавать книги, но и заниматься «культурным просвещением населения». Им должно быть лицо, «или принадлежащее к советским партиям, или же, в крайнем случае, лицо, изъявившее согласие беспрекословно подчиняться распоряжениям советской власти»¹³. Возможно, предъявлять такое требование к библиотекарям местные власти побудило письмо жителя села Песчанки Самойловской волости Г. П. Кожарина от 28 ноября 1918 г. в уездный отдел народного образования. «У нас в с. Песчанке, – жаловался он, – есть хорошая библиотека с большим количеством книг и с хорошим содержанием их, но заведующего в ней нет, вследствие чего библиотека бездействует и не предвидится, в скором времени, направить её на путь функционирования, так как, должностные лица советских учреждений к библиотеке относятся как к ненужной вещи, а местная интеллигенция, недовольная современным государственным политическим строем в стране, совершенно откачнулась от нас, крестьян и не хочет совсем служить народу в смысле самообразования его. <...>. Да разве мы виновны, что сейчас господствуют большевики, а не кадеты и эсеры, ведь кто бы, не господствовал в стране, но мы всё равно хотим самообразования...»¹⁴.

Приступив к созданию библиотек, большевики столкнулись с серьёзной проблемой – нехваткой грамотных, образованных людей, способных выполнять обязанности библиотекаря. В дальнейшем к этой проблеме добавилась ещё одна – снабжение библиотекарей продовольствием. На местах представители власти попросту забывали вносить их в список нуждающихся в продовольственном обеспечении. Показательно в этом отношении письмо заведующего Боцманово-Ивановской волостной комиссии по ликвидации безграмотности и одновременно выполнявшего обязанности библиотекаря Николая Фёдорова в Балашовскую уездную комиссию по ликвидации неграмотности от 24 января 1921 г. «Прошу, – писал он, – Балашовский укомликбез принять все зависящие от неё меры к тому, чтобы я своевременно, без задержки, получил продовольствие. Не имея хлеба продуктивно работать нельзя. Я в течении двух недель обращался к волотнаробу за получением продовольствия, так как мне обещали выдать его немедленно, но все мои неоднократные поездки оказались напрасными. Мне, не имеющему

куска хлеба, пришлось просить у крестьян хлеба для себя и для голодающего семейства. Прошу ещё раз обратить самое серьёзное внимание на моё положение. Если повторится задержка выдачи хлеба ещё раз, я работать отказываюсь»¹⁵.

Не лучше обстояло дело в уезде со школьным образованием. На 13 октября 1918 г. в ведении городского отдела народного образования находилось 12 начальных общеобразовательных школ и 1 профильное учебное заведение. Но их состояние оставляло желать много лучшего: «В школах нет ни географических карт, ни научных пособий по ботанике, зоологии и географии, ни физических приборов»¹⁶. В докладе городского уездного отдела народного образования о состоянии «школьного дела» в уезде от 12 ноября 1918 г. констатировалось его плачевное состояние. «Общая разруха не обошла и школы, – говорится в докладе, – они, вследствие постоя солдат, оказались в полном упадке и доведены были до такого состояния, что потеряли вид и значение школы: стены исписаны, окна разбиты, двери и мебель поломаны, уборные приведены в негодность, классной мебели недостаточно...»¹⁷. На состоявшемся 22 ноября 1918 г. заседании комиссии городского отдела народного образования было принято решение о постепенном восстановлении волостных школ, в которых, помимо учебного процесса, предполагалось наличие горячих завтраков для учеников.

В школах появляются правила поведения для учащихся. Определенный интерес представляют правила поведения учащихся школы № 3 г. Балашова, разработанные школьным учительским советом, от 12 декабря 1918 г., обнаруженные в архивном отделе муниципального казённого учреждения «Административно-хозяйственное управление Балашовского муниципального района». Они свидетельствуют, насколько сильно деформировались повседневные практики и менталитет подрастающего поколения под воздействием революционных событий 1917 г. и последующих кардинальных изменений общественной жизни. Первые три пункта правил носят запретительный характер: «1. Запрещается курение в классах, зале и коридорах. Курение допускается лишь в особой комнате, на то отведённой, где за чистотой и исправной вентиляцией должны следить дежурные и самих учащихся. 2. Безусловно, запрещается шелушение семечек в стенах школы. 3. Запрещается быть в шапках и фуражках в классах, зале и коридорах»¹⁸.

Как видим, учителя в первую очередь стремились вернуть в советскую школу атмосферу сотрудничества педагога и учеников, а не «революционного натиска на старое, отжившее». К сожалению, далеко не везде руководство школы, ее педагоги имели такой взгляд на учебный процесс. Многие учителя предназначение советской школы видели не столько в предоставлении знаний подрастающему поколению, сколько в воспитании «строителя коммунизма», «бойца мировой революции» и т. д. Это самым негативным образом влияло на учебный процесс.

Впрочем, даже такого рода учителей не хватало. Обеспеченность школ уезда педагогами оставалась на довольно низком уровне, особенно волостных. Например, жители с. Тростянка в сентябре 1919 г. жаловались в уисполком на отсутствие в школе учителя и необходимых учебных принадлежностей¹⁹. Из Самойловской волости в уездный отдел народного образования осенью 1919 г. поступило письмо, в котором сообщалось об «уходе в продолжительный запой» школьного учителя М. Ивантьева²⁰. Газета «Красный пахарь» от 28 января 1920 г. обратила внимание на плачевное состояние школьного дела в с. Малый Мелик: «Учительский персонал не ведёт никакой культурно-просветительской работы, даже не аккуратно ведутся занятия в школе. Так, учительница Е. Финогонова уехала в отпуск и до сих пор не возвращается. Вторая учительница П. Дадаева, тоже собирается уйти из М. Мелика, и тогда школа совсем опустеет»²¹.

Острым оставался вопрос обеспечения школ дровами. Корреспондент «Красного пахаря» Охлопков, побывав в феврале 1920 г. в трех волостях уезда, писал: «На днях мне пришлось проехать несколько волостей, как то: Романовскую, Бобылёвскую и Родничковскую, где пришлось наблюдать печальную картину. Несмотря на то, что с самой осени уездным исполнительным комитетом было вынесено протокольное постановление о снабжении топливом школ и учреждений – в первую голову, до сего времени за отсутствием топлива много школ бездействуют – и лишь кое-где влачат жалкое существование»²². Рассматривая состояние школьного дела в Ивановской 2-й волости, газета в феврале 1920 г. сообщала: «Почти половина школ в волости или совсем не функционируют, или занятия в них то и дело прерываются. Причина к этому одна – отсутствие топлива»²³.

Нередко помещение школы использовалось не по назначению, например, для проведения собраний населения, партийных заседаний. Советский работник Г. И. Щербаков, приехавший на собрание жителей с. Выселки Аркадакской волости в октябре 1919 г., с удивлением обнаружил, что собрание должно состояться в школе: «Когда мы на следующий день пришли в школу, где должно состояться собрание, то нам бросилась в глаза вся беспорядочность, которая царил в школе. Самый большой класс школы был битком набит крестьянами, которые как бы наперегонки грызли семена, кругом носился неопишущий шум...»²⁴.

Следует обратить внимание на вопрос отношения сельчан к процессу учебы и учительскому персоналу. Еще со времён императорской России у сельского обывателя сложилось уважительно-почтительное отношение к учебе как некоему процессу, позволяющему образованному человеку «выбиться в люди», и к учителю – как главному источнику знаний и общей культуры. Впрочем, последний элемент для крестьян не всегда играл существенную роль. Для них гораздо важнее были практические выгоды от полученного образования.

Произошедшие сдвиги в общественной жизни изменили взгляд сельского обывателя на школу и ее значение. Образование максимально обесценилось, оно оказалось невостребованным сельским социумом. Поэтому во многих селах и деревнях занятия просто прекратились, а здание школы, если оно имелось (чаще в роли школы выступала обычная изба, только более просторная по сравнению с другими домами), превращалось в Народный дом, в котором и устраивались собрания жителей. Удивительно, но в некоторых волостях уезда в 1918–1921 гг. сохранялись частные учебные заведения, организованные еще до революции. К примеру, в Самойловке в 1919 г. функционировала школа 2-го разряда А. И. Митякиной. В ней еще в ноябре 1919 г. учащиеся называли друг друга «барышнями» и «кавалерами»²⁵. В школе существовали кружок самообразования учащихся и театральная секция. Учителя школы, математик С. Н. Габузов и его жена, историк и филолог М. В. Габузова, занимались репетиторством, беря по 50 руб. за месяц занятий²⁶.

В целом в годы Гражданской войны создать в уезде стабильно функционировавшую систему школьного образования местной власти не удалось. Можно обозначить следующие причины этого: а) невозможность в условиях проходивших боевых действий на территории уезда укрепить, а в большинстве школ создать их материальную базу; б) катастрофическая нехватка учительских кадров, особенно предметников; в) нехватка, а во многих случаях полное отсутствие учебников, карт, глобусов, тетрадей, канцелярских принадлежностей; г) несвоевременный подвоз (или вообще отсутствие такового) дров.

Таким образом, можно констатировать, что все попытки балашовских властей быстро, фигурально выражаясь, «кавалерийским наскоком», командно-административными методами, создать постоянно и результативно действующие культурные и учебные учреждения успехом не увенчались. Справедливости ради следует отметить, что и до революции купеческий уездный город, каковым являлся Балашов, и аграрные окрестные села и деревни имели невысокий уровень культурного развития. В плане образования было сделано несколько больше, особенно балашовским земством, которое открывало новые школы как в самом городе, так и в крупных населенных пунктах уезда. А потому начинания большевиков в сфере образования оказались более результативными, чем в культурной.

Примечания

- 1 Архивный отдел муниципального казённого учреждения Административно-хозяйственного управления Балашовского муниципального района (далее – МКУ «АХУ БМР»). Ф. Р–51. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.
- 2 Там же. Л. 1 об.
- 3 Цит. по: *Смотров В. В., Смотров О. В.* Балашовское Прихопёрье в огне гражданской войны (1918–1921). Балашов : Николаев, 2006. С. 146.
- 4 МКУ «АХУ БМР». Ф. Р–51. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.
- 5 Там же. Д. 36. Л. 1.
- 6 Там же. Д. 54. Л. 4.
- 7 Там же. Ф. Р–39. Оп. 1. Д. 6. Л. 108.
- 8 Там же. Ф. Р–51. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 об.
- 9 Мелочи жизни. На «бойком» месте // Красный пахарь. 1919. 14 окт. № 205. С. 2.
- 10 См.: Коллекция материалов по теме «Аркадакский край в годы гражданской войны» // Аркадакский краеведческий музей. Научно-вспомогательный фонд. Папка № 3. Л. 6.
- 11 МКУ «АХУ БМР». Ф. Р–51. Оп. 1. Д. 57. Л. 61.
- 12 См.: Три года советской власти // Красный пахарь. 1920. 25 окт. № 216. С. 2.
- 13 МКУ «АХУ БМР». Ф. Р–51. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.
- 14 Там же. Д. 37. Л. 34.
- 15 Там же. Д. 170. Л. 132–132 об.
- 16 Там же. Д. 45. Л. 30.
- 17 Там же. Л. 29.
- 18 Там же. Д. 37. Л. 86.
- 19 См.: Историко-краеведческий музей МОУ СОШ с. Тростянка Балашовского района [Документы стенда].
- 20 Сектор по делам архивов администрации ОМО Самойловского района. Ф. 64. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.
- 21 Плохо работают (с. Малый Мелик) // Красный пахарь. 1920. 28 янв. № 16. С. 2.
- 22 *Охлопков.* Топливо в уезде // Красный пахарь. 1920. 14 фев. № 30. С. 1.
- 23 *Холодный.* По уезду. В уезде закипела работа по топливу, а ивановцы спят (с. 2-я Ивановка) // Красный пахарь. 1920. 27 фев. № 42. С. 2.
- 24 *Шербаков Г. И.* По уезду // Красный пахарь. 1919. 16 окт. № 207. С. 1.
- 25 Сектор по делам архивов администрации ОМО Самойловского района. Ф. 64. Оп. 1. Д. 43. Л. 6–6 об.
- 26 См.: *Михайлова О. А.* Самойловка и самойловцы в недалёком прошлом // Из истории Балашовского Прихопёрья и Балашовского уезда : сб. статей краеведов / отв. ред. Т. Л. Васина. Балашов : Николаев, 2010. С. 122.

Образец для цитирования:

Лёвин С. В. Формирование культурно-образовательной среды в годы Гражданской войны в Саратовской губернии (на материалах Балашовского уезда) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 394–397. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-394-397>

Cite this article as:

Lyovin S. V. The Formation of the Cultural and Educational Environment During the Years of the Civil War in Saratov Gubernia (Based on the Materials of Balashov District). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 394–397 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-394-397>

УДК 322(470.44)|1941/1942|

Взаимоотношение Советского государства и Русской Православной Церкви в начальный период Великой Отечественной войны (на материалах Саратовского Поволжья)

Я. Ю. Гусева

Гусева Яна Юрьевна, соискатель кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, YanaGuseva85@mail.ru

В статье раскрываются взаимоотношения Советского государства и Русской Православной Церкви (РПЦ) в начальный период Великой Отечественной войны на территории Саратовского Поволжья. Исследуется стремительное изменение политики государства в отношении РПЦ: от откровенно враждебной до доброжелательной к концу 1942 г. На анализе конкретных фактов выявляются важнейшие причины такой трансформации, среди которых выделяется массовое открытие храмов на оккупированной территории. Информация о лояльном отношении оккупантов к верующим доходила до Саратовской области и вызывала определенную неблагоприятную для власти реакцию населения. Переход государства от политики разгрома РПЦ к восстановлению ее деятельности происходил настолько быстро, что вызывал удивление верующих и растерянность функционеров нижних звеньев власти, не получавших информации о причинах такого явления.

Ключевые слова: взаимоотношения Советского государства и Русской Православной Церкви, начальный период Великой Отечественной войны, Саратовская область, Саратовская епархия, открытие храмов.

Поступила в редакцию: 04.01.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Relationship Between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in the Initial Period of the Great Patriotic War (on the Materials of the Saratov Volga Region)

Ya. Yu. Guseva

Yana Yu. Guseva, <https://orcid.org/0000-0003-0014-5448>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, YanaGuseva85@mail.ru

The article reveals the relationship between the Soviet state and the Russian Orthodox Church (ROC) in the initial period of World War II on the territory of the Saratov Volga region. The author explores the rapid change in state policy towards the Russian Orthodox Church: from openly hostile to benevolent by the end of 1942. On the analysis of concrete facts, the author identifies the most important reasons for such a transformation. Among them, the author also highlights the mass opening of churches in the occupied territory. Information about the loyal attitude of the invaders towards the believers reached the

Saratov region and caused a certain unfavorable reaction of the population for the authorities. The transition of the state from the policy of defeating the Russian Orthodox Church to the restoration of its activity took place so quickly that it surprised the believers and confused the functionaries of the lower echelons of power who did not receive information about the causes of this phenomenon.

Keywords: Relations between the Soviet state and the Russian Orthodox Church, the initial period of the Great Patriotic War, Saratov Region, Saratov Diocese, opening of churches.

Received: 04.01.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-398-404>

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война изменила установившийся к концу 1930-х гг. уклад жизни в СССР. Довольно скоро стало меняться и отношение государства к Русской Православной Церкви. К началу Великой Отечественной войны она была фактически разгромлена, множество запретов опутывало ее со всех сторон, сотни священников томились в тюрьмах и лагерях. Накануне войны в Советском Союзе осталось около 100 соборных и приходских храмов¹. Русская Православная Церковь в Саратовской области накануне войны также была на грани уничтожения². С 1937 г. по июнь 1942 г. в Саратовской епархии не было правящего епископа³. Саратовская епархия не была упразднена, но не действовала фактически, так же как и другие епархии региона: Астраханская, Сталинградская⁴. Если в 1928 г. на территории современной области насчитывалось до полутора тысяч православных храмов, которые проводили в среднем до 20 тыс. официальных религиозных мероприятий в месяц⁵, то к 1941 г. легально действующих храмов и молитвенных домов РПЦ в Саратовской области не осталось⁶. В 1930-е гг. 211 церквей использовались под производственные нужды⁷.

Передача храмов организациям и их разрушение продолжалось и в предвоенные месяцы 1941 г. Так, 14 апреля Волжским райисполкомом г. Саратова было постановлено разобрать купола Духосошестввенской церкви и взамен установить крышу, а 13 июня 1941 г. власть приняла решение о переоборудовании здания Духосошестввенской церкви под кинотеатр⁸.

Разгром церковной организации не привел к желательным для советских властей результатам. С уничтожением большей части духовенства не

исчезла потребность колоссального количества людей в религиозной вере. В 1940 г. в Антоновке Ершовского района Саратовской области в средней школе на новогодней елке вместо звезды был обнаружен бумажный крест. В Бакурском районе верующие организовали тайные молитвенные дома, проводя собрания друг у друга⁹. В Базарно-Карабулакском районе в селах Базарный Карабулак, Алексеевка, Толстовка, Березовка и других совершались религиозные обряды, крещения детей и похороны¹⁰. В предвоенные годы в Ртищевском районе проводил активную работу среди населения «поп – передвижка»¹¹.

Ж. В. Яковлева отмечает массовость обозначенных выше явлений в Саратовском Поволжье. Она пишет, что атмосфера повседневности жителей региона конца 1930 – начала 1940-х гг. была пропитана эсхатологическими настроениями – широким распространением слухов о скором конце света. Виной тому были все тяготы жизни, которые каждодневно приходилось преодолевать человеку. Трансформация веры поднимала на поверхность пласты суеверия и языческих страхов, создавая неразбериху в головах¹². Например, заведующая магазином в Октябрьском районе г. Саратова получила записку, в которой было написано, что для спасения нужно каждый день читать молитву «Отче наш». При этом указывалось, что такую же записку нужно раздать другим 9 верующим людям. Если никому не передать, то в жизни этого человека случится «великая скорбь»¹³.

С началом Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь оказывала активную практическую помощь стране¹⁴. Саратовская епархия также заняла патриотическую позицию. Архиепископ Андрей (Комаров), назначенный на саратовскую кафедру 9 декабря 1941 г., писал послания к верующим, в которых укреплял уверенность в том, что близок час победы, призывал во что бы то ни стало одолеть врага¹⁵. Сменивший его на саратовской кафедре архиепископ Григорий Чуков призывал верующих к пожертвованию на строительство танковых колонн, помощь инвалидам войны, потерявшим трудоспособность, и их семьям¹⁶. Православное духовенство Нижней Волги активно выступало с патриотическими проповедями. В первой проповеди 8 октября 1942 г. настоятель Свято-Троицкого собора г. Саратова о. Борис (Вик) призвал верующих сплотиться в борьбе против нацистов, показать свой истинно русский патриотизм как на фронте, так и в тылу¹⁷. Не прекращались и молитвы о даровании победы над фашизмом¹⁸. По мнению ряда исследователей, именно такая патриотическая позиция РПЦ повлияла на улучшение государственно-церковных отношений.

Но главными причинами изменения отношений власти и Церкви все же были внешнеполитические факторы и, в частности, церковная политика нацистского режима на оккупированных территориях. Гитлер в 1941 г. секретным прика-

зом запретил во время войны с СССР проведение каких-либо мероприятий против Церкви. На территориях, подвергшихся немецкой оккупации с 1941-го по 1943 г., было открыто около 9 тыс. православных храмов. Тем самым нацистский режим пытался обеспечить лояльность населения к своей власти. В то же время на подконтрольной советскому руководству территории СССР за все годы войны действовало лишь 718 храмов¹⁹. Этот факт отмечается не только протоиреем Г. Митрофановым, но и такими известными исследователями положения РПЦ в годы Великой Отечественной войны, как О. В. Васильева, С. А. Мордвинов, К. А. Полозова, И. Я. Шимон, М. В. Шкаровский, В. Н. Якунин и др.

Религиозная политика нацистского режима на оккупированной территории порождала нежелательные явления в тыловых регионах, в том числе в Саратовской области. Заведующий отделом пропаганды и агитации Саратовского горкома ВКП (б) писал 17 сентября 1941 г.: «Есть такие граждане, которые говорят, что Гитлер ведет войну с коммунистами, а население не трогает, церкви не разрушает, а потому ему сопротивляться не следует»²⁰. Инструктор по информации горкома ВКП (б) Абкина сообщала 15 октября 1942 г. секретарю Саратовского горкома ВКП (б), что в рабочую среду проникли нездоровые настроения. Например, работницы фабрики-кухни завода комбайнов говорили о том, что фашисты не трогают верующих людей. Одна из них добавила: «Я-то кое-что знаю из Закона Божьего, а вот дочь у меня не знает, нужно ее подучить»²¹.

Была и другая внешнеполитическая причина изменения политики государства в отношении РПЦ. Советское руководство активно добивалось открытия Второго фронта, надеясь на военную помощь США и Великобритании. РПЦ в связи с этим уже во второй половине 1941 г. выступала на международной арене с апологетической позицией по отношению к политике СССР. Так, обязанность озвучить ряд официальных заявлений от лица православного епископата о положении Церкви в Советском Союзе была возложена на архиепископа Саратовского Андрея (Комарова), который 24 декабря 1941 г. дал интервью Гилмору Кингу, корреспонденту агентства «Ассошиэйтед пресс» (США)²².

Архиепископ Андрей акцентировал внимание на широкой патриотической работе Церкви в обществе, подчеркнул, что во всех храмах служатся торжественные молебны о победе войск антигитлеровской коалиции, что верующие надеются на бескорыстную братскую помощь США своему союзнику – России. На вопрос корреспондента о положении духовенства и верующих в СССР архиепископ Андрей ответил: «Советская власть никогда не ограничивала свободу вероисповедания. Советская власть твердо держится принципа веротерпимости для всех религий»²³. Объективность этого утверждения достаточно легко опро-

вергается многочисленными примерами из жизни РПЦ 1930-х гг., однако в качестве оправдания сказанному архиепископом Андреем можно зачесть тот факт, что в конце 1941 г. в политике советского руководства по отношению к РПЦ реально стали происходить позитивные сдвиги.

В результате изменения государственно-церковных отношений появилась возможность совершать архиерейские хиротонии²⁴. Осенью 1941 – зимой 1942 гг. начинается работа по восстановлению епархиальной жизни в Поволжье. Будущий архиепископ Саратовский и Петровский Андрей (Комаров) благодаря заступничеству митрополита Сергия был отпущен на свободу в начале сентября 1941 г. С 25 сентября по 9 декабря 1941 г., он управлял Куйбышевской епархией, далее получил назначение на Саратовскую кафедру. Но так как в Саратове не было ни одного действующего храма, архиепископ Андрей до сентября 1942 г. продолжал жить в Куйбышеве, начав ходатайствовать об открытии Свято-Троицкого собора Саратова²⁵. 26 августа 1942 г. его перевели в Казанскую епархию²⁶.

В октябре 1942 г. Саратовскую епархию возглавил архиепископ Григорий (Чуков). Архиепископ, а тогда еще только митрофорный протоиерей Николай Чуков, находился в ссылке в Саратове с 10 марта 1935 г. Письмо митрополита Сергия с просьбой о принятии монашества с последующим архиерейством пришло и в Саратов в октябре 1942 г. После некоторых раздумий о. Николай согласился. 12 октября 1942 г. митрополит Сергий вручил ему указ о назначении его епископом Саратовским²⁷.

Спустя некоторое время после начала Великой Отечественной войны была прекращена антирелигиозная пропаганда. Вместо этого пропагандисты и агитаторы стали больше говорить о патриотизме, о героическом прошлом русского народа, не отделяя его от церкви²⁸. Так, если в 1940 г. в Саратовской области на естественно-научные и антирелигиозные темы было прочитано 2315 лекций, проведено 80 семинаров, 120 художественных постановок, 350 антирелигиозных экскурсий²⁹, то после начала Великой Отечественной войны в документах Саратовского обкома партии можно встретить упоминания лишь отдельных выступлений на антирелигиозную тему.

Позднее на пленуме обкома ВКП (б) 6 декабря 1942 г. первый секретарь Саратовского обкома ВКП (б) П. Т. Комаров сказал, что в данное время «никаких особенных задач антирелигиозной пропаганды не стоит. Вести антирелигиозную пропаганду в тех формах, что до войны – нет необходимости. Значит ли это, что мы должны молчать в этом направлении? Нет. Надо вести индивидуальную работу, но никаких антипасхальных и антирождественских работ не проводить»³⁰. Из этой фразы партийного секретаря можно сделать вывод о том, что довоенный жесткий курс на подавление

религиозного сознания населения руководством страны был отменен. Вместе с тем каких-то новых задач в отношении пропагандистской работы среди верующих поставлено не было.

Население нередко удивленно реагировало на изменение государственно-церковных отношений. Среди вопросов, задаваемых пропагандистам в ноябре 1941 г., был и такой: «Чем объяснить, что даже епископы посылают нам приветствия». На семинаре работников пропаганды и агитации было сказано, что население интересовалось вопросом: правда ли, что в воинских частях будут служить «попы»³¹?

Постепенно местные органы власти и управления и сами стали понимать, как важно сконцентрировать верующую часть населения вокруг РПЦ. Для осуществления этой цели необходимо было увеличить количество церквей в тыловых областях страны. При открытии церквей местные власти преследовали две основные цели: 1) Церковь становилась очагом, источником патриотических настроений; 2) Церковь стала добровольным организатором сбора средств на нужды обороны среди верующих³². Открытие церквей происходило в районах, имеющих важное стратегическое значение (промышленных, сельскохозяйственных центрах и железнодорожных узлах) и большую численность населения.

8 октября 1942 г. исполком Саратовского городского Совета принял решение о заключении договора с группой верующих о передаче Старого собора по ул. Ленина, дом 6 в бесплатное арендное пользование. На заключение договора был уполномочен заместитель председателя исполкома Саратовского горсовета А. Ф. Железняков. Согласно договору верующие обязались не допускать политических собраний, произнесение проповедей, содержащих выпады против Советской власти, совершение религиозных обрядов над детьми без письменного согласия их родителей. Верующие были обязаны беспрепятственно допускать в здание церкви представителей исполкома горсовета для осмотра и проверки имущества. Важным пунктом было требование документов из ЗАГСа при совершении обрядов (крещений, погребений и др.)³³.

Открытие собора произошло в 1942 г. не случайно. Шли кровопролитные бои под Сталинградом, противник усиленно бомбил заводы прифронтового Саратова, железнодорожный мост через Волгу, нефтебазу в районе Улеши³⁴. Инструктор Саратовского горкома ВКП (б) Абкина 26 сентября 1942 г. докладывала: «Во время появлений вражеских самолетов над городом начинается стрельба из зенитных орудий. Расходятся заряды, засыпают осколками город, снаряды рвутся на больших расстояниях от самолетов и не дают эффекта... В связи с налетами напряжение в городе возросло»³⁵. Людям нужна была духовная поддержка и утешение, которые они нашли во вновь открытом храме.

В докладной записке от 15 октября 1942 г. на имя первого секретаря горкома ВКП (б) коммунист Разумова сообщала, что в храме на первой службе преобладали женщины, больше пожилые, но были военные и молодежь. Присутствующие разговаривали: «Вот разрушили такое сокровище, а теперь восстанавливают». Или: «Смотрите, сколько детей, да они молиться не умеют». В ответ: Научатся, теперь батюшка будет преподавать Закон Божий». Другая старушка вздыхала: «Ох! Господи только бы принять христианский обряд, а там и умирать не страшно»³⁶.

«Старый» собор стал местом проведения пастьерско-богословских курсов для прибывших из разных мест Саратовской областей священников, центром подготовки причтов в открывавшиеся храмы. Подготовка собора к открытию, комплектование причта и двадцатки, назначение настоятеля были осуществлены архиепископом Андреем Комаровым. Открытие и освящение собора были отмечены благодарностью от Патриархии. Налаживанию служения, возрождению литургической жизни собор и епархия обязаны митрополиту Григорию (Чукову), сменившему архиепископа Андрея³⁷.

Возобновление литургической жизни происходило непросто. Дневники архиепископа Григория создают атмосферу тех дней. Владыка записал в своем дневнике: «Облачать архиерея некому и сегодня ... я должен был стоять некоторое время на облачальном амвоне ... Пришел уже в полном облачении о. В. Спиридонов и кое-как облачили вместе с одной монахиней, причем с омофором возились порядочное время ... Алтарница-монахиня в алтаре одна и ... ни с чем определенно не справляется ... Чтец часов, Смирнов читал с большими ошибками ... Какое уж тут "благолепие"»³⁸.

Взаимоотношения областной администрации с епархиальным руководством в лице архиепископа Григория Чукова складывались благополучно. Архиепископ посетил горсовет и облисполком 12 октября 1942 г., сразу после своего приезда в Саратов. Он беседовал с председателем горисполкома Саратовского городского совета депутатов трудящихся А. И. Ключниковым и председателем облисполкома И. А. Власовым. Архиепископ писал в своем дневнике: «...Принимали везде очень внимательно, без малейшей задержки, беседовали подробно». В горсовете владыку уже знали, потому беседовали главным образом о работе по храму. В облисполкоме пришлось подробно рассказать о себе, о назначении, об архиепископе Андрее.

Председатель Саратовского облисполкома И. А. Власов все записывал: какие степени священства, кто такие епископ, архиепископ и митрополит, почему нет Патриарха, кто такие обновленцы, чем они отличаются от Патриаршей Церкви, есть ли за границей наш епископат и где, сколько в какой области приходов и т. п. Председатель облисполкома объяснил, что не хочет быть безграмотным в этой области³⁹. И. А. Власов поинте-

ресовался открытием новых приходов в области: «Чтобы нам не отставать от других...». Из этой, вскользь произнесенной фразы можно понять, что осенью 1942 г. в партийных и советских органах на смену довоенной соревновательной кампании по закрытию храмов пришла и развивалась другая, более умеренная и спокойная кампания противоположного содержания – по открытию церквей и передаче их верующим.

Отвечая Власову, Владыка сказал, что вопрос открытия новых приходов тесно связан с подбором кадров, который не так просто осуществить. «Каждого кандидата необходимо просмотреть, тщательно и серьезно проинструктировать, чтобы не дискредитировать себя и Церковь и в глазах прихожан, и советской власти»⁴⁰.

Реставрацию Свято-Троицкого храма местные органы власти сразу же взяли под свой контроль. Так, на первой же встрече в горсовете попроси ли владыку поскорее отремонтировать собор внутри и заготовить нужные материалы для наружного ремонта храма и ограды. В горсовете объяснили, что это необходимо и для сохранения собора как исторического памятника, и для того, чтобы не было недовольства верующих беспечным отношением советской власти к охране церкви. Не последней причиной было желание показать заботу о благолепии храма приезжавшим властям и иностранцам⁴¹.

Распространенной реакцией на открытии храма среди населения, особенно верующего, было удивление и смятение. Так, после открытия храма в Саратове у населения было столько вопросов, что райкомы партии «не в состоянии были на них отвечать». В числе часто задаваемых вопросов были следующие: «... Чем вызвано открытие церквей?», «Правда ли что священнослужители служат панихиды за павших бойцов?», «Правильно ли, что при служении в церкви поет хор театра оперы и балета имени Чернышевского?»⁴². Последний вопрос задавался и секретарю обкома ВКП (б) на 9-м пленуме 13–16 ноября 1942 г., на который он так и не ответил. Вернее ответил так: «Если уж очень интересуется, то сходите в церковь и посмотрите». Архиепископ Григорий Чуков, назначенный в это время на саратовскую кафедру, в своих дневниках ничего не пишет об этом. Более того, владыка оставил такую запись о хоре 15 ноября 1942 г.: «Певчие плохи – во время причастного запели что-то нотное, да должны были посередине остановиться и перейти на простое...»⁴³ Вряд ли в дневнике шла речь о хоре театра. В архивных документах сведений об упомянутом хоре также не удалось обнаружить.

Открытие храма и отсутствие какой-либо информации о резкой смене политики государства в отношении церкви вызвало новую вспышку различного рода домыслов саратовских обывателей.

Среди населения ходили разговоры, что «Черчилль заставил открыть церкви, что скоро будет НЭП, и англичане будут торговать в Саратове»⁴⁴. Секретарь обкома ВКП (б) П. Т. Комаров в связи

с данными слухами больше всего был расстроен тем, что даже некоторые партийные агитаторы поддались на эти разговоры. Он говорил: «Различного рода враждебные элементы распустили целый ряд слухов, вроде того, что открытие церкви – это ультиматум Англии... Что вслед за этим последует введение свободной торговли, отмена колхозов. Беда в том, что находятся такие агитаторы, которые спрашивают, правда ли это»⁴⁵.

Секретарь обкома партии признался, что международный фактор действительно влиял на новую религиозную политику. Открытие церквей стало ответом консервативным группировкам... негативно относящимся к оказанию помощи Советскому Союзу. Причину своего отношения они объясняли тем, что в СССР имеют место гонения на церковь, в результате чего были закрыты все храмы. Но при этом П. Т. Комаров пояснил, что «не нужно думать, что Англия и Америка на нас надавили, потому что на давление... мы не очень-то податливы, даже если бы такое давление и было»⁴⁶.

Интрига, связанная с открытием храма, усиливалась тем, что районным и местным властям даже не сообщили об этом событии. Зачастую народ узнавал новости раньше администрации. Так, в одном селе секретарь парторганизации собирался написать заявление в НКВД с обвинением в контрреволюции на женщину, которая рассказывала об открытии храма в Саратове. Позже, узнав, что церковь действительно открыли, сказал: «Какой же я после этого агитатор на селе. Нужно было бы хотя бы по телефону позвонить и нам, и активу. Агитаторам нужно сообщать о новых вопросах нашей жизни. Партия провела большую работу по закрытию церквей, в отдельных местах может быть допускали перегибы, а потом вдруг такой переворот и мы узнаем после народа»⁴⁷.

В Озинках также распространился слух об открытии церкви. Первый секретарь райкома партии тоже не обладал достоверной информацией. Думая, что разговоры не соответствуют истине, решил подготовить доклад на антирелигиозную тему. Смятение продолжалось до тех пор, пока в село не приехал военный из города и не рассказал, что сам лично был в открывшейся церкви. Первый секретарь райкома писал: «Люди приходили за выяснением того или иного вопроса, а мы были не подготовлены».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что решение об открытии храма в Саратове принималось келейно, на уровнях центральной и областной власти без соответствующего информирования и подготовки нижестоящих партийных и государственных структур, агитационно-пропагандистского аппарата и населения. Отмеченное свидетельствует о том, что, по крайней мере, в 1942 г. центральная власть шла на открытие храмов вынужденно и не хотела излишней огласки такого рода акций.

На 9-м пленуме обкома ВКП (б), проходившем с 13 по 16 ноября 1942 г., П. Т. Комаров выступил с

докладом, в котором попытался объяснить причину открытия церкви. Он напомнил, что Конституция СССР признавала свободу вероисповедания равно, как и свободу антирелигиозной пропаганды. Это положение осталось неизменным и в военное время. При этом он пояснил, что отношение большевиков к церкви и религии не изменилось, принципиальная линия осталась той же, как она была очерчена в программе партии и в работах Ленина. Но в ходе войны история исправила ошибки, допущенные до войны, которые состояли в «переадминистрировании». Вместо того, чтобы вести разъяснительную работу среди верующих, большевики сбросили со счетов наличие части верующих нашей страны. П. Т. Комаров привел пример, что в Куйбышеве 2 церкви действовали как до войны, так и во время. И далее объяснил, что верующие люди, если не имеют возможности свободно проводить религиозные обряды, то они невольно ищут места для тайного их совершения. А это создавало условия, чтобы вокруг этих нелегальных церквей группировались всякие контрреволюционные элементы. «Пусть лучше верующие совершат эти обряды легально, чем в потаенных местах»⁴⁸, – сделал вывод Комаров.

Рассуждая о верующих, П. Т. Комаров сказал, что неправильно думать, что все верующие – враги советской власти: «Это наши же советские люди. Это наши отцы, бабушки, дедушки, они же за Советскую власть, но когда-то их воспитывали в религиозном духе, а мы еще не добились того, чтобы их перевоспитать». И в связи с этим, задал вопрос: «Стоит ли обострять отношения с какой-то группой советских людей, которые по отношению к нам не враждебно настроены, но недовольны тем, что они вынуждены совершать религиозные обряды не в церкви? Вот почему Саратовский горсовет и пошел на то, чтобы удовлетворить просьбу верующих об открытии церкви»⁴⁹.

Такое объяснение удовлетворило далеко не всех. Большинство районных функционеров, агитаторов и пропагандистов сходились в одном: «Обкому надо было бы создать в связи с открытием церкви заведующих отделами агитации и пропаганды и дать соответствующую установку»⁵⁰. П. Т. Комаров ответил на эти обвинения следующим образом: «Здесь очень много вопросов, я их все читать не буду, они все похожи одни на другой, это по вопросу о церкви. Сумятица в головах по этому вопросу очень большая, и это свидетельствовало о том, что многие агитаторы и пропагандисты не умеют самостоятельно разбираться в таком уж несложном вопросе, а обязательно ждут какой-то директивы сверху»⁵¹.

Удивительный ответ секретаря обкома партии! Фактически он уклонился от ответа. Это свидетельствует о некоторой его растерянности и неподготовленности к подобным вопросам. В связи с этим можно предположить, что указания сверху по поводу нового отношения к церкви ему были даны четкие и однозначные, но без каких-

либо разъяснений причин резкого изменения политики центральной власти.

Вся предшествующая практика партийно-политической работы на местах, все проводившиеся в отношении церкви мероприятия довоенного периода осуществлялись под жестким контролем вышестоящих органов и не давали исполнителям никакой самостоятельности. Наоборот, всякая несогласованная инициатива осуждалась и преследовалась. За многие годы своей работы партийно-государственные функционеры привыкли к такому стилю работы и боялись проявлять самостоятельность и творчество. Теперь совершенно неожиданно их за это упрекали.

Следует отметить, что очень похожий случай массовой растерянности партийно-государственных функционеров на местах в СССР имел место и раньше, в разгар коллективизационной кампании, когда 2 марта 1930 г. в газете «Правда» была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», где суровой критике были подвергнуты те самые методы принудительной коллективизации, которые изо дня в день диктовались сверху. Аппарат на местах добросовестно их выполнял, но вдруг в сталинской статье был обвинен в грубом искажении принципов коллективизации. Причиной появления статьи стала необходимость быстрого отказа от принудительных методов коллективизации в связи с массовым сопротивлением крестьянства и угрозой выхода ситуации в деревне из-под контроля руководства страны. Растерянность функционеров на местах продолжалась до выхода в свет и доведения до функционеров на местах Постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 15 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», в котором была сформулирована новая политика коллективизации с упором на добровольное вхождение крестьян в колхозы⁵².

Можно уверенно заявить, что резкое изменение политики государства в отношении церкви не в последнюю очередь было вызвано чрезвычайной ситуацией – угрозой потери массовой поддержки верующего населения в неблагоприятных условиях отступления советских войск и вынужденного оставления больших территорий.

Получив от областной власти разрешение на инициативу в реализации новой политики в отношении церкви, некоторые поспешили ею воспользоваться. Так, например, в одном из колхозов Саратовской области его председатель и секретарь первичной парторганизации, собрав коммунистов, объяснили открытие храма в Саратове следующим образом: «Товарищи, для борьбы с Гитлером мы начинаем открывать церкви. В Англии и Америке рабочие молятся Богу, а доход от церквей идет в фонд обороны с Гитлером». Однако партийные руководители области оказались недовольны таким разъяснением ситуации⁵³.

Открытие храма в Саратове поддержала значительная часть населения области. Так, жители

с. Катасоновки, узнав об открытии церкви, переписывали иконы⁵⁴. Однако в среде партийного актива факт открытия храма далеко не всем пришелся по нутру. Нашлось немало твердокаменных коммунистов-атеистов, которые с возмущением встретили это известие. «Подумайте, сколько там людей, вы посмотрите, что там делается, тысячи людей ходят», – говорили они. На что П. Т. Комаров ответил, что ничего страшного нет, если в городе с населением 500–700 тысяч человек ходят в храм 500 чел. При том, что часть людей ходят из любопытства, чтобы посмотреть, «как там служат, так как давно такого не видели»⁵⁵.

Будучи в Куйбышеве на совещании секретарей обкомов по пропаганде, Комаров встретился там с Е. Ярославским, председателем закрытого к тому времени Союза воинствующих безбожников. Комаров рассказал ему об открытии церкви в Саратове и разговорах, связанных с этим событием, на что Е. Ярославский сказал, что «история исправилась допущенную нами ошибку». Он признался, что всегда был противником закрытия церквей там, где оставалось много верующих людей⁵⁶.

Таким образом, с началом Великой Отечественной войны отношение власти к Русской Православной Церкви, кардинально изменилось, что объяснялось целым рядом внутренних и внешних причин. В результате практически была прекращена антирелигиозная пропаганда, что подтверждают архивные документы фонда Саратовского обкома ВКП (б). В этот период происходит восстановление архиерейских кафедр, в том числе и в Саратовской области. Реакция населения и районной администрации на открытие храма в Саратове была неоднозначной. Райкомам партии, инструкторам отдела пропаганды и агитации приходилось отвечать на множество «неудобных» вопросов. Открытие Свято-Троицкого собора вызвало множество слухов и разговоров.

Ситуация усугублялась плохой информированностью и несогласованностью властей, из чего можно сделать вывод о том, что областные партийные и советские власти получили из центра лишь самые общие указания об изменении политики в отношении церкви, никакой организованной кампании по этому вопросу не проводилось. Власти на уровне районов и особенно сел узнавали об изменении политики в отношении церкви еще позднее и нередко от собственного населения. Это говорит о том, что специального их информирования не проводилось. И все же к концу 1942 г. новая политика в отношении РПЦ, основанная на лояльности к ней, победила. Подавляющее большинство населения Саратовской области восприняло ее позитивно.

Примечания

¹ См.: Васильева О. Ю., Беглов А.Л., Журавский А.В., Петрушко В.И. Русская Православная Церковь. XX в. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. С. 289.

- 2 См.: Гришанина О. В. Информационный потенциал архивов Саратовской области в раскрытии темы. Саратовская епархия в годы Великой Отечественной войны // Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны. Саратов : СП-Принт, 2009. С. 8.
- 3 См.: Молитва за Победу. Архиепископ Саратовский и Сталинградский Григорий (Чуков) : страницы военного дневника (далее – Молитва за Победу...) // Православие и современность. Декабрь 2009 – январь 2010. № 14. С. 97.
- 4 Там же. С. 42.
- 5 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.
- 6 См.: ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 38 ; Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 143, 144.
- 7 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4774. Л. 17.
- 8 См.: ГАСО. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 8. Л. 63 ; Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 866. Л. 72.
- 9 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2065. С. 67.
- 10 Там же. Д. 2065. Л. 64.
- 11 Там же. С. 4.
- 12 См.: Яковлева Ж. В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2017. С. 199–217.
- 13 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2822. Л. 21.
- 14 См.: Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в 1927–1943 гг. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 42.
- 15 См.: Якунин В. Н. За веру и Отечество. Самара : Духовный собеседник, 1995. С. 45.
- 16 См.: Молитва за Победу... С. 59.
- 17 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2822. Л. 51.
- 18 См.: Гришанина О. В. Указ. соч. С. 9.
- 19 См.: Митрофанов Г., протоиерей. Спасибо товарищу Сталину? URL://http://tricolor.org/history/ka/period/4/mitrofanov/ (дата обращения: 12.09.2014).
- 20 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2388. Л. 36.
- 21 Там же. Д. 2822. Л. 51.
- 22 См.: Фирсов С. Сталинский конкордат // Независимая газета. 2003. 3 сент.
- 23 Цит. по: Мордвинов С. В. Русская Православная Церковь на Нижней Волге и Дону в 1941–1943 гг. : рождение социокультурных традиций : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014. С. 53.
- 24 См.: Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и религиозная политика Советского государства в годы войны // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 29
- 25 См.: Мордвинов С. В. Указ. соч. С. 52.
- 26 Там же.
- 27 См.: Молитва за Победу... С. 95.
- 28 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3839. Л. 36.
- 29 Там же. Д. 2065. Л. 12.
- 30 Там же. Д. 2842. Л. 64
- 31 Там же. Д. 2388. Л. 57 ; Д. 2849. Л. 21.
- 32 См.: Сахарова Л. Г. Государственная политика по отношению к русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : по материалам Горьковской и Кировской областей : дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2000. С. 45
- 33 См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 890. Л. 10, 12.
- 34 См.: Гришанина О. В. Указ. соч. С. 9.
- 35 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2822. Л. 51.
- 36 Там же.
- 37 См.: Молитва за Победу... С. 95.
- 38 Там же. С. 98.
- 39 Там же.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2849. Л. 12.
- 43 Молитва за Победу... С. 98.
- 44 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2849. Л. 12.
- 45 Там же. Д. 2676. Л. 258.
- 46 Там же. Л. 362.
- 47 Там же. Д. 2849. Л. 12.
- 48 Там же. Д. 2676. Л. 260.
- 49 Там же. Л. 361.
- 50 Там же. Д. 2849. Л. 11.
- 51 Там же. Д. 2676. Л. 257.
- 52 См.: Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М. : Интерпракс, 1994. С. 86–90.
- 53 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2849. Л. 23.
- 54 Там же. Д. 2676. Л. 305.
- 55 Там же. Л. 361.
- 56 Там же. Л. 259.

Образец для цитирования:

Гусева Я. Ю. Взаимоотношение Советского государства и Русской Православной Церкви в начальный период Великой Отечественной войны (на материалах Саратовского Поволжья) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 398–404. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-398-404>

Cite this article as:

Guseva Ya. Yu. The Relationship Between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in the Initial Period of the Great Patriotic War (on the Materials of the Saratov Volga Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 398–404 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-398-404>

УДК 94(47)

Медицинское обслуживание ивановцев, костромичей и ярославцев в районах освоения целинных и залежных земель в 1954–1964 годы

А. А. Рыбин

Рыбин Андрей Александрович, преподаватель-исследователь кафедры истории, Институт гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственной университет, rybin-andreyka@bk.ru

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-405-410>

Проблема введения в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых земель на сегодняшний день актуальна, так как на современном этапе государство реализует кампанию по освоению необжитых территорий Дальнего Востока страны. За прошедшие годы вышло большое количество исследований по целинной проблематике, но многие вопросы остаются открытыми, в частности, недостаточно изучена историками проблема медицинского обслуживания на целине. В статье определены этапы развития медицины в районах освоения новых земель, также рассмотрена проблема нехватки медучреждений и квалифицированных кадров; обозначена роль трудовых ресурсов Нечерноземья в решении данной проблемы. В конечном итоге медицина получила свое развитие на целине, в частности удалось перейти от малочисленных фельдшерских пунктов к поликлинической системе здравоохранения.

Ключевые слова: ивановцы, костромичи, ярославцы, медицинское обслуживание, целинные и залежные земли.

Поступила в редакцию: 04.01.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Medical Care for Residents of Ivanovo, Kostroma and Yaroslavl Regions in Virgin Lands in 1954–1964 Years

A. A. Rybin

Andrei A. Rybin, <https://orcid.org/0000-0001-8433-3424>, Kostroma State University, 17 Dzerzhinskay St., Kostroma 156005, Russia, rybin-andreyka@bk.ru

The problem of the introduction of unused land into agricultural turnover is currently relevant in society, since at the present stage the state is implementing a campaign to develop the uninhabited territories of the Far East of the country. During this period, a large number of studies on virgin lands were published, but today many questions remain open. In particular, the problem of medical care in the virgin lands is not sufficiently studied by historians. The article defines the stages of development of medicine in the areas of development of new lands, also considers the problem of lack of medical institutions and qualified personnel. Finally, medicine was developed in the virgin lands, in particular, it was possible to move from small medical stations to the polyclinic health care system.

Keywords: residents of Ivanovo region, medical care, development of virgin and fallow lands.

Received: 04.01.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

В послевоенное время в Советском Союзе назрел продовольственный кризис. Это было вызвано рядом причин. Во-первых, посевные площади в стране сократились и в 1953 г. составили 106,7 млн га против 110,6 млн га в 1940 г. Во-вторых, была невысокой урожайность в связи с низкими темпами роста производства зерна, при этом шло увеличение численности населения, для которого требовалось большее количество продуктов питания¹. Для решения продовольственной проблемы руководство страны во главе с Н. С. Хрущевым предприняло кампанию по освоению целинных и залежных земель. На февральско-мартовском пленуме ЦК КПСС в 1954 г. было принято постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель»², на основе которого предполагалось ввести в оборот 13 млн га неиспользуемых земель в северо-восточных областях и других районах Казахской ССР, в районах Западной Сибири, Урала, а также Поволжья и частично Северного Кавказа. На целине развернулась крупномасштабная работа по налаживанию жилищно-бытовой инфраструктуры, в том числе системы здравоохранения. Наличие развитой медицины на новых землях было неотъемлемым условием при осуществлении целинной кампании, так как необходимо было закреплять кадры на местах. Люди попадали в новые для них реалии. Смена климата, тяжелые условия проживания, труда, новая социальная обстановка и ряд других факторов оказывали непосредственное влияние на здоровье целинников.

Историки в разные годы обращались к этой проблеме. Можно выделить два периода отечественной историографии: первый – советский период (1955–1991 гг.), второй – постсоветский (1992 г. – настоящее время).

В советский период авторы по идеологическим причинам, как правило, замалчивали о проблемах в области медицины, которые существовали на целине. В основном они указывали на положительные моменты, которые происходили в системе целинного здравоохранения. Так, в 1955 г. исследователи отмечали, что на целине появились первые амбулатории, которые размещались в палатках³. Они были оснащены необходимыми

медикаментами, но при этом, как отмечает автор, больных не было и амбулатории пустовали. В конце 1960 г. Ф. Т. Моргун⁴ указывал, что на территории Северного Казахстана каждый целинный поселок был укомплектован медицинским персоналом, нехватка врачей не ощущалась. В 1970-е гг. исследователи обращаются к гендерной проблеме на целине и отмечают нехватку женщин-специалистов, в особенности фельдшеров, медсестер, врачей⁵. В первой половине 1980-х гг. историки также положительно оценивают политику правящей КПСС в области развития системы здравоохранения на новых землях. Так, по мнению В. С. Степанова, в районах освоения новых земель удалось поднять жизненный уровень, в том числе наладить систему медицинского обслуживания. Для целинников были построены типовые больницы⁶.

Накануне распада Советского Союза исследователи более подробно разобрали проблему работы педиатрических учреждений на территории Целиноградской области Казахской ССР. Они определили, что с конца 1950-х гг. происходит увеличение детских коечных мест. У детей появилась возможность пройти обследование у ревматолога, детского хирурга, отоларинголога, фтизиатра и других специалистов⁷.

Таким образом, в советский период историки в общем положительно оценивают действия правящей КПСС по обеспечению целинников доступной медициной, и не выступают с критикой по данной проблеме. При этом вопрос медицинского обслуживания был рассмотрен фрагментарно.

В постсоветский период появляются новые сюжеты по исследуемому вопросу. Так, в результате политических изменений в стране, которые привели к распаду СССР, Казахстан стал независимой республикой, 25 млн га освоенных земель стали частью другого государства. Интерес к целинной проблематике в 1990-е гг. снижается. Внимание к данной проблеме особенно усиливается в связи с 50-летним юбилеем с начала освоения новых земель, который отметили ветераны-целинники в 2004 г. Выходят новые работы, посвященные исследуемой проблематике. Исследователи отмечали, что на Алтае в период с 1953 по 1956 г. показатели по строительству больниц выросли в 1,5 раза⁸. В преддверии 60-летия с начала кампании по освоению новых земель А. С. Лобаева рассмотрела проблему целинного здравоохранения с критической позиции. В частности, она указала на негативные моменты медицинского обслуживания целинников. Из-за отсутствия транспортного сообщения в районах освоения новых земель люди не могли получать полноценную врачебную помощь, особенно в период осенне-весенней распутицы и зимних заносов⁹.

На современном этапе российские историки, в какой-то степени продолжили рассмотрение проблемы медицинского обеспечения целинников в положительном ракурсе. Появляются и

критические работы, которые заставляют читателя по-другому взглянуть на данную проблему. Но, как и в советский период, современные исследователи не углубляются в проблему, а лишь частично затрагивают вопросы медицины на новых землях.

На сегодняшний день стоит выделить работы зарубежных авторов, которые более тщательно подошли к изучению исследуемой проблематики. В частности, ряд казахстанских историков¹⁰ отмечают, что в период освоения новых земель в Казахской ССР проблема развития здравоохранения решалась постепенно. Если первоначально новоселы получали необходимую врачебную помощь в импровизированных медицинских палатках, то со временем были построены межсовхозные больницы с хирургическими отделениями. Всего, по данным исследователей, за период 1950–1960 гг. на территории Казахской ССР было построено около 3 тыс. больниц, санаториев и домов отдыха. Авторы также отмечают нехватку медицинских кадров на новых землях. В период 1954–1956 гг. в Казахскую ССР прибыли 640 тыс. новоселов, среди которых было около 3 тыс. медиков¹¹. По мнению историков, кадровую проблему удалось решить за счет открытия в 1956 г. в Целинном крае медучилища и открытия в 1964 г. мединститута в г. Целинограде. Зарубежные авторы подчеркивают, что в 1950–1960 гг. был заложен фундамент системы здравоохранения Казахстана, за счет чего на современном этапе удалось вывести медицину Республики на новый уровень. Они положительно оценивают советский опыт по развитию системы здравоохранения на целине, но при этом не указывают на ту роль в организации системы здравоохранения на казахской целине, которую сыграли трудовые ресурсы областей РСФСР, в частности Ивановской, Костромской и Ярославской.

На общесоюзном и общероссийском уровне проблема медобслуживания целинников была частично освещена, на региональном уровне данный вопрос остается не достаточно изученным.

В советский период региональные авторы в большинстве случаев косвенно затрагивали вопросы медицины на целине. Так, ярославец А. В. Филиппов повествует о том, что в уборочную кампанию целинного урожая 1958 г. 82 студента Ярославского медицинского института вошли в состав первой ударной бригады. Как правило, бригады состояли из студентов, которые ранее уже работали на целине и показали хорошие результаты. Подробные сведения о работе ярославских медиков на новых землях не приводятся¹².

В постсоветский период местные авторы при изучении движения студенческих строительных отрядов обращаются к вопросам медицины на целине. Так, ряд костромских исследователей пришли к выводу о том, что в начале 1960 гг. на целине сформировалась система медицинской помощи студенческим строительным отрядам,

которая обеспечивала охрану здоровья не только членов стройотрядов, но и местного населения¹³. Ивановец А. Бухров отмечает, что в 1963 г. ивановские студенты-медики, находящиеся в составе студенческого строительного отряда на территории Целинного края Казахской ССР, проводили профилактическую работу среди местных жителей, и в первую очередь среди детей¹⁴. Ярославский исследователь О. Н. Шанина отмечает, что при перевозке рабочей молодежи в районы освоения новых земель Управление Северной железной дороги осуществляло медицинский контроль в пути следования целинников¹⁵.

Таким образом, региональные исследователи лишь частично затронули проблему медицинского обеспечения на новых землях. Многие вопросы на сегодняшний день остаются неизученными. В настоящей статье впервые предпринята попытка комплексного рассмотрения вопроса медицинского обслуживания трудовых ресурсов Ивановской, Костромской и Ярославской областей на целине, а также их роли в налаживании системы здравоохранения целинных районов.

Можно выделить три этапа развития системы здравоохранения на целине: первый этап – 1954–1955 гг. – строительство на целине медицинских учреждений; второй этап – 1956–1959 гг. – снабжение медицинских учреждений квалифицированными кадрами, привлечение студентов-медиков на новые земли; третий этап – 1960–1964 гг. – укрепление сети медицинских пунктов, закрепление на новых землях медицинских кадров.

Рассмотрим подробнее каждый из этапов.

На первом этапе в 1954–1955 гг. на новых землях медицинское обслуживание находилось в неудовлетворительном состоянии. В частности, не везде были созданы медпункты, и не всегда своевременно оказывалась медицинская помощь. Кроме того, ощущался недостаток врачей и фельдшеров¹⁶. Построенные фельдшерские пункты зачастую пустовали из-за отсутствия квалифицированных медиков¹⁷.

Нередко трудиться на целину отправлялись добровольцы, не имеющие опыта работы в сельском хозяйстве. В этой связи увеличивались риски получения различных травм. Только в районах освоения новых земель Казахской ССР в 1954 г. было зарегистрировано 110,8 тыс. травм, а в 1955 г. – 154,3 тыс. травм¹⁸. Помимо увечий, на целине имелись случаи гибели людей. Только в октябре 1954 г. на территории Казахской ССР было зафиксировано 13 несчастных случаев, из них 7 пострадавших работали прицепщиками¹⁹. Для сокращения несчастных случаев на целине и оказания своевременной врачебной помощи необходимо было повсеместно наладить систему здравоохранения. Первоочередным шагом в решении данной проблемы здравоохранения были меры, направленные на повсеместное строительство медицинских учреждений в новообразованных совхозах и колхозах. На местах руководящие органы

активно занимались строительством медицинских объектов. В частности, в совхозе «Иргизский» Актюбинской области Казахской ССР ярославцы, работая в пургу и морозы, добывали камень для закладки фундамента мастерских, электростанций, жилых домов и лечебных учреждений²⁰. В совхозе «Ивановский» Акмолинской области ивановцами наряду со строительством домов и зерноскладов был открыт медицинский пункт на 15 больничных коек²¹. Ярославцы в совхозе «Талдысайский» смогли наладить регулярную работу медпункта²². Уже в июне 1955 г. 28 комсомольцев, выпускников медицинского училища Северной железной дороги Ярославской области получили направления на работу в Кустанайскую, Кокчетавскую, Джамбульскую, Гурьевскую области Казахстана²³. Данный факт свидетельствует о том, что целина нуждалась не только в строительстве больниц, но и в квалифицированных кадрах.

Таким образом, на первом этапе система здравоохранения на целине только зарождалась. Рабочие столкнулись с отсутствием постоянной медицинской помощи по причине малого числа больничных учреждений и квалифицированных врачей.

На втором этапе в 1956–1959 гг. происходят определенные изменения в медицинском обслуживании целинников, в частности государство стало проводить активную политику по привлечению и закреплению кадров на местах в районах освоения новых земель. Так, в 1956 г. студенты Ярославского медицинского института отправились работать в совхозы «Чандинский», «Кень-Аральский», «им. Молотова»²⁴. Спустя год 1800 студентов разных вузов Иваново, среди которых были и учащиеся-медики, также отправились работать на новые земли²⁵.

В 1958 г. бюро Ярославского обкома ВЛКСМ обязало Ярославский и Рыбинский горком ВЛКСМ отобрать в срок до 20 июля из числа желаемой молодежи и комсомольцев 2000 чел. в Кустанайскую область Казахской ССР²⁶. 280 добровольцев Ярославского медицинского института откликнулись на призыв ВЛКСМ и изъявили желание отправиться на целину²⁷. Стоит отметить, что еще в апреле студенты Ярославского медицинского института создали штаб целинников, который готовил студентов к поездке на уборку целинного урожая²⁸. Предполагалось на целине вести студенческий контроль за питанием, оформлением нарядов, за санитарным состоянием помещений и территорий бригад²⁹.

Как показала жизнь, такая работа на новых землях была необходима, так как зачастую по прибытии на целинные земли студенты попадали в стесненные условия³⁰. Из-за несоблюдения санитарных норм имели место случаи инфекционных заболеваний и отравлений³¹. Кроме того, бытовая неустроенность новоселов и климат напрямую оказывали воздействие на здоровье целинников. Так, ярославцам приходилось жить в палатках в

степях Казахстана при -35°C ³². Подходящее место под установку палатки иногда было трудно найти в казахской степи, и новоселам приходилось располагаться прямо на льду³³. Именно поэтому ярославские целинники, призывая земляков осваивать новые земли, рекомендовали им брать с собой теплые вещи³⁴. В летнее время целинникам также приходилось преодолевать погодные катаклизмы, в частности временами работать в жару при 35°C .

Довольно распространенным явлением среди целинников был травматизм. Учащаяся из г. Иваново И. Ф. Галкина, находясь в 1957 г. на уборке урожая в Акмолинской области, попала, направляясь на грузовой машине на зерноток, в автомобильную катастрофу. После этого Юю Федоровну отправили на лечение в сельский медпункт, а потом в Акмолинск. В итоге ее переправили на лечение в г. Иваново. Из-за травмы она пропустила год учебы, а по окончании вуза получила III группу инвалидности³⁵. Данный факт свидетельствует о том, что человеку не смогли оказать должной медицинской помощи на месте, что, в конечном счете, потребовало транспортировки больной по месту жительства.

Физическое состояние и здоровье целинников зачастую зависело от местного рациона. Участники целинной кампании сообщают о неудовлетворительном питании на новых землях, в частности, указывают на то, что на работу студентам приходилось выходить иногда, «не позавтракавши», перерыв на обед тоже был не всегда и питаться приходилось всухомятку. Так, в совхозе «Ключевской» Казахской ССР бригада ивановцев в 1955 г. выступила с критикой местного руководства за плохое питание³⁶. Костромич Е. С. Зайцев отмечает, что в связи с однообразным питанием одними макаронами целинники организовали забастовку в совхозе им. Ленина Мартукского района Актюбинской области Казахской ССР. Участник освоения целины Н. И. Соловьев указывал, что еда часто была смазана комбиджиром, а завтрак, обед и ужин не отличались разнообразием³⁷.

На втором этапе наблюдается стремление руководства направлять в районы освоения целины кадры из числа студентов медицинских вузов. Регионы Центральной России оказали значительную помощь районам освоения новых земель, отправляя туда сотни молодых медиков.

Изменения в системе целинного здравоохранения прослеживаются на третьем этапе. Так в 1960 г. Постановлением Совета Министров СССР от 14 января 1960 г. № 158 «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР» был установлен оптимальный размер коечного фонда городских и сельских больниц³⁸. В городах он составлял 300–600 койкомест и более, в зависимости от населения, а в сельской местности – порядка 100–120 коек и более. Материально-техническая и кадровая базы медицинских учреждений совершенствовались, за счет чего улучшалось качество

предоставляемых врачебных услуг. Определенным итогом этих изменений в 1962 г. стал переход от районного к поликлиническому принципу медицинского обслуживания³⁹. На территории Казахской ССР создавались межсовхозные больницы при сохранении участковых больниц⁴⁰, что позволяло решать проблему специализированной амбулаторной и госпитальной помощи новоселам.

На третьем этапе отправка молодых врачей на новые земли продолжилась. В марте 1961 г. на призыв Н. С. Хрущева отправиться на целинные земли откликнулись медики-ивановцы – студенты лечебного и педиатрического факультетов Ивановского медицинского института⁴¹. Кроме того, 5 апреля 50 комсомольцев-выпускников Ивановского медицинского училища изъявили желание поехать на целину⁴².

Многие добровольцы Костромской области по приезде на новые земли обращались с жалобами к руководству на отсутствие бесплатной медицинской помощи. Так, приехавшие на уборку в колхоз им. Жданова Ключевского района Актюбинской области Казахской ССР костромичи заявили о том, что им не выдали аванс, некоторые заболели. У добровольцев не было денег на медикаменты, а местный здравпункт бесплатные лекарства не отпускал. Костромичи просили разобраться в ситуации, пригрозив начальству отказом от работы⁴³. Данный факт свидетельствует о том, что на завершающем этапе освоения целины оставалась проблема с оказанием неотложной медицинской помощи.

Стоит отметить, что в период освоения новых земель на территории Казахской ССР государство активно занималось испытанием ядерного оружия. Такие испытания наносили вред здоровью местного населения. Так, уроженка г. Иваново П. И. Базай отмечает, что в поселке Мирный, где она работала, на расстоянии от него в 650 км на территории Семипалатинской области находился полигон испытания ядерного оружия «Далонь». Во время проверки вооружений эти взрывы были видны в виде черно-красного гриба, до поселка доходили яркие вспышки и воздушная волна, подобные случаи происходили раз 5 за время пребывания ивановцев на целине. Впоследствии, как отмечает целинница, после 1960-х гг. стали возникать онкологические заболевания у жителей поселка, в течение нескольких лет многие новоселы умерли⁴⁴.

На третьем этапе государство проводило активную политику по развитию здравоохранения. Прослеживается выход на новый, более профессиональный уровень оказания врачебной помощи. Медицинские учреждения получают новые технические стандарты, а сама система здравоохранения претерпевает структурные изменения. Медицинская помощь становилась доступнее пациентам. Если на ранних этапах ощущалась нехватка медучреждений или врачей, то на новом этапе был поднят вопрос, касаю-

щийся бесплатного медицинского обеспечения целинников. Нерешенным оставался и вопрос по защите целинников, проживающих в непосредственной близости к ядерным полигонам, от радиации.

Таким образом, в рассматриваемый период наблюдается планомерная тенденция развития здравоохранения в районах освоения новых земель. Постепенно силами целинников возводились медицинские учреждения, затем шел процесс укомплектования их квалифицированными кадрами, зачастую молодыми выпускниками-медиками. Решить эти две важнейшие задачи удалось за несколько лет, что позволило в дальнейшем усовершенствовать систему здравоохранения, заменив фельдшерские пункты развитой сетью поликлиник. Новоселы стали получать доступную квалифицированную помощь. Если раньше целинникам приходилось обращаться за медицинской помощью в районные или областные центры, то в начале 1960-х гг. такая необходимость отпала. Кроме того, на целине фиксировался повышенный уровень травматизма, что требовало быстрого реагирования медицинских работников. Также медики следили за санитарным состоянием новообразованных поселков, вели работу по предотвращению инфекционных заболеваний. В процессе формирования качественной системы здравоохранения на целине регионы Центральной России внесли свой вклад, оказывая помощь молодыми кадрами районам освоения новых земель. Сотни молодых специалистов-медиков трудились на целинных землях. Медицина на целине являлась важной опорой в решении намеченных государственных задач и закрепления специалистов сельского хозяйства на новом месте.

Примечания

- 1 См.: Алтухов А. И. Значение освоения целинных и залежных земель для развития зернового хозяйства страны // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. М., 2014. № 2. С. 4.
- 2 См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК КПСС (1898–1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова : в 15 т. Т. 8 : 1946–1955. М. : Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1985. С. 359.
- 3 См.: Солоухин В. Рождение зернограда // На новых землях : сборник очерков о первых успехах освоения целинных и залежных земель. М. : Госполитиздат, 1955. С. 67.
- 4 См.: Моргунов Ф. Т. Думы о целине. М. : Колос, 1969. С. 108.
- 5 См.: Сергеев В. М. Великий подвиг партии и народа. М. : Просвещение, 1978. С. 27.
- 6 См.: Степанов В. С. Чудо великое – хлеб. Алма-Ата : Казахстан, 1984. С. 8.
- 7 См.: Руденко Н. А., Быкова И. Д. История развития педиатрической службы Целиноградской области // Социально-политическая история Приишимья. Целиноград : Тип. изд-ва Целиноградского обкома компартии Казахстана, 1990. С. 194.
- 8 См.: Казанцев В. И. Кому была выгодна целина // Вестн. Алтайск. гос. аграрн. ун-та. 2004. № 1. С. 26.
- 9 См.: Лобаева А. С. Быт и досуг студентов-первоцелинников (на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей) // Изв. Самар. науч. центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 5. С. 126.
- 10 См.: Аликеева Г. М., Саятова А. С., Шахиева А. М. Становление здравоохранения Казахстана в годы освоения целины // Вестн. КазНМУ. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-zdravoohraneniya-kazahstana-v-gody-osvoeniya-tseliny> (дата обращения: 18.01.2019).
- 11 См.: Саяхимова Ш. Н. Организация медицинского обслуживания населения в 1950–1960-е годы в целинных регионах Казахстана // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Вольск, 2016. Т. 10, № 1. С. 149–153.
- 12 См.: Филиппов А. В. Ярославские студенты на целине // Из истории Ярославской комсомольской организации : в 7 вып. Ярославль. 1959. Вып. 4. С. 76.
- 13 См.: Волкова Е. Ю., Мельникова Ю., Чикакчиди Ф. История стройотрядовского движения в Костромском государственном технологическом университете 1965–2007. Кострома : Изд-во КГТУ, 2008. С. 10.
- 14 См.: Бухров А. Ивановский областной студенческий. Иваново : Изд-во Иваново, 2012. С. 16.
- 15 См.: Шанина О. Н. Имена и даты. К 60-летию начала освоения целины. URL: <https://www.yararchive.ru/publications/details/170/> (дата обращения: 15.11.2019).
- 16 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7689. Оп. 20. Д. 417. Л. 40–43.
- 17 Там же. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 3590. Л. 15.
- 18 См.: Аликеева Г. М., Саятова А. С., Шахиева А. М. Становление здравоохранения Казахстана в годы освоения целины // Вестник КазНМУ. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-zdravoohraneniya-kazahstana-v-gody-osvoeniya-tseliny> (дата обращения: 18.01.2019).
- 19 См.: ГАРФ. Ф. 7689. Оп. 20. Д. 417. Л. 57 ; Ф. А-259. Оп. 7. Д. 3590. Л. 56.
- 20 См.: Кутовых Н. Хлеб уродился на славу // Северный рабочий. 1956. 11 июля. № 135.
- 21 См.: Бабакова К. Вторая весна на целине // Рабочий край. 1956. 20 апр. № 83.
- 22 См.: Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 4773. Оп. 6. Д. 98. Л. 110.
- 23 См.: Чистякова Н. Едем на целинные земли // Сталинская смена. 1955. 21 июня. № 73.
- 24 Центр документации новейшей истории государственного архива Ярославской области (далее – ЦДНИ ГАЯО). Ф. 594. Оп. 33. Д. 1141 Л. 127–128.
- 25 См.: Сизов В. В край целинный // Ленинец. 1957. 21 июля. № 143.
- 26 См.: ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 98. Л. 152.

- ²⁷ См.: *Матвеева О.* Ждем от вас добрых вестей! // Юность. 1958. 1 июля. № 79.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 556. Оп. 22. Д. 8. Л. 110.
- ³¹ См.: *Балдин К. Е.* Ивановский государственный университет 1918–2003 годы. Очерки истории. Иваново : Иванов. обл. тип., 2004. С. 306.
- ³² См.: *Палкин В.* Собирайтесь в край целинный // Сталинская смена. 1955. 25 января. № 12.
- ³³ См.: *Соколов А.* Так начиналось... // Северный рабочий. 1958. 29 окт. № 232.
- ³⁴ См.: *Габдуллин М.* Собирайтесь в дорогу, на земли целинные // Сталинская смена. 1955. 3 марта. № 27.
- ³⁵ См.: Студенты-целинники Ивановского сельскохозяйственного института : в 2 ч. (Сер. «Жизнь замечательных выпускников ИВПИ, ИСХИ») / авт.-сост. Л. А. Предыбайло (далее – *Предыбайло Л. А.* Студенты-целинники...). Иваново : ИГСХА им. Д. К. Беляева, 2014. Ч. 1. С. 58.
- ³⁶ См.: *Панин В.* В степи Кулундинской // Ленинец. 1955. 1 марта. № 26.
- ³⁷ См.: О целине // Северная правда. 2004. 25 марта.
- ³⁸ См.: Собр. постановл. СССР. 1960. № 3.
- ³⁹ См.: *Гуменюк А. А.* Развитие здравоохранения в СССР во второй половине 1950 – первой половине 1980-х гг. (по материалам Нижнего Поволжья) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 108–116.
- ⁴⁰ См.: *Саяхимова Ш. Н.* Указ. соч. С. 149–153.
- ⁴¹ См.: *Сидорова К.* До встречи на целине // Рабочий край. 1961. 18 марта. № 66.
- ⁴² См.: *Иванова А.* Приезжайте к нам на Восток // Ленинец. 1961. 5 апр. № 68.
- ⁴³ См.: Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. П-1018. Оп. 32. Д. 61. Л. 19.
- ⁴⁴ См.: *Предыбайло Л. А.* Студенты-целинники... С. 50.

Образец для цитирования:

Рыбин А. А. Медицинское обслуживание ивановцев, костромичей и ярославцев в районах освоения целинных и залежных земель в 1954–1964 годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 405–410. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-405-410>

Cite this article as:

Rybin A. A. Medical Care for Residents of Ivanovo, Kostroma and Yaroslavl Regions in Virgin Lands in 1954–1964 Years. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 405–410 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-405-410>

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

УДК 94(47)+929

«Избави нас бог жить в интересные времена...»

Рецензия на книгу: *Соломонов В. А., Зайцева Н. Н.* Павел Григорьевич Любомиров : превратности судьбы историка. М. : Новый хронограф, 2019. 240 с. (Российское общество. Современные исследования)

Ю. Г. Степанов

Степанов Юрий Геннадиевич, кандидат исторических наук, главный архивист отдела публикаций и использования документов, Государственный архив Саратовской области, georgyi1964@yandex.ru

Рецензия посвящена первой в нашей исторической науке биографии историка П. Г. Любомирова. Отмечается, что авторы монографии на высоком профессиональном исследовали вклад П. Г. Любомирова в отечественную историографию. В рецензии анализируются основные идеи и научные подходы авторов биографии.

Ключевые слова: историография, историческая наука, биография, исследования, П. Г. Любомиров, советский период, марксизм, методология, идеологические кампании.

Поступила в редакцию: 09.02.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

«May God Save us from Living in a Fun Time...»

Yu. G. Stepanov

Book Review: *Solomonov V. A., Zaitseva N. N.* Pavel Grigorievich Lyubomirov: Vicissitudes of the Fate of the Historian. Moscow: New Chronograph, 2019. 240 p. (Russian society. Modern research)

Yuri G. Stepanov, <https://orcid.org/0000-0002-4712-9341>, State Archive of the Saratov Region, 15 Kytaykova St., Saratov 410012, Russia, georgyi1964@yandex.ru

The review is dedicated to the first in our historical science biography of the historian P. G. Lyubomirova. It is noted that the authors of the monograph highly professionally investigated the contribution of P. G. Lyubomirova in domestic historiography. The review analyzes the main ideas and scientific approaches of the authors of the biography.

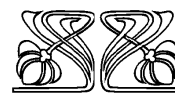
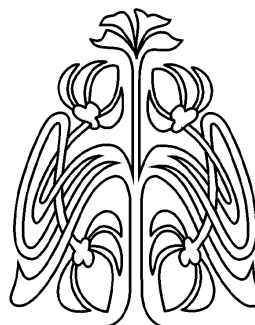
Keywords: historiography, historical science, biography, research, P. G. Lyubomirov, the Soviet period, Marxism, methodology, ideological campaigns.

Received: 09.02.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

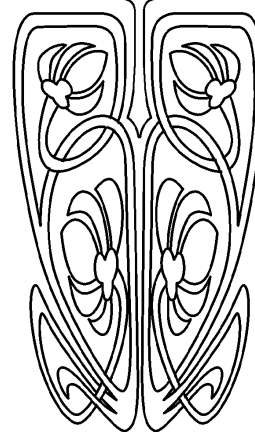
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-411-415>

XX век со всеми его бедами и победами занимает особое место в тысячелетней истории России. Тяжелым колесом прокатился он по судьбам деятелей отечественной науки. Жертвой постреволюционного синдрома стали и многие советские историки. Замечательно, что пришло, наконец, время полной реабилитации научных идей, жизни и творчества выдающихся историков не такого уж далекого прошлого. К сожалению, процесс реконструкции исторической мысли России – СССР в XX столетии идет очень непросто. Главные причины такого печального положения дел очевидны: засилье массовой культуры, политическая

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

ангажированность, неумная и неумная страсть «масс» к дешевым историческим «сенсациям». Современной России в значительной степени свойственно общее падение культурного уровня и подмена познания крикливым и невежественным верхоглядством.

Тем более ценным и важным является труд профессиональных историков, которые, не поддаваясь пресловутому «духу времени», возвращают современникам наследие русской исторической мысли. К числу таких работ относится и монография В. А. Соломонова и Н. Н. Зайцевой.

Рецензируемое исследование состоит из двух основных, приблизительно равных по объему частей: жизнеописания П. Г. Любомирова и приложений, включающих в себя малоизвестные или вовсе неизвестные документы.

Безусловно, одним из главных достоинств книги В. А. Соломонова и Н. Н. Зайцевой является введение в научный оборот разбросанного по различным фондам древнехранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, интересного и яркого архивного материала. Собранные воедино, эти ранее недоступные или невостребованные источники позволяют осознать истинный масштаб личности П. Г. Любомирова и объективно оценить его вклад в науку.

В последние годы работами А. А. Куреньшева, Т. А. Андреевой, В. А. Соломонова, В. В. Митрофанова, А. А. Кузнецова и других специалистов обстоятельно, на основе тщательного анализа показана значимость трудов и, что не менее важно, научных направлений в творчестве П. Г. Любомирова.

В историографическом обзоре авторы рецензируемой работы отмечают существующие в науке штампы, ошибки, произвольные, ничем не подтвержденные «умозаключения» о творчестве историка, убедительно доказывают несостоятельность обвинений его в узком эмпиризме и «мелкобуржуазности». Речь идет не о защите научной репутации П. Г. Любомирова, в чем ученый не нуждается. Важно другое: авторы монографии на высоком профессиональном уровне подвергли справедливой критике целый комплекс сохраняющихся в нашей историографии стереотипов о достоинствах и научной значимости не только трудов П. Г. Любомирова, но и всей «немарксистской» исторической науки России XX в. Доказательность и правоту аргументации В. А. Соломонова и Н. Н. Зайцевой читатель оценит сам, я же приведу лишь несколько, наиболее интересных и красноречивых примеров тех «боев за историю», жертвой которых стали историк Павел Любомиров и его творческое наследие.

Совершенно надуманным и нелепым выглядит упрек П. Г. Любомирову в эмпирическом «коллекционировании» фактов, чуть ли не «искусстве ради искусства». Даже начинающий историк понимает, что на предварительном этапе любого серьезного исследования идет процесс выявления, обработ-

ки и обнародования фактического материала. П. Г. Любомиров изучил огромный пласт почти не затронутых к началу 1920-х гг. в науке проблем хозяйственного и социально-политического развития России XVII–XVIII вв., наметив целый ряд перспективных направлений в исторической науке. Яркой иллюстрацией о сути исследовательского метода П. Г. Любомирова служит приведенное в монографии высказывание С. Ф. Платонова. По его словам, задача П. Г. Любомирова «заключалась в том, чтобы, собрав воедино накопленный в печати запас входящих в его тему фактических сведений и дополнить его, насколько возможно, архивными справками, пересмотреть и проверить результаты научных изысканий предшествующих исследователей и, наконец, внести в изложение темы объединяющий *ученый синтез* (курсив мой. – Ю. С.) или же цельность научно-художественного изображения» (с. 34). Как видим, выдающийся историк, академик С. Ф. Платонов подчеркивал, что его любимый ученик П. Г. Любомиров в своей исследовательской работе идет от накопления фактов к их обобщению, от анализа к синтезу, т. е. созданию объективной, основанной на источниках концепции. Примечателен и тот факт, что крупнейший знаток экономической истории России, автор фундаментальных трудов по истории народного хозяйства страны профессор С. Г. Струмилин обращался за советами и рекомендациями к П. Г. Любомирову, не считая его примитивным «эмпириком» (с. 88).

Не соответствуют действительности и встречающиеся в литературе суждения об отсутствии в трудах П. Г. Любомирова внимания к личности, к «человеку в истории». Чтобы понять абсурдность подобного тезиса, достаточно просмотреть помещенные в приложениях к монографии В. А. Соломонова и Н. Н. Зайцевой списки печатных работ и неопубликованных рукописей ученого, посвященных десяткам деятелей русской истории, науки, культуры (с. 207–217).

Одна из главных задач, стоявших перед авторами рецензируемой монографии, заключалась в том, чтобы было вписать личность историка в контекст бурных и страшных событий России конца XIX – первой трети XX в. Биографический жанр требует от историка высочайшего уровня мастерства и профессиональной подготовки. Есть множество случаев того, как даже у маститых специалистов, увы, не получалось должным образом, реконструировать жизнь и судьбу своего героя. В. А. Соломонову и Н. Н. Зайцевой удалось создать образную и яркую книгу о П. Г. Любомирове. Успешному решению непростой задачи способствовало органичное сочетание биографического очерка и разнообразных по характеру материалов «Приложений».

Другой авторской удачей стала хорошо продуманная структура книги. Каждый раздел монографии соответствует важнейшим этапам, своего рода узловым моментам в жизни и творчестве историка.

В подтверждение своих выводов приведу несколько примеров. Авторы книги верно отметили, что П. Г. Любомиров, происходивший из многодетной и малообеспеченной семьи сельского учителя Саратовской губернии, всего в жизни добился своим трудом и талантом. Будущий историк с юности воспитал в себе привычку принимать решения и отвечать на вызовы времени и неблагоприятных обстоятельств. Конечно, не было случайным и его участие в революционном движении, о чем емко и точно говорится в монографии (с. 24–26). Становление личности будущего ученого происходило в обстановке политического подъема начала 1900-х гг., переросшего в Первую русскую революцию 1905–1907 гг. Саратовское Поволжье, край бунтовщиков, ссыльнопоселенцев и политически «неблагонадежных элементов», всегда воспринимался верхами как беспокорная и трудная в управлении губерния. По верному замечанию авторов монографии, критическое восприятие действительности совсем юным человеком во многом объясняется влиянием ближайшего окружения Павла Любомирова, демократически настроенных Владимира и Виктора Соколовых, Ф. А. Березова и других оппозиционеров той эпохи. Кстати, Ф. А. Березов, один из лидеров саратовской земской интеллигенции, упоминается как отъявленный смутьян в секретном донесении губернатору П. А. Столыпину «о политическом брожении» в Саратовской губернии¹.

Тяга к знаниям, любовь к истории, трудолюбие, здравый смысл и, главным образом, Санкт-Петербургский университет, преподаватели, друзья, коллеги уберегли П. Г. Любомирова от искушения стать очередным «пламенным революционером», но подарили отечественной науке блестящего ученого-историка.

Авторы монографии отмечают, что жизнь и судьба П. Г. Любомирова пришлись на крайне неблагоприятное для спокойной академической работы время революций, войн, репрессий и травли деятелей науки и культуры. Лишь в короткий период с 1909 г. и до начала Первой мировой войны в 1914 г. П. Г. Любомиров мог углубленно и сосредоточенно заниматься наукой. В это время он и написал «главный труд своей жизни» – «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613». Исследование Любомирова и по сей день представляет большой интерес для профессиональных историков.

И в дальнейшем, несмотря на трудные для честного и талантливого ученого обстоятельства, Любомиров сохранял мужество и чувство собственного достоинства в условиях вакханалии доносов, публичных оскорблений и в буквальном смысле смертельно опасного по тем временам потока обвинений в «контрреволюционности», «монархизме», «антимарксизме». Из текста биографического очерка и особенно из публикуемых в приложениях источников читатель сам сделает выводы о миазмах подозрительности, ненависти

и лжи, которыми была буквально пропитана общественно-политическая атмосфера 1930-х гг. Отмечу лишь то обстоятельство, что П. Г. Любомиров никогда и не скрывал, что он не исповедует марксистские взгляды в своей научной деятельности. Как специалист он придерживался иной методологии, выработанной русской исторической школой. Однако те, кто подобно профессору Г. Е. Меерсону с гневным пафосом клеймили П. Г. Любомирова в отсутствие «пролетарского сознания», никогда не были ни учеными, ни историками, ни собственно марксистами. Их трактовка учения К. Маркса сводилась к грубому социологизаторству, подмене исследовательской культуры пафосными и пустыми лозунгами. К слову, профессор Г. Е. Меерсон и сам пал жертвой развязанной им и его соратниками «стихии зла»: в 1936 г. он был арестован по обвинению в «руководстве террористической организацией и пропаганде троцкистских идей». Расстрелян в 1937 г.² Для настоящих историков, составлявших гордость и славу отечественной науки, таких как П. Г. Любомиров, его учитель С. Ф. Платонов, друзья и единомышленники С. Н. Чернов, В. А. Бутенко и многие другие, подобное извращение самой сути исторической науки было невозможно. Образно говоря, лучшие представители отечественной интеллигенции того времени представляли собой «обреченный отряд».

Непростой оказалась и судьба творческого наследия П. Г. Любомирова. После эпохи «большого террора» его труды периодически издавались вплоть до конца 1940-х гг. Однако кратковременные периоды признания работ историка сменялись регулярно повторявшимися нападками на его научные идеи и методологию исследования. Так, например, В. А. Соломонов и Н. Н. Зайцева отмечают агрессивно-обличительный в отношении П. Г. Любомирова тон статьи А. Погребинского, опубликованной в 1949 г. (с. 8). Между тем всего двумя годами ранее тот же автор, в рецензии на капитальный труд ученого по истории русской промышленности (подготовленный к печати его ученицами Е. П. Подъяпольской и Е. Н. Кушевой³), давал в целом объективную и взвешенную характеристику работ Любомирова, резонно считая «опубликование научного наследия» историка «вполне назревшей необходимостью»⁴. Эта кажущаяся непоследовательность на самом деле имеет внутреннюю логику.

Для власти регулярные шумные кампании и «проработки» творческой интеллигенции и академической науки были средством выявления неблагонадежных, проверки лояльности и орудием «идеологической мобилизации». Положение и состояние советской исторической науки, равно как и судьбы историков 1930 – начала 1950-х гг. всецело зависели от вектора идейно-политической пропаганды. В. В. Тихонов отмечает, что после разгрома «школы Покровского» в 1930-е гг. изменился «алгоритм историографического поиска и оценок».

Как следствие «в эти годы происходит переиздание курсов В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова, дореволюционных монографий П. Г. Любомирова»⁵. В интересах идеологии приблизительно с середины 1930-х гг. и до первых послевоенных лет был наложен своеобразный мораторий на публичное бичевание историков старой формации. Так, публикаторы изданной в 1939 г. монографии П. Г. Любомирова о Нижегородском ополчении умозаключали: «Необходимо использование лучшего буржуазного наследия. И думается, можно с полным правом сказать, что в этом отношении книга П. Г. Любомирова имеет большую ценность»⁶. Однако уже в 1948–1949 гг. развернулась масштабная кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом». Жертвами очередного «крестового похода» за чистоту рядов оказались как действующие (например, А. И. Андреев и С. Б. Веселовский), так и ушедшие из жизни «буржуазные» историки, в первую очередь П. Г. Любомиров и П. П. Смирнов. В частности, профессор А. И. Андреев, как полагал преподаватель Высшей партийной школы Г. Н. Анпилогов, «ошибался» и «доходил до нелепостей», доказывая влияние «английской культуры на Петра I и на характер его преобразований»⁷. Академик же С. Б. Веселовский, по мнению И. И. Смирнова, и вовсе «солидаризовался» с «представителями реакционной западноевропейской историографии», игнорируя «воззрения классиков марксизма-ленинизма»⁸. Однако этих критиков-рецензентов превзошел С. В. Бахрушин, заведующий сектором истории России периода феодализма Института истории АН СССР. На расширенном собрании Ученого совета Института истории АН 15 октября 1948 г. он, покайсявшись в политической близорукости (дал положительную рецензию на статью А. И. Андреева), осудил «резко вредные» работы своей ученицы С. А. Фейгиной и заклеил позором за «отход от марксизма» не только здравствующих коллег, но и «покойных П. Г. Любомирова и П. П. Смирнова»⁹.

Во второй половине XX столетия классические труды П. Г. Любомирова пусть и не были востребованы в должной степени, тем не менее оставались в поле зрения специалистов по отечественной истории. Так, например, в т. IV фундаментальных «Очерков истории исторической науки в СССР» отмечается вклад ученого в исследование хозяйственной жизни Древней Руси, в «изучение истории промышленного развития России» с «большим богатством фактического материала и рядом ценных наблюдений». Но и здесь в заслугу П. Г. Любомирову ставились в первую очередь сбор и систематизация хозяйственно-статистических фактов, почерпнутых из источников¹⁰.

В. А. Соломонов и Н. Н. Зайцева убедительно опровергли расхожий тезис о трудах Павла Григорьевича как скучном компендиуме сведений о хозяйственной жизни России XVII–XVIII вв. Вполне резонно, к примеру, их мнение об ис-

следовании историка состава и социально-политических взглядов Нижегородского ополчения как о замечательном по глубине анализа и динамике повествования нарративе (с. 12). Выводы авторов рецензируемой монографии полностью разделяют А. А. Кузнецов и А. В. Морохин, отметившие, что «Очерк истории Нижегородского ополчения...» П. Г. Любомирова «и по сей день остается единственным цельным, не потерявшим научной актуальности исследованием феномена ополчения, сформированного в Нижнем Новгороде и изгнавшего интервентов из Москвы»¹¹. Показателен и такой факт, приведенный нижегородскими историками: академик С. Ф. Платонов, крупнейший авторитет по истории Смутного времени, под влиянием магистерской диссертации П. Г. Любомирова скорректировал свой тезис о «предрасположенности тяглых людей к политической самоорганизации»¹².

Отрадно, что в последние десятилетия имя П. Г. Любомирова, его заслуги в развитии русской исторической науки вновь стали предметом внимания специалистов, доказательством чему служит и рецензируемая монография. Тем удивительнее, что *научные* труды П. Г. Любомирова с 1947 г. и вплоть до сего дня, т. е. без малого три четверти столетия (!), почти не переиздавались. Исключением стала работа П. Г. Любомирова об ополчении 1612 г., увидевшая свет к 400-летию юбилею изгнания из Москвы польских оккупантов¹³. Подобное невнимание к наследию выдающегося историка трудно объяснить, ведь в последние годы возвращены в научный обиход работы М. К. Любавского, Ю. В. Готье, С. Н. Чернова, многих других выдающихся исследователей старой школы, современников П. Г. Любомирова.

Стоит надеяться, что работа В. А. Соломонова и Н. Н. Зайцевой поможет переломить эту неблагоприятную ситуацию, сейчас для этого есть все возможности.

В первую очередь необходимо подготовить полноценное академическое издание работ П. Г. Любомирова, давно ставших классикой отечественной историографии. Не менее важно опубликовать неизданные работы историка, его обширное, разбросанное по архивам эпистолярное наследие и прочие документы, имеющие отношение к жизни и деятельности талантливого ученого. Рецензируемое исследование – важный шаг на пути к достижению этой цели.

Уверен, что труд В. А. Соломонова и Н. Н. Зайцевой – первая монография о П. Г. Любомирове – будет интересен специалистам, учащейся молодежи, всем, кому небезразлична судьба исторической науки в России. Не сомневаюсь, что данная книга найдет своего читателя.

Примечания

¹ См.: Воронежцев А. В., Пиреев А. И. Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов

- (1903–1906 гг.). 2-е изд., испр. и доп. Саратов : СП-Принт, 2012. С. 97.
- ² См.: Открытый список [Меерсон Григорий Ефимович]. URL: <http://ru.openlist.wik> (дата обращения: 18.01.2020).
- ³ См.: Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. М. : Госполитиздат, 1947.
- ⁴ Погребинский А. Проф. П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности, т. I // Вопросы истории. 1947. № 12. С. 106.
- ⁵ Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. С. 229.
- ⁶ Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. 2-е изд. М. : Соцэкгиз, 1939. С. 3.
- ⁷ Анпилогов Г. [Рецензия на книгу] : Пётр Великий. Ч. I. Сб. ст. / под ред. А. И. Андреева. М. ; Л., 1947 // Вопросы истории. 1948. № 4. С. 121.
- ⁸ Смирнов И. И. С позиций буржуазной историографии // Вопросы истории. 1948. № 10. С. 124.
- ⁹ Цит. по: Тихонов В. В. Указ. соч. С. 158.
- ¹⁰ См.: Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М. В. Нечкиной : в 4 т. М. : Изд-во АН СССР, 1966. Т. IV. С. 271, 289.
- ¹¹ Кузнецов А. А., Морохин А. В. Ополчение 1611–1612 гг. и власти Нижнего Новгорода : проблемы отношений // Смутное время в России в начале XVII века : поиски выхода. К 400-летию «Совета всея Земли» в Ярославле : матер. междунар. конф. М. : ЗАО «2 К», 2012. С. 74.
- ¹² Там же. С. 63.
- ¹³ См.: Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. // Подвиг Нижегородского ополчения : в 2 т. Н. Новгород : Книги, 2011. Т. 2. С. 11–453.

Образец для цитирования:

Степанов Ю. Г. «Избави нас бог жить в интересные времена...» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 411–415. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-411-415>

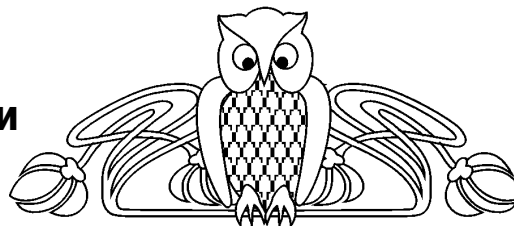
Cite this article as:

Stepanov Yu. G. «May God Save us From Living in a Fun Time...». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 411–415 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-411-415>

УДК 947.084. 21

Новое исследование о просветительской деятельности ученых-аграрников

Рецензия на книгу: Козлов С. А. Российские ученые-аграрники XIX – начала XX века : Историко-биографические очерки. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 967 с.

Ekaterina P. Barinova, <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>, Samara National Research University, 1 Akademika Pavlova St., Samara 443011, Russia, rfnz25@yandex.ru

П. С. Кабытов, Е. П. Барина

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, заведующий кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, don.kabytov2012@yandex.ru

Барина Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, rfnz25@yandex.ru

В рецензии дан анализ монографии С. А. Козлова, в которой представлена реконструкция биографий видных российских ученых, внесших большой вклад в разработку и внедрение в практику земледельческой деятельности новых агроприемов и рациональных методов ведения хозяйства, а также в пропаганду научных знаний и создание системы сельскохозяйственного просвещения в Российской империи в XIX – начале XX в. Отмечаются особенности авторского подхода, значимость проделанного историком исследования, обозначены дискуссионные вопросы. По мнению рецензентов, в монографии С. А. Козлова через биографии ученых-аграрников запечатлена панорама развития сельскохозяйственных знаний в Российской империи и их воздействие на аграрный сектор экономики страны.

Ключевые слова: ученые-аграрники, аграрная модернизация, агрономические знания, рациональные хозяйства, биографии, аграрная история.

Поступила в редакцию: 19.02.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

New Research about Educational Activity Scientists-Agrarians

P. S. Kabytov, E. P. Barinova

Book Review: Kozlov S. A. Russian Agricultural Scientists of the 19th – Early 20th Century: Historical and Biographical Essays. Moscow: Political Encyclopedia, 2019. 967 p.

Petr S. Kabytov, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, Samara National Research University, 1 Akademika Pavlova St., Samara 443011, Russia, don.kabytov2012@yandex.ru

The review gave an analysis of the monograph of S. A. Kozlov, which presented the reconstruction of biographies of prominent Russian scientists, having made a significant contribution to the development and implementation of new agricultural practices and sustainable farming practices, and also in promotion of scientific knowledge and creation of a system of agricultural education in the Russian Empire in XIX and early XX of centuries. Features of author's approach, the importance of the research done by the historian are noted, debatable questions are designated. According to reviewers, S. A. Kozlov's monograph through biographies of agricultural scientists shows the panorama of the development of agricultural knowledge in the Russian Empire and their impact on the agrarian sector of the economy of the country.

Keywords: Agricultural scientists, agrarian modernization, agronomic knowledge, rational farms, biographies, agrarian history.

Received: 19.02.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-416-420>

В серии «Экономическая история. Документы. Исследования. Переводы» в 2019 г. вышла фундаментальная монография ведущего научного сотрудника Института российской истории Российской академии наук, доктора исторических наук С. А. Козлова¹. Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-19-00184) и продолжает цикл работ автора, посвященных изучению проблем модернизации и рационализации сельского хозяйства в XIX – начале XX в.²

Как известно, в 30-е гг. XIX в. в российском обществе началась дискуссия о путях и темпах развития сельского хозяйства, его исторических основах и формах модернизации. Представители различных общественных течений, ученые и публицисты искали причины успехов и неудач аграрной модернизации России. Противоречивая государственная политика в аграрной сфере, осознание потребности формирования новых форм аграрных отношений, внедрения инноваций и эффективных способов ведения хозяйственной деятельности обусловили появление многочисленных проектов и программ совершенствования сельскохозяйственной деятельности. Однако, несмотря на колоссальное количество исторических трудов, посвященных различным проблемам аграрной истории, научная и хозяйственно-про-

светительская деятельность ученых-аграрников XIX – начала XX в. долгое время оставалась вне поля зрения исследователей.

В монографии С. А. Козлова представлены аналитические биографии плеяды ученых-практиков, подвижников своего дела, живущих чаяниями и нуждами сельского хозяйства Российской империи. Вновь подчеркнем научную значимость данного издания, так как их научное наследие длительное время не было востребовано и оказалось забытым в советскую эпоху. В этой связи автор ставит цель показать роль личности в развитии российской аграрной науки и сельскохозяйственной практики исследуемого периода, проследить влияние «персональной истории» на конкретную историческую эпоху. Вполне оправданным является то, что С. А. Козлов обратил внимание на малоизученные и дискуссионные проблемы: он попытался показать роль исследователей-новаторов в рациональном усовершенствовании отдельных отраслей сельского хозяйства, и реконструирует их деятельность в сфере народного образования и просвещения.

Особенно впечатляет колоссальная историографическая и источниковая база работы. Даже краткое перечисление исследователей аграрного строя России, истории сельскохозяйственной науки могло бы занять не одну страницу. Поэтому во «Введении» автор рецензируемой монографии лишь подчеркивает многообразие и противоречивость оценок, представленных в российской и зарубежной исторической науке. Однако рассуждения и выводы С. А. Козлова основаны на критическом анализе комплекса аграрной историографии и ключевых проблем сельского хозяйства России XIX – начала XX в., как конкретно-исторических, так и социокультурных. Об этом свидетельствует и библиография исследования, органично включающая в себя обширные примечания к тексту, в которых автор акцентирует внимание на дискуссионных проблемах. Объем библиографии практически равен объему текста и составляет 435 страниц (с. 498–933). Весьма внушителен указатель имен, который занимает еще 30 страниц.

С. А. Козлов выявил и проанализировал громадный пласт источников. Им использовано как историографическое, так и публицистическое наследие ученых-аграрников. В научный оборот введены делопроизводственные и другие материалы Московского общества сельского хозяйства. Существенно дополняют и расширяют представления о деятельности ученых-аграрников эго-документы, материалы периодической печати. Особое внимание автор уделяет изучению уникальных документов, позволяющих реконструировать процессы взаимодействия с органами советской власти ученых-аграрников, пытавшихся спасти от разорения рациональные хозяйства и опытные поля. Анализ этого документального массива содержит громадный объем исторической

информации, которую С. А. Козлов привлек для изучения взглядов и оценки практического вклада в модернизацию сельского хозяйства дореволюционных ученых аграрников. Персонализация исторического процесса позволила ему выявить тенденции в развитии теории и практики сельского хозяйства страны, проследить особенности внедрения научных знаний и новых приемов в практическую деятельность землевладельцев и крестьян. Позитивным является то, что при изучении биографий автор использует, кроме традиционных исторических методов междисциплинарный подход, творчески применяя методы социальной и социокультурной истории, а также концепции социальной психологии.

Монография построена по хронологическому принципу. Первая глава состоит из шести очерков, в которых представлены жизненный путь и деятельность подвижников, стоящих у истоков основания отечественной аграрной науки. В очерках приводятся сведения о фундаментальных опубликованных трудах ученых. Автор рассматривает основные вехи становления отечественной аграрной науки, выявляет факторы, оказавшие влияние на ее становление: развитие всероссийского аграрного рынка, начало промышленного переворота, изменения в общественном сознании.

Реконструкция процесса становления и развития системы научных знаний и сельскохозяйственного просвещения рассматривается С. А. Козловым как важнейшая ступень на пути формирования новых форм аграрных отношений, эффективных способов ведения хозяйственной деятельности, связанных с внедрением в сознание сельского населения научных знаний и новых приемов агрикультуры. Он отмечает, что помещное дворянство постепенно начало осознавать необходимость перестройки экономического строя своих имений, чему немало содействовала деятельность Московского общества сельского хозяйства и Вольного экономического общества.

Анализ воззрений и основных направлений деятельности ученых-аграрников первой половины XIX в.: М. Г. Павлова, Я. А. Линовского, С. М. Усова, И. Я. Илькинса, Е. А. Авдеевой, С. А. Маслова позволили С. А. Козлову проследить процесс накопления и трансляции сельскохозяйственных знаний. Так, основатель теории земледелия М. Г. Павлов был организатором и первым директором Московской земледельческой школы, основоположником опытного дела. Он тесно сотрудничал с «Земледельческим журналом». Дана высокая оценка деятельности таких ученых, как профессор и первый руководитель кафедры сельского хозяйства Санкт-Петербургского университета С. М. Усов, который был редактором «Земледельческой газеты», издателем газеты «Посредник»; агроном и писатель С. А. Маслов – бессменный секретарь Московского общества сельского хозяйства.

Отметим, что С. А. Козлов не акцентирует внимание читателя на личностных качествах своих героев и перипетиях их жизненного пути, они органично вписаны в его повествование о сложном пути становления аграрной науки. Автор стремится через анализ биографий ученых проследить изменения в сельском хозяйстве Российской империи. В очерке об Е. А. Авдеевой представлен живой образ замечательной русской женщины, «королевы кулинарии» и автора целого ряда статей и книг по различным хозяйственным вопросам.

Анализируя научные труды и публицистические статьи первых аграрников, С. А. Козлов отмечает их практическую значимость – направленность на пропаганду создания учебных ферм, образцовых крестьянских усадеб, сельскохозяйственных школ, применение передовых сельскохозяйственных технологий. Их труды были написаны в форме учебно-практического хозяйственного руководства. Разработка принципов и эффективной методики аграрных преобразований имела своей целью повышение доходности помещичьих имений, однако в той или иной мере эти научные идеи и реализация их на практике, так или иначе, изменяли социокультурную ситуацию в русской деревне. Новые хозяйственные культурные и психологические установки отличались жестким прагматизмом. Однако, несомненно, на воззрения ученых-аграрников оказывали влияние идеологические конструкты дореформенной эпохи и корпоративные интересы дворянства. Автор отмечает их противоречивость и подчеркивает значение и воздействие идеи патернализма на взаимоотношения крестьян и дворян.

Важное место в монографии уделено анализу основных тенденций формирования системы аграрной науки в пореформенный период. С. А. Козлов подчеркивает значение воздействия Великих реформ на этот процесс. Говоря об их незавершенном характере, он справедливо отмечает, что «ни крестьянство, ни дворянство оказались не в состоянии стряхнуть с себя «узы крепостничества» (хозяйственные, социальные и эмоционально-психологические)» (с. 197), что, несомненно, негативно сказалось на темпах модернизации аграрного сектора экономики.

Деятельность аграрников, чьи биографии представлены во второй главе монографии, объединяют общие черты: направленность на соединение теории и практики, внимание к аграрным традициям и новейшим достижениям российской и зарубежной науки и поиски «золотой середины». Этим проблемам, а также пропаганде передовой аграрной техники и технологий посвящены многочисленные статьи редактора журнала «Русское сельское хозяйство» М. В. Неручева, редактора «Земледельческой газеты» и журнала «Сельское хозяйство и лесоводство» Ф. А. Баталина и других авторов, публиковавшихся на страницах российской периодической печати. С. А. Козлов

приводит сведения о разносторонней деятельности М. В. Неручева на посту руководителя Бутырского учебно-опытного хутора МОСХ, в Бессарабской и Таврической губерниях. Анализ его проектов и трудов позволил автору прийти к выводу о том, что в качестве паллиативной меры для развития сельского хозяйства М. В. Неручев предлагал органично соединить широкомасштабную государственную помощь с развитием личной предпринимательской инициативы помещиков.

В монографии представлена активная деятельность ученых-аграрников по формированию системы сельскохозяйственного просвещения. По инициативе Ф. А. Баталина, А. С. Ермолова и других аграрников распространялись справочные сельскохозяйственные издания, которые способствовали внедрению инноваций в практику сельскохозяйственного производства³. С. А. Козлов подчеркивает значение просветительской деятельности земств и сельскохозяйственных обществ. На примере биографии статистика-агронома К. А. Вернера он показывает значение земской статистики для оценки уровня развития сельского хозяйства. Анализируя деятельность созданной П. А. фон Бильдерлингом в своем имении метеорологической, а затем опытной сельскохозяйственной станции, автор приходит к выводу о том, что научная и публицистическая работа ученых-аграрников, как правило, была связана с опытной работой.

Характерно, что С. А. Козлов не идеализирует своих героев. Он не только презентует их достижения, но и выявляет допущенные ими ошибки в теоретических построениях, просчеты в практической деятельности, показывает воздействие на поведение акторов социально-экономической и общественно-политической ситуации в стране.

На рубеже XIX–XX вв. противоречивые тенденции в развитии сельского хозяйства вызвали ожесточенную полемику о путях его развития, способах предотвращения сокращения дворянского земельного фонда. Представители консервативного направления – С. С. Бехтеев, А. С. Ермолов, А. Н. Павлов – пытались доказать необходимость принятия правительственных мер для поддержки дворянства как социальной опоры монархии. Причины «оскудения землевладельческого центра» они связывали с низким уровнем агротехники на крестьянских полях, невежественностью и нерадивостью крестьян. Петиционная деятельность дворянства не ограничивалась обращениями к правительственной помощи, постепенно стала разрабатываться новая правительственная экономическая программа. В этой связи правительство попыталось с помощью комиссий П. А. Валуева, В. К. Плеве и Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902 г.) выявить причины кризиса и определить основные направления аграрной реформы. В то же время имперская власть рассматривала сельскохозяйственное просвещение в качестве панацеи, с помощью которой

предполагалось ускорить модернизацию аграрного сектора страны. В качестве примера успехов земской агрономии С. А. Козлов рассматривает многогранную деятельность губернского агронома В. Г. Бажаева в различных уездах Московской губернии, ставшего впоследствии инициатором организации образцовых хозяйств в с. Мещерское и Шаповской сельскохозяйственной школе. По его мнению, предложенные В. Г. Бажаевым меры по внедрению крестьянского травосеяния на надельной земле были достаточно успешными и распространились по другим центрально-нечерноземным губерниям. Автор подчеркивает значение I съезда деятелей агрономической помощи населению, на котором были рассмотрены конкретные предложения по распространению сельскохозяйственных знаний среди крестьян.

С. А. Козлов отмечает влияние Первой русской революции на рост общественного сознания, изменение традиционного культурно-хозяйственного уклада деревни, распространение многочисленных сельскохозяйственных обществ и союзов, сельской кооперации. Осознание необходимости внедрения инноваций в сельскохозяйственную практику способствовало обсуждению аграрного вопроса как на региональном, так и на центральном уровне, появлению многочисленных проектов аграрных преобразований. Стремление к консолидации дворянства отразилось в программе «обновления» России, провозглашенной П. А. Столыпиным. Эта проблема рассматривается С. А. Козловым через призму деятельности убежденного консерватора, известного земского деятеля, уездного предводителя дворянства и члена Совета объединенного дворянства С. С. Бехтеева. Автор подчеркивает, что часть его инициатив и проектов была реализована на губернском уровне. Сам же автор этих проектов рассматривал их в качестве общегосударственных мер для реформирования сельского хозяйства: оказания финансовой помощи землевладельцам; строительства элеваторов, перехода к продуктивному животноводству, организации подтоварного хлебного кредита. Он последовательно проводил свои идеи как с трибуны губернских земских и дворянских собраний, так и на съездах уполномоченных губернских дворянских обществ. По инициативе С. С. Бехтеева был открыт первый в России хлебный элеватор в Ельце, он был одним из организаторов и активных участников объединения дворянства на общероссийском уровне. Подробно рассматривается фундаментальный трехтомный труд С. С. Бехтеева, направленный на анализ причин кризиса сельского хозяйства в Центрально-черноземных губерниях и защиту землевладения помещиков⁴. Автор монографии подчеркивает приверженность аграрника к традиционной патерналистской модели взаимоотношений крестьянства и дворянства (с. 358), и критикует правительственную политику в области сельского хозяйства. Детально разработанная С. С. Бехтеевым программа государствен-

ных мероприятий подразумевала эффективное стимулирование аграрной отрасли (с. 368).

Автор отмечает, что после Первой русской революции в широких масштабах реализовывались формы просветительской деятельности земств и сельскохозяйственных обществ. Новые знания транслировались путем издания и распространения журналов, книг и брошюр, организации выставок, создания опытных станций, хозяйств, полей и ферм. Все эти шаги способствовали внедрению в сознание сельского населения научных знаний и новых приемов агрикультуры. Высоко оценивает С. А. Козлов поистине подвижническую деятельность выдающегося российского животновода, предпринимателя, общественного деятеля и просветителя М. М. Щепкина, который стал одним из основателей и авторов зоотехнического журнала «Вестник животноводства». Он позитивно оценивает изменения в Земледельческой школе МОСХ, связанные с деятельностью М. М. Щепкина в качестве ее директора (1907–1920), а также его попытки сохранить племенное животноводство в сложнейших условиях 1917–1918 гг.

В преамбулах к главам и в «Заключении» монографии С. А. Козлов определяет значимость задач, стоявших перед аграрниками на каждом из этапов развития отечественной аграрной науки. Он акцентирует внимание на особенностях их теоретических взглядов и итогах практической деятельности, выявляет факторы, оказавшие влияние как на тенденции развития сельского хозяйства в России в XIX – начале XX в., так и на воззрения и практическую деятельность ученых. Автор реконструирует творческий путь ряда ведущих российских аграрников, прослеживает воздействие их концепций на развитие аграрной науки, просветительскую и рационализаторскую практику. Примечательно, что он проводит исторические параллели, показывает значимость оценок и выводов ученых-аграрников для современного состояния сельского хозяйства Российской Федерации.

Однако, оценивая позитивно проделанную С. А. Козловым работу, отметим, что, к сожалению, за пределами авторского внимания осталась такая важная проблема, как формы восприятия обществом аграрных проектов и мероприятий. Возникают вопросы: Насколько были востребованы идеи и деятельность отдельных энтузиастов, как к их подвижничеству относились на уровне губернии и уезда? Поддерживала ли их местная имперская администрация, земские деятели, представители дворянской корпорации? Как рационализаторские проекты оценивались крестьянами, положительно или как «ненужная блажь барина»?

Автор акцентирует внимание на успехах аграрной модернизации в начале XX в. в губерниях Центрального Нечерноземья, прежде всего в Московской, Ярославской и Вологодской губерниях (с. 284). Однако, на наш взгляд, процессы трансформации сельского хозяйства в Поволжье и Центрально-черноземных губерниях шли гораздо

интенсивнее, о чем свидетельствует и активная позиция дворянства и земских деятелей этих губерний, неоднократно выдвигавших проекты всеобщего объединения землевладельцев. Было бы интересно проследить отличия и сходство во внедрении аграрных инноваций в земледельческую практику этих регионов. Вместе с тем полагаем, что монография С. А. Козлова открывает новый вектор в изучении аграрной истории.

Примечания

¹ Козлов С. А. Российские ученые-аграрники XIX – начала XX века : Историко-биографические очерки. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 967 с.

² См.: Козлов С. А. Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX – начале XX в. : по материалам экономической печати. М. : Издат. центр ИРИ РАН, 2012. 576 с.

³ См.: Кабытов П. С. Отзыв о диссертации М. Д. Книга на тему : «Становление и развитие системы сельскохозяйственного просвещения в губерниях Европейской России (90-е гг. XIX в. 1917г.)», Воронеж, 2018. Представлена на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) // КЛИО. 2019. № 6 (150). С. 171–177.

⁴ См.: Бехтеев С. С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему : в 3 т. СПб. : Тип. т-ва М. О. Вольф, 1902–1911.

Образец для цитирования:

Кабытов П. С., Баринаева Е. П. Новое исследование о просветительской деятельности ученых-аграрников. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 416–420. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-416-420>

Cite this article as:

Kabytov P. S., Barinova E. P. New Research about Educational Activity Scientists-Agrarians. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 416–420 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-416-420>
